

*Журнал входит в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертации
на соискание ученой степени*

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.08.2023 Цена свободная
Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат
внутреннему и внешнему рецензированию

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гуцын Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИИ России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Экономические аспекты нового формирующегося миропорядка. Лизогуб А.Н., Тавасиева Л.А. 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Трансформация международных рестрикций в отношении Российской Федерации и экономическое развитие страны: медиаэффекты и публичный взгляд. Прокопов В.А. 9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Специфика формирования миграционной политики в современной России. Алиев Ш.О. 15
Анализ эволюции и мотивации политики развития Дальнего Востока России в новом столетии. Инь Сымэн, Бикернице А. 20
Ключевые этапы развития Турции в период правления Партии справедливости и развития. Кашченко Л.П. 27
Научная дипломатия России в Латинской Америке на примере Мексики. Курбатов Д.М. 35
Экологическая политика Тайваня и Китайской Народной Республики: сходства и различия. Маликова А.Е., Налимова Ю.С., Родионова У.Д., Околота Д.П., Яреха А.Н. 42
Женщины в истории Казахстана: от традиционных ролей к активному участию в политике. Серикжанова А.Т., Нуртазина Р.А., Серикжанова И.Т., Нагасбекова Б.С. 47
Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: перспективы и ограничения. Соина Ю.А. 55
Геополитическая конкуренция и сотрудничество Китая и России в Центральной Азии. Цзи Кайлай 62
Внешняя политика Турецкой Республики на современном этапе: нынешнее состояние и перспективы развития. Шахбазян С.А. 67

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Динамика йеменского конфликта в контексте обострения палестино-израильского конфликта. Кулаев Г.Т. 72
Урегулирование международных территориальных споров мирными средствами: теория и практика. Лапшина И.Е., Родионов И.Д. 77

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Влияние интернет-СМИ на формирование общественного мнения в политике. Саадулаева П.И. 83
Современные правовые аспекты денежного суверенитета государства. Шишмарев А.Н. 87

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Перспективные аспекты цифровизации в сфере реализации конституционных прав граждан на участие в законотворческом процессе. Емельянцева А.Э. 93

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Особенности защиты прав потребителей при перевозке пассажиров. Богданова А.Ю. 97
Особенности правового регулирования тарифообразования на пригородном железнодорожном транспорте (на примере АО «Свердловская пригородная компания»). Бронников С.А. 105
Убеждение судьи в системе факторов, влияющих на оценку доказательств в гражданском судопроизводстве. Галушко А.Ф. 111

Проблемы утверждения плана реструктуризации долгов гражданина. Плетнева Д.М. 117
Права и обязанности сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ. Подсушная М.В. 122
Критерии института малозначительности за неправомерные действия при банкротстве. Пузанов И.А. 127
Перспективы правового регулирования водородной энергетики: Россия и зарубежные государства. Якубов Э.З. 132

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Участие адвоката-защитника на судебном следствии в исследовании доказательств, полученных с использованием специальных знаний. Головкин М.Н. 138
Исторический путь становления и развития отечественной службы судебных приставов. Карева А.В. 142
Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания в части международного сотрудничества. Курносова В.М. 149

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Правовые модели защиты прав человека: евразийский подход. Крючков В.В. 156

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны беременных женщин. Волков А.А. 161
Гарантии прав человека при проведении биометрической идентификации в контексте уголовного права. Воронин И.С. 169
Ужесточение правовой ответственности за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов. Курносова В.М. 174
Уголовно-правовой анализ треш-стримов как разновидности агрессии в сети Интернет. Леонова Е.В. 178

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Применение инновационных технологий при охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Тарута А.Г. 181

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Нормативные ограничения при реализации технологического суверенитета в органах исполнительной власти. Балакишиева А.А., Бабаян Л.К. 187
Правовая идентификация причин банкротства организаций жилищно-коммунального хозяйства. Васильева И.В. 194
Зеленая сделка ЕС: содержание и проблемы реализации в современных условиях. Меджидов М.М. 203
Отвлечение внимания как метод манипуляции общественным сознанием в политическом процессе современной России. Мищук А.Ю. 208
Концепция «обратного снятия корпоративной вуали»: происхождение, правовая природа и применимость в российском праве. Панюшкин М.А. 213
Контроль за прямыми иностранными инвестициями в ЕС: перспектива для евразийского внутреннего рынка. Тарба А. 217
Правовое регулирование и перспективы развития интеллектуальной собственности. Колдаева Т.Н. 222

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Economic aspects of the new emerging world order.
Lizogub A.N., Tavasieva L.A. 4

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Transformation of international restrictions on the Russian Federation and the country's economic development: media effects and public view. Prokopov V.A. 9

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

- Specifics of the formation of migration policy in modern Russia. Aliyev Sh.O. 15
Analysis of the evolution and motivation of the development policy of the Russian Far East in the new century.
Yin Simen, Bikerniece A. 20
Key stages of Turkey's development during the rule of the Justice and Development Party.
Kashchenko L.P. 27
Scientific diplomacy of Russia in Latin America on the example of Mexico. Kurbatov D.M. 35
Environmental policy of Taiwan and the People's Republic of China: similarities and differences. Malikova A.E., Nalimova Yu.S., Rodionova U.D., Okolota D.P., Yarekha A.N. 42
Women in the history of Kazakhstan: from traditional roles to active participation in politics. Serikzhanova A.T., Nurtazina R.A., Serikzhanova I.T., Nagasbekova B.S. 47
Energy cooperation of the BRICS countries: prospects and limitations. Soina Yu.A. 55
Geopolitical competition and cooperation between China and Russia in Central Asia. Ji Kailai 62
Foreign policy of the Republic of Turkey at the present stage: current state and development prospects.
Shakhbazyan S.A. 67

CONFLICT STUDY

- Dynamics of the Yemeni conflict in the context of the aggravation of the Palestinian-Israeli conflict.
Kulaev G.T. 72
Settlement of international territorial disputes by peaceful means: theory and practice. Lapshina I.E., Rodionov I.D. 77

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL MANAGEMENT

- The influence of online media on the formation of public opinion in politics. Saadulaeva P.I. 83
Modern legal aspects of the monetary sovereignty of the state. Shishmarev A.N. 87

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

- Promising aspects of digitalization in the sphere of realization of constitutional rights of citizens to participate in the legislative process.
Emelyancev A.E. 93

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Features of consumer protection during passenger transportation. Bogdanova A.Yu. 97

- Features of legal regulation of tariff formation on suburban railway transport (on the example of JSC "Sverdlovsk Suburban Company"). Bronnikov S.A. 105
Conviction of a judge in the system of factors influencing the assessment of evidence in civil proceedings.
Galushko A.F. 111
Problems of approving a plan for restructuring a citizen's debts. Pletneva D.M. 117
Rights and obligations of the parties to the agreement on the network form of implementation of educational programs. Podsushnaya M.V. 122
Criteria of the institute of insignificance for illegal actions in bankruptcy. Puzanov I.A. 127
Prospects for legal regulation of hydrogen energy: Russia and foreign countries. Yakubov E.Z. 132

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Participation of a defense attorney during a trial in examining evidence obtained using specialized knowledge. Golovko M.N. 138
The historical path of formation and development of the domestic bailiff service. Kareva A.V. 142
Prosecutor's supervision of the procedural activities of preliminary investigation and inquiry bodies in terms of international cooperation. Kurnosova V.M. 149

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Legal models for the protection of human rights: the Eurasian approach. Kryuchkov V.V. 156

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- Current issues of criminal-legal protection of pregnant women. Volkov A.A. 161
Guarantees of human rights during biometric identification in the context of criminal law. Voronin I.S. 169
Tightening of legal liability for violation of requirements for anti-terrorist protection of objects.
Kurnosova V.M. 174
Criminal-legal analysis of trash-streams as a type of aggression on the Internet. Leonova E.V. 178

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

- Application of innovative technologies in the protection of public order during mass events. Taruta A.G. 181

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

- Regulatory restrictions in the implementation of technological sovereignty in executive bodies.
Balakishieva A.A., Babayan L.K. 187
Legal identification of the causes of bankruptcy of housing and communal services organizations.
Vasilyeva I.V. 194
EU Green Deal: content and problems of implementation in modern conditions. Medzhidov M.M. 203
Distraction as a method of manipulating public consciousness in the political process of modern Russia. Mishchuk A.Yu. 208
The concept of "reverse lifting of the corporate veil": origin, legal nature and applicability in Russian law.
Panyushkin M.A. 213
Foreign Direct Investment Controls in the EU: Prospects for the Eurasian Internal Market. Tarba A. 217
Legal regulation and prospects for the development of intellectual property. Koldaeva T.N. 222

Экономические аспекты нового формирующегося миропорядка

Лизогуб Алексей Нестерович

кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры тылового обеспечения и финансового контроля ОВД, Краснодарский университет МВД России, lizogub26@yandex.ru

Тавасиева Любовь Афакоевна

доцент, главный специалист Управления учебно-методической работы, Краснодарский университет МВД России

В статье описаны некоторые подходы к описанию и классификации системы международных отношений. Отмечается, что мультиполярность представляет собой единственно возможную альтернативу мирного сосуществования цивилизаций. Сделан вывод о наличии в мировой геополитике двух ключевых тенденций: политизации экономики и «экономизации» политики. Выявлена специфика взаимосвязи компонентов триады «энергетика – экономика – политика» в контексте формирования нового миропорядка. Представлены перспективы отказа от ископаемого топлива. Описаны процессы и явления, указывающие на фрагментацию мирового геополитического пространства.

Ключевые слова: геополитика, миропорядок, глобализация, деглобализация, фрагментация, экономика, энергетика

Геополитика, фиксирующая политические факты и тенденции и представляющая объяснение и анализ этих фактов и тенденций, выступает на сегодняшний день одной из наиболее значимых в прикладном плане научных дисциплин [5, с. 150]. Геополитические явления и процессы оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, на функционирование бизнеса и государства.

Геополитика в большинстве случаев фокусируется на наднациональных трендах, обращается к вопросам формирования глобальных полюсов и миропорядка в целом. В данной связи ключевой интерес для геополитических исследований представляют условные группы государств, входящих в те или иные экономические и политические блоки. В рамках классических представлений страны разделялись на державы суши и моря – теллуократии и талассократии. Сухопутные державы, к которым принято относить и Россию, традиционно стремились к консерватизму и укреплению традиционного уклада, к сохранению существующих территорий и привычных механизмов реализации власти. Морские державы, напротив, проявляли динамизм, новаторство, склонность к экспансии – культурной, экономической, территориальной [10, с. 39].

Впоследствии исследователи стали все чаще рассматривать геополитическую систему как совокупность противопоставленных и в то же время взаимосвязанных полюсов – цивилизаций Запада и Востока, США и СССР, государств Юга и Севера и т. п. После распада СССР большинство исследователей констатировали становление однополярной американской гегемонии. Спустя десятилетие в политической риторике лидеров стран стали все чаще звучать умозаключения о необходимости создания многополярного мира, для чего требуется запуск процессов совместного творчества стран.

Возникли концепции коллективного, кооперативного глобального управления на основе гибких сетевых систем, ячейками которой выступали бы международные организации, торгово-экономические, информационные, телекоммуникационные, транспортные и иные системы [6, с. 52]. Конечно, подобные декларативные заявления столкнулись со множеством реальных препятствий. Тем не менее, идея о том, что мировая система вполне может быть полицентричной, а сами центры ее диверсифицированными, заслуживает внимания. Можно предположить, что мультиполярность представляет собой,

хоть и труднодостижимую, но единственно возможную альтернативу мирного сосуществования цивилизаций.

Сегодня даже небольшие – по политическому и экономическому весу, по территории, по объему вооружений – страны пытаются занимать самостоятельную позицию в глобальном геополитическом пространстве. Данные процессы, по мнению некоторых специалистов, следует воспринимать как попытку восстановить национальное государство в его конвенциональной интерпретации или даже как стремление возродить Вестфальскую систему международных отношений. Тем не менее, многие небольшие страны де факто управляются извне, а их суверенитет есть не что иное, как мнимая, формальная независимость.

Экономика, финансовые и торговые связи как ключевой фактор формирования нового мирового устройства.

Все чаще геополитические процессы обусловлены экономическим интересом. Можно говорить о двух ключевых тенденциях мировой геополитики: политизации экономики и «экономизации» политики.

Экономическая мощь государства является ключевым фактором его политической независимости и автономии. Страны с сильной экономикой обладают большими ресурсами для поддержки своих внешнеполитических амбиций, что позволяет им оказывать существенное влияние на международные процессы. Например, Соединенные Штаты и Китай, обладая значительными экономическими ресурсами, проводят активную внешнюю политику, направленную на укрепление своих позиций в различных регионах мира.

Сильная экономика позволяет странам беспрепятственно входить в выгодные для них альянсы и коалиции, что, в свою очередь, является важным инструментом в геополитической борьбе. Экономические связи между странами способствуют формированию устойчивых блоков и союзов, которые могут существенно изменить баланс сил на международной арене. Примером может служить Европейский Союз, который благодаря экономической интеграции своих членов смог на сегодняшний день стать значимым геополитическим игроком. Также следует отметить, что развитые экономики оказывают воздействие на мировые рынки и финансовые потоки, что позволяет им диктовать условия и правила игры на международной арене.

Экономика является одним из основных показателей общего имиджа геополитического субъекта и ее потенциала как одного из будущих мировых «центров притяжения». Полюсом может стать только то государство, которое сочетает в себе экономическую, оборонную и политическую мощь. Так, в частности, в перечни (перечень, А.Л.) экономических лидеров планеты принято включать США, Германию, Италию, Японию, но, при этом, статус геополитического полюса имеет лишь США, так как именно эта страна обладает высокой военной мо-

щью. Северная Корея, в свою очередь, обладает военной мощью, но слабость экономики не позволит ей занять место одного из мировых лидеров [7, с. 140]. Несомненно, в будущем один из полюсов будет представлен Китаем – особенно если учесть то, какими темпами Китайская Народная Республика аккумулирует военные силы, развивает экономику и промышленность, входит в состав влиятельных интеграционных образований и наращивает политический вес. Безусловно, фундаментом для подобного геополитического успеха стало «экономическое чудо», наблюдаемое в Китае ранее.

Экономическое развитие влияет на процветание общества, на специфику социальной стратификации, на социальное благополучие, на прирост интеллектуального капитала и качество инновационного развития страны. Кроме того, имеет значение о то, каким образом было достигнуто экономическое благополучие: так, если экономика страны относительно автономна, ее положение на мировой арене будет более стабильным, а если экономика развивается быстро лишь за счет интеграции товарных и промышленных цепочек в общемировые системы, ее положение в ситуации потенциального конфликта окажется крайне шатким. Так, к примеру, российский рынок является зависимым от иностранного экспорта, что привело к экономической рецессии в связи с наложением санкций. Геополитическое пространство, таким образом, формируется под влиянием экономических соображений (фактора, А.Л.) и, с другой стороны, само формирует новую экономическую систему.

В данном контексте следует принимать во внимание три вида экономики – товарную, финансовую и виртуальную. Как правило, каждая из стран ставит акцент на одном из трех направлений развития национальной экономической системы. Первый тип экономики базируется на производстве и реализации за рубежом и на внутренний рынок товара – нефти, газа, удобрений, продуктов питания, продукции машиностроения, зерна, бытовой техники. Примерами такой экономики являются Россия и Китай. Финансовая экономика генерирует деньги, и флагманом данного типа экономики традиционно принято считать США, где основной экспортный продукт – деньги. Третий тип экономик представлен доминированием образовательных, туристических и иных услуг, IT, научных открытий и патентов (Западная Европа, Япония и проч.) [7, с. 141].

Понимание того, что каждая из стран мира отвечает лишь за один из сегментов производства, (трех типов экономики, А.Л.) позволяет заключить, что политическая взаимозависимость стран будет в любом случае иметь экономическую подоплеку. Страны, специализирующиеся на экспорте продукта, будут нуждаться в технологиях, что вынудит их проводить интеграционные мероприятия со странами «технологического» уклада – в том числе и на уровне официальных властных ведомств и глав государств. Кроме того, страны, которые ведут агрессивную политику против определенного государства, будут учитывать тип его экономики – для последующих санкций, направленных на те ресурсы,

которые традиционно поставлялись из-за рубежа. Современные реалии имеют множество примеров подобных переплетений политики и экономики и отражают всю суть текущей геополитики. При этом все вышеописанные процессы и вышеизложенные тезисы вполне согласуются и с классическим представлением о международном разделении труда.

Значение триады «энергетика – экономика – политика» в формировании нового миропорядка

Энергетические ресурсы уже достаточно давно используются в качестве одного из геополитических рычагов. Как показывают исторические события, угольная и паровая энергетика обусловили промышленную революцию в странах Запада, что в последствии надолго укрепило экономики многих стран и обеспечило их экономическое, финансовое, технологическое превосходство на мировой арене. По мнению множества специалистов, именно энергетика сформировала геополитику XIX и XX вв.

В последующем на первый план вышла нефть – как источник энергии и основной фактор развития экономики и торговли. В течение XX в. именно география мировых запасов нефти, природного газа и угля стала решающим фактором экономического процветания одних стран и нищеты в других. Таким образом нефть опосредованно (через экономическое развитие) и напрямую (через поставки нефтепродуктов) повлияла на формирование международного геополитического ландшафта и т.н. «зон влияния».

Уже в начале 2000-х гг. в риторике международных организаций и среди политических элит многих стран мира можно было встретить заявления о том, что в скором времени влияние энергетического фактора ощутимо сократится или же исчезнет в принципе. Тем не менее, спустя 2 десятилетия, фактор локации нефтепродуктов и смежные с ним аспекты все также детерминируют векторы формирования миропорядка.

Тотальному переходу от ископаемого топлива к возобновляемым источникам не суждено случиться в ближайшие десятилетия. Тем не менее, если этот переход все же произойдет, это приведет к трансформации глобальных отношений и, возможно, к формированию новых полюсов силы. Энергетика будущего будет развиваться на основе технологий и в меньшей степени зависеть от природных ресурсов, поэтому в выигрыше останутся страны с высоким потенциалом технологического развития.

Возможно, фактор энергетики в экономике и политике действительно несколько снизится, ведь возобновляемые источники энергии доступны в той или иной степени в большинстве стран мира, тогда как запасы ископаемого топлива сконцентрированы на ограниченных территориях и акваториях. Борьба за ископаемые источники энергии вызвана в том числе их конечным характером, потенциалом скорого исчерпания, тогда как большинство возобновляемых источников энергии являются потоками, а не запасами [3, с. 49].

С одной стороны, энергетический переход может существенно ослабить страны, получающие доходы из т.н. нефтяной ренты. Речь идет о том, что государства-нефтеэкспортеры финансируют из доходов от нефтяного экспорта базовые потребности населения, социальные стратегии, образование, здравоохранение, развитие инфраструктуры, в ряде случаев – социальные пособия и заработные платы [3, с. 50]. Истощение доходов приведет к тому, что все эти стратегически значимые сферы станут недофинансированными. Отсутствие финансирования, как показывает зарубежная практика, генерирует волны недовольств и протестов со стороны общественности, повышает уровень безработицы и социального иждивенчества, порождает трудовую миграцию. Все эти факторы приведут к резкому экономическому спаду и, как следствие, к утрате политического влияния государства. Как очевидно, для России эти риски как никогда актуальны.

С другой стороны, отказ от ископаемого топлива может благотворно повлиять на геополитическую систему в целом: нефть перестанет быть источником непрекращающейся борьбы и причиной перманентной нестабильности в регионах Южно-Китайского моря, Восточного Средиземноморья, Персидского залива, Западной и Северной Африки. Связь между компонентами триады «политика – экономика – энергетика» существенно ослабнет, так как энергетическая безопасность страны перестанет зависеть от ее статуса в системе политических блоков, картельных соглашений, санкций, локальных вооруженных конфликтов, пиратства, международного терроризма.

Фрагментация глобального экономического пространства

Формирование нового миропорядка происходит, как отмечено выше, в контексте создания мультиполярного мира, что, в свою очередь, ожидаемого вызывает недовольство тех акторов, которые имели наибольший вес в существующей ранее монополярной геополитической парадигме. Постепенная кристаллизация мультиполярной системы вынуждает глобальных акторов активизировать взаимный диалог по условиям равноправных многосторонних отношений. Подобный переход к мультиполярности вызывает тенденцию взаимной напряженности и турбулентности в устоявшихся международных связях. На современном переходном этапе геополитика «вернулась сегодня в самом отвратительном виде – со взаимными угрозами, подозрениями и предрассудками» [4, с. 30]. Во многих случаях происходит дробление единого информационно-политического и товарно-экономического пространства. Подобное дробление все чаще именуется в политическом дискурсе и научной литературе деглобализацией [2, с. 7].

Ранее принято было считать, что глобализация выступает предопределенным и неизбежным процессом, но сегодня мы становимся очевидцами того, что глобализация обратима, особенно при условии

укрепления национальных и политических идентичностей, которые противостоят процессу экономической и политической вестернизации [9, с. 47].

Фрагментация мирового геополитического пространства представляет собой процесс, при котором происходит разделение глобальной системы международных отношений на отдельные, часто конкурирующие друг с другом блоки, союзы и регионы. Этот процесс связан с изменением баланса сил, ростом региональных амбиций и усилением влияния негосударственных акторов. Фрагментация мирового экономического пространства есть следствие вышеотмеченной политизации экономики. Разрыв единого торгового, финансового и экономического пространства ускоряется протекционистскими мерами со стороны различных государств, торговыми войнами, введением тарифов и квот, ограничением доступа к стратегическим ресурсам и технологиям, принудительными разрывами глобальных производственных цепочек [8, с. 166]. Так, в частности, США неоднократно демонстрируют шаги, направленные на реализацию стратегии изоляции китайского рынка от передовых западных технологий и полупроводниковых комплектующих [1, с. 13]. В качестве реакции на политические и экономические риски компании и государства стремятся диверсифицировать свои производственные цепочки, что приводит к их регионализации и локализации.

В условиях фрагментации наблюдается рост региональных экономических союзов и неформальных блоков, которые, с одной стороны, способствуют укреплению экономических связей внутри регионов, но с другой – могут создавать барьеры для взаимодействия с внешними партнерами.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Мировая система вполне может быть полицентричной, а ее центры – диверсифицированными. Мультиполярность представляет собой единственно возможную альтернативу мирного сосуществования цивилизаций.

2. Все чаще геополитические процессы обусловлены экономическим интересом. Можно говорить о двух ключевых тенденциях мировой геополитики: политизации экономики и «экономизации» политики.

3. Энергетические ресурсы по-прежнему используются в качестве одного из геополитических рычагов. Отказ от ископаемого топлива может благотворно повлиять на геополитическую систему в целом: нефть перестанет быть источником непрекращающейся борьбы.

4. Фрагментация мирового геополитического пространства представляет собой процесс, при котором происходит разделение глобальной системы международных отношений на отдельные, часто конкурирующие друг с другом блоки, союзы и регионы.

Литература

1. Арзаманова, Т. Ревизия мировой системы: от геополитики нефти и газа к «геополитике чипов» / Т.

Арзаманова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2022. – №67 (83). – С. 9-17.

2. Арутюнян, Г. Некоторые особенности мультиполярной системы / Г. Арутюнян // 21-й век. – 2016. – №1 (38). – С. 5-18.

3. Борисов, М. Г. Новая энергетика и геополитика / М. Г. Борисов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – №5-1. – С.49-54.

4. Гринберг, Р. С. Размышления об экономике и геополитике / Р. С. Гринберг // ЭВР. – 2016. – №2 (48). – С. 30-31.

5. Жихарева, И. А. Методы геополитики в современном мире / И. А. Жихарева, Д. Р. Хот // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – №6-1. – С. 150-153.

6. Крайнов, Г. Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе / Г. Н. Крайнов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2015. – №1 (42). – С. 47-54.

7. Марков, А. А. Социальная адаптация в условиях геополитических противоборств / А. А. Марков, Г. В. Краснова, А. А. Марков // Известия СПбГЭУ. – 2022. М №4 (136). – С. 138-143.

8. Смирнов, Е. Н. Противоречия экономической политики в условиях новых рисков и вызовов развития мировой экономики / Е. Н. Смирнов // Управление. – 2023. – №2. – С. 156-169.

9. Смутко, А. Н. Глобализация как основной фактор в формировании современного геополитического пространства / А. Н. Смутко, Ж. К. Асанов, Т. Т. Эргешова // Кронос: общественные науки. – 2021. – №2 (22). – С. 45-49.

10. Шаяхметова, А. Геополитика и геоэкономика: путь российской Федерации в первой половине XXI века / А. Шаяхметова, М. А. Тихомирова // Скиф. – 2018. – №9 (25). – С. 38-43.

Economic aspects of the new emerging world order

Lizogub A.N.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article describes some approaches to the description and classification of the system of international relations. It is noted that multipolarity is the only possible alternative for the peaceful coexistence of civilizations. A conclusion is made about the presence of two key trends in world geopolitics: the politicization of the economy and the economization of politics. The specifics of the relationship between the components of the triad «energy – economy – politics» in the context of the formation of a new world order are revealed. Prospects for abandoning fossil fuels are presented. The processes and phenomena indicating the fragmentation of the world geopolitical space are described.

Keywords: geopolitics, world order, globalization, deglobalization, fragmentation, economy, energy

References

1. Arzamanova, T. Revision of the world system: from the geopolitics of oil and gas to the "geopolitics of chips" / T. Arzamanova // European security: events, assessments, forecasts. - 2022. - No. 67 (83). - P. 9-17.

2. Harutyunyan, G. Some features of the multipolar system / G. Harutyunyan // 21st century. - 2016. - No. 1 (38). - P. 5-18.
3. Borisov, M. G. New energy and geopolitics / M. G. Borisov // Greater Eurasia: development, security, cooperation. - 2022. - No. 5-1. - P. 49-54.
4. Grinberg, R. S. Reflections on economics and geopolitics / R. S. Grinberg // EVR. - 2016. - №2 (48). - P. 30-31.
5. Zhikharev, I. A. Methods of geopolitics in the modern world / I. A. Zhikharev, D. R. Khot // Economy and business: theory and practice. - 2022. - №6-1. - P. 150-153.
6. Kraynov, G. N. Evolution of the system of international relations and its features at the present stage / G. N. Kraynov // Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanities. - 2015. - №1 (42). - P. 47-54.
7. Markov, A. A. Social adaptation in the context of geopolitical confrontations / A. A. Markov, G. V. Krasnova, A. A. Markov // Bulletin of St. Petersburg State University of Economics. - 2022. M №4 (136). - P. 138-143.
8. Smirnov, EN Contradictions of economic policy in the context of new risks and challenges of global economic development / EN Smirnov // Management. - 2023. - №2. - P. 156-169.
9. Smutko, AN Globalization as the main factor in the formation of modern geopolitical space / AN Smutko, Zh. K. Asanov, TT Ergeshova // Kronos: social sciences. - 2021. - №2 (22). - P. 45-49.
10. Shayakhmetova, A. Geopolitics and geoeconomics: the path of the Russian Federation in the first half of the 21st century / A. Shayakhmetova, MA Tikhomirova // Skif. - 2018. - №9 (25). - P. 38-43.

Трансформация международных рестрикций в отношении Российской Федерации и экономическое развитие страны: медиаэффекты и публичный взгляд

Прокопов Владислав Андреевич

аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, prokopov_vlad@mail.ru

Одной из актуальных тем, регулярно обсуждаемых в российских печатных и онлайн-СМИ, являются антироссийские санкции, введенные Западом. С момента ухудшения отношений между Украиной, Западом и Россией из-за аннексии Крыма в 2014 году этому вопросу было посвящено множество исследований в области медиаполитики и массовых коммуникаций, а также работ на пересечении с политологией, экономикой и социологией. После начала специальной военной операции (СВО) интерес к теме санкций со стороны редакций и аудитории значительно возрос. Тем не менее, поскольку новый этап санкционной борьбы против России начался относительно недавно, он пока недостаточно освещен в научной литературе.

Ключевые слова: санкции, медиатрансформация, медиаэффекты, международные рестрикции.

В современном мире санкции становятся ключевым политическим инструментом. Они представляют собой меры, применяемые одним государством в отношении другого или его руководства с целью оказания давления — политического, экономического или дипломатического. К таким мерам могут относиться запреты на въезд, замораживание активов высокопоставленных чиновников, торговые ограничения, поддержка военных действий, разрыв дипломатических отношений и другие действия.

Экономические санкции служат средством, с помощью которого государства или международные организации оказывают давление на другие страны или отдельных лиц для достижения определённых политических или экономических целей. Р.Н. Соколов определяет санкции как «ограничительные меры экономического и политического характера, применяемые одной страной или группой стран к другой стране или группе стран с целью заставить правительства этих стран изменить свою политику» [1, с. 112].

Долговременные санкции могут усугублять экономическое неравенство, поскольку они ограничивают доступ людей к ресурсам и возможностям, увеличивают уровень безработицы и снижают качество жизни. О.С. Мариев, И.В. Савин и Н.С. Тепляков отмечают связь между санкциями и экономическим неравенством, утверждая: «Экономические санкции были и остаются распространённым инструментом внешней политики, используемым многими странами для требования изменений в действиях конкретного государства. Главная цель введения санкций — нанести достаточный экономический ущерб для принуждения объекта к изменению политики» [2, с. 364].

По состоянию на 7 марта 2022 года Россия стала мировым лидером по количеству наложенных санкций, обойдя Иран. Конфликт между Россией и западными странами негативно сказывается на решении других международных проблем. При этом СМИ активно влияют на распространение как негативной, так и позитивной информации, что значительно усугубляет ситуацию. Совокупность текстов о санкциях формирует так называемый санкционный дискурс, который включает все высказывания и действия в рамках политических обсуждений об ограничительных мерах, направленных на нанесение ущерба или изменение политики другой страны в интересах инициатора санкций.

С развитием СМИ и расширением интернет-пространства медиадискурс стал неотъемлемой частью нашей жизни. Введение терминов «медиадис-

курс» и «массмедийный дискурс» в научный лексикон подчеркивает растущее признание важности изучения и анализа медиа-сообщений, их влияния на общественное мнение и формирование смыслов в массовой культуре. Этот термин укореняется в научном сознании благодаря активному интересу к роли масс-медиа в формировании общественного дискурса.

Между тем, важно отметить, что произошли трансформации в процесс медиапотребления информации и ключевых источников. Перемещение аудитории между социальными сетями на глобальном уровне произошло в результате блокировки в России таких крупных платформ, как Facebook и Instagram. В марте 2022 года Роскомнадзор вместе с Генеральной прокуратурой инициировали судебный процесс, по итогам которого компания Meta Platforms Inc., управляющая этими соцсетями, была признана экстремистской организацией и лишена права вести свою деятельность на территории России. Основной причиной стали случаи предвзятой модерации, допускающей размещение контента с призывами к насилию в отношении российских военных, участвующих в специальной операции. Помимо этого, Роскомнадзор ограничил доступ к Twitter, сославшись на распространение большого количества недостоверной информации. После того как в российское законодательство были внесены поправки, предусматривающие до 15 лет лишения свободы за дискредитацию армии и распространение «фейковых» новостей, TikTok принял решение самостоятельно приостановить свою работу в России.

Мнения россиян по поводу введенных ограничений разделились. Согласно опросу, проведенному ФОМ, 31% участников опроса полагают, что блокировка сайтов, социальных сетей и приложений оправдана и необходима. В то же время 27% респондентов выразили несогласие с такими мерами. Оставшиеся 42% либо не смогли определиться с ответом, либо указали, что не пользуются интернетом [8].

После блокировки платформ их аудитория значительно уменьшилась и переместилась на другие социальные сети (рис. 1). Telegram продемонстрировал наибольший прирост пользователей, став одним из основных источников новостного контента. ВКонтakte также показал рост аудитории, хотя и не столь значительный, благодаря своему статусу одной из самых популярных соцсетей. Охват Одноклассников остался практически на прежнем уровне. Наиболее заметное сокращение пользователей произошло у Instagram, который до блокировки составлял 15-20% от общего потребления социальных сетей.

Не стоит исключать возможность обратных процессов. В Госдуме уже дважды поднимался вопрос о восстановлении доступа к Instagram (принадлежит Meta, запрещена на территории РФ). Основные доводы заключаются в ущербе, который наносится малому бизнесу, а также в трудностях сбора средств для благотворительных организаций, включая государственные мнения.

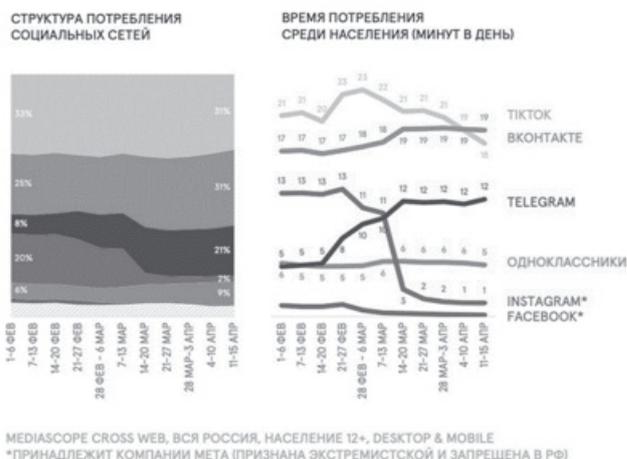

Рисунок 1. Схема потребления социальных сетей среди россиян

Другим аргументом в пользу возможной разблокировки могут быть выводы исследования, проведенного в Институте социологии ФНИСЦ РАН. В нем оспаривается популярное мнение о том, что среди пользователей интернета и социальных сетей усилилось критическое отношение к власти и выросла протестная активность. Исследователи утверждают, что по уровню радикальности мнений респонденты, черпающие информацию из интернета и соцсетей, не отличаются от тех, кто в основном смотрит телевидение [4, с. 638].

Оценки текущей ситуации среди аудитории социальных медиа (54%) и телезрителей (49%) практически совпадают, обе группы считают ее кризисной и напряженной. Примерно треть участников опроса в обеих группах (30%–34%) рассматривают положение в стране как нормальное. Процент тех, кто видит ситуацию как катастрофическую, также близок: 8%–11% среди пользователей цифровых медиа и телезрителей [Там же, с. 639].

Текущие социально-политические условия, сопровождаемые постоянным ростом тревожности и неопределенности по поводу будущего (рис. 2) [8], способствуют увеличению распространения слухов и провокационных сведений. В такой обстановке особое значение приобретают каналы, которые предоставляют достоверную и легко воспринимаемую информацию. В результате надежные источники становятся ключевыми для работы государственных структур. Тем не менее, стоит отметить, что ответы, получаемые гражданами, не всегда содержат исчерпывающую информацию по заданным вопросам.

Сегодня главными источниками языкового обновления являются медиа, которые освещают актуальные события и способствуют появлению новых лексем, необходимых для понимания политически и социально значимых вопросов.

Кроме того, необходимо отметить семантической трансформации номинации «санкции».

В последние годы термин «санкции» стал особенно значимым. Его активное употребление в медийном пространстве началось в марте 2014 года, когда западные страны ввели ограничения против России после присоединения Крыма [1, с. 629]. С тех

пор интерес к этому термину возрастал в периоды ужесточения и продления санкций. По данным сервиса «Яндекс Wordstat» (рис. 3), наибольший всплеск запросов на это слово произошел в марте 2022 года, когда количество поисковых запросов превысило 10 миллионов.

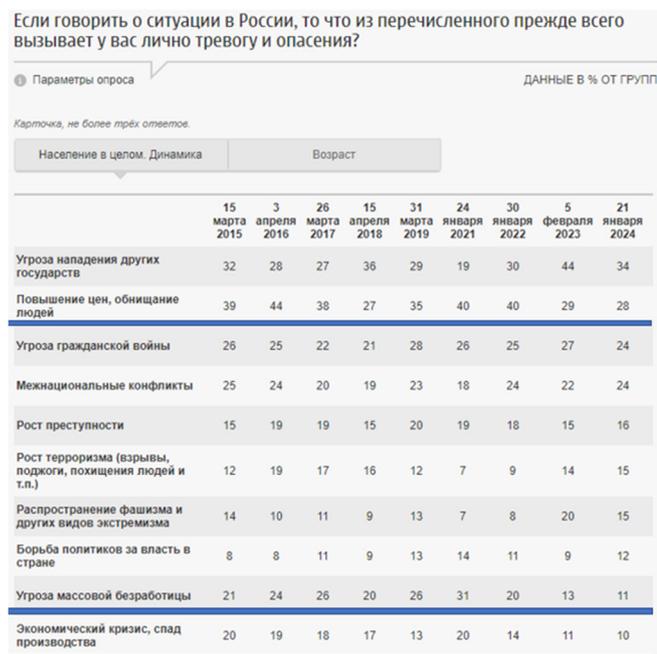

Рисунок 2 ФОМ: что вызывает тревогу у россиян

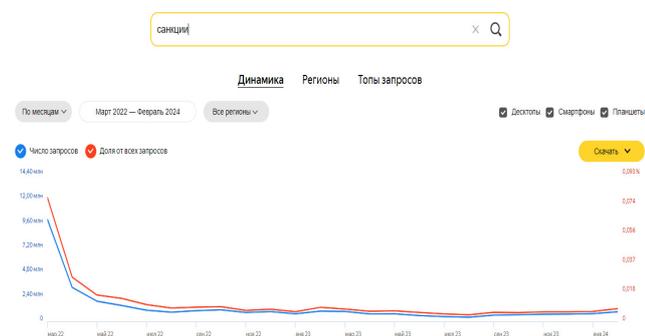

Рисунок 1. Данные Яндекс Wordstat по запросу слова «санкции»

Медиа активно освещают вопросы политических санкций, регулярно публикуя новостные обзоры и создавая специализированные разделы, известные как «topic pages» (рис. 4), где детально представлена динамика событий. Такие разделы можно найти у крупных информационных агентств, например, на ТАСС («Санкции в отношении России»), Интерфаксе («Война санкций») и РБК («Путеводитель по санкциям и ограничениям против России. Главное»).

Слово также активно используется в социальных сетях. Например, во ВКонтакте появляются группы с названиями «Народные санкции», «Санкции: Запад vs РФ», «Санкции против Барака Обамы», «Наш ответ на санкции США», «Бумеранг: народный ответ на санкции» и др (рис. 5). Здесь же можно встретить множество карикатур и мемов, которые превратились в язык коммуникаций. Они помогают пользова-

телям осмыслить введение политических ограничений против России и иронизировать над возможными ответными действиями против США и стран Евросоюза.

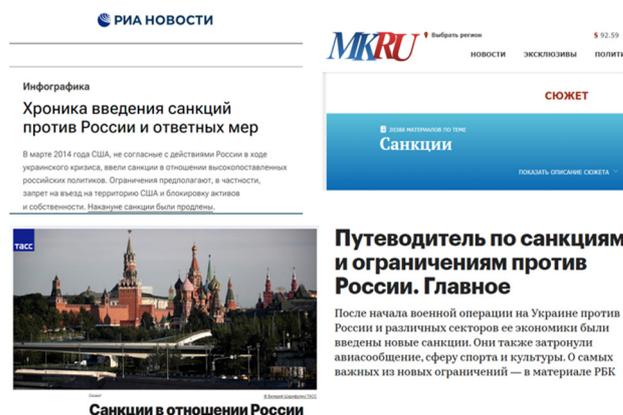

Рисунок 4 Заголовки федеральных изданий на фоне введения антироссийских санкций

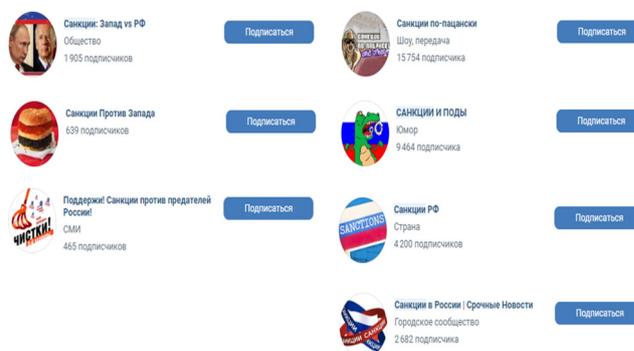

Рисунок 5. Примеры пабликов во ВКонтакте, связанных с темой санкций

Таким образом, можно сделать вывод относительно дефиниции слова «санкции»: до 2014 – Основное значение – наказание, меры применяемые к человеку за проступок, преступление.

С 2014 – во второстепенном, неосновном значении – ограничения, которые вводятся по отношению к государству.

С 2022 в своем бытии оно осмысляется в следующих значениях:

- 1) наказание, меры воздействия на нарушителя в какой-либо сфере, подразумевающие неблагоприятные последствия для него;
- 2) причины изменений в экономической сфере;
- 3) инструмент давления и манипулирования во внешней политике.

Одним из ключевых социально-политических процессов, наблюдаемых при анализе изменений в политическом сознании россиян в условиях ужесточения западной санкционной политики, является усиливающаяся сплоченность общества. Это выражается, прежде всего, в высоком уровне поддержки действующей власти и одобрении её решений.

И чиновники, и эксперты утверждают, что западные санкции привели к противоположному эффекту — к усилению единства среди россиян.

Чтобы проверить гипотезу о наличии этого явления в современных условиях, важно сначала определить, что подразумевается под социальной консолидацией. Этот процесс включает интеграцию индивидов в определённые социальные группы или общество в целом на основе общих ценностей, интересов и потребностей. В отличие от других форм социальных объединений, консолидация предполагает особую степень сплоченности, выражающуюся в наличии осознанных общих целей и схожих оценок ключевых социально-политических событий. В результате социальная консолидация становится важным элементом формирования социальной идентичности — системы представлений о себе как о члене сообщества и о других как о тех, кто не входит в это сообщество.

Процессы консолидации в обществе обусловлены множеством факторов, которые исследователи рассматривают как ключевые параметры для оценки уровня социальной консолидации. Автор выделяет три основные группы таких параметров.

Факторы консолидации:

1. Уровень социально-экономического развития общества

В данном контексте важнейшим фактором, воздействующим на степень социальной сплоченности, выступает наличие социального неравенства: чем оно заметнее, тем больше общественная напряженность, конфликты и отчуждение между гражданами, а также их отстраненность от политических институтов. Исследователи подчеркивают, что в России одним из главных барьеров для достижения социальной консолидации является «неравномерное развитие регионов страны, что значительно углубляет разрыв между различными социальными группами».

2. Уровень социально-экономического развития общества

Патриотическая идентичность граждан является ключевым фактором в формировании социальной сплоченности. В этом контексте патриотизм можно воспринимать как осознанное чувство связи с общим социокультурным пространством, которое помогает каждому человеку видеть свой внутренний мир как часть национальной культуры.

В начале постсоветского периода в России стали заметны признаки кризиса национального самосознания и утраты концепции единой идентичности. Со временем возникла потребность в «новом патриотизме».

Сегодня патриотическое самосознание становится одним из основных факторов, способствующих социальной консолидации, стабильности и конструктивному диалогу между государством и обществом.

3. Уровень доверия к государственной власти и государственным институтам.

Доверие граждан к государственным властям является одним из ключевых факторов, влияющих на социальную сплоченность, особенно в условиях современной России. Эти два аспекта связаны между собой сложными и многозначными взаимоотноше-

ниями, оказывая взаимное воздействие. С. В. Рогачев, М. В. Ильичева и А. В. Иванов подчеркивают, что уровень социальной сплоченности общества отражает степень национально-культурной идентичности граждан как единого народа, а также текущее доверие населения к различным государственным структурам.

Вопрос о том, насколько санкции могут ускорять социально-политические изменения в странах, на которые они направлены, остается актуальным и спорным. Также важно понять, каких именно результатов стремятся достичь инициаторы этих мер. В научных кругах нет единого мнения по этому поводу. Влияние санкций на уровень социальной сплоченности в странах, находящихся под их воздействием, по-прежнему вызывает множество дискуссий.

Основой теории санкций является гипотеза о наличии связи между санкционными мерами и изменением политики в стране-реципиенте. Этот принцип можно выразить тезисом Й. Галтунга: «экономическое принуждение наносит государственному режиму значительные экономические издержки (pains), что может привести к изменению государственной политики с целью избежать этих издержек» [10].

Начало специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года стало важным фактором, способствующим социальной сплоченности россиян и росту патриотических настроений. В марте 2022 года уровень одобрения президента РФ вырос на 12% по сравнению с серединой февраля, достигнув рекордной отметки в 83%, и оставался на этом уровне на протяжении последующих шести месяцев. Исследования ВЦИОМ также подтверждают высокий уровень доверия к В. Путину: после 24 февраля этот показатель колебался в пределах 80-82% [6].

В последние месяцы восприятие текущих событий в стране оставалось стабильным: в июле 72% респондентов считали, что страна движется в правильном направлении, в то время как 17% считали, что курс неверный. Это соотношение, с незначительными колебаниями, сохраняется с марта 2022 года. Пример «крымского консенсуса» 2014 года и возрастание поддержки властей в России после начала военной операции в 2022 году подтверждают теорию Дж. Мюллера о том, что даже в условиях ухудшения социально-экономической ситуации возможно «сплочение вокруг флага» [9].

Ситуация в стране такова, что российские граждане связывают негативные последствия санкций и ухудшение жизненных условий с действиями западных государств, которые наложили эти масштабные ограничения. После 24 февраля 2022 года отмечается рост социальной сплоченности, который связан с усилением патриотических настроений и возрастанием доверия к российским властям.

Но необходимо определить и экономическую эффективность санкций. Автор обращается к исследованию специалистов «Сбера». Во втором полугодии 2022 года стало очевидно, что российская экономика справляется с санкциями лучше, чем прогнозировалось изначально.

Таким образом, можно выделить обратный эффект:

- Добровольный или вынужденный уход западных компаний.
- Ограничения на вывод капитала: по мнению авторов, они позволяют укрепить курс рубля, оставляя валюту внутри страны.
- Преследования российского бизнеса на Западе.

С другой стороны, эти меры негативно сказались на экономиках стран-санкционеров. По данным Росстата, в 2023 году реальный ВВП увеличился на 3,6%, а за 2022–2023 годы экономика выросла на 2,4%, что свидетельствует о преодолении шокового падения 2022 года [5].

Санкции также представляют собой вызовы в условиях низкой геополитической стабильности у новых союзников России.

А вот среди основных факторов устойчивости можно выделить:

- Высокий профицит внешней торговли и относительно низкий уровень внешнего долга (сложившиеся к началу 2022 года).
- Реализовавшаяся привлекательность рубля для внешнеэкономической деятельности.
- Успешное перенаправление большей части импорта через дружественные страны / импортозамещение.
- Выгодный для российского бизнеса уход иностранных компаний.

Существуют успешные примеры импортозамещения в таких отраслях, как машиностроение, авиация, химическая промышленность и агропромышленный комплекс. Промышленный спад, вызванный санкциями, был преодолен к середине 2023 года, и прогнозы для российской промышленности на 2024 год выглядят оптимистично [5].

Санкции не смогли создать в российской экономике условий, при которых политические уступки в обмен на смягчение ограничений стали бы единственным вариантом. Финансовая и экономическая системы страны проявили устойчивость, несмотря на резкий разрыв связей с Западом. Безусловно, эффект от санкций может накапливаться со временем. Страны-инициаторы могут надеяться, что рано или поздно кумулятивное воздействие ограничений в сочетании с неблагоприятными условиями на внешних рынках подорвет экономику России. Однако сама Россия использует это время для адаптации к новым реалиям. Чем дольше продолжается конфронтация, тем меньше Россия зависит от отношений с инициаторами санкций, и тем менее эффективно можно использовать прежнюю экономическую взаимозависимость в качестве инструмента давления. Накопление эффектов санкций действительно возможно, например, в виде трудностей с модернизацией промышленности и инфраструктуры. Однако это скорее связано с множеством локальных проблем, таких как поиск альтернативных поставщиков и процессы импортозамещения.

Литература

1. Гарбузняк А.И. Повестка дня новых медиа: подходы к методике исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 4. С. 627–641
2. Соколов Р. Н. Экономические санкции, их эффективность в условиях глобального мира / Р. Н. Соколов // Международный школьный вестник. — 2017. - вып. 3. - сер. 1. - С. 112-116 .
3. Мариев О. С., Савин И. В., Тепляков Н. С. Моделирование влияния санкций на неравенство в распределении доходов населения стран объектов / О. С. Мариев, И. В. Савин, С. Н. Тепляков // Экономика региона. - 2020. - Т. 16, - № 2. - С. 39-63
4. Морасова А.А., Социальные сетевые медиа и цифровые медиа в новых условиях: Quo vadis? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022. № 4. С. 627–641
5. Аналитики заявили об «обратных эффектах» санкций против России Какие факторы устойчивости российской экономики выделили в «Сбере» / РБК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2024/65c374cb9a79470c51a2d456> (дата обращения: 05.08.2024)
6. ВЦИОМ: Доверие к политикам [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/page> (дата обращения 10.08.2024)
7. Левада-центр: Положение дел в стране [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения 10.08.2024)
8. ФОМ: Тревоги и опасения россиян [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://fom.ru/Nastroeniya/14975> (дата обращения 10.08.2024)
9. Russia's Key Economic Sectors Shrug Off Sanctions [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-15/russia-s-war-economy-sees-key-sectors-shrugging-off-sanctions> (дата обращения 25.07.2024)
10. The EU's Sanctions Against Russia: Effects, Challenges, and Controversies [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.isrgrajan.com/eu-against-russia-since2014.html> (дата обращения: 05.08.2024)

Transformation of international restrictions in relation to the russian federation and economic development of the country: media effects and public view

Prokopov Vladislav Andreevich

Plekhanov Russian University of economics

One of the current topics regularly discussed in Russian print and online media is anti-Russian sanctions imposed by the West. Since the deterioration of relations between Ukraine, the West and Russia due to the annexation of Crimea in 2014, much research in the field of media policy and mass communications, as well as work at the intersection of political science, economics and sociology, has been devoted to this issue. After the start of the special military operation (SVO), interest in the topic of sanctions on the part of editors and audiences increased significantly. However, since the new stage of the sanctions fight against Russia began relatively recently, it

has not yet been sufficiently covered in the scientific literature.

Keywords: sanctions, media transformation, media effects, international restrictions.

References

1. Garbuznyak A.I. New Media Agenda: Approaches to Research Methodology // Issues of Theory and Practice of Journalism. 2020. Vol. 9, No. 4. Pp. 627–641
2. Sokolov R.N. Economic Sanctions, Their Effectiveness in a Globalized World / R.N. Sokolov // International School Bulletin. - 2017. - Issue 3. - Series 1. - Pp. 112–116 .
3. Mariev O.S., Savin I.V., Teplyakov N.S. Modeling the Impact of Sanctions on Income Inequality in the Population of the Object Countries / O.S. Mariev, I.V. Savin, S.N. Teplyakov // Regional Economy. - 2020. - Vol. 16, - No. 2. - P. 39-63
4. Morasova A.A., Social network media and digital media in the new conditions: Quo vadis? // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy. 2022. No. 4. P. 627–641
5. Analysts have announced the “reverse effects” of sanctions against Russia What factors of the stability of the Russian economy have been identified in Sberbank / RBC [Electronic resource] - Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2024/65c374cb9a79470c51a2d456> (accessed on 08/05/2024)
6. VTsIOM: Trust in politicians [Electronic resource] - Access mode: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/page> (accessed on 08/10/2024)
7. Levada Center: The state of affairs in the country [Electronic resource] - Access mode: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (date of access 10.08.2024)
8. FOM: Anxieties and fears of Russians [Electronic resource] - Access mode: <https://fom.ru/Nastroeniya/14975> (date of access 10.08.2024)
9. Russia’s Key Economic Sectors Shrug Off Sanctions [Electronic resource] - Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-15/russia-s-war-economy-sees-key-sectors-shrugging-off-sanctions> (date of access 25.07.2024)
10. The EU’s Sanctions Against Russia: Effects, Challenges, and Controversies [Electronic resource] - Access mode: <https://www.isgrajan.com/eu-against-russia-since2014.html> (date of access: 05.08.2024)

Специфика формирования миграционной политики в современной России

Алиев Шамиль Омарович

Аспирант Управления аспирантуры и докторантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Цель исследования состоит в анализе наиболее характерных предпосылок формирования особенностей становления миграционных процессов в современной России. Методы исследования: анализ, обобщение, формализация, конкретизация. По результатам исследования было выявлено, что в современных условиях в России формируется совершенно новая миграционная политика, обоснованная не только влиянием исторических предпосылок (распад СССР), но и появлением новых территорий. Выводы: развитие отечественной миграционной политики характеризуется тем, что Российская Федерация на современном уровне продолжает основные направления, которые начали формироваться в начале 1990-х гг. в ряде этапов, которые и определили ее особенности. Прежде всего среди этих особенностей необходимо отметить ориентированность миграционной политики на постсоветские страны, обусловленную историческими причинами, а также появлением новых территорий России в связи с проведением Специальной военной операции на территории Украины.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, миграционные процессы, распад СССР, современная миграция, трудовая миграция.

На текущий момент миграционные процессы в Российской Федерации представляют собой сложное и противоречивое явление. Эти процессы оказывают значительное влияние не только на социально-экономическое развитие страны, но и на различные аспекты жизни населения. С одной стороны, трудовая миграция помогает снизить дефицит рабочей силы, что способствует росту экономики, культурному разнообразию и улучшению демографических показателей. С другой стороны, она также порождает проблемы, такие как нелегальная миграция, неравномерное распределение мигрантов по регионам и вопросы государственной безопасности. Эффективное управление внешней миграцией, минимизация негативных последствий и защита прав как местных жителей, так и трудовых мигрантов становятся важнейшими задачами государства для обеспечения устойчивости и стабильности общества и каждого человека.

Специфика миграционных процессов Российской Федерации во многом определяется миграционной политикой, которая реализуется в стране. Эта политика начала формироваться в начале 1990-х годов и прошла несколько этапов, которые оказали значительное влияние на её особенности. Одной из ключевых характеристик российской миграционной политики является её ориентированность на постсоветские государства, что обусловлено историческими связями и культурными факторами.

С момента распада СССР Россия столкнулась с новыми вызовами в сфере миграции. Постсоветское пространство оказалось насыщенным миграционными потоками, и многие граждане бывших советских республик начали искать лучшие условия жизни и работы в России. Эта ориентированность на страны СНГ сохраняется и по сей день, несмотря на разнообразие подходов и инструментов, применяемых для управления и контроля миграционных потоков [4].

Несмотря на наличие различных стратегий и методов, направленных на регулирование миграции, многие проблемы, с которыми сталкивается российская миграционная политика, имеют свои корни в её историческом развитии. Это подчеркивает важность изучения процесса формирования миграционной политики, так как понимание её истоков позволяет более эффективно решать современные вызовы.

Одним из основных аспектов является то, что многие из сегодняшних трудностей в миграционной сфере являются следствием ранних решений и подходов, принятых в 1990-е годы. Например, открытость границ в этот период привела к увеличению числа трудовых мигрантов, что, в свою очередь, создало дополнительные нагрузки на социальные и

экономические системы страны. Кроме того, на миграционные процессы влияют изменения в мировой экономике и политике. Глобализация, экономические кризисы и военные конфликты также способствуют изменению миграционных потоков.

В целом на современном этапе миграционная политика представляет собой совокупность идей, механизмов и средств, при помощи которых государство, а также все функционирующие в его рамках общественные институты, осуществляют реализацию сформулированных целей, задач и принципов деятельности по регулированию и контролю миграционных потоков с учетом развития государства в социально-экономическом плане и исторически сложившихся условий и перспектив и с обеспечением преемственности дальнейшего национального развития [2].

Формирование и развитие отечественной миграционной политики, как указывалось выше, началось в 1990-х гг. и это было обусловлено следующими факторами:

- Во-первых, распадом СССР;
- Во-вторых, появлением новых границ на площади страны, которая ранее была одним государством;
- В-третьих, ростом миграционных потоков между постсоветскими странами, особенно теми, которые вошли в СНГ;
- В-четвертых, обострением различных конфликтов (социального, межнационального, политического, экономического и иного характера) [3].

Распад Советского Союза привел к возникновению парадоксальной ситуации, когда в связи с появлением достаточно большого числа новых государств, составивших ближнее зарубежье, а также трансформацией российской политики в отношении миграционных процессов и мигрантов, внутренняя миграция, ранее существовавшая в СССР, превратилась во внешнюю миграцию [2].

Необходимо отметить, что несмотря на изначальное сохранение Российской Федерацией свободного режима въезда через границы всех граждан, ранее проживавших в Советском Союзе, которые пожелали приехать в страну, легализация их дальнейшего пребывания в России часто была крайне затруднительной, в связи с чем возникла очень серьезная проблема, связанная с незаконной миграцией. Однако существенное обострение этой проблемы произошло значительно позже.

Исследователи, как правило, прослеживают процесс становления отечественной миграционной политики во взаимосвязи с формированием соответствующих законодательных основ.

Первый этап длился с начала 90-х гг. прошлого века до 2002 г. На этом этапе разрабатывались первоначальные государственные программы в отношении миграционных процессов, которые постоянно совершенствовались, уточнялись, трансформировались. Эти программы имели своей целью разработать и внедрить в действие мероприятия, в рамках которых прибывающие в Российскую Федерацию мигранты получали государственную под-

держку. Между тем, данные программы не предусматривали разработку и реализацию таких механизмов, которые бы обеспечивали как нормативно-правовую, так и социальную поддержку для соотечественников, остающихся проживать в странах, ставших зарубежьем. В процессе этого этапа миграционная политика постоянно ужесточалась, что привело к ряду негативных последствий, в частности, увеличению нелегальной миграции и увеличению коррупции в этой области.

Второй этап продолжался с 2003 по 2012 гг. Его начало связано с тем, что в России была принята и начала реализовываться Концепция регулирования миграционных процессов в России, которая была утверждена Постановлением Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р [4]. Между тем, несмотря на все реализуемые меры, начавшийся в 90-х гг. XX в. рост нелегальной миграции, постоянное увеличение теневого бизнеса, занимающегося заработком на ввозе и труде мигрантов, а также возрастание коррупционной составляющей в отечественных силовых органах, связанных с этой сферой, привели государственную власть к тому выводу, который напрашивался уже давно: если и дальше усиливать политику жестких мер имеющих в основном запретительный характер, то ситуация будет только ухудшаться. В связи с этим, в 2005 г. российский Президент В.В. Путин принял решение, в рамках которого предполагалось сделать миграционную политику более прагматичной и либеральной.

Именно на это период пришелся кардинальный разворот отечественной миграционной политики, случившийся в 2006-2007 гг., предшествовавших всемирному экономическому кризису. В это время отечественная экономика переживала достаточно интенсивный рост, а сама Российская Федерация сохраняла свою роль в качестве центра притяжения рабочей силы из постсоветских стран. Экономическая ситуация требовала, чтобы промышленность была обеспечена трудовыми ресурсами, которые во многих случаях в основном можно было обеспечить за счет трудовых мигрантов, но законодательство того времени создавало большие препятствия к решению этой проблемы [4].

В 2006 г. были приняты знаковые законы и поправки в различные нормативные акты, связанные с рассматриваемой сферой, среди которых прежде всего следует выделить федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», внесены изменения и дополнения в федеральные законы «О гражданстве РФ» и «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Все осуществленные изменения законодательной сферы выразились в том, что иностранным гражданам, прибывающим в Россию, стало значительно проще становиться на миграционный учет, а также оформлять разрешения на работу. При этом, введенные ранее квоты, в соответствии с которыми формировалась статистика в нуждаемости во внешней рабочей силе, хоть и сохранились, но их формирование осуществлялось с очень большим запасом,

в связи с чем найм иностранных трудовых мигрантов был достаточно легким делом, порою даже легче, чем найм отечественных специалистов [7].

Помимо изменений, которые упростили трудоустройство иностранцев в России, были введены строгие меры против работодателей, использующих труд нелегальных мигрантов. В результате этих законодательных инициатив, уже в первый год их действия, благодаря возможности легкой регистрации трудовых мигрантов через почтовые отделения, значительно сократилось количество людей, находящихся в стране нелегально и работающих без разрешения. Это способствовало уменьшению теневого сектора экономики.

Тем не менее, несмотря на успехи нового курса, в декабре 2007 года государство снова вернулось к жесткой миграционной политике. В конце года квота на привлечение иностранных работников в 2008 году была значительно ниже, чем количество мигрантов, легально работающих в стране на тот момент. В результате квоты исчерпались уже весной 2008 года, до начала сезона массового притока мигрантов. Это вновь способствовало росту теневой экономики в стране.

2008 год стал знаковым в контексте мирового экономического кризиса, который оказал значительное влияние на многие страны, включая Россию. В условиях экономической нестабильности российский рынок труда столкнулся с рядом вызовов, что привело к ужесточению миграционной политики. Изменения в порядке использования труда безвизовых иностранных граждан, такие как сокращение срока первоначального разрешения на работу до трех месяцев, стали ответом на необходимость контроля за миграционными потоками и обеспечением занятости для граждан России. Эти меры также способствовали более строгому регулированию трудовых отношений между работодателями и мигрантами. Условия, при которых разрешение на работу могло быть продлено только при наличии заключенного контракта, означали, что мигранты оказались в более уязвимом положении. Это создало дополнительное давление на иностранных работников, вынуждая их быстрее находить работу и адаптироваться к новым условиям. В случае неудачи они рисковали потерять право на пребывание в стране. Таким образом, изменения в миграционной политике отражали стремление государства к более строгому контролю за трудовыми ресурсами в условиях экономической неопределенности и необходимости защиты интересов отечественных работников, в том числе и в аспекте национальной безопасности Российской Федерации [7].

Началом третьего этапа можно считать 2012 г., когда была принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.). Этот этап продолжается и по сей день. Данная Концепция стала первым стратегическим документом в области миграции. Одной из главных задач, обозначенных в ней, является обеспечение национальной безопасности и максималь-

ная защита граждан России. В документе также подчеркивается необходимость увеличения численности населения страны и удовлетворения потребностей экономики. Для достижения этой цели предлагается стимулировать соотечественников, проживающих за границей, вернуться в Россию [5].

Что касается регулирования трудовой миграции, Концепция предполагает упрощение правил для въезда и пребывания иностранцев на территории России. Кроме того, акцентируется внимание на необходимости улучшения системы выдачи документов, позволяющих мигрантам работать в стране. Таким образом, этот документ сочетает в себе стремление к либерализации норм, способствующих привлечению как квалифицированных специалистов, так и соотечественников, с необходимостью обеспечения национальной безопасности и усиления контроля в сфере миграции.

Проблемы и задачи миграционной политики России, направленной на привлечение русских и русскоязычных граждан из стран бывшего СССР для постоянного проживания в стране, становятся все более актуальными и вызывают интерес у многих исследователей. В частности, исследователи отмечают, что мигранты с юго-востока Украины представляют собой значимый трудовой и демографический ресурс для России. Они свободно владеют русским языком и обладают профессиями, которые востребованы на российском рынке труда. Это делает их потенциально ценными для экономики страны, особенно в условиях, когда необходимо восполнить нехватку рабочей силы, и, с учетом того, что такие «мигранты» получают российское гражданство по упрощенной схеме, то, следовательно получают права и обязанности граждан РФ (как в налоговом, так и демографическом аспекте). Однако, с учетом политических процессов, происходящих в Украине в период проведения Специальной военной операции (СВО), все больше украинских граждан прибывает в Россию, как с новых территорий, так и с фактических украинских территорий (Харьков, Киев, Сумы, Запорожье и пр.). И именно у них возникает множество юридических «препон», связанных с получением гражданства, либо миграционного статуса.

Таким образом, миграционная политика России требует пересмотра и оптимизации существующих механизмов для привлечения соотечественников из-за рубежа. Это включает в себя не только упрощение процедур получения гражданства и регистрации, но и создание более благоприятной среды для интеграции мигрантов в российское общество. Эффективное решение этих задач может способствовать не только увеличению численности населения, но и улучшению экономической ситуации в стране. В свете вышеизложенного важно отметить, что миграционная политика должна быть направлена на создание условий, способствующих притоку квалифицированных специалистов из других стран, что является ключевым фактором для обеспечения устойчивого развития экономики России. Необходимость адаптации законодательства и практики в сфере миграции становится все более очевидной в

условиях глобальных изменений и вызовов, с которыми сталкивается страна.

Для достижения этих целей необходимо активное сотрудничество между государственными органами, местными властями и общественными организациями. Это позволит создать более прозрачную и эффективную систему поддержки мигрантов, а также повысить уровень доверия к государственным институтам со стороны соотечественников из-за границы. Важно учитывать интересы как мигрантов, так и принимающего общества, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование различных культур и традиций.

Отечественные исследователи в своих работах [5, 6] поднимают важный вопрос о необходимости систематизации миграционного законодательства России, предлагая создать Миграционный кодекс РФ. Это предложение имеет большое значение, так как существующая правовая база в области миграции часто бывает фрагментарной и сложной для понимания как для мигрантов, так и для государственных служащих.

Создание единого документа, который бы включал в себя все аспекты миграционного законодательства, могло бы значительно упростить процесс его применения и повысить правовую культуру. В общей части Миграционного кодекса можно было бы четко определить права и обязанности мигрантов, а также полномочия различных государственных органов, что способствовало бы более прозрачному взаимодействию между мигрантами и государством. Особенная часть кодекса могла бы охватывать ключевые административные процедуры, такие как регистрационный и миграционный учет, процесс получения гражданства, а также оформление документов для въезда и проживания. Упрощение этих процедур и их четкое регламентирование в рамках единого кодекса помогло бы устранить существующие правовые пробелы и снизить уровень коррупции, связанной с миграционными процессами [5, 8].

Такой подход не только повысил бы правовую осведомленность мигрантов о своих правах и обязанностях, но и улучшил бы качество работы государственных структур, что в свою очередь способствовало бы более эффективной реализации миграционной политики России. В условиях меняющейся демографической ситуации и экономических вызовов создание Миграционного кодекса могло бы стать важным шагом к обеспечению устойчивого развития страны и интеграции мигрантов в российское общество.

М. Л. Галас подчеркивает важность комплексного подхода к привлечению и закреплению соотечественников на приоритетных территориях вселения. Он указывает, что помимо административных мер, необходимо учитывать и социальные факторы, которые могут существенно повлиять на выбор мигрантов. Доступное жилье, разумные цены на аренду земли, а также доступность медицинского обслуживания и образования — это те аспекты, которые могут сделать менее привлекательные регионы более конкурентоспособными по сравнению с

традиционными центрами миграции. Грамотная миграционная политика, как внешняя, так и внутренняя, может стать важным инструментом «мягкой силы». Это означает, что Россия может использовать свои ресурсы и возможности для создания благоприятной среды для иностранных граждан, что в свою очередь будет способствовать их адаптации и интеграции в российское общество [1, с. 44-50].

В заключение можно сделать вывод о том, что, эффективная миграционная политика должна не только решать вопросы легализации и распределения мигрантов, но и создавать условия для их комфортной жизни и работы. Это может включать программы по обучению языку, профессиональной подготовке, а также меры по социальной поддержке, которые помогут мигрантам быстрее адаптироваться к новым условиям жизни и стать полноправными членами общества. Данный подход подчеркивает необходимость создания многогранной стратегии, которая учитывает не только экономические, но и социальные аспекты миграции, что может привести к более успешной интеграции мигрантов и улучшению демографической ситуации в стране.

Таким образом, специфика формирования миграционной политики в Российской Федерации обусловлена историческими предпосылками, связанными с распадом Советского Союза и появлением разных государств на территории страны, которая раньше была единой, территориальных изменений, вызванных геополитическими событиями.

Литература

1. Галас М. Л. «Мягкая сила» как инструмент стабильности общественно-политической формации современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. - 2019. - № 1. - С. 44-50.
2. Лисицын П.П. Диалог науки и власти: от миграционной теории к миграционной политике. Часть I: разногласье // Мир России. – 2024. – Т. 33. № 3. – С. 6-26.
3. Михалева О.М., Кашникова В.В. Современная миграционная политика России // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 1 (33). – С. 35-41.
4. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения: доклад / Н.В. Мкртчян, Ю.Ф. Флоринская, К.И. Казенин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. - 76 с.
5. Попов А.М., Мамонтова Э.А. Новые приоритеты миграционной политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2020. - № 1 (85). - С. 183-188.
6. Пустошинская О. С. Политические процессы: миграция и конфликты: учебное пособие / О.С. Пустошинская. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 98 с.
7. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: учебное пособие для вузов / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Юрайт, 2024. – 480 с.
8. Терещенко О.В., Гринь М.В. Глобализационные процессы современности и устойчивое развитие // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 9. С. 62-64.

Specificity of the formation of migration policy in modern Russia

Aliev Sh.O.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of the study is to analyze the most characteristic prerequisites for the formation of features of the formation of migration processes in modern Russia. Research methods: analysis, generalization, formalization, specification. According to the results of the study, it was revealed that in modern conditions in Russia a completely new migration policy is being formed, justified not only by the influence of historical prerequisites (the collapse of the USSR), but also by the emergence of new territories. Conclusions: the development of domestic migration policy is characterized by the fact that the Russian Federation at the present level continues the main directions that began to form in the early 1990s in a number of stages, which determined its features. First of all, among these features it is necessary to note the focus of the migration policy on the post-Soviet countries, due to historical reasons, as well as the emergence of new territories of Russia in connection with the Special Military Operation on the territory of Ukraine.

Keywords: migration, migration policy, migration processes, collapse of the USSR, modern migration, labor migration.

References

1. Galas M. L. "Soft power" as an instrument of stability of the socio-political formation of modern Russia // Humanities. Bulletin of the Financial University. - 2019. - No. 1. - P. 44-50.
2. Lisitsyn P. P. Dialogue between science and government: from migration theory to migration policy. Part I: discord // The World of Russia. - 2024. - Vol. 33. No. 3. - P. 6-26.
3. Mikhaleva O. M., Kashnikova V. V. Modern migration policy of Russia // Economy. Sociology. Law. - 2024. - No. 1 (33). - P. 35-41.
4. Mkrtychyan N. V. Internal migration as a resource for Russia's development: socio-economic effects, costs and limitations: report / N. V. Mkrtychyan, Yu. F. Florinskaya, K. I. Kazenin. - M.: Publishing house "Delo" RANEP, 2020. - 76 p.
5. Popov A. M., Mamontova E. A. New priorities of Russia's migration policy // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 1 (85). - P. 183-188.
6. Pustoshinskaya O. S. Political processes: migration and conflicts: a tutorial / O. S. Pustoshinskaya. - M.: INFRA-M, 2021. - 98 p.
7. Rybakovsky L. L. Population migration: a textbook for universities / L.L. Rybakovsky. - M.: Yurait, 2024. - 480 p.
8. Tereshchenko O.V., Grin' M.V. Globalization processes of our time and sustainable development // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2021. - No. 9. P. 62-64.

Анализ эволюции и мотивации политики развития Дальнего Востока России в новом столетии

Инь Сымэн

канд. полит. наук, доцент факультета международных отношений, исследователь Института исследований Северо-Восточной Азии, Даляньский университет иностранных языков, yansimeng@dlufl.edu.cn

Бикернице Анна

старший преподаватель факультета международных отношений, Даляньский университет иностранных языков, канд. полит. наук, bikernieceanna@dlufl.edu.cn

После крымского кризиса Россия столкнулась с огромным давлением и санкциями в различных областях со стороны западных стран во главе с США. На этом фоне правительство Путина внесло важные коррективы в свою внешнюю политику, реализуя стратегию «поворота на Восток», наращивая усилия по развитию Дальнего Востока и рассматривая дальневосточный регион как важное окно для интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Дальний Восток рассматривается как новая движущая сила национального возрождения России в XXI веке, а политика российского правительства по развитию Дальнего Востока прошла три основных этапа: от развертывания предварительной работы и формулирования политики, уточнения стратегических целей после реформы федеральной системы до неуклонного продвижения политики, и развитие Дальнего Востока дало заметный эффект. Главный вывод данной статьи заключается в том, что дальневосточная политика России подвержена двойным ограничениям - внутривнутриполитической и внешней среды, и ее дальнейшие перспективы зависят от способности федерального правительства управлять страной, от того, сможет ли оно стимулировать потенциал Дальнего Востока в рамках государственной модели, а также от стабильности внешней среды и других факторов.

Ключевые слова: Россия; политика развития Дальнего Востока; китайско-российское региональное сотрудничество; стратегия «Поворот на Восток»; потенциал национального управления

I. Introduction

In his 2018 State of the Nation Address, Russian President Vladimir Putin stated that "Siberia and the Far East are a national priority for Russia in the 21st century"¹. According to Chu Dongmei, the policy goals of Russia's Far East development include both domestic and international levels, with the domestic goal of vigorously developing the Far East and the international goal of integrating into the Asia-Pacific economic integration process². The importance of the Far East region in Russia's national strategy and development has been gradually emphasized, and it is regarded as a new driving force for future national rejuvenation. The Russian Far East has certain similarities with the northeast region of China. Therefore, it is of great theoretical and practical significance to study Russia's Far East policy.

Russia's Far East development policy can be traced back to the Russian Empire in the second half of the nineteenth century, followed by several rounds of large-scale development during the Soviet period. According to Cui Heng, Russia's development of Far Eastern Siberia has shown a cyclical change of "development-decline-recovery", which is the result of Russia's long-term domestic and foreign policy interactions³.

Existing research mainly focuses on the following aspects:

First, on the construction and development of Russia's Far East Overdevelopment Zone and Vladivostok (Li Yonghui, Ni Yueju, 2019; Zhao Xinran, 2018; Yuan Huiting, 2022; Ge Xinrong, 2017; Chen Jun, Wang Ligu, 2015), Li Yonghui and other scholars believe that the policy of "one zone and one port" is an institutional tool introduced under Russia's "turn east" policy to revitalize the economy of Russia's Far East region, and is also an open reform of Russia towards Asia. The sentence repeats the meaning Liu Feng analyzes the impact of the forward development zone on the economic development of the Far East region by studying the changes in the attraction of investment, budgetary investment, the efficiency of budgetary investment in infrastructure, and the impact of investment on the structure of the regional economy under the model of the forward development zone (Liu Feng, 2019).

Secondly, on the regional economic cooperation between Northeast China and the Russian Far East and Siberia, and on the study of China-Russia "Northeast-Far East" strategic docking (Hu Zheng, 2023; Li Ruisi,

Данная статья является результатом исследования молодежного проекта Фонда планирования социальных наук провинции Ляонин 2023 г. «Исследование геополитической игры между Соединенными Штатами и Россией в Центральной Азии и ее влияния на Китай» (Номер проекта: L23CGJ001).

¹ Message of the President of the Russian Federation from 01.03.2018 b/n [Electronic resource] // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (accessed December 14, 2023.) (in Russian)

² Chu Dongmei, Russian Far East Development Policy and Sino-Russian Cooperation in the Russian Far East, China Borderlands Studies, 2021(01), pp. 143-152. (in Chinese)

³ Cui Heng Development of the Russian Far East in the Perspective of International Political Economy: Paths, Potentials and Challenges, Doctoral Dissertation, 2018, p. 27. (in Chinese)

Jiang Zhenjun, 2016; Liu Feng 2019; A.G. Bray, C.V. Gryzko, 2019; Xu Yongji, 2019), Hu Zheng emphasized that Vladivostok port as the core of the Russian Far East port group has great potential, but there are still many problems with the logistics infrastructure in the Russian Federation and China's Far East, and the two sides will focus on improving the efficiency of railroad switching at the ports (Hu Zheng, 2023). A.G. Bray, C.V. Gryzko noted that the development of relations between Russia and the countries of Northeast Asia is influenced by the international environment, including the slowdown in the economic growth of the countries of Northeast Asia, the situation on the Korean Peninsula, the territorial dispute between Russia and Japan (A.G. Bray, C.V. Gryzko, 2019).

Thirdly, with regard to the study on the evaluation of the Russian Far East development policy (Guridov, 2021; Xiao Huizhong, 2018; Zhu Beibei, 2019; I.S. Hwang, 2019; P.A. Minakir, S.N. Naiden, 2021; I.S. Hwang, 2022). According to R.V. Gulidov (Gulidov, 2021), First Deputy Director of the Eastern Center of the State Planning Institute of the Ministry of Development of the Far East and the Arctic, the new state policy for the development of the Russian Far East is constantly evolving, and thanks to the implementation of the policy of stimulating the growth of the region's economy and attracting private investment, the macro-region of the Far East is becoming a testing ground for the implementation of new mechanisms and tools for the development of the region. A comparative analysis of the main macro-indicators of the Far Eastern Federal District and other Russian federal districts for two comparable periods, five years before and five years after the implementation of the policy, shows that the active policy of creating favorable conditions for investment in the Far East has not yet been translated into the expected indicators of economic and social development of the region.

Existing research results show that academics have paid attention to the study of the Russian Far East, but they lack a systematic overview of the evolution of Russia's Far East policy in the 21st century and an analysis of the deep-rooted causes. Based on this, this paper will sort out the evolution of the Far East development policy from 2000 to the present, analyze the motivating factors affecting Russia's Far East policy, as well as provide an outlook on the future development prospects.

II. Evolution of Russia's Far East development policy in the 21st century

The authors have systematized the main policies and laws and regulations introduced by the government of the Russian Federation to promote the development of the Far East between 2000 and 2023 (see Table 1), based on which the Far East development policy in the 21st century is broadly divided into three main phases.

Table 1
List of selected policies, laws and regulations introduced by Russia to promote the development of the Far East (2000-2023)

Serial number	Time	Publishing department	Introduction of relevant policies, laws and regulations
1.	March 19, 2002	Government of the Russian Federation	«Federal Specialized Plan for the Economic and Social

			Development of the Far East and the Trans-Baikal Region for the Period up to 2010»
2.	November 21, 2007	Government of the Russian Federation	«Specialized federal programme for the economic and social development of the Far East and Trans-Baikal region for the period up to 2013»
3.	March 29, 2013	Government of the Russian Federation	«Specialized federal programme for the economic and social development of the Far East and Trans-Baikal region for 2013»
4.	2013	Government of the Russian Federation	«Strategy for the economic and social development of the Far East and the Baikal region for the period up to 2025»
5.	2013	Putin proposed	«Unconventional Decision-Making in the Construction of the Far East Economic Overdevelopment Zone»
6.	2014	Government of the Russian Federation	«Federal Act on the Socio-Economic Overdevelopment Zones of Russia»
7.	2014	Ministry of Development of the Russian Far East	«The Overreach Development Area Plan (ODA)»
8.	April 15, 2014	Government of the Russian Federation	«State Program for the Economic and Social Development of the Far East and the Baikal Region» (renamed State Program for the Economic and Social Development of the Far Eastern Federal District in March 2019)
9.	2015	Signed by Vladimir Putin	«Federal Law on the Free Port of Vladivostok»
10.	September 24, 2020	Government of the Russian Federation	«State Program on Socio-Economic Development of the Far East for 2024 and up to 2035»

Source: Website of the Government of the Russian Federation: <http://government.ru/>

The first stage (2000-2006): Lack of attention and investment by the Russian federal government in the development of the Far East

After the collapse of the Soviet Union, the central government of the Russian Federation was unable to provide financial and material support to the Far East for a long period of time. After Putin came to power in 2000, the Kremlin, with the aim of guaranteeing the country's territorial security, successively formulated a program for the development of the Far East and a plan for individual regions, but the proportion of the federal budget allocations of the funds for the Far East development program in this period accounted for only about 5 percent. During Putin's first and second terms in office, a lot of preliminary work was done and

deployed in the development of the Far East, but it was not until 2007 that the Far East and the Baikal region as a whole were gradually elevated to the strategic layout of the federal government. At this stage, foreign investment and private economy dominated the economic composition of the Far East, and the region's self-development capacity was restored, but it showed a trend of separation from Russia's overall economic system, and the federal central government did not invest enough in the Far East, and Russia's political elites demanded that the federal central government pay attention to the development of the Far East out of their concern for national security and the influence of foreign companies in the Far East. However, Putin's first two terms as president were devoted to sorting out Russia's domestic power structure, establishing a vertical power system, and strengthening the central government's constraints on the localities, so there was no room to focus on the Far East's development at this stage.

The second stage (2007-2011): clarification of strategic goals for the development of the Far East

After the reform of the federal system had begun to bear fruit, President Putin elevated the Far East to the level of safeguarding national security and clarified the strategic goals of Far East development. In November 2007, the government of the Russian Federation approved the "Federal Program for the Economic and Social Development of the Russian Federation's Far East and Trans-Baikal Region for the Period up to 2013"⁴, which defined the general goals of Far East policy: first, safeguarding the geostrategic interests and security of the Russian Federation; second, developing key areas of the Far East and Trans-Baikal region; third, carrying out the necessary infrastructure construction; fourth, to create a favourable investment climate; and fifth, to promote demographic growth in the region.

The third stage (2012-present): Steady policy advancement with remarkable results

In 2012, President Vladimir Putin of the Russian Federation put forward the strategic goal of "Turning to the East", i.e., to solve the problem of the imbalance between the East and the West in Russia and to promote the development of the Far East through economic and trade cooperation with countries in the Asia-Pacific region. In his third general election campaign in the same year, Putin made the development of the Far East his election platform, and the hosting of the 2012 APEC Leaders' Informal Meeting in the Russian Far East city of Vladivostok was an important symbol of Russia's current Far East policy.

The new round of the Far East liberalization policy is advancing steadily, and significant results have been achieved in the areas of institution-building, institutional

innovation, large-scale energy and energy pipeline projects, and infrastructure development.

In terms of institution-building, the Ministry for the Development of the Far East was established in 2012 and has launched a number of new initiatives to systematize ministerial and administrative powers and put into action new priorities for national development. For example, the Minister has been given the prerogative to represent the President of the Russian Federation in the Far East, and the Ministry is responsible for coordinating the realization of State and federal programmes in the region, administering federal property in the region and exercising control over the activities of regional authorities. In June 2012, the law of the Russian Federation specified the functions of the newly established ministry. Among the most important development functions, the Ministry covers the coordination of priority economic projects, the creation of special economic zones and territorial development zones, and coordination among State agencies.

By a decree signed by President Vladimir Putin, the organization was expanded in 2019 to become the Ministry for the Development of the Russian Far East and the Arctic, and the function of Arctic development was transferred to the Ministry of the Russian Far East and the Arctic. Arctic development functions were transferred to the Ministry. Since 2019, "The Ministry for the Development of the Far East and the Arctic" has the authority to formulate state policy and normative legal regulations in the development of the Arctic region⁵.

In terms of institutional innovations, the Ministry has set up an advanced development zone, organized the Eastern Economic Forum in Vladivostok every year since 2015, launched the Vladivostok Freeport in 2016, introduced a policy of lowering the income tax rate for investors, launched the "One hectare of land in the Far East" system, and introduced the "Single Subsidy" mechanism in 2018. According to Xiao Huizhong, "the Russian Federation's strategy for the development of the Far East is at a transitional stage from promoting economic development to improving the livelihood of the society. <...> The focus is on improving the quality of life of the residents of the Far East and effectively reducing the magnitude of the exodus of the population from the Far East"⁶.

According to Guridov, the first deputy director of the Eastern Center of the State Planning Institute of the Ministry of Far East and Arctic Development of the Russian Federation, 2014-2015 is a key point in the "new policy of development of the Far East", in which the Government of the Russian Federation decided to establish a system of preferential investments in the Far East, to set up a special development agency, and to introduce a mechanism of financial support for priority investment projects.

Putin pointed out that for Russia, the development of the Far East is mainly based on three considerations:

⁴ On Amending the Federal Target Program "Economic and Social Development of the Far East and Transbaikalia for the Period up to 2013" [Electronic resource] // Russian Government. URL.: <http://government.ru/docs/5959/> (accessed December 22, 2023) (in Russian)

⁵ Ministry of Far East and Arctic Development renamed Ministry of Far East and Arctic Development, <https://tass.ru/politika/6161204> (access date: June 5, 2023)

⁶ Xiao Huizhong Russian Far East Policy in the Perspective of Central-Local Relations, *Russian East European Central Asian Studies*, 2021 (04), p. 142.

first, the development of the Far East is a necessary condition for Russia to become a power in the Asia-Pacific region and even in the world; second, the development of the Far East is related to the national security and territorial integrity of Russia; and third, the Far East is a bridge for Russia to integrate into the Asia-Pacific region⁷. Restricted by Russia's capital and technology level, as well as the climate, infrastructure and other conditions in the Far East, Russia's Far East development needs to be deeply integrated with the Asia-Pacific economic integration.

In response, the Russian government has further revised its policies towards the region and even redefined it. In 2018 President Putin signed new laws adding two regions to the Far East - the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Krai - and relocating the Far East's capital from Khabarovsk to Vladivostok, underscoring Russia's focus on the prospects for the development of maritime trade and cooperation.

Although the Russian government continues to increase the "turn east" and the development of the Far East, the region still has a series of potential problems. Russian scholar E.A. Frolova said, "the traditional problems of the Far East include: slow economic development, poor infrastructure, low level of transportation systems, and out-migration⁸." N.P. Ryzhikova and V.N. Kovalenko, on the other hand, argue that "the vastness of the area, its sparse population, the harsh climate, the permafrost in much of the area, its remoteness, the poor transportation links with the rest of Russia, and the severe congestion on the Trans-Siberian Railway and the Baikal-Amur Railway create enormous difficulties for the region's development and exploitation of the region, causing great difficulties"⁹.

In the author's opinion, the main factors restricting the implementation of economic development and development policies in the Far East can be summarized in several areas.

First, the problem of population loss is a constraint on the long-term development of the region. According to the official website of the Far Eastern Federal District (FEFD), the population of the region totals 79,026,000 people, or 5.4% of the Russian population¹⁰. The population of the Far East and Trans-Baikal region shows a downward trend from year to year, and according to statistics, as of 2011, the population of the region decreased by 1.8 million people compared to 1991, and by 1.83 million people in 2014¹¹.

Secondly, the region's infrastructure is backward and the transportation capacity of existing railroads is poor. The Far East is economically underdeveloped, with insufficient internal market demand and weak endogenous economic dynamics. The two main railroads, the Trans-Siberian Railway and the Baikal-

Amur Railway, have low carrying capacities and limited freight capacity and carrying capacity.

III. Analysis of the factors influencing the evolution of the Russian Federation Government's Far East policy

The Far East of the Russian Federation is a vast region with large regional differences and a complex external environment. The promotion of the federal government's Far East policy is subject to the checks and balances of multiple factors such as Russia's domestic politics and the neighboring environment.

First, at the domestic political level, the primary task of the Far East development policy is to serve the national interest, maintain homeland security and promote stable socio-economic development in Russia. First, the promotion of Far Eastern policy is based on a state-led development model, relying on strong and effective state capacity. At present, the main carriers of Far East development are monopoly enterprises, which impede the functioning of the market mechanism and leave room for improvement in local activism. Secondly, the imbalance in economic and social development among the different federal entities in the Far East requires the central Government to play a coordinating and restraining role and to strengthen the centripetal force of the central and local authorities.

Second, analyzing from the international political perspective, the evolution of Russia's Far East development policy and the degree of Far East development and opening up are affected by changes in the international environment, including the security environment of the surrounding region, Russia's relations with the major powers, and the economic relations of the Asia-Pacific countries, etc. In the wake of the Ukraine crisis in 2014, the Western countries led by the U.S. collectively initiated multiple rounds of sanctions against Russia, and the perceptions of Russian policymakers and elites about the Far East have changed. The value of the Far East for Russia has been transformed from a large backyard to balance the strategic pressure of Western countries to a platform for Russia to attract foreign investment and technology and create momentum for economic development.

In 2022, the escalation of the Russian-Ukrainian situation superimposed on the game of the major powers of China and the United States, the pattern of international relations accelerated the differentiation and reorganization of the geopolitical risks of the Northeast Asian region intensified, the regional situation became volatile, the pattern of confrontation of the camps appeared. In August 2023, the U.S., Japan, and South Korea held a meeting of the heads of the Camp David summit, consolidating the U.S. Japan and U.S.

⁷ Far East is a priority for Russia for the whole XXI century - Putin [Electronic resource] // Sputnik. URL: <https://md.sputniknews.ru/20230912/dalniy-vostok-yavlyaetsya-prioritetom-dlya-rossii-na-ves-xxi-vek-putin-58368385.html> (accessed December 22, 2023) (in Russian)

⁸ E.A. Frolova Russian Far East in the geopolitical space of the Asia-Pacific region: strategic priorities and threats to national security. "Social and Humanities in the Far East", 2015, No. 1 (45) pp. 162

⁹ Ryzhikova N.P., Kovalenko V.N. Contradictions in the formation of competitiveness of the Far East economy Page. 142.

¹⁰ Far Eastern Federal District (DFO). Encyclopedic guide. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. // <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> [14.03.2024]

¹¹ E.A. Frolova Russian Far East in the geopolitical space of the Asia-Pacific region: strategic priorities and threats to national security. "Social and Humanities in the Far East", 2015, No. 1 (45) pp. 162.

and South Korea bilateral military alliance¹². The U.S. "has taken advantage of the contradictions on the Korean Peninsula to expand its strategic weapons deployment in South Korea and escalate its extended deterrence in South Korea"¹³. "The U.S. is strongly promoting U.S.-Japan-South Korea cooperation to make Japan and South Korea key pillars of geopolitical containment of China and Russia"¹⁴. In addition, the U.S. uses geopolitical issues to actively build the U.S.-Japan-South Korea alliance, the U.S.-Britain-Australia Trilateral Security Partnership (AUKUS), the U.S.-Australia-India-Japan Quadripartite Security Dialogue (QUAD) and other "coterie circles," in an attempt to enhance the influence of the U.S. in the Asia-Pacific region and to curb and suppress the rise of China.

Russia-North Korea relations are drawn in, with a trend toward camp confrontation in Northeast Asia. In September 2023, North Korean Supreme Leader Kim Jong-Un visited Russia and reached a consensus on upgrading the level of relations between Russia and North Korea and on developing military cooperation¹⁵. Putin's state visit to the DPRK in June 2024 and the signing of the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership elevated relations between Russia and the DPRK to a new level. The treaty summarizes that in case of aggression against any of the contracting parties, the other party will provide them with assistance¹⁶. Xiang Haoyu, a special research fellow at the Asia-Pacific Institute of the China Institute of International Studies, said in an interview that the signing of the Russia-North Korea Treaty on Comprehensive Strategic Partnership marks the fact that relations between the two countries have de facto approached the nature of a common defense alliance, and that the upgrading of Russia-North Korea relations is a proactive retort to the West's isolationist suppression¹⁷.

Northeast Asia is the region with the highest concentration of major powers and the most intense game among them. As the United States pursues a strategy of comprehensive competition with China, the United States has suppressed China in areas such as Taiwan, ideology and high technology, and China-United States bilateral relations are facing greater uncertainty. Affected by the crisis in Ukraine, U.S.-Russian relations have been plunged into a deep crisis, with the United States constantly joining forces with its allies to expand the scope and increase the intensity of sanctions against Russia and to maintain economic and

military assistance to Ukraine. U.S.-Russian bilateral relations have deteriorated, and strategic mutual trust and stability have been greatly undermined. Russia's Deputy Foreign Minister Ryabkov said that relations between the United States and Russia "are on the verge of an open arms conflict"¹⁸.

The Far East has become a testing ground for the competition and cooperation among great powers. Japan, South Korea and India are actively involved in the development of Russia's Far East, and measures such as Shinzo Abe's "New Thinking" toward Russia, Moon Jae-in's "New Northern Policy", and India's increased investment in the energy sector in the Far East are all aimed at developing cooperation with the Russian Far East.

IV. Russian development of Far East and cooperation with China

All walks of life in Russia have different evaluations of the development and practical effects of several rounds of Far East policies: the official level has vigorously publicized and pushed forward the implementation of the relevant policies, and the setting up of executive departments such as the Ministry of Far East and Arctic Development reflects the determination of the federal central government to develop the Far East; the academia has a few scholars holding vigilant and critical viewpoints, such as an academician V. L. Lalin of the Russian Academy of Sciences, who believes that "the existing decision-making mechanism for Far East development is more reflective of Moscow's will. The decision-making mechanism for the development of the Far East is more a reflection of Moscow's will, and the federal government decides on the priorities and focus of the development and opening up of the Far East according to the needs of the country, without paying attention to and listening to the views of the Far East"¹⁹.

According to Prof. Shvetsov A.N.²⁰ of the Institute of Systems Analysis of the Russian Academy of Sciences, federal officials have unrealistic expectations of the Far East SEZs, and the Far East's "advanced development zones" are more likely to become black holes draining the region's resources than points of growth; and there is a divergence of opinion among the Far East population about the coherence and consistency of Far East policy, and the importance of the Far East's development. The public in the Far East has mixed feelings about the coherence, continuity and stability of

¹² Zhou Shengsheng, The Complex Background of the U.S.-Japan-South Korea Camp David Summit and Its Challenges to Regional Stability, PENG PING NEWS, https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_24312699 (Accessed: August 30, 2024)

¹³ Zou Zibo, Xiao He Global Political and Security Situation in 2023, Yellow Book on International Situation: Global Politics and Security Report (2024), Beijing: Social Science Literature Press, p. 13.

¹⁴ Feng Rui Zhi, Zou Zhibo Geoconflict and International Patterns (2022-2023), Yellow Book on International Situation: Global Politics and Security Report (2024), Beijing: Social Science Literature Press, p. 44.

¹⁵ DPRK leader's visit to Russia shifts balance of power in Asia, Vzglyad Business Daily, <https://vz.ru/world/2023/9/13/1230315.html> (Accessed: August 26, 2024)

¹⁶ Russia and North Korea Sign Treaty on Comprehensive Strategic Partnership, Xinhua, <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1802299042826535102&wfr=spider&for=pc> (accessed August 25, 2024)

¹⁷ Russia and North Korea Sign Treaty on Comprehensive Strategic Partnership, CCTV, <https://tv.cctv.cn/2024/06/20/VIDE0thB6zhekqyMU3q13y5A240620.s.html> (accessed August 26, 2024)

¹⁸ Ryabkov said that Russian-US relations are on the verge of open armed conflict, <https://tass.ru/politika/17681493> (Accessed August 25, 2024)

¹⁹ Lalin V. External threat as a driving force of exploration and development of Pacific Russia, 2013.05, - Moscow: Carnegie Moscow Center, 29 p.

²⁰ Shvetsov A. N. Instruments of the policy of polarized spatial development // Federalism. 2018. № 1. С. 82-103.

the Far East policy, and is on the fence, fearing that it will be a short-term emergency measure of the Russian Federation government.

The outlook for Russia's Far East policy depends on several factors, including the national governance capacity of the Government of the Russian Federation, which ensures the continuity and stability of Far East policy. At present, the Russian government will continue the guidance of the Far East policy and federal budget inputs for a long time, and the Far East is expected to complete the upgrading of industrial institutions. Second, the state-led, while unleashing the potential of the Far East, improve the business environment, to attract investment from foreign companies, thereby creating jobs for local residents and reducing population loss. Thirdly, the Russian government has integrated its Far East policy into the process of economic integration in Northeast Asia, and is cooperating with China's "New Era Northeast Revitalization" strategy and the China-Mongolia-Russia Economic Corridor.

For China, the Putin government's new round of Far East development policy provides new opportunities for the implementation of the Northeast revitalization strategy in the new situation, and helps to deepen the China-Russia "Northeast-Far East" regional economic cooperation. The Northeast region is located in the center of Northeast Asia, with a significant geostrategic position and good industrial potential. "China has been promoting the upgrading of industrial structure and revitalization of old industrial bases in the Northeast region, and some new industries have been developed vigorously, and it should also implement the strategy of opening up and regional cooperation"²¹. At the same time, Russia's Far East development policy needs to attract investment from China, which is an important partner for Russia's integration into the Asia-Pacific integration process.

In recent years, bilateral economic and trade cooperation between China and Russia has been developing rapidly, and according to official data from the National Development and Reform Commission of the People's Republic of China, bilateral trade between China and Russia reached a record \$190.271 billion in 2022, a year-on-year increase of 29.3%, and China has been Russia's largest trading partner country for 14 consecutive years²². Bilateral trade between China and Russia in 2023 reached \$240.1 billion, ahead of schedule to reach the trade target of 200 billion U.S. dollars²³.

China-Russia Far East economic and trade cooperation has been fruitful, according to China's Ministry of Commerce 2021, China is the number one trading partner and the number one source of foreign investment in Russia's Far East, and as of 2021, the

Chinese side has 58 projects stationed in the Far East Development Zone and the Vladivostok Freeport²⁴.

V. Conclusion

Russia vigorously promotes the development of the Far East policy, not only is the Putin's government in the face of U.S. and European sanctions in the context of breaking the diplomatic isolation of the "breakthrough" move, but also an important point of emphasis for the revitalization of the Russian economy. Russian government is highly interested in promoting the Far East region both domestically and internationally. As a result, a set of specific policies has been applied to develop the region and make it appealing to investors including partners in China.

The strategic docking and cooperation between China and Russia in the Northeast and Far East is the key to the promotion of the Far East policy. Although facing external challenges such as the intensification of the great power game in Northeast Asia, the highlighting of the characteristics of the confrontation between the camps, and the many uncertainties in the neighboring situation, there is still a lot of potential for the development of the Far East region in the future and the space for cooperation.

Analysis of the Evolution and Motivation of Russia's Far East Development Policy in the New Century

Yin Simeng, Bikerniece A.

Dalian University of Foreign Languages

Since the Crimean crisis, Russia has faced enormous pressure and sanctions in various fields from Western countries led by the United States. Against this backdrop, the Putin government has made important adjustments to its foreign policy, implementing the "turn eastward" strategy, intensifying the development of the Far East, and treating the Far East region as an important window for Russia's integration into the Asia-Pacific region. The Far East is regarded as the new driving force of Russian national revitalization in the 21st century, and the Far East development policy of the Russian Federation government has gone through three major stages, from the initial preliminary work deployment and policy formulation, to the clear strategic objectives after the reform of the federal system, to the steady promotion of the policy, and the development of the Far East has had a remarkable effect. The main conclusion of this paper is that Russia's Far East policy is subject to the dual constraints of the domestic political environment and the surrounding environment, and that its future prospects depend on the federal government's ability to govern the country, whether it can stimulate the potential of the Far East region under the state-led model, and whether the surrounding environment is stable, among other factors.

Keywords: Russia; Far East development policy; China-Russia regional cooperation; "Turn East" strategy; national governance capacity

References

²¹ Yu Hongxue, Opportunities and Challenges of Regional Economic Cooperation between Northeast China and the Russian Far East, Qiaoyuan . 2019 (06), p. 11.

²² China-Russia Trade Cooperation Steadily Advancing, National Development and Reform Commission of the People's Republic of China, https://www.ndrc.gov.cn/fggz/gjhz/zywj/202303/t20230325_1351911_ext.html (accessed August 29, 2024)

²³ China-Russia Bilateral Trade Reaches \$240.1 Billion in 2023, Xinjing Daily, <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1798301512433503538&wfr=spider&for=pc> (accessed August 29, 2024)

²⁴ China's Ministry of Commerce: China Continues to Remain Russia's Top Trade Partner and Top Source of Foreign Investment in the Far East, China-Russia Information Network, September 2021, <https://ftz.hlj.gov.cn/dbyzx/1545.html> (accessed August 29, 2024)

1. Chu Dongmei Russian Far East Development Policy and Sino-Russian Cooperation in the Russian Far East, China Borderlands Studies, 2021(01), pp. 143-152. (in Chinese)
2. Li Yonghui, Ni Yueju A study of overdevelopment zones and free ports in the Russian Far East, Eurasian Economy, 2019 (05), pp. 60-74. (in Chinese)
3. Zhao Xinran The current situation and development prospects of the Russian Far East economic super-development zone, Siberian Studies, 2018 (01), pp. 91-93. (in Chinese)
4. Yuan Huiting Research on the Russian Far East Ultra-Forward Development Zone, PhD thesis, May 2022. (in Chinese)
5. Ge Xinrong Russia's Far East super-advanced development: Reflections based on the regional policy level, Foreign Trade and Economics, 2017 (12), pp. 36-38. (in Chinese)
6. Chen Jun, Wang Liguo SWOT analysis of the development of Vladivostok Freeport in Russia, Journal of Mudanjiang Teachers College (Philosophy and Social Sciences Edition), 2015 (05), pp. 23-28. (in Chinese)
7. Liu Feng Analysis of the new gravitational pull of investment in the Russian Far East under the over-the-horizon development zone model, Northeast Asian Journal, 2019 (02), pp. 101-110. (in Chinese)
8. Hu Zheng Development of China-Russia Economic and Trade Cooperation and Construction of China-Russia Far East Logistics Corridor, Russian Journal, 2023 (05), pp. 27-43. (in Chinese)
9. Li Ruisi, Jiang Zhenjun Prospects of Regional Cooperation between Northeast China and the Russian Far East in the Context of "Belt and Road", Journal of Mudanjiang Teachers College (Philosophy and Social Sciences Edition), 2016(03), pp. 31-34. (in Chinese)
10. A.G. Bury, S.V. Greizik New Policy of Russian Far East Development and Its Economic and Trade Cooperation with Northeast Asian Countries, Siberian Studies, 2019 (02), pp. 75-78.
11. Xu Yongji Exploration of regional economic and trade cooperation between Northeast China and the Russian Far East under the Belt and Road Initiative, Academic Exchange, 2019 (08), pp. 93-103. (in Chinese)
12. R.V. Gulidov Toward an assessment of state policy for the development of the Russian Far East, Spatial Economics, 2021(04), pp. 143-167.
13. Xiao Huizhong Russian Far East Policy in the Perspective of Central-Local Relations. (in Chinese)
14. Cui Heng Russian Far East Development in the Perspective of International Political Economy: Paths, Potentials, and Challenges, PhD Dissertation, December 2018. (in Chinese)
15. Zhu Beibei Research on Development Strategies of the Russian Far East and Sino-Russian Regional Cooperation, PhD Dissertation, June 2019. (in Chinese)
16. State regulation of the Far East development: modern approaches: a monograph / I.S. Khvan [et al.]. - Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management - branch of RANEPa, 2019. - 164 c.
17. Development of the economy of the Russian Far East: effects of state policy / edited by P.A. Minakir, S.N. Naiden; Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. - Khabarovsk: Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. - 208 c.
18. Development of the Far East in new institutional conditions: a monograph / I. S. Khvan [et al.]. - Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management - branch of RANEPa, 2022. - 183 c.
19. Larin V. External threat as a driving force of exploration and development of Pacific Russia, 2013.05, - Moscow: Carnegie Moscow Center, 29 p.
20. Shvetsov A. N. Instruments of the policy of polarized spatial development // Federalism. 2018. № 1. C. 82-103.

Ключевые этапы развития Турции в период правления партия справедливости и развития

Кащенко Людмила Павловна

аспирант, кафедра мировых политических процессов, Московского Государственного Института Международных Отношений (Университет) МИД РФ, milmach@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы специфики политики содействия развитию Турции в период правления Партии справедливости и развития. Особое внимание уделяется главным аспектам социально-экономических преобразований, которые произошли в Турции в последние два десятилетия. Исследуется, как все произошедшие изменения в существенной мере повлияли на уровень жизни турецкого населения и его международный статус.

Рассматривается усиление авторитарных тенденций, порождая дискуссии о долгосрочном воздействии принятых политических стремлений на общественное устройство и политическую структуру государства. Анализ данной тематики способствует лучшему пониманию сложных взаимосвязей между внешним и внутренним развитием страны и политической практикой.

Особое внимание отводится анализу трансформации развивающейся страны в условиях глобализации с логично изменяющимися политическими реалиями.

Рассмотрены долгосрочные последствия влияния политических решений на экономическое развитие и социальные преобразования, которые использовались для достижения положительных для развития Турции результатов.

Ключевые слова: партия справедливости и развития, экономическая модернизация, международная легитимность, рыночная экономика, интеграция, институциональные реформы.

Партия справедливости и развития, известная в Турции как Adalet ve Kalkınma Partisi, была основана 14 августа 2001 года. Среди предпосылок её основания отмечается ряд актуальных для страны на тот период тенденций и обстоятельств. Так, однозначно следует выделить следующие аспекты:

1) в конце 1990-х и начале 2000-х годов Турция переживала один из наиболее тяжёлых экономических кризисов. Это время характеризовалось буквально критической обстановкой, представленной высокой инфляцией (к концу 2001 года она достигла уже 68,53% и, как следствие, упало значение турецкой лиры), увеличением государственного долга, а также значительным ухудшением жизненного уровня населения. Совокупность факторов привела к росту безработицы, падению реальных доходов и усилению общественного недовольства.

Правящие в то время политические партии (Республиканская народная партия и Партия национального действия) просто не смогли справиться со всеми вызовами, что в некоторой степени подорвало уровень доверия к ним со стороны электората. Нарастающие социальные возмущения в обществе и потребность в сильном и стабильном управлении способствовали появлению и усилению политических движений, способных предложить новые решения и альтернативные подходы к разрешению экономического кризиса.

Партия справедливости и развития под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана, предстала как политическая сила, предлагающая новую программу экономических реформ и стабилизации в государстве. Партия акцентировала внимание на необходимости экономической модернизации, возможной за счет сокращения государственного долга и борьбы с коррупцией, что нашло отклик со стороны избирателей, искавших изменения и улучшения своего, в первую очередь, экономического положения;

2) 1990-е годы Турции, в частности, как косвенно отмечалось, стали временем значительной политической нестабильности, которая проявлялась через частую смену правительства. Избираемые органы власти, как правило, оказывались неспособными сформировать политическую стратегию, которая в перспективе могла бы соответствовать принципам стабильности и хотя бы минимально результативности (применительно к положениям выработанной политической программе развития страны).

Так, неспособность поддерживать управление страной достигла своей кульминации в феврале 2001 года, когда во время живых теледебатов между премьер-министром Бюлентом Эджеевитом и президентом Турции Ахметом Недждетом Сезером произошел публичный конфликт. Сезер, обеспокоенный ситуацией, бросил в премьер-министра

Конституцию, что стало символом глубокого политического раздора [11]. В сочетании с экономическим упадком, начавшийся политический кризис ещё более предопределил необходимость реформированной действовавшей системы;

3) в Турецкой Республике, государстве с укоренёнными секулярными и демократическими традициями, введёнными первым президентом Мустафой Кемалем Ататюрком, традиционно доминировали те политические партии, которые поддерживали строгое разделение религии и государства. Однако, несмотря на секулярную политику, в обществе продолжали сохраняться и даже расти глубокие религиозные чувства и идентичность, особенно среди менее урбанизированных и более консервативных слоёв населения.

Партия справедливости и развития сумела же обратить «в свою пользу» эту тенденцию, предложив избирателям новый подход к сочетанию данных категорий. Партией была выдвинута концепция умеренного ислама, которая предусматривала сочетание религиозных ценностей вместе с современными демократическими принципами и европейскими стандартами управления. Данная стратегия позволила партии привлечь значительную поддержку среди населения, чувствовавшего себя отчуждённым, а потому искавшего способы выразить свои религиозные убеждения в публичной и политической жизни.

Используя такую модель, Партия заручилась поддержкой, предоставив электорату возможность интеграции религиозных убеждений с социальной и политической активностью, что было новшеством политики того времени;

4) наличие влиятельных лидеров, таких как, например, Реджеп Тайип Эрдоган и Абдуллах Гюль, сыграло решающую роль в продвижении Партии справедливости и развития, именно эти имена больше всего ассоциируются с партией. Эрдоган и Гюль обладали не только политическими амбициями, но и умением находить отклик среди граждан.

Эрдоган, начавший свою карьеру в местной политике, уже имел статус успешного мэра Стамбула, что позволило ему выстроить значительную базу поддержки. Его способность говорить на языке, который понятен «обычным» гражданам, и акцентирование на экономических или социальных вопросах, важных для среднего и нижнего слоёв общества, усилили его популярность как политического игрока.

Абдуллах Гюль, со своей стороны, добавил в политику самой партии элемент международной легитимности и умеренности, будучи воспринятым как политик, способный сотрудничать с западными странами. Гюль, по сути, поспособствовал продвижению Турции на пути к интеграции с Европейским Союзом, что, логично, повлияло на турецких избирателей, заинтересованных в улучшении международного статуса и экономических перспектив страны.

Сочетание Эрдогана, лидера, акцентирующего внимание на внутренней политике и исламских ценностях, и Гюля, выступавшего за модернизацию и

европейскую интеграцию, сформировало уникальный тандем, привлёкший разные группы турецкого общества. В этом смысле умение апеллировать как к религиозным, так и к секулярным, модернистским составляющим турецкой идентичности оказало значительное влияние на политические успехи партии, крепко закрепившей свои позиции на политической арене;

5) в конце 1990-х годов Турция активизировала усилия по вступлению в Европейский Союз, что стало важным направлением внешней и внутренней политики страны. Это требовало от государства выполнения Копенгагенских критериев, которым должны были отвечать страны, стремящиеся к членству в организации. Выполнение критериев обуславливало начало перестройки, причем не только законодательной, но также и культурно-политической базы страны, которые предопределяли совокупность реформ.

Во-первых, достижения стабильности всех институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, права человека и защиту меньшинств. Для Турции это означало необходимость реформирования правоохранительных структур, укрепление независимости судебной системы, а также обеспечение свободы слова, сбора и ассоциаций, в том числе для курдского меньшинства.

Во-вторых, функционирования рыночной экономики. Страна-кандидат должна доказать свою способность справляться с конкурентным давлением и рыночными силами внутри Европейского союза. Для этого Турции, исходя из явных последствий экономического кризиса, требовалось стабилизировать своё макроэкономическое положение, оптимизировать направления борьбы с коррупцией и улучшить инвестиционный климат.

Третий критерий был связан со способностью государства принимать обязательства, связанные с членством, включая согласование национального законодательства с правовыми нормами и политикой Союза. Это требовало от Турции реализации адаптационных механизмов для законодательства и стандартов во многих областях деятельности, начиная от сельского хозяйства и заканчивая защитой окружающей среды и энергетикой.

Для того чтобы выполнить указанные критерии, Турция начала процесс широкомасштабных реформ. Особое внимание уделялось улучшению прав человека, таких как свобода выражения и права меньшинств. Экономические реформы были направлены на устойчивость и интеграцию в более крупный европейский рынок. Встречая множество препятствий и вызовов, эти усилия были важными шагами в попытке Турции стать полноценным членом Союза.

Партия справедливости и развития проявила себя как способной для проведения и поддержки необходимых изменений. Она дополнила сущность своей политической программы, делая акцент на европейской интеграции как одной из основных стратегических целей государства.

Так, на пути к Европейскому Союзу Партия справедливости и развития предложила и реализовала

ряд мероприятий, направленных, соответственно, на укрепление демократических институтов, повышение уровня и важности гласности в системе государственного управления и разработку политики в сфере антикоррупционной деятельности. Эти шаги были частью стратегии по демонстрации готовности Турции соответствовать европейским стандартам и получить полноценное членство в Европейском Союзе (однако, как известно, добиться такого участия страны в организации так и не удалось).

Далее, в ноябре 2002 года Партия справедливости и развития одержала убедительную победу на выборах, получив почти две трети мест в Великом национальном собрании Турции. Такой успех позволил партии формировать однопартийное правительство, ставшее, по сути, началом долговременного доминирования партии в турецкой политике.

Примечательно, что результаты парламентских выборов представлены буквально сенсационным характером. Он состоял в том, что победа Партии справедливости и развития (в понимании преимущественного числа голосов избирателей), ожидаемая как общественностью, так представителями власти, отразила соотношение, которое и стало удивительным – прежде правящие партии (составляющие коалицию, едино представляющую власть в стране) не преодолели и минимальный десятипроцентный барьер. Демократическая левая партия Эджевита получила чуть больше 1% голосов, «раскольники» во главе Исмаилом Джемом (на момент – Министр иностранных дел Турции) – примерно столько же [12].

С приходом к власти Партия справедливости и развития приступила к реализации ранее запланированных экономических и политических реформ. Внутренняя и внешняя политика партии вызвала разнообразные реакции. С одной стороны, многие ценили экономическую стабильность и укрепление международного статуса государства. С другой же стороны, были выражены опасения по поводу авторитарных тенденций, связанных преимущественно с подавлением свободы прессы и ограничением прав человека.

Партия оставалась во власти на протяжении многих лет, проходя через все трудности, включая попытку государственного переворота в 2016 году (часть турецких военных приняла попытку совершить военный переворот в стране, взяв под свой контроль ряд стратегически важных объектов. Попытка обернулась неудачей – власть осталась в руках текущих её представителей).

Сегодня Партия справедливости и развития продолжает быть важным представителем политической жизни Турции, а потому необходимо изучить её влияние на укрепление позиций страны в важных областях деятельности.

Период правления Партии справедливости и развития применительно к внешней политике Турции характеризуется через динамичные концепции с целью укрепления международного положения страны. Достижением партии является существенная ликвидация модели зависимого развития турец-

кого государства от США, которая создавалась Вашингтоном с 1945 года. Она основывалась на американском контроле ключевыми элементами турецкого общества: армии, части экономики, турецкой элиты, моделировании внешней политики, через втягивание Анкары в проамериканские блоки. Существенно ослабив американское влияние на политику Турции, руководством Партии справедливости и развития провозглашена цель – превращение Республики в региональную державу и в одного из ведущих мировых игроков [5, с. 54-55].

Под руководством Эрдогана Турция стремится расширить влияние, реализуя следующие направления внешней политики:

1) укрепление регионального влияния, предполагающее утверждение интеграционных и дипломатических амбиций в регионе, включая Балканы, Центральную Азию, Ближний Восток и Северную Африку. Основные цели этого направления включают экспансию экономических связей, повышение политического влияния и укрепление культурных и исторических связей.

Партия стремится использовать геополитическое положение Турции для развития экономических коридоров, которые повышают транспортную доступность и энергетическую интеграцию. Такие намерения воплощаются посредством проектов, таких как, например, «один пояс, один путь».

Инициатива «Один пояс, один путь», известная как Новый Шелковый путь, представляет собой глобальный проект экономического содержания, разработанный Китаем, который стремится возродить древние торговые пути и укрепить сотрудничество между государствами. Турция, под руководством Партии справедливости и развития, активно участвует в этом проекте, видя в нем значительные возможности для инфраструктурного обеспечения своего дальнейшего развития (в первую очередь, международной интеграции) [3, с. 322-323].

Инициатива позволяет государству привлечь иностранные инвестиции в строительство дорог, мостов и портов, тем самым способствуя интеграции турецкой экономики в цепочки поставок и увеличивая её торговый оборот с азиатскими странами (преимущественно с такими странами как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан, суммарный оборот с которыми достигает в среднем 200-300 миллиардов долларов, как на экспорт, так и на импорт) [13].

Помимо этого, проект укрепляет геополитическое положение Турции как стратегического партнера и транспортного центра, соединяющего Европу и Азию. При этом Партия справедливости и развития использует проект не только в экономических целях, но и для укрепления дипломатических связей с Китаем и прочими государствами-участниками проекта, что поддерживает внешнеполитические амбиции Турции и, следовательно, прямо способствует углублению регионального взаимодействия.

Экономическое сотрудничество как составляющая внешней политики Турции усиливается, в частности, за счет двусторонних торговых договоров.

Например, Турцией был подписан договор о свободной торговле с Южной Кореей [14, с. 260], что позволило странам расширить доступ к своим рынкам, особенно в секторах электроники и автомобилестроения.

Аналогичные соглашения страна заключила и с Сингапуром, который является важным финансовым центром в Азии [15], и с Великобританией после Брексита последней [16], что обеспечило продолжение взаимовыгодной торговли между странами в новых экономических условиях. Эти договоры не только стимулируют экономическое развитие через увеличение торговых оборотов, но и служат инструментом политического влияния, укрепляя международное положение Турции как стратегического партнера.

Благодаря целенаправленным институциональным реформам Турция продвигается к современной модели экономического развития. Происходит это при помощи растущих инвестиций в основной капитал, использования высоких технологий и инноваций для достижения экономического роста, а также за счет участия в международной финансовой, производственной и научно-технической кооперации.

При этом международная кооперация является не только важнейшим фактором, определяющим характер взаимоотношений экономики страны с мировой экономикой и возможность перехода национальных предприятий на новый технологический уровень, но и, в частности относится к факторам успеха проводимых изменений [6, с. 171].

В политической области Турция активно использует свои отношения с мусульманскими и тюркоязычными странами для формирования блоков, которые по силе могут противостоять доминированию Запада и продвигать собственные интересы в международных организациях. Турция, в том числе ищет возможности медиации в региональных конфликтах, что явно видно на примере Сирии и Ливии, по отношению к которым Анкара пытается взять на себя роль международного актора;

2) анализ концептуальных основ турецкой позволяет сделать вывод, что ее основой, несмотря на отставку в 2016 году Ахмета Давутоглу, по сей день выступает разработанная им концепция «Стратегическая глубина». Это целостная теория, предполагающая, что Турция должна использовать своё уникальное геополитическое положение вместе с историческим наследием для усиления своего влияния, как в регионе, так и во всем мире [9, с. 111-114].

Исходя из положений этой концепции, следует, что внешняя политика государства должна основываться на совокупности следующих категорий:

– Турция как центральное государство подчеркивает геостратегическое положение страны как «моста» между Востоком и Западом, что позволяет Анкаре играть некоторую роль в региональных и глобальных отношениях;

– приоритет мягкой силы указывает на использование культурного, политического или же экономического влияния в направлении достижения внешнеполитических целей без применения военной силы;

– отсутствие проблем с соседями как составляющая концепции состоит в направленности на минимизацию конфликтов с территориально близкими государствами и налаживание стабильных отношений, хотя в реальности этот аспект сталкивается с вызовами, особенно в свете сирийского конфликта и напряженности в отношениях с некоторыми странами;

– экономическая взаимозависимость, подразумевающая стремление к экономическому сотрудничеству, способствует региональной интеграции и устойчивому развитию Республики;

– историческое наследие используется для установления культурных и исторических связей с нациями, что помогает укрепить внешнеполитическое влияние Турции на международном пространстве;

– гуманитарная дипломатия (оказание помощи и поддержка иных стран в кризисных ситуациях) укрепляет международный имидж страны;

– международное посредничество, выражаемое через активное участие Турции в разрешении региональных конфликтов и споров, подтверждает её роль как важного международного посредника;

– критерий концепции, именуемый как «страна-модель» олицетворяет стремление Турецкой Республики быть примером эффективного сочетания ислама, демократии и современного экономического развития;

– энергетический хаб-коридор отражает же стремление использовать географическое положение Турции для транзита энергоресурсов из регионов Каспийского моря и Ближнего Востока в Европу, усиливая, таким образом, позиции государства в системе энергетической безопасности;

3) в период правления Партии справедливости и развития обострились вопросы национальной и региональной безопасности, придававшие особое значение взаимодействию страны с НАТО. Становление Турции как державы и её участие в НАТО оставались основополагающими аспектами её внешней политики.

Безопасность границ и международная стабильность стали основными приоритетами, в особенности в условиях сирийского конфликта и, конечно, угроз терроризма. Турция применяла военные ресурсы и интеллектуальные способности для противодействия различным по характеру формам угроз, включая экстремистские группировки.

Эпоха Партии справедливости и развития совпала с эпохой изменения политических ориентиров государства, а вместе с тем – с периодом коренной трансформации антитеррористической стратегии Анкары, которая, как и в прежние годы, осталась во многом подтверждена внешнеполитическому курсу. Турция постепенно отдалялась от Запада в лице США и Европейского Союза и все больше стремилась к Востоку, что уже, в свою очередь, отразилось на внутрисредственной и внешней политике страны в области обеспечения безопасности.

В значительной степени, к примеру, ужесточилась риторика президента страны относительно проблематики религиозного терроризма, которая ранее не так явно выносилась на повестку. В рамках

начатой Эрдоганом политики по защите международного мусульманского сообщества президент Турции решительно осудил теракт в мечети в Новой Зеландии в 2019 году, выразив соболезнования «всему исламскому миру» [17].

Вместе с тем достаточно смелые и непопулярные для президента ранее заявления стали озвучиваться первым лицом Турции в отношении тех государств, политика которых очевидно не соответствует интересам Анкары. Так, например, за действия Тель-Авива в секторе Газа лидер Турции назвал Израиль «террористическим государством» [18].

Перемены отразились, помимо прочего, и на пересмотре политических подходов к терроризму и террористических организаций, совершенствовании методов борьбы с угрожающими безопасности Турции террористическими элементами. Турция по-прежнему оставалась активной в НАТО, участвуя в многосторонних учениях и операциях, наряду с другими странами-членами Альянса. Данное партнёрство помогало укреплять оборонные возможности страны, а также поддерживать оборонную кооперацию и военно-техническое сотрудничество с государствами. Турция, по сути, использовала своё участие в организации для обеспечения национальных интересов, пропагандируя при этом важность поддержания международной безопасности и стабильности.

Тем не менее, отношения с НАТО иногда осложнялись, особенно при возникновении вопросов, что касаются внутренней или внешней политики. Например, моментом напряжения стало приобретение Турцией российской системы противовоздушной обороны С-400.

Это решение вызвало обеспокоенность среди других членов Альянса, поскольку НАТО основывает оборонную политику на принципах взаимной совместимости и стандартизации вооружений всех членов. Закупка системы, которая не совместима с общими системами НАТО, рассматривалась как потенциальный риск для безопасности общих оборонительных операций.

Решение также вызвало опасения относительно возможных секретных технологических рисков, поскольку все имеющиеся у Турции американские истребительные самолёты F-35 в целом могли оказаться уязвимыми перед российской системой, что в ближайшей перспективе позволило бы России получить доступ к классифицированной информации о технологиях НАТО. В ответ на указанные действия США приняли решение исключить Турцию из программы F-35, что ещё больше осложнило отношения сторон.

Попытки США и НАТО давить на турецкое руководство, вынуждая его отказаться от военного сотрудничества с Россией, и иные случаи отсутствия взаимопонимания между членами Альянса вызывают в турецком обществе дискуссии, касающиеся отношений Анкары с организацией [8, с. 145]. Но, несмотря на эти сложности, Турция все-таки продолжает оставаться важным членом НАТО в регионе;

4) Партия справедливости и развития стремилась к развитию не только экономического и политического потенциала Турции, но и поддержанию её культурных основ. В частности, государство активизировало работу в сфере культурной дипломатии, включавшей проведение культурных фестивалей, выставок, концертов и прочих мероприятий за рубежом, а также поддержку изучения турецкого языка и культуры через открытие культурных центров и институтов в разных странах мира.

Примером успешной культурной работы служит институт Юнус Эмре в Вашингтоне. В Египте институт сотрудничает с местными университетами и организациями, ведя совместные проекты, углубляющие исторические и культурные связи между странами.

Сотрудничество не только способствовало укреплению отношений на культурном уровне, но также и играло значительную роль в популяризации турецких традиций и национального наследия за пределами страны. Кроме того, Турция использовала культурный обмен в качестве инструмента для повышения политического и экономического влияния, особенно в регионах стратегического значения (Ближний Восток, Центральная Азия и Балканы).

Культурная политика партии акцентировала внимание на возрождении наследия Османской империи, позволившей Турции налаживать контакты и укреплять связи со странами, имеющими османское прошлое. Мероприятия в области культуры, следовательно, приносят результат, позволяя преодолеть предубеждения и стереотипы, ознакомить и повысить интерес к своей стране, сближают народы и позволяют повысить лояльность со стороны местного населения, упрощая экономическое и политическое взаимодействие [2, с. 64-66].

5) российско-турецкие отношения с начала XXI века прошли серьёзный путь эволюции. Обе державы работают на двух уровнях, являясь партнёрами и конкурентами одновременно.

Процесс ограниченного военно-технического сотрудничества, проекты в энергетической сфере и в вопросах координации действий по сокращению влияния США на юге Евразии и, особенно в Восточном Средиземноморье и Черноморском регионе сближают позиции Анкары и Москвы.

В это же время, существуют фундаментальные противоречия, которые связаны с конкуренцией стран: она осуществляется опосредованно, через создаваемую сторонами систему государств-партнёров, союзников. Армения, Греция, Израиль, Иран, Украина, Азербайджан, Турция во внешней политике имеют четкую противоположную ориентацию, прямо конкурируя в системе взаимодействия Москвы и Анкары, формируя региональный баланс сил [5, с. 60].

Внутренняя политика Турции при правлении Партии справедливости и развития аналогично сопровождалась серией экономических реформ, целью которых была стабилизация и либерализация турецкой экономики. Одним из ключевых аспектов стала приватизация государственных предприятий.

Процесс предполагал собой передачу государственного контроля над промышленными и инфраструктурными объектами частным субъектам для привлечения частных инвестиций и стимулирования экономического роста. Приватизация использовалась как средство уменьшения государственных расходов на поддержку неэффективных предприятий, снижение внешнего долга и оптимизацию экономической структуры путём сокращения прямого участия государственных структур в экономике. Она же помогла повысить конкурентоспособность промышленности посредством внедрения частных инноваций и технологий.

Однако процесс сопровождался критикой, вызывавшей общественные и политические споры, особенно в контексте потенциальной потери контроля над стратегически важными отраслями и возможности ущемления интересов трудовых коллективов. В ответ на эти вызовы Правительство осуществляло меры поддержки, включая программы переподготовки и социальной защиты работников, пострадавших от приватизационных механизмов.

В сфере налоговой политики Партия справедливости и реформ провела ряд изменений, направленных на снижение налоговых ставок и налогового уклонения. Усилия способствовали увеличению налоговых сборов и сделали налоговую систему привлекательной для инвесторов.

Снижение налоговых ставок призвано стимулировать как внутренние, так и внешние инвестиции, уменьшить нагрузку на представителей области предпринимательской деятельности и личные доходы граждан, тем самым, стимулируя экономическую активность и расширение бизнеса. Кроме того, оно направлено на усиление конкурентоспособности экономики Турции на международном уровне.

Борьба с налоговым уклонением шла улучшением администрирования налогов, внедрением цифровых технологий в налоговую систему, а также ужесточением контроля за выполнением налогового законодательства. Так, в результате приведенных реформ правительство не только увеличило объёмы налоговых поступлений, но и укрепило доверие граждан и бизнес-среды.

Стимулируя урбанизацию, Партия справедливости и развития делала значительный акцент на повышении качества городской жизни. Для полной реализации стратегических намерений в указанном направлении, строились новые дома и улучшались транспортные сети, шло развитие общественного пространства, делавшего города привлекательными для дальнейшей жизни.

В рамках урбанизационных инициатив, особое внимание уделяется экологическим вопросам. В первую очередь – программам снижения уровня загрязнения, включающих разработку и внедрение технологий для очистки воздуха и воды, введение норм, ограничивающих выбросы вредных веществ промышленными предприятиями, и поддержку перехода к экологически предрасположенным видам транспорта (таким как электробусы и гибридные автомобили, например).

Во-вторых, элементом устойчивой урбанизации является сохранение и защита природных ресурсов, что достигается через создание зелёных зон, национальных парков в пределах и вокруг городов, а также реализацию проектов озеленения. Решения не только улучшают экологическое состояние городских территорий, но и повышают качество жизни населения страны, способствуя формированию устойчивой окружающей среды [19].

Во внутренней политике также совершенствуются подходы к решению религиозных и этнических вопросов, что проявилось в усиленных усилиях по управлению вопросами меньшинств, обеспечению свободы вероисповедания. Указанное направление политики осуществлялось посредством реализации новых законодательных инициатив по содержанию направленных на защиту прав меньшинств, а также предоставление равных возможностей для всех граждан, независимо от их этнического происхождения или их религиозных убеждений.

Составляющей такой политики является создание механизмов, которые облегчают сотрудничество между религиозными и этническими группами, способствуя, тем самым, укреплению общественного согласия и гармонии. Кроме того, улучшается нормативно-правовая база, регулирующая вопросы свободы вероисповедания, позволяющая обеспечить доступ к учреждениям и услугам для всех слоев населения [7, с. 67-75].

При помощи отмеченных средств Правительство стремится к созданию инклюзивного общества, в котором уважение к личности и относительная множественная культурность будут способствовать социальному прогрессу.

Литература

1. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом // АПЕ. 2023 [1, с.117].
2. Ашуркова Л.А. Турция как перспективное пространство для межкультурного диалога // Молодой ученый. 2022 [44, с.439].
3. Валиахметова Г.Н., Герман М.А. Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу «один пояс – один путь» // Научный диалог. 2020 [2].
4. Генч К.В. Политика партии справедливости и развития (ПСР) в необходимости и применимости президентской системы в Турецкой Республике // OJHPL. 2022 [2].
5. Ирхин А.А. Внешняя политика руководства партии справедливости и развития Турции и геополитические интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019, [3].
6. Кашбразиев Р.В. Факторы экономического развития Турции в XXI веке // ВЭПС. 2021 [1].
7. Лемешко Г.А. Религия и политика: точки соприкосновения // Культура и цивилизация (Донецк). 2021 [2, с.14].
8. Свистунова И.А. Отношения Турции и НАТО в оценках турецких исследователей // Современная Европа. 2022. № 4 (111).

9. Третьяк С.С. Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022 [2].

10. Хасанов Р.Ш. Трансформация партийной системы современной Турции // ПОЛИТЭКС. 2017 [1].

11. On the brink again [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economist.com/special/2001/02/22/on-the-brink-again> (дата обращения: 12.07.2024).

12. В Турции восторжествовала справедливость [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/349788> (дата обращения: 12.07.2024).

13. Назван показатель товарооборота Турции со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trend.az/casia/kyrgyzstan/3693966.htm> (дата обращения: 13.07.2024).

14. Хренов В.В. К 65-летию установления официальных отношений между Турцией и Республикой Корея // Китай: история и современность: материалы VIII международной практической конференции. Издательство Уральского университета, 2015. С. 260.

15. Министры финансов Сингапура и Турции подписали всеобъемлющий двусторонний договор о свободной торговле [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://offshore.su/blog/offshore_news/ministry-finansov-singapura-i-turcii-podpisali-vseobemly-ushhij-dvustoronnij-dogovor-o-svobodnoj-torgovle.html (дата обращения: 13.07.2024).

16. Турция и Великобритания подписали соглашение о свободной торговле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/10378467> (Дата обращения: 13.07.2024).

17. Президент Турции решительно осудил теракты в мечетях в Новой Зеландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6220031> (дата обращения: 13.07.2024).

18. Эрдоган вновь назвал Израиль террористическим государством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19287267> (дата обращения: 13.07.2024).

19. Проблемы урбанизации и устойчивого развития в Турции [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.appropedia.org/Urbanization_and_Sustainability_Issues_in_Turkey/ru (дата обращения: 14.07.2024).

Key stages of turkey's development during the rule of the justice and development party

Kashchenko L.P.

Moscow State Institute of International Relations (University)
THE Russian Foreign Ministry

The article discusses the specifics of the policy of promoting the development of Turkey during the reign of the Justice and Development Party. Special attention is paid to the main aspects of the socio-economic transformations that have taken place in Turkey over the past two decades. The

article examines how all the changes that have occurred have significantly affected the standard of living of the Turkish population and its international status.

The strengthening of authoritarian tendencies is considered, giving rise to discussions about the long-term impact of accepted political aspirations on the social structure and political structure of the state. The analysis of this topic contributes to a better understanding of the complex interrelationships between the external and internal development of the country and political practice.

Special attention is paid to the analysis of the transformation of a developing country in the context of globalization with logically changing political.

Keywords: justice and Development Party, economic modernization, international legitimacy, market economy, integration, institutional reforms.

References

1. Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Turkey in the modern world: between democracy and authoritarianism // APE. 2023 [1, p.117].
2. Ashurkova L.A. Turkey as a promising space for intercultural dialogue // Young Scientist. 2022 [44, p.439].
3. Valiakhmetova G.N., German M.A. Features of Turkey's integration into the Chinese initiative "one belt– one road" // Scientific Dialogue 2020 [2].
4. Gench K.V. The politics of the Justice and Development Party (AKP) in the necessity and applicability of the presidential system in the Republic of Turkey // OJHPL. 2022 [2].
5. Irkhin A.A. The foreign policy of the leadership of the Justice and Development Party of Turkey and the geopolitical interests of Russia // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2019, [3].
6. Kashbraziev R.V. Factors of economic development of Turkey in the XXI century // VEPS. 2021 [1].
7. Lemeshko G.A. Religion and politics: points of contact // Culture and civilization (Donetsk). 2021 [2, p. 14].
8. Svistunova I.A. Relations between Turkey and NATO in the assessments of Turkish researchers // Modern Europe. 2022. № 4 (111).
9. Tretyak S.S. Ahmet Davutoglu's concept of "Strategic depth": theory and practice // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2022 [2].
10. Hasanov R.S. Transformation of the party system of modern Turkey // POLITEX. 2017 [1].
11. On the brink again [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economist.com/special/2001/02/22/on-the-brink-again> (дата обращения: 12.07.2024).
12. Justice has prevailed in Turkey [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/349788> (date of application: 07/12/2024).
13. The indicator of Turkey's trade turnover with the countries of Central Asia is named [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.trend.az/casia/kyrgyzstan/3693966.htm> (date of application: 07/13/2024).
14. Khrenov V.V. On the 65th anniversary of the establishment of official relations between Turkey and the Republic of Korea // China: History and modernity: proceedings of the VIII International Practical Conference. Ural University Press, 2015. p. 260.
15. The Finance Ministers of Singapore and Turkey signed a comprehensive bilateral free trade agreement [Electronic resource]. – Access mode: https://offshore.su/blog/offshore_news/ministry-finansov-singapura-i-turcii-podpisali-vseobemly-ushhij-

- dvustoronnij-dogovor-o-svobodnoj-torgovle.html (date of application: 07/13/2024).
16. Turkey and the United Kingdom have signed a free trade agreement [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/ekonomika/10378467> (Date of application: 07/13/2024).
 17. The Turkish President strongly condemned the terrorist attacks on mosques in New Zealand [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6220031> (date of application: 07/13/2024).
 18. Erdogan again called Israel a terrorist state [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19287267> (date of application: 07/13/2024).
 19. Problems of urbanization and sustainable development in Turkey [Electronic resource]. – Access mode: https://www.appropedia.org/Urbanization_and_Sustainability_Issues_in_Turkey/ru (accessed: 07/14/2024).

Научная дипломатия России в Латинской Америке на примере Мексики

Курбатов Дмитрий Михайлович

аналитик Центра научной дипломатии и перспективных академических инициатив ИМИ МГИМО МИД России

В статье рассматривается современное состояние осуществления научной дипломатии Российской Федерации в Латинской Америке на примере Мексики: государства-лидера региона в области науки и технологий.

Цель исследования заключается в формулировании практических рекомендаций в области реализации отечественной научной дипломатии в отношении Мексики, в частности, и дружественных государств Латинской Америки, в целом, на основе обобщения позитивного опыта научной дипломатии России и латиноамериканских государств в первой четверти XXI века. В рамках статьи феномен научной дипломатии рассматривается в контексте гуманитаризации как тренда мирополитического развития, а практика научной дипломатии представлена по двум фундаментальным направлениям — научно-образовательное и научно-технологическое взаимодействие. Автор резюмирует эволюцию развития научной дипломатии России и Мексики в постбиполярный период, определяет ключевые институты, инструменты и ресурсы научной дипломатии двух государств. В целях сопоставления Мексики с другими региональными акторами автором также представлены основные функции и отдельные тренды научной дипломатии во всей Латинской Америке. Практическая часть работы состоит в выявлении преимуществ и ограничений, а также обозначении наиболее перспективных направлений дальнейшего развития научно-образовательной и научно-технологической кооперации России и Мексики, которые могут быть потенциально использованы и при реализации российского научно-дипломатического курса в отношении других стран региона. По результатам отраслевого, факторного и акторного анализа предложены возможные правовые, административные, финансовые, технические и иные меры практического характера, реализация которых могла бы повысить качество и эффективность реализуемых проектов и инициатив с латиноамериканскими партнерами.

Ключевые слова: международное гуманитарное взаимодействие; научная дипломатия; научно-образовательное сотрудничество; научно-технологическое сотрудничество.

Научная дипломатия как перспективное направление международного гуманитарного взаимодействия

В настоящее время в исследовательском сообществе и политическом дискурсе сохраняется многообразие трактовок понятия «научная дипломатия». В наиболее широком смысле под научной дипломатией понимается процесс, с помощью которого государства представляют свои интересы на международной арене в вопросах, касающихся областей знаний, полученных научным методом, а именно их приобретения, использования и передачи. Данное направление дипломатической работы может быть применено как в целях решения глобальных проблем или для расширения межгосударственного сотрудничества, так и в качестве средства усиления влияния одного государства на другое [6: 3-4]. К основополагающим направлениям современной научной дипломатии относится обмен накопленным опытом в сфере НИОКР, технологий, инноваций, в том числе путем проведения консультаций по вопросам научно-технологического взаимодействия, мероприятий в области международного экспертного диалога; проведение совместных межгосударственных научных исследований и межстрановое взаимодействие на уровне научных и образовательных организаций; реализация программ студенческих обменов и академической мобильности [2:11-12].

В современных международных отношениях, сочетающих элементы конкуренции и сотрудничества, особую значимость приобретает гуманитарная сфера, которая может быть рассмотрена не только в качестве еще одной арены противоборства, но и как основа кризисного регулирования и выстраивания конструктивного взаимодействия. Согласно М.М. Лебедевой, о гуманитаризации мировой политики свидетельствует появление новых областей в международно-политической практике (например, мирополитические аспекты высшего образования, здравоохранения, туризма и др.) и усиление гуманитарной составляющей в традиционных сферах (военно-политической, экономической, правовой) [1:76-80]. Рассматривая гуманитаризацию как усиление значимости гуманитарных аспектов в межгосударственном взаимодействии, следует заметить, что в условиях «разворота России на Восток» происходит интенсификация гуманитарных контактов Российской Федерации с «незападными» странами — дружественными государствами «глобального Юга». Особое место принадлежит Латинской Америке, со странами которой активно развивается не только политическое и экономическое сотрудниче-

ство, но и социально-гуманитарное взаимодействие. Одним из активно развивающихся и перспективных направлений международного гуманитарного сотрудничества является научная дипломатия. Представляется, что развитие научной дипломатии России на латиноамериканском направлении будет способствовать укреплению не только гуманитарных, но и политико-экономических связей с регионом и его государствами-лидерами, к которым на основании ряда критериев (степень развития институциональной структуры, проработанность национальных стратегий в области научной дипломатии, наличие конкретных сфер научно-технологического и инновационного регионального лидерства, высокие позиции в международных рейтингах конкурентоспособности, науки, технологий и инноваций, наличие межрегиональных и международных инициатив в области научной дипломатии, позитивный опыт в развитии научно-образовательного или научно-технологического сотрудничества с Российской Федерацией и др.) будет справедливо отнести, прежде всего, Мексику, Бразилию и Чили.

Представляется полезным проанализировать, с помощью каких инструментов и с использованием каких форматов можно повысить эффективность научной дипломатии России в регионе. На примере взаимодействия с Мексикой автор предлагает ряд практических рекомендаций, которые могут быть использованы и для развития научно-дипломатических контактов с другими странами региона. Кейс-анализ в ходе работы осуществляется по двум основополагающим направлениям научной дипломатии — научно-образовательному и научно-технологическому взаимодействию.

Развитие научной дипломатии России и стран Латинской Америки на современном этапе

В развитии постсоветской научной дипломатии России принято выделять несколько этапов. Период с 1996 г. по середину 2000-х гг. рассматривается как транзит от либеральной парадигмы международного научно-технологического сотрудничества к реалистской», сопровождаемый умеренной политизацией научной дипломатии, выраженной в приоритизации национальных интересов [3: 387-390]. С середины 2000-х до конца второго десятилетия XXI в. происходила переориентация на экономическое измерение международного научно-технологического сотрудничества при четком формировании научной дипломатии как концепта в его современном виде [3: 388-389]. Современный этап связан с включением научной дипломатии в нормативно-правовые рамки путем принятия Концепции международного

научно-технологического сотрудничества Российской Федерации 2019 г.²⁵.

К наиболее влиятельным акторам научной дипломатии Российской Федерации относятся МИД РФ, Россотрудничество, Министерство науки и высшего образования России; научные организации (Российская академия наук, НИЦ Курчатовский институт, Объединенный институт ядерных исследований и др.), образовательные организации, прежде всего, университеты, научные фонды (напр., Российский научный фонд (РНФ), некоммерческие организации и партнерства (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, РСМД, Международный дискуссионный клуб «Валдай» и др.) [2:27-29].

Существенным ресурсом научной дипломатии России продолжает оставаться конкурентоспособное, высококачественное и сравнительно недорогое образование. В 2023 г. Россия заняла 6 место в мире по количеству обучающихся иностранных студентов (более 62 тысяч)²⁶. Другим значимым аспектом научной дипломатии является создание в России специализированных исследовательских центров по данной проблематике, выполняющих в том числе роль «координаторов» реализации инициатив в сфере научной дипломатии и международного научно-экспертного диалога. В частности, подобный центр, созданный в МГИМО МИД России в 2021 г. функционирует в структуре Института международных исследований²⁷.

«Практическая» научная дипломатия России, воплощенная, в первую очередь, в виде международной научно-технологической кооперации российских научных коллективов с иностранными коллегами, включая латиноамериканских партнеров, вносит позитивный вклад в развитие внешнеполитических отношений России с зарубежными государствами и является одним из факторов успешного развития российской науки и научно-технического прогресса, несмотря на политические и санкционные ограничения.

Что касается Латинской Америки, то несмотря на то, что, по замечанию самих латиноамериканских специалистов, эффективность реализуемых научных инициатив зачастую носит ограниченный характер в силу политической нестабильности, идеологической раздробленности, проблемам финансирования, избыточности и пересечения функционала научных форумов высокого уровня и другими причинами, в настоящее время во многих латиноамериканских государствах заметна последовательная институционализация научной дипломатии, выраженная во включении департаментов или отделов научного сотрудничества в структуру профильных

²⁵ Концепция международного научно-технологического сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правительства Российской Федерации от 08 февраля 2019 года № ТГ-П8-952 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

²⁶ Майер А. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов [Электронный ресурс] // Ведомости. 2023.

URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov> (дата обращения: 22.03.2024).

²⁷ В МГИМО начал работу Центр научной дипломатии [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГИМО МИД России. 2021. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/v-mgimo-nachal-rabotutsentri-nauchnoy-diplomatii/> (дата обращения: 26.03.2024).

внешнеполитических ведомств, а также использования терминов научной дипломатии в официальном дискурсе [5]. Так, в структуре Министерства внешних связей Бразилии существует Департамент науки и технологий, в рамках которого программа «инновационной дипломатии», сочетающей проекты, направленные на национальное социально-экономическое развитие и наращивание международных связей в области научно-технологического сотрудничества, в первую очередь, со странами Латинской Америки и БРИКС²⁸. В рамках Министерства иностранных дел Республики Чили функционирует Управление по вопросам науки, энергетики, образования, инноваций и астрономии, работа которого нацелена на расширение взаимодействия со странами-партнерами, а также международными организациями и негосударственными акторами²⁹. Помимо этого, именно Бразилия и Чили официально закрепили должность атташе по науке в загранучреждениях.

Функции научной дипломатии стран Латинской Америки многообразны: достижение технологического суверенитета в ведущих отраслях, использование научно-технологического прогресса и инноваций для преодоления вызовов и угроз, содействие интеграционным проектам, участие в глобальном управлении. Государства региона стремятся к укреплению своих возможностей в сфере НИОКР путем отраслевой специализации: наиболее распространенными направлениями на сегодняшний день являются освоение космоса, развитие технологий с применением новых видов возобновляемых источников энергии, мирный атом, океанология.

Современная научная дипломатия Мексики

Согласно глобальному индексу инноваций 2023 г., Мексика является третьим технологическим лидером в Латино-Карибской Америке, обладая продвинутой «экономикой знаний» и являясь одним из лидеров региона в области реализации инновационных инфраструктурных проектов³⁰. О том, что Мексика стремится развивать национальный инновационный потенциал, свидетельствует планомерное увеличение доли государственных вложений в сферу НИОКР с конца 1980-х до середины 2010-х гг.³¹. В Мексике государство традиционно играло ведущую роль в финансировании и администрировании науки, однако в последнее десятилетие усилилось вовлечение частного сектора и увеличилось

количество государственно-частных партнерств. Замедление динамики экономического роста и технологического развития в пост-пандемийный период, а также умеренная критика со стороны научного сообщества привели к еще большему расширению сети акторов научной дипломатии: помимо государственных структур и бизнеса в реализации программах по научному сотрудничеству стали также принимать активное участие НПО³².

Возрастающую роль Мексики как государства развитой науки иллюстрирует и признание международным научным сообществом исследовательского вклада крупных «фабрик мысли»: Национального автономного университета Мексики, Национального политехнического института, Монтеррейского института технологий и высшего образования и др. Именно на базе Национального автономного университета Мексики был запущен первый в стране курс по научной дипломатии в рамках программы подготовки специалистов-международников [4: 20].

В новейшей истории руководство Мексики стремилось развивать национальный инновационный потенциал, занимаясь институционализацией научной дипломатии на основе налаживания координации между политико-дипломатическими и научно-образовательными структурами. Первым специализированным органом, к компетенции которого были отнесены вопросы научной дипломатии, стал Научный консультативный Совет, созданный в 1989 г. для предоставления научной экспертизы Администрации Президента. В 2009 г. при поддержке Научного консультативного Совета в рамках Центра перспективных исследований Национального политехнического института Мексики была открыта междисциплинарная программа подготовки исследователей для применения достижений в области науки и технологий для решения насущных общественных задач, что на тот момент стало первой подобной программой в регионе [4:16]. В 2013 г. было создано Управление по вопросам науки, технологий и инноваций, после чего реализация проектов и инициатив в сфере научной дипломатии резко активизировалась. С 2012 по 2018 гг. с помощью новых программ удалось подготовить целый ряд молодых ученых, в сферу профессиональных интересов которых входило изучение влияния науки и инноваций на политику и дипломатию [4:17].

²⁸ Diplomacia e Inovação Científica e Tecnológica. Seminário sobre Diplomacia e Inovação Científica e Tecnológica [Электронный ресурс] // Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovações. URL: https://antigo.mctic.gov.br/mctic/opencms/institucional/Cooperacao_Internacional/Diplomacia-e-Inovacao-Cientifica-e-Tecnologica.html?searchRef=nanosseguuranca&tipoBusca=expressa oExata (дата обращения: 18.03.2024) (на порт.)

²⁹ División de Ciencias, Energía, Educación, Innovación y Astronomía. Ministerio de Relaciones Exteriores. Gobierno de Chile [Электронный ресурс] // Sitio Web Oficial. URL: <https://www.minrel.gob.cl/politica-externa/secretaria-general-de-politica-externa/decyti> (дата обращения: 19.03.2024) (на исп.)

³⁰ Global Innovation Index 2023. Mexico [Электронный ресурс] // World Intellectual Property Organisation (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023/mx.pdf> (дата обращения: 26.04.2024).

³¹ Gross domestic spending on R&D (indicator). Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) [Электронный ресурс] // Official Website. 2024. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 25.04.2024); Expenditure on research and development (R&D) as a share of GDP in Mexico from 1998 to 2020 [Электронный ресурс] // Statista Research Department. 08.08.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1390928/expenditure-on-research-and-development-randd-as-a-share-of-gdp-mexico/> (дата обращения: 28.04.2024).

³² Science Diplomacy Activities: 2012-2022 [Электронный ресурс] // UNESCO. The World Academy of Sciences for the Advancement of Science in Developing Countries. URL: <https://twas.org/science-diplomacy-activities> (дата обращения: 14.05.2024).

Одним из приоритетов научной дипломатии Мексики в 2010-е гг. стало развитие международных научно-технических коллабораций³³. В 2017 г. состоялся I мексиканский Конгресс по научной политике, практическим результатом которого стала разработка онлайн-курса по научной дипломатии для государственных служащих. Курс используется в МИД Мексики до настоящего времени³⁴. В 2010-х гг. в Мексике развивались инструменты научной дипломатии не только на федеральном, но и на региональном уровне: правительство Мехико запустило национальную программу годичных стажировок для аспирантов и молодых исследователей по «научной политике». Участники программы проходили стажировки в профильных органах государственной власти, что способствовало сближению научного сообщества и политического истеблишмента Мексики, а также взаимообогащению опытом и профессиональными навыками на уровне молодых специалистов. Данная программа была поддержана ассоциациями содействия развитию науки Австрии, Испании и Великобритании [5: 19].

В настоящее время, помимо Секретариата иностранных дел, научная дипломатия Мексики реализуется такими крупными государственными структурами, как Национальный совет по науке и технологиям (CONACYT) и Мексиканское агентство по международному сотрудничеству в целях развития (AMEXCID). Ежегодно в Секретариате иностранных дел Мексики заслушиваются доклады представителей CONACYT и AMEXCID о реализованных проектах в области научной дипломатии. Для более эффективной реализации инициатив в сфере научно-технического сотрудничества существует дополнительный фонд Секретариата и CONACYT. Также при Секретариате иностранных дел функционирует Совет в области технических знаний и инноваций, выполняющий роль консультативного органа, предлагающего рекомендации в сфере технологического развития, использования научных инноваций и ноу-хау при реализации внешней политики³⁵.

CONACYT способствует расширению числа международных партнеров в сфере науки и технологий. Благодаря деятельности совета в последние годы Мексика подписала договоры о научном сотрудничестве с ФРГ, Австрией, Канадой, США, Соединенным Королевством, Францией, Испанией и другими

странами. С помощью программы института мексиканцев, проживающих за рубежом, созданной Секретариатом иностранных дел Мексики в 1990-е гг., правительство Мексики получило доступ к «глобальной сети» высококвалифицированных специалистов родом из Мексики, регулярно привлекаемых к реализации научных и технологических проектов Мексики³⁶. AMEXCID предоставляет стипендии, в том числе для иностранных студентов, а также разнообразные образовательные курсы, являясь важным институтом, развивающим научно-образовательное сотрудничество Мексики с другими странами. Представители AMEXCID на регулярной основе приглашаются к участию в заседаниях региональных организаций (СЕЛАК, ЭКЛАК, ОАГ) по вопросам науки, технологий и инноваций³⁷. При этом, если по линии CONACYT Мексика развивает научно-технологическое партнерство с западными государствами, то с 2020-х гг. AMEXCID приоритизирует сотрудничество по линии «Юг — Юг».

Мексике принадлежит ряд региональных интеграционных инициатив в сфере научно-технологической кооперации. Одним из крупнейших подобных проектов является инициирование (совместно с Аргентиной) создания латиноамериканского космического агентства для координации мирного использования околоземного пространства и Луны, развития аэрокосмической промышленности и создания спутников, в том числе с применением нанотехнологий³⁸. В 2020 г. в ходе председательства Мексики в СЕЛАК была предложена комплексная региональная программа по научной дипломатии, включавшая 14 проектов, охватывающих ряд значимых для региона сфер взаимодействия: космическое пространство, управление рисками при ликвидации последствий природных катаклизмов, разумное использование океанических ресурсов, разработку антибактериальных препаратов и др.³⁹ Мексика активно продвигает и международную научно-технологическую кооперацию, активно выступая на площадках ООН, АТЭС, СЕЛАК, ОАГ.

Основной целью научной дипломатии Мексики является усиление социально-гуманитарного влияния в регионе, а к заметными преимуществами — разветвленная институциональная сеть и плюрализация акторов. Заметно стремление Мексики соче-

³³ Mexican Government Scholarship Program for International Students [Электронный ресурс] // Secretaría de Relaciones Exteriores de México. URL: <https://embamex.sre.gob.mx/reinounido/index.php/en/masavisos/16-054-mexican-government-scholarship-program-for-international-students> (дата обращения: 29.04.2024).

³⁴ Hoy A. AAAS and Mexican Scientific Council Sign Collaboration Agreement [Электронный ресурс] // American Association for the Advancement of Science. 19.10.2017. URL: <https://www.aaas.org/news/aaas-and-mexican-scientific-council-sign-collaboration-agreement> (дата обращения: 27.04.2024).

³⁵ Roig A. Science and Technology Diplomacy. Instituto Matías Romero [Электронный ресурс] // Centro de Investigación Internacional. September 2020. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/577427/NA-Diplomacia_cientifica-ingl-final.pdf (дата обращения: 09.05.2024).

³⁶ Institute for Mexicans Abroad. International Organisation for Migration [Электронный ресурс] // Official

Website.URL:<https://micicinitiative.iom.int/institute-mexicans-abroad-instituto-de-los-mexicanos-en-el-exterior-ime> (дата обращения: 28.04.2024).

³⁷ Mexican Government Scholarship Program for International Students. Secretaría de Relaciones Exteriores de México. [Электронный ресурс] // Official Website.URL: <https://embamex.sre.gob.mx/reinounido/index.php/en/masavisos/16-054-mexican-government-scholarship-program-for-international-students> (дата обращения: 28.04.2024).

³⁸ Romero F. ALCE, a dos años de la iniciativa. A21 MX [Электронный ресурс] // 21.10.2022. URL: <https://a21.com.mx/index.php/aeroespacial/2022/10/21/alce-dos-anos-de-la-iniciativa> (дата обращения: 08.05.2024) (на исп.)

³⁹ Mexico's Pro Tempore Presidency (PPT) of the Community of Latin American and Caribbean States. Plan de Trabajo 2020 [Электронный ресурс] // CELAC. 2020. URL: <https://ppt-celac.org/plan-de-trabajo> (дата обращения: 30.04.2024).

тать партнерские отношения в области науки и технологий с западными и незападными партнерами, а также многообразие областей научной, технологической и инновационной направленности, в которых Мексика реализует проекты.

Партнерство России и Мексики в области научной дипломатии

Началом современного этапа российско-мексиканского научного сотрудничества принято считать 1996 г., ознаменовавшийся подписанием межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Другой вехой называют 1999 г., когда была открыта Российско-Мексиканская смешанная комиссия по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству и морскому судоходству. В 2000-е гг. основными сферами двустороннего взаимодействия являлись экономическая и военно-техническая. Однако с 2010-х гг. поэтапно расширяется спектр гуманитарных связей между странами.

В настоящее время активно развивается многоотраслевое сотрудничество в области естественных наук. В 2023 г. было налажено взаимодействие между крупными мексиканскими научно-исследовательскими центрами и институтами (включая CONACYT) и ведущими российскими лабораториями — Объединенным институтом ядерных исследований и Всероссийским институтом генетических ресурсов растений имени Н.И.Вавилова⁴⁰. В качестве приоритетных направлений определены внедрение технологий мирного атома в сферах медицины, экологии и материаловедения, развитие квантовых технологий и ИКТ; коллайдеры тяжелых ионов. Мексиканские физики-ядерщики активно проявляют интерес к сотрудничеству с Россией еще с 2018 г. После ряда совместных публикаций в научных журналах Национальный автономный университет Мексики проявил интерес к расширению сотрудничества с ОИЯИ для исследований по различным направлениям⁴¹.

Существенными темпами развивается и кооперация в сфере образования. В 2024 г. число квот правительства РФ для мексиканских студентов отечественных вузов было увеличено с 32 до 40. К наиболее популярным направлениям относятся математические науки, программирование, космонавтика, ракетостроение, лечебное дело. Многие выпускники продолжают обучение в магистратуре и аспирантуре⁴².

Всего на момент апреля 2024 г. российские университеты и научно-исследовательские центры заключили более 660 соглашений с профильными латиноамериканскими образовательными и научно-исследовательскими структурами⁴³. Немаловажным направлением взаимодействия являются курсы повышения квалификации для дипломатических сотрудников латиноамериканских стран. Лидером на этом направлении является Дипломатическая Академия МИД РФ, где такие курсы, привлекающие представителей многих государств региона, включая Мексику, проводятся с 2016 г.⁴⁴.

Научное и образовательное сотрудничество остается в числе приоритетных направлений развития гуманитарных связей. В июне 2024 г. была утверждена российско-мексиканская программа сотрудничества в области культуры, образования, молодежной политики и спорта на 2024–2026 гг.⁴⁵.

Для разностороннего рассмотрения научной дипломатии России на латиноамериканском направлении и определения оптимальных сфер, форматов и механизмов сотрудничества представляется нужным рассмотреть не только успехи, но и слабые стороны и ограничения российского научно-дипломатического курса в целях формулирования рекомендаций и выявления возможных методов снижения рисков.

Существенным ограничением развития научно-образовательной кооперации является отсутствие двустороннего соглашения о признании дипломов об образовании, научных званий и квалификаций. Подписание подобного документа заметно облегчило бы в будущем процессы трудоустройства специалистов, обмена кадрами, развития крупных научно-технологических коллабораций. Перспективным представляется реализация программ образовательных и научных обменов России и дружественных латиноамериканских стран при активной роли представительств Россотрудничества в странах региона и работе подразделений Росмолодежи. Центры русского языка и культуры уже активно функционируют в Мексике.

Другим сдерживающим фактором является языковой барьер, создающий проблему адаптации и осложняющий профессионализацию и социализацию студентов и молодых специалистов из латиноамериканских государств. Ряд российских вузов уже разрабатывают программы на английском или испанском языках или создают испано- и англоязычные варианты имеющихся дисциплин. Необходимо

⁴⁰ Педанов Е. Посол Мексики в России: В 2023 году удалось укрепить научное сотрудничество [Электронный ресурс] // Журнал "Международная жизнь". 21.11.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43283> (дата обращения: 21.06.2024).

⁴¹ Мексика расширяет научное сотрудничество с ОИЯИ в Дубне [Электронный ресурс] // РИА Новости. 04.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230604/sotrudnichestvo-1876029238.html> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴² Образование в России для граждан Мексики [Электронный ресурс] // HED: международный журнал об образовании в России. 14.12.2023. URL: https://hedclub.com/ru/publication/mexico_557 (дата обращения: 04.07.2024).

⁴³ В РСМД состоялся экспертный семинар «Научно-образовательное сотрудничество России и стран Латинской Америки: вы-

зовы и перспективы развития» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. Официальный сайт. 19.04.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/news/v-rsmd-sostoyalsya-ekspertnyy-seminar-nauchno-obrazovatelnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-stran-latinsko/> (дата обращения: 22.04.2024).

⁴⁴ Cooperación científico-técnica. Embajada de México en la Federación de Rusia [Электронный ресурс] // Sitio Web Oficial. 08.10.2019. URL: <https://embamex.sre.gob.mx/rusia/index.php/es/relacion-bilateral/cooperaciontc> (дата обращения: 03.07.2024) (на исп.).

⁴⁵ РФ и Мексика подписали программу сотрудничества в сфере культуры, образования и спорта. [Электронный ресурс] // ТАСС. 17.06.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21124849> (дата обращения: 25.06.2024).

совершенствование научно-образовательной инфраструктуры и более активное применение онлайн-технологий в образовании. Внедрение более гибких форматов гибридного или дистанционного обучения позволит значительно сократить логистические и иные финансовые издержки.

Также важно не только содействовать привлечению студентов-латиноамериканцев в Россию, но и укреплять отечественные школы латиноамериканистики, оказывать поддержку молодым и опытным российским специалистам по региону и его странам, популяризировать работы о Латинской Америке. К сожалению, к настоящему моменту Институт Латинской Америки РАН остается единственным крупным центром исследований Латинской Америки в России.

Что касается сотрудничества в сфере фундаментальных наук, важно реализовывать совместные проекты в областях, в которых Россия и лидирующие страны Латинской Америки обладают уникальными компетенциями и конкурентными преимуществами: атомной энергетике, аэрокосмической отрасли, нефтехимии, биотехнологиях, сельскохозяйственных технологиях, фармакологии, цифровых технологиях. Учитывая современный позитивный зарубежный опыт, налаживание научно-дипломатических контактов может быть эффективным и на межрегиональном уровне. Наиболее активными в отношении реализации научных проектов с российскими партнерами штатами Мексики являются Пуэбла, Халиско, Коауила, Чиуауа, Веракрус, а также федеральное образование Мехико⁴⁶.

Проблемой является недостаточное финансирование научной деятельности как в странах Латинской Америки (с 2019 года доля финансирования НИОКР в ВВП всех крупнейших латиноамериканских стран стабильно составляет меньше среднего показателя стран ОЭСР (2,48%)⁴⁷, так и в России. Может быть рекомендовано развитие системы государственно-частного партнерства путем привлечения российского бизнеса к финансированию прорывных научных инициатив и инноваций, включая создание специализированного фонда, с привлечением средств которого будут финансироваться проекты в области научной дипломатии (именно Мексика обладает успешным опытом создания подобного «фонда развития науки и дипломатии»).

Целесообразным является развитие сотрудничества со странами Латинской Америки в таких перспективных областях, как научно-популярный туризм, научное волонтерство, научное наставничество, развитие совместных молодежных научных площадок. Наконец, существенным представляется совершенствование кадрового управленческого резерва в области науки и образования и более активное распространение программ обучения в области научной дипломатии.

Таким образом, повышению эффективности научной дипломатии России в Латинской Америке будет способствовать развитие действующих успешных форматов научно-технологического и научно-образовательного взаимодействия с дружественными государствами региона, их масштабирование в процессе укрепления связей с лидирующими государствами, дальнейшая институционализация сферы научной дипломатии и профессионализация кадров, а также увеличение финансирования перспективных инициатив и проектов на основе партнерства государства, бизнеса и общества.

Литература

1. Лебедева М.М. Гуманитаризация мировой политики. Полис. Политические исследования. 2021. №4. С. 76–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07>.
2. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД. 2021. 48 с.
3. Райнхардт Р.О. Эволюция концептуальных основ Российской научной дипломатии 1996–2016 годов. Научный диалог. 2020. №3. С. 385–401.
4. López-Vergès S. et al. Closing the Gap Between Emerging Initiatives and Integrated Strategies to Strengthen Science Diplomacy in Latin America. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2021.
5. Soler M.G. Diplomacia Científica en América Latina y el Caribe. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). 2020. pp. 10–15.
6. Turekian V.C. et al. The Emergence of Science Diplomacy. *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* Lloyd S. Davis and Robert G. Patman, eds. World Scientific Publishing Company. 2015. pp. 3–23.

Russian science diplomacy in Latin America: the case of Mexico

Abstract.

Kurbatov D.M.

IMI MGIMO MFA of Russia

The article focuses on the current state of implementation of the Russian Federation scientific diplomacy in Latin America on the example of Mexico, which is the region's leading state in the realm of science and technology.

The aim of the study is to formulate practical recommendations in the field of implementing Russian scientific diplomacy towards Mexico, in particular, and friendly states of Latin America, in general, on the basis of the generalisation of positive experience of Russian and Latin American states scientific diplomacy in the first quarter of the XXI century. The article considers the phenomenon of science diplomacy in the context of humanitarisation as a trend of world politics, while the practice of science diplomacy is presented in two fundamental areas, the scientific-educational and scientific-technological collaboration. The author summarises the evolution of the science diplomacy in

⁴⁶ Cooperación científico-técnica. Embajada de México en la Federación de Rusia [Электронный ресурс] // Sitio Web Oficial. 08.10.2019. URL: <https://embamex.sre.gob.mx/rusia/index.php/es/relacion-bilateral/cooperaciontc> (дата обращения: 03.07.2024) (на исп.)

⁴⁷ Research and development expenditure (% of GDP) [Электронный ресурс] // The World Bank. UNESCO Institute for Statistics (UIS). 27.11.2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (дата обращения: 07.05.2024).

Russia and Mexico in the post-bipolar period, identifying key institutions, tools and resources of science diplomacy of the two states. To compare Mexico with other regional actors, the author also presents the key functions and individual trends of science diplomacy in Latin America. On the practical level, the article identifies advantages and limitations, and outlines the most promising areas for further development of scientific-educational and scientific-technological cooperation between Russia and Mexico. These insights can be potentially useful in the implementation of the Russian policy in the field of scientific diplomacy towards other countries in the region. Based on the results of the sectoral, factor and actor analyses, the author suggests possible legal, administrative, financial, technical and other practical measures, the implementation of which could improve both the quality and efficiency of projects and initiatives with Latin American partners.

Keywords: international humanitarian cooperation; science diplomacy; science and educational collaboration; science and technological collaboration.

References

1. Lebedeva M.M. Humanitarization of World Politics. *Polis. Political Studies*. 2021. No. 4. P. 76–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.07>.
2. *Scientific Diplomacy in the Modern World: Textbook and Methodological Materials* No. 9/2021. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC. 2021. 48 p.
3. Reinhardt R.O. Evolution of the Conceptual Foundations of Russian Scientific Diplomacy in 1996–2016. *Scientific Dialogue*. 2020. No. 3. P. 385–401.
4. López-Vergès S. et al. Closing the Gap Between Emerging Initiatives and Integrated Strategies to Strengthen Science Diplomacy in Latin America. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2021. 5. Soler M.G. *Diplomacia Científica en América Latina y el Caribe*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). 2020. pp. 10–15.
6. Turekian V.C. et al. The Emergence of Science Diplomacy. *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* Lloyd S. Davis and Robert G. Patman, eds. World Scientific Publishing Company. 2015. pp. 3–23.

Экологическая политика Тайваня и Китайской Народной Республики: сходства и различия

Маликова Алёна Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Almalik14@yandex.ru

Налимова Юлия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
st071587@student.spbu.ru

Родионова Ульяна Денисовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
rodionovaulian@gmail.com

Околота Даниил Павлович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Daniil.okolota@tut.by

Ярёха Анастасия Николаевна

ассистент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, annika98@gmail.com

Изучение экологических вызовов, стоящих перед экономикой в процессе модернизации у обоих побережий Тайваньского пролива, раскрывает политическую динамику взаимодействия. Специфический акцент делается на реакцию партийных структур и их представителей на экологические угрозы. Также исследуется потенциал для синтеза усилий между ведущими социально-политическими силами в целях экологической защиты. В дополнение, освещаются отношения между экологическими протестными движениями и политическими партиями на острове, а также рассматривается их возможное преобразование в контексте общей экологической ситуации

Исследование экопротестов в КНР выявляет их природу в контексте уникальных социально-экономических реалий, а именно, противоречий, возникающих из-за реализации «рыночного социализма». Экологические протесты вызывают обеспокоенность в связи с внедрением частного капитала в ходе промышленной модернизации, осуществляемой под командно-авторитарным вниманием правительства. В условиях, когда экономическое развитие Тайваня и материкового Китая осуществляется под эгидой различных политических систем, анализируется воздействие этих систем на экологическую политику.

Несмотря на явные различия в управленческих подходах, отмечено сходство реакций на экологические протесты между материковым Китаем и Тайванем. Тем самым, власти обеих территорий проявляют схожие паттерны в контексте экологического управления, даже несмотря на контраст в общеполитических условиях, преобладающих по разные стороны Тайваньского пролива.

Ключевые слова: экологическая политика, Тайвань, материковый Китай, экологические проблемы, защита окружающей среды, экоактивизм.

Введение. В период с 1960-х по 1980-е годы, социальные, экономические и экологические последствия интенсивной промышленной активности существенно повлияли на Тайвань и материковый Китай. Стремительное развитие отраслей, таких как сталелитейное, бумажное производство, нефтехимия, асбестовая, цементная промышленность, вызвало широкомасштабное загрязнение. Такие действия, сопровождавшиеся политикой «выжженной земли» Гоминьдана, привели к долгосрочным негативным эффектам, усугубляемым ограниченным жизненным пространством на острове. Последствия продолжают сказываться и в современной эпохе, охватывая сферы экономического благополучия, экологической стабильности территории, включая морское пространство. Кроме того, следствиям подвержены социальное благополучие и политика в области здравоохранения на региональном и местном уровнях, а также транспортное сообщение на Тайваньском проливе и взаимоотношения с прилегающими островами, находящимися под властью Тайваня. Отголоски проблем также остаются в атомной энергетике и электронной промышленности, влияющих на жизнь острова.

Материалы и методы. Настоящее исследование написано с помощью общенаучных и частнонаучных методов познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительный, кейс-стади. В основе написания лежат примеры экологической повестки Китайской Народной Республики, а также Республики Тайвань. Более того, происходит сравнение реализуемой политики в области экологии.

Литературный обзор. В исследованиях международного значения было выявлено, что на протяжении длительного времени, до достижения экологического просвещения в середине 80-х годов прошлого века, жители Тайваня либо оставались в неведении относительно эскалации загрязнения различными веществами, среди которых были и те, что возникали в результате бурного развития нефтехимической сферы – ключевого сегмента промышленного бума на острове, либо сознательно уклонялись от выражения беспокойства по поводу экологического состояния своего региона. Основывали свои поступки они на страхе перед возможным преследованием, исходящим от гоминьдановского режима. В то же время, власти использовали комбинированный подход в своей политике, который можно охарактеризовать как стратегию «кнута и пряника» [7, с. 234].

Инициативы, реализованные правящей партией Гоминьдан в начале 1990-х годов, касались экономических компенсаций и экологической безопасно-

сти. Финансирование могло включать в себя распределение домашнего газа без взимания платы, покрытие расходов на школьное питание и проведение периодических медицинских осмотров. Исполнительная власть обещала переселение граждан, наносивших экологический вред, на новые территории в прогнозируемый 25-летний срок. Параллельно, со стороны Гоминьдана осуществлялась мобилизация служб безопасности с целью подавления экологических протестов и наблюдения за участниками данных движений [1, с. 23].

В конце 1970-х годов, следствием возрастающего осведомления относительно «промышленных рисков», стала рост популярности партии Данвай, собиравшего вокруг себя многочисленные группы социально активных граждан. В 1980-х, когда экологические проблемы на Тайване достигли пика, обострение данных проблем спровоцировало социальные движения. В начале следующего десятилетия ситуация усугубилась до критической точки, что отображало неопределенность угрозы, которая ранее проявилась в увеличении числа экологов и специалистов по охране окружающей среды. Среди представителей среднего класса, профессионалов в этих областях, выявилась тенденция к созданию свыше 150 общественных организаций, занимающихся экологическими проблемами и защитой природы на острове [13].

Общественная активизация, направленная на содействие экологической безопасности, оказалась значительной без участия властей. Несмотря на это, в рядах защитников природы нередко зарождались политические карьеры, примером чего служит становление Чэнь Диннаня в роли известного политика [14].

В период 1987-2011 годов заметно преобразование вектора экологической политики, особенно виден был рост эоактивизма. Эоактивисты, используя опыт Илани с акцентом на культурное и туристическое богатство в качестве привлекательной альтернативы последствиям индустриализации, подняли защиту окружающей среды до политического уровня, усилив роль Демократической прогрессивной партии (ДПП) в этой сфере. Интересно, что даже в районах, склонных поддерживать Гоминьдан, экологическая политика Демократической прогрессивной партии находила отклик в дополнительном электоральном преимуществе [10].

С другой стороны, несмотря на этот экологический поворот в общественном мнении после 1987 года, социально-экономическая отсталость некоторых тайваньских районов обеспечивала почву для расширения нефтехимических предприятий, поскольку обещания развития, успешно разжигаемые лидерами местных структур и обеих ключевых партий, заманивали население перспективой процветания [11]. В этом контексте промышленность получала поддержку от Гоминьдана, чьи политические связи с бизнесом позволяли реализовывать финансово ресурсоемкие инициативы, такие как инвестиции от Formosa Plastic's Group, что было далеко не всегда в интересах местных жителей [12].

Чрезвычайно значимую роль в развитии экологического активизма сыграла работа и пример Чэнь Динаня, чьи усилия по продвижению Илани в качестве эталона альтернативного экономического развития принесли значительные плоды, превращая экологическую осведомленность в стратегически важный козырь политической жизни Тайваня.

Результаты. Климатические изменения, вызванные антропогенной деятельностью, повлекли глобальную реакцию, кульминационным моментом которой стало принятие Киотского протокола в 2005 году [3]. В ответ на его активацию, экологические организации Тайваня встали против стратегического курса Демократической прогрессивной партии, который воплощался в углублении инвестиций в нефтехимическую отрасль без должного оценивания экологического воздействия. Вместо агрессивного овладения новыми участками, нефтехимические корпорации ориентировались на обновление и модернизацию уже занятых территорий, что можно проследить на примере ключевого для региона, но экстремально загрязняющего окружающую среду проектах (проект № 3 China Petroleum, развернутом в Линьюане, в пределах Гаосюнского уезда в 1988 году) [9].

Устойчивое развитие экологического активизма нераздельно ассоциируется с гармонией двух ключевых элементов – активной роли местной власти в защитных акциях (подобное влияние отсутствовало при рассмотрении кампании против проекта «Кокун») и интенсивности гражданской реакции. Несмотря на непрекращающееся идеологическое противоборство, анализ международных исследований показывает большую доступность поддержки со стороны Демократической прогрессивной партии для экологических инициатив по сравнению с поддержкой, оказываемой Гоминьданом, в контексте доступных политических ресурсов.

В материковом Китае критический уровень загрязнения атмосферы в настоящее время характерен для некоторых территорий, где преобладают нефтехимические, химические заводы и электронная индустрия, а также где идет активное изъятие природных ресурсов. Эти действия традиционно рассматриваются как двигатель экономического прогресса, однако подобные утверждения носят заблуждение, ведь они не учитывают отсутствие соответствующей экологической инфраструктуры и систем по очистке и переработке отходов. Наибольшее беспокойство вызывают провинции, такие как Шаньси, где наблюдаются проблемы в городах Баоцзи и Вэйнань, Сычуань, Ляонин, включая индустриальную область Дапин и Шэньян, а также Цзилнь. Помимо перечисленных, серьезные экологические проблемы затрагивают и Хэйлуунцзян, где ситуация с загрязнением воздуха, а также с качеством водных и земельных ресурсов, требует особенного внимания. Загрязнение окружающей среды принимает аналогичные формы и вне материкового Китая – на Тайване и в Гонконге [4, с. 392].

Переориентация материкового Китая на рынок из плановой системы, рассматриваемая как комбинация социалистической модели с элементами глобализации, привела к ряду экологических нарушений. Наиболее заметным из них стало уничтожение качества почвы, вызванное её чрезмерным эксплуатированием, включая деградацию пастбищ, особенно во Внутренней Монголии, где данный участок земли уже почти неприемлем для скотоводческой деятельности. К тому же, промышленное сельское хозяйство, наносящее вред экосистемам за счёт своей токсичности, становится ещё одной проблемой для окружающей среды [2, с. 281].

В 2014 году экологическое протестное движение зафиксировало нарастающую активность в Маомине, расположенном на западе провинции Гуандун. События, охватывающие борьбу против развития нефтехимического производства, в частности ксилена, были определены преимущественным участием небольших частных предприятий. Вопреки этому, государственные служащие оставались в стороне от протестов, ибо им было запрещено принимать в них участие. Обширные ресурсы, находящиеся в распоряжении правительства, были задействованы для того, чтобы не допустить вовлечения сотрудников предприятий, находящемся государственном контроле.

Особняком стоит образ действий местных властей и нефтеперерабатывающей компании Маомин, которые активно популяризировали преимущества и нивелировали риски, связанные с их экономической деятельностью. Школьники и их родители были погружены в ситуацию, где им приходилось ратифицировать соглашения, выражающие поддержку данной компании. Систематически они сталкивались с необходимостью обязываться отказываться от участия в протестных демонстрациях.

С 2015 года, когда было подписано «Парижское соглашение по климату», экологические инициативы заняли важное место в глобальных трендах развития. Однако, несмотря на актуальность экологических вызовов для Тайваня, граждане показывают отсутствие глубокого понимания международной климатической политики; только 10,8% уверены в своих знаниях в данной сфере. Они осведомлены о целях по сокращению выбросов углерода к 2050 году, включая возможное введение углеродного налога, что находит поддержку среди 63,6% населения при определенных экономических условиях, таких как корректировка цен на электроэнергию и ввод субсидий от правительства [5].

Повышение поддержки населением политики перехода к исключительному использованию электроэнергии достигло 65,9%, тогда как 34,1% остаются не в курсе таких инициатив. Вместе с этим, население Тайваня оптимистично насчет возможности полной трансформации в области источников энергии и верит в успех перехода к возобновляемым источникам уже в ближайшие годы (к 2026 году), несмотря на географические и территориальные ограничения, с которыми сталкивается остров.

В ходе муниципальных выборов 2018 года на Тайване в центре дискуссий были разработки плана

отказа от атомной энергетики к 2025 году согласно Закону об электроэнергии (статья 95, пункт 1), который закрепляет прекращение использования атомных станций в целях генерации электричества. В случае Цзинь-Шань-2, первая из них – станция в Синьбэе с реактором Шимэнь, начала останавливаться в 2018 году, и второй реактор был выведен из работы в следующем году. Это решение последовало после признания Шимэнь крайне рискованным в 2016 году [8].

Обсуждение. Обогащенная нехватка энергоресурсов – в 2017 году запасы резервуаров для электроэнергии показывали менее 6% при нормативном минимуме в 4% – вызвала бурное обсуждение. Экстремальное летнее потребление электричества лишь подстегивает дебаты. По результатам исследований общественного мнения, 59% тайваньцев выражают поддержку сохранению работы АЭС, в противовес 41%, выступающим против. Данное мнение населения, кажется, иллюстрирует проблематику дефицита энергии, стоящую перед Демократической прогрессивной партией при попытке убедить электорат в целесообразности отхода от ядерной энергетики.

Отражение восходящей стоимости ядерной энергетики складывается в проблематику для климата, поскольку становится препятствием для инновационного прогресса в Тайване. Источники тайваньских СМИ подчеркивают опасения, что экономический рост затрагиваемый повышением цен на электричество, учитывая уже зафиксированный рост на 10%, может негативно сказаться на развитии страны добиться глобального доминирования в электронной индустрии. Заветные цели Тайваня касаются революционного развития, обеспечивающего всеобщее, безотходное и технологическое усовершенствование в следующем десятилетии. Все это уязвлено текущей экономической тенденцией. Агрессивное увеличение стоимости энергии объединяет с задачей сокращения углеродных выбросов, ставя перед другими технологическими альтернативами вопрос выживания [6].

Ответная реакция правительства Тайваня заключается в отсрочке демонтажа десяти существующих угольных электростанций, изначально запланированного на 2035 год. Так, согласно действующему плану, эти объекты должны оставаться консервированными до тех пор, пока не будут возведены новые силовые установки, работающие на основе газового топлива. Это компромиссное решение предстает перед властями как неотложный шаг в контексте настойчивости энергетических и экологических вызовов, стоящих перед страной, призванное обеспечить безопасность и перспективы национальной экономики.

Экоактивисты на Тайване, объединенные в попытках охраны окружающей среды, неожиданно продемонстрировали сходство методов с корпоративными стратегиями и управленческой элитой, прибегая к тактике «кнута и пряника» во взаимоотношениях с местными жителями. Они также иногда

используют обман, что свойственно различным политическим силам. Эти тенденции отражают общую политическую направленность защиты природы на острове. При этом экоактивисты зачастую вынуждены менять стратегию, отражающую текущие политические конъюнктуры, ради экономических выгод и политического влияния. Сходство в поведении различается также при попытке расширить налоговую базу и в ускорении прогрессирования высокотехнологичных секторов, что выгодно как бизнесу, так и администрации. И хотя власть корпораций и политических элит зачастую ограничивается под влиянием сил экологических протестов, движения в итоге выступают в роли неотъемлемого агента политической арены, а их многочисленные попытки сохранения окружающей природы трансформируются в политические акции.

Заключение. Отличается экологическая динамика в материковой части Китая от событий на Тайване, где экопротестам на руку политический плюрализм, действующий уже с 90-х. На Тайване активисты могут влиять, пусть и ограниченно, на экологические решения, оперируя через две основные конкурирующие партии, у власти поочередно. В континентальном Китае же экологическое будущее определяется стратегическими планами КПК, связанными с социально-экономической и государственной политикой, а также с возможностями эти планы осуществить. Государственный курс на преобразования, подкрепленный значительными финансовыми и научно-технологическими ресурсами, позволяет стране интенсивно исправлять экологический кризис.

В рамках комплексного проекта, инициированного КПК под наименованием «общая схема пятиединого строительства», происходит дифференцированное развитие различных сфер общественной жизни. Данная программа уделяет внимание не только традиционным экономическим, культурным, социальным и политическим аспектам, но также затрагивает и экологическое направление под эгидой «эко-цивилизационного строительства». Этот сегмент включает в себя важнейшую задачу – создание «институциональной системы экологической цивилизации».

Особое значение придается резолюциям XIX съезда КПК, прошедшего в 2017 году, который дал старт тридцатилетнему периоду стратегического плана зеленой модернизации, ориентированного на 2020-2035 годы. Заданная цель – неотложное и интенсивное совершенствование системы экологической цивилизации, чтобы кардинально трансформировать экологическую обстановку.

В контексте этих амбициозных планов, акцентируется неукоснительное следование курсу на ускоренное формирование законодательной базы и политических механизмов, стимулирующих зеленые методы производства и потребительское поведение. Существенной частью этого процесса является продолжение безкомпромиссной борьбы с коррупцией. Фундаментом для этого служат принципы, включающие существование «запретных зон»,

предусматривающие «всестороннее проникновение и нулевую толерантность» к коррупционным действиям, ведущие к существованию атмосферы «жесткого предотвращения, постоянного психологического давления и непрерывного предупредительного воздействия».

Литература

1. Кайгородцев А.А. Проблемы и перспективы развития атомной энергетики в глобализированном мире // Scientific Review. – 2021. – № 1. – С. 21-24.
2. Карелина Е. А. Отличительные черты внешней экологической политики Китая // StudNet. – 2020. – Т. 3. – №. 2. – С. 278-283.
3. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (принят 11 декабря 1997 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 05.07.2024).
4. Кулинич А. А., Житников Н. А. Экологическая политика Китая: история и современность // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2021. – С. 389-395.
5. Парижское соглашение // URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 12.06.2024).
6. Правительство Тайваня пересмотрит энергетическую политику // URL: <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/91552> (дата обращения: 10.06.2024).
7. Смирнов Д. А., Степанова Е. Н. Политический аспект экологической проблемы модернизации Тайваня и большого Китая // Исторические события в жизни Китая и современность. 2021. С. 213-240.
8. Энергетический профиль Тайваня // URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-tajvana> (дата обращения: 10.06.2024).
9. China National Petroleum Corporation Business Information, Profile, and History // URL: <https://companies.jrank.org/pages/933/China-National-Petroleum-Corporation.html> (дата обращения: 10.06.2024).
10. Diana Tsai. Environmental Policy and Technological Innovation: Evidence from Taiwan Manufacturing Industries // URL: https://www.academia.edu/105319831/Environmental_Policy_and_Technological_Innovation_Evidence_from_Taiwan_Manufacturing_Industries (дата обращения: 27.06.2024).
11. Environmental issues facing Taiwan // URL: <https://www.brookings.edu/articles/environmental-issues-facing-taiwan/> (дата обращения: 07.06.2024).
12. Formosa Plastic's Group // URL: <https://www.fpg.taipei/en> (дата обращения: 07.06.2024).
13. Mu-Xing Lin, T.-Y. Lee, Kuei-Tien Chou. The environmental policy stringency in Taiwan and its challenges on green economy transition // URL: https://www.researchgate.net/publication/328695660_The_environmental_policy_stringency_in_Taiwan_and_its_challenges_on_green_economy_transition (дата обращения: 01.05.2024).

14. Peii Tsai, Yen-Lien Kuo, Akio Onishi Environmental Policy for Waste Management in Taiwan: Regulatory Measures, Implementation Status, and Challenges // URL: <https://ejournal.usm.my/jag/article/view/3991> (дата обращения: 20.05.2024).

Environmental policy of Taiwan and the People's Republic of China: similarities and differences
Malikova A.E., Nalimova Ju.S., Rodionova U.D., Okolota D.P., Yarekha A.N.

St. Petersburg State University

The study of the environmental challenges facing the economy in the process of modernization along both coasts of the Taiwan Strait reveals the political dynamics of interaction. A specific emphasis is placed on the reaction of party structures and their representatives to environmental threats. The potential for a synthesis of efforts between leading socio-political forces for environmental protection is also being explored. In addition, the relationship between environmental protest movements and political parties on the island is highlighted, as well as their possible transformation in the context of the overall environmental situation.

The study of eco-protests in China reveals their nature in the context of unique socio-economic realities, namely, the contradictions arising from the implementation of «market socialism». Environmental protests have raised concerns about the introduction of private capital in the course of industrial modernization, carried out under the command and authoritarian attention of the government. In an environment where the economic development of Taiwan and mainland China is carried out under the auspices of various political systems, the impact of these systems on environmental policy is analyzed.

Despite the obvious differences in management approaches, there are similarities in reactions to environmental protests between mainland China and Taiwan. Thus, the authorities of both Territories show similar patterns in the context of environmental management, even despite the contrast in the general political conditions prevailing on different sides of the Taiwan Strait.

Keywords: environmental policy, Taiwan, mainland China, environmental issues, environmental protection, eco-activism.

References

1. Kaigorodtsev A.A. Problems and prospects of nuclear energy development in a globalized world // *Scientific Review*. – 2021. – No. 1. – pp. 21-24.
2. Karelina E. A. Distinctive features of China's foreign environmental policy // *StudNet*. – 2020. – Vol. 3. – No. 2. – pp. 278-283.
3. The Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change (adopted on December 11, 1997) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (date of application: 07/05/2024).
4. Kulinich A. A., Zhitnikov N. A. China's environmental Policy: history and modernity // *Russia and China: history and prospects of cooperation*. - 2021. – pp. 389-395.
5. The Paris Agreement // URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (date of application: 06/12/2024).
6. Taiwan Government to review energy policy // URL: <https://ru.rti.org.tw/news/view/id/91552> (date of application: 06/10/2024).
7. Smirnov D. A., Stepanova E. N. The political aspect of the environmental problem of modernization of Taiwan and Greater China // *Historical events in the life of China and modernity*. 2021. pp. 213-240.
8. Taiwan's Energy Profile // URL: <https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-tajvana> (date of application: 06/10/2024).
9. China National Petroleum Corporation Business Information, Profile, and History // URL: <https://companies.jrank.org/pages/933/China-National-Petroleum-Corporation.html> (дата обращения: 10.06.2024).
10. Diana Tsai. Environmental Policy and Technological Innovation: Evidence from Taiwan Manufacturing Industries // URL: https://www.academia.edu/105319831/Environmental_Policy_and_Technological_Innovation_Evidence_from_Taiwan_Manufacturing_Industries (дата обращения: 27.06.2024).
11. Environmental issues facing Taiwan // URL: <https://www.brookings.edu/articles/environmental-issues-facing-taiwan/> (дата обращения: 07.06.2024).
12. Formosa Plastic's Group // URL: <https://www.fpg.taipei/en> (дата обращения: 07.06.2024).
13. Mu-Xing Lin, T.-Y. Lee, Kuei-Tien Chou. The environmental policy stringency in Taiwan and its challenges on green economy transition // URL: https://www.researchgate.net/publication/328695660_The_environmental_policy_stringency_in_Taiwan_and_its_challenges_on_green_economy_transition (дата обращения: 01.05.2024).
14. Peii Tsai, Yen-Lien Kuo, Akio Onishi Environmental Policy for Waste Management in Taiwan: Regulatory Measures, Implementation Status, and Challenges // URL: <https://ejournal.usm.my/jag/article/view/3991> (дата обращения: 20.05.2024).

Женщины в истории Казахстана: от традиционных ролей к активному участию в политике

Серикжанова Айгерим Тельжановна

PhD, постдокторант кафедры политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, aiemaserikzhanova@gmail.com

Нуртазина Роза Ауталиповна

доктор политических наук, профессор кафедры политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева

Серикжанова Инабат Тельжановна

проектный координатор, Engagement global

Нагасбекова Баян Сериккановна

кандидат филологических наук, руководитель Департамента развития человеческих ресурсов, КазНМУ имени С.Д. Асфендиярова

История Казахстана наполнена примерами значимого вклада женщин в общественную и политическую жизнь страны. В традиционном казахском обществе женщины играли важную роль в семейных и хозяйственных делах, но их участие в политике было ограничено. С установлением советской власти, а затем и в период независимости, роль женщин претерпела значительные изменения, что отразилось на их активном участии в различных аспектах общественной жизни.

Цель данной статьи заключается в исследовании эволюции женских ролей в Казахстане и выявлении факторов, способствующих их активному участию в политике. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: анализ исторического контекста, оценка изменений в общественном восприятии женщин и исследование влияния этих изменений на современную политическую среду.

Основные выводы статьи показывают, что участие женщин в общественной и политической жизни Казахстана прошло через несколько значимых этапов. От традиционного общества, где женщины играли важную роль в семейной жизни, до современного периода, когда они активно участвуют в политике и занимают руководящие должности. Это развитие подчеркивает значимость гендерного равенства и равноправия в современном Казахстане. Таким образом, историческое развитие участия женщин в общественной и политической жизни Казахстана демонстрирует эволюцию от традиционных ролей к активному участию в различных аспектах жизни общества.

Ключевые слова: традиционные роли, политическая активность, социальные изменения, культурные трансформации, политическое участие, женские движения, гендерные роли, исторические события.

Введение.

История Казахстана богата примерами значимого вклада женщин в общественную и политическую жизнь страны. В традиционном казахском обществе женщины играли важную роль в семье и хозяйстве, однако их участие в политике и общественной деятельности было ограничено. С переходом к советской системе, а затем и в период независимости, роль женщин значительно изменилась, что нашло отражение в различных аспектах общественной жизни.

Традиционно в казахском обществе женщины занимались воспитанием детей, ведением хозяйства и поддержанием семейного очага. Однако они также участвовали в жизни общины, принимая участие в обсуждениях и принятии решений на уровне семьи и аула (деревни).

С установлением советской власти в Казахстане началась активная политика по вовлечению женщин в общественную и политическую жизнь. Советское правительство проводило кампании по ликвидации неграмотности среди женщин, что способствовало их вовлечению в образование и профессиональную деятельность. Это также отразилось на росте политической активности женщин.

В период независимости Казахстана наблюдается дальнейшее расширение роли женщин в общественной и политической жизни. Важным шагом стало принятие в 1998 году Закона о равных правах и возможностях мужчин и женщин, что способствовало усилению их участия в политике и экономике страны.

Таким образом, историческое развитие участия женщин в общественной и политической жизни Казахстана демонстрирует эволюцию от традиционных ролей к активному участию в различных аспектах жизни общества. Это развитие подчеркивает значимость гендерного равенства и равноправия в современном Казахстане.

Обоснование выбора темы: цели и задачи.

Обоснование выбора темы связано с необходимостью глубокого анализа изменений в роли женщин в обществе Казахстана. История показывает, как традиционные роли женщин постепенно трансформировались, что позволяет лучше понять их вклад в современную политическую жизнь страны. Актуальность данной темы обусловлена непрерывным развитием политической системы Казахстана и необходимостью усиления гендерного равенства. Политическое участие женщин не только способствует более сбалансированному представлению интересов общества, но и является критически важным для устойчивого развития страны.

Целью статьи является исследование эволюции женских ролей в Казахстане и выявление факторов,

Статья подготовлена в рамках научного проекта AP14972304 «Повышение роли и расширение участия женщин в политической жизни РК», грантового финансирования проекта «Жас галым» на 2022-2024 годы по договору № 314/ЖГ-2-22-24 от 20 октября 2022 года КН МНВО РК.

способствующих их активному участию в политике. Задачи статьи включают анализ исторического контекста, оценку изменений в общественном восприятии женщин и исследование влияния этих изменений на современную политическую среду.

Методология исследования.

Для исследования общественного и политического участия женщин в Казахстане был применен комплексный подход, сочетающий исторический и социологический анализы. Исторический метод позволил рассмотреть эволюцию женского участия в политике на различных этапах развития страны, начиная с периода традиционного уклада и до настоящего времени. Этот метод включал анализ ключевых событий. Социологический анализ включал изучение культурных и социальных факторов, влияющих на участие женщин в общественной и политической жизни. Особое внимание уделялось влиянию традиционных гендерных ролей и стереотипов.

Использование этих методов в совокупности позволило всесторонне исследовать проблему и выявить ключевые факторы, способствующие или препятствующие участию женщин в политике. Такой комплексный подход обеспечивает глубокое понимание исторического контекста и современных реалий, что позволяет предложить эффективные решения для увеличения политического участия женщин в Казахстане.

Результаты и обсуждение.

Участие женщин в общественной и политической жизни Казахстана прошло через несколько значимых этапов, каждый из которых отражает изменения в социально-экономических и политических условиях страны. От традиционного общества, где женщины играли важную роль в семейной жизни, до современного периода, когда они активно участвуют в политике и занимают руководящие должности, история женского участия в Казахстане является свидетельством прогресса и стремления к гендерному равенству.

В связи с этим участие женщин в общественной и политической жизни Казахстана можно разделить на несколько исторических этапов:

1. Дореволюционный период (до 1917 года).

В традиционном казахском обществе женщины играли ключевую роль в семейной и общественной жизни. Женщины могли участвовать в народных собраниях и обсуждениях, но не занимали официальные политические посты. Исторические предания и мифы подчеркивают глубокое уважение к Матери как символу народного единства и описывают случаи активного участия женщин в принятии политических и государственных решений.

Шокан Уалиханов в своих трудах отмечает, что женщины в казахской истории занимали заметное

место и порой превосходили мужчин в военном деле. Например, сестра хана Касыма, Бопай, возглавляла отряд из пятисот воинов, была суровым воином на поле боя и при этом заботилась о восьмерых детях⁴⁸. И. Ерофеева в книге «Степные браки» описывает Бопай не только как преданную супругу и заботливую мать, но и как женщину с независимым мировоззрением. Она была честолюбивой, властной и стремилась влиять на политику мужа, активно участвуя в обсуждениях и ведя самостоятельную переписку с царскими администраторами и, возможно, с джунгарскими правителями. Бопай часто спорила с Абулхайром и убеждала его в неправоте отдельных действий, что подчеркивает ее активную политическую роль⁴⁹.

А. И. Левшин в труде «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» указывает, что женский пол казахского народа заслуживает особого внимания. По его мнению, киргизки превосходят мужчин в трудолюбии: они ведут домашнее хозяйство, заботятся о скоте, занимаются рукоделием и приготовлением одежды, а также заботятся о нуждах своих мужей, включая седлание лошадей и посадку их верхом [Левшин 1996: 330-331].

Значительное внимание заслуживает Айганым Саргалдыкызы, которая активно участвовала в общественно-политической жизни своего времени и знала несколько восточных языков. Она вела активную переписку с чиновниками Министерства иностранных дел, Азиатского департамента и Сибирского комитета, проявляя себя как влиятельная общественная фигура. [Мажитов 2007: 500] Доказательством тому служит Представление Главного управления Западной Сибири в Сибирский комитет от 12 августа 1823 года, № 450, г, Тюмень. В документе пишется, что вдова покойного хана Валия Аблайханова и владелица киргиз-кайсацкой Средней орды, Айханым, в ноябре 1822 года выразила желание переселиться ближе к российским границам. Она обратилась с просьбой выделить ей место для постоянного кочевья вверх по реке Ишим, где она могла бы разместиться вместе с подведомственными ей кайсаками Худайберды-Атыгаевской и Увак-Кереевской волостей. [Валиханов 1985: 71 – 91]

Исследования показывают, что женщины в традиционном казахском обществе, несмотря на ограниченные возможности для официального политического участия, играли важную роль в общественной жизни и принятии решений присущей им независимостью и свободой. Примеры таких женщин, как Бопай, Айганым демонстрируют их активное вовлечение в политические процессы и влияние на управление.

2. Советский период (1917-1991 годы)

После Октябрьской революции 1917 года женщины получили равные права с мужчинами, вклю-

⁴⁸ Злата Иконникова «На хрупких женских плечах» 8 марта 2022, 365info.kz Доступ: <http://surl.li/pdeuuz> (проверено 20.07 2024).

⁴⁹ И.Ерофеева «Степные браки. Рядовой кочевник никогда не имел много жен» 01 мая 2006, ЦентрАзия. Доступ:

<https://centrasia.org/newsA.php?st=1146458940> (проверено 20.07 2024).

чая право голоса и возможность занимать политические должности. В этот период активно создавались женские отделы (женотделы), которые занимались вопросами прав женщин и их участия в общественной жизни.

«Многие исследователи сегодня оценивают государственную политику ранней советской эпохи в решении женского вопроса в Казахстане как декларативную... Несмотря на затруднения материального характера, недостаточность квалифицированных кадров, за время существования женотделов в Казахстане была проделана огромная работа, которая не имела сиюминутной отдачи, а носила отсроченный характер.» [Кундакбаева 2017: 350]

В этот период следует особенно выделить Алму Оразбаеву, которая сыграла ключевую роль в развитии женского движения в Казахстане. В 1919 году она стала первой казашкой, вступившей в большевистскую партию, и прошла путь от учительницы и журналистки до видного общественного и партийного деятеля. [Фаизов 2012: №3–5] А.И. Назарова в своей справке 1988 года пишет, что «вся работа женотделов в КССР в первые годы советской власти была организована под непосредственным руководством Алмы Уразбаевой.»⁵⁰ По воспоминаниям М. Ниязовой Алма Уразова выступила с докладом на Губернском съезде Советов в 1920 г. «Съезд открыла Алма, произнесла вступительную речь, сделала доклад об укреплении Советов. Доклад был обстоятельный, подробно были охвачены все вопросы. Она говорила хорошо, как на казахском, так и на русском языках».⁵¹ Алма Оразбаева внесла значительный вклад в реализацию партийных идей по эмансипации женщин. На посту заведующей женотделом Казахского обкома партии она способствовала созданию женских отделов при местных парткомитетах. Кроме того, она была автором закона, принятых 28 декабря 1920 года, об отмене калым и многоженства, что стало важным шагом к улучшению положения женщин в обществе. [Кундакбаева 2017: 350]

Также в истории есть немалое количество женщин, на общественную и политическую активность которых повлияли их семейно-бытовое положение. Среди них в монографии Ж. Кундакбаевой «Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920-1930 год» (2017) перечисляются Ш. Ходжамирова, У. К.И. Ярлыкамышева, У. Р. Аюханова, А.И. Назарова, которые росли в бедности, вели хозяйство, терпели насилие со стороны мужей или родственников. [Кундакбаева 2017: 350] По мнению автора до начала Второй мировой войны деятельность женотделов принесла значительные результаты: сформировался слой женщин, заняв-

ших позиции в государственных учреждениях, освоивших рабочие профессии и достигших уровня образования.⁵²

Стоит отметить, после прихода к власти большевики начали активно бороться с традиционными обычаями в области семейно-брачных отношений, приняв ряд законодательных актов. В Казахстане к таким актам относятся Декрет ЦИК и СНК КАССР об отмене калыма (1920 г.), декрет СНК КАССР о брачном праве киргизов от 17 января 1921 г. и закон от 1921 г. «О наказуемости многоженства». К середине 1920-х годов были установлены законодательные меры ответственности за принуждение к замужеству (1922 г.), двоеженство и многоженство (1924 г.), а также за брак с малолетними, умыкание и аменгерство (1925 г.).

Однако несмотря на это изменения были медленными из-за ограниченных ресурсов и состояния системы образования и здравоохранения. Женщины также играли важную роль в сохранении семейных сил во время коллективизации и «оседания».

Специальное обследование, проведенное в 1928 году комиссией по улучшению труда и быта женщин при ЦИК КАССР, показало, что женщины-казашки работали в среднем в год 154 дня, тогда как мужчины – 97. При этом 33 дня из них мужчины тратили на поездки по базарам, ярмаркам, правительственным учреждениям, собраниям и т.д. Женщины на те же занятия тратили в год всего один день. Состоявшаяся в апреле того же 1928-го Всеказахстанская комсомольская конференция в числе важнейших задач организации назвала борьбу «за чистоту, против заразных болезней, против вши, борьба с калымом, многоженством, за равное отношение к женщине».⁵³

Одним из ключевых постулатов большевистской идеологии было обязательное участие женщин в общественной жизни и совмещение ролей матери и работницы. Это должно было повысить их авторитет в глазах детей и способствовать общественному производству. По мнению исследовательницы российской социальной истории С.Г. Айвазовой, вовлечение женщин в общественное производство было обусловлено не только потребностями эмансипации, но и необходимостью модернизации советской экономики, переходящей из аграрной фазы в индустриальную. [*Гендерный калейдоскоп... 2002: 520*]

По мнению С.В. Коваленко, Л.А. Сазонова, Н.В. Соколюк равенство было лишь декларированным. «В реальности принятые меры не решали полностью проблему гендерного равенства в частной жизни» [С.В. Коваленко, Л.А. Сазонова, Н.В. Соколюк 2011: 89-95]

⁵⁰ Назарова А.И. Воспоминание о I съезде Женщин Казахстана // ЦГА РК. Ф.2118. Оп.1. Д.14. Л.8-9.

⁵¹ Ниязова М. Указ. соч. С. 397

⁵² Дамир Саттаров, Интервью с автором монографии Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920-1930 годы, 14 июля 2021, Доступ:

<https://www.caa-network.org/archives/22003/modernizacziya-rannej-sovetskoj-epohi-v-sudbah-zhenshin-kazahstana-1920-1930-gody-intervyu-s-avtorom-monografii> (проверено 25.07 2024).

⁵³ Женис Байхожа, интервью с д.и.н. Д. Аманжоловой «Казахские женщины и эмансипация: как это происходило в СССР?», 8 марта 2022, Доступ: <https://qmonitor.kz/society/3819> (проверено 27.07 2024).

Во время Великой Отечественной войны казахстанские женщины, как и их соотечественницы по всему СССР, внесли значительный вклад в военные усилия. По данным советского периода, в рядах Вооруженных Сил СССР служило более миллиона женщин, однако точные цифры варьируются в современных исследованиях. [Кирьяна 1988: 527] Архивные данные показывают, что с 1941 по 1945 год на военную службу было призвано около 490 235 женщин, что составляло менее 1,5 % от всех мобилизованных в СССР. [Кривошеев... 2010: 384] Из них наибольшее количество было мобилизовано в 1942 и 1943 годах, когда фронт испытывал самые тяжелые и кровопролитные времена.

Казахстанские женщины также активно включились в военные действия. В военкоматы Казахской ССР поступили десятки тысяч заявлений от девушек, желающих отправиться на фронт. В 1941 году из 25 тысяч заявлений добровольцев, поступивших из Карагандинской области, более 10 тысяч были от женщин. В целом, женщины составляли около 40 % от общего числа добровольцев в Казахской ССР. [Сактаганова...2016: 256] «Одной из важнейших проблем в казахстанской историографии является уточнение числа казахстанских женщин, которые были мобилизованы на фронт, принимали участие в военных действиях и т.д.» [Сактаганова 2020: 187-199] В исследовании Г.Д. Нурбековой указано, что в Великой Отечественной войне участвовало около 6 тысяч женщин из Казахстана, [Нурбекова 1988: 168] тогда как П.С. Белан приводит цифру 5183 женщины. [Белан 1995: 336]

Мотивация женщин к участию в войне была многогранной. Основными факторами считались чувство долга, любовь к родине и ненависть к врагу. По мнению З.Г. Сактагановой что для женщин защита Отечества имела более глубокое значение, включающее защиту семьи, дома, малой родины и земли предков. [Сактаганова 2020: 187-199]

Среди таких женщин можно отметить пулеметщицу Маншук Маметову, о которой в записи Центрального архива Министерства обороны РФ пишется следующее: «Старший сержант Маметова Маншук, будучи тяжело раненой, собрав последние силы, несколько раз заставляла огнем своего пулемета отходить фашистов, яростно контратаковавших наши наступающие части. Обеспечила успешное продвижение наших подразделений.»⁵⁴ Однополчане вспоминали слова клятвы маленькой девушки, похожей на подростка: «Я дочь казахского народа. На фронт пришла добровольно. Клянусь казахскому народу, что рука об руку с русскими, украинцами, белорусами, киргизами, узбеками и другими братьями и сестрами буду беспощадно мстить

фашистам за все зверства и злодеяния. Клянусь сражаться до последней капли крови!». 55

Еще один пример Хиуаз Доспанова штурман-снайпера полка, первая летчица-казашка, на счету у которой более 300 вылетов. В 1941 году был сформирован 588-й ночной легкомобардировочный авиационный полк, в составе которого была и Х. Доспанова. 56 10 апреля 1943 года на аэродроме произошёл инцидент, в результате которого один самолёт, садясь в темноте, столкнулся с другим. Полина Макагон и Лидия Свистунова погибли на месте, Юлия Пашкова умерла от ранений в госпитале. Единственной выжившей осталась Хиуаз Доспанова, которая получила серьёзные травмы и, несмотря на восстановление, стала инвалидом 2-й группы из-за неправильно сросшихся костей. 57 Несмотря на это она активно принимала участие в общественной жизни, в 1951 году она избрана депутатом Верховного Совета Казахской ССР и сразу же на первой сессии заняла пост секретаря Президиума.

В книге Ракобольской И.В. и Кравцовой Н.Ф. «Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков» о произошедшем инциденте и силе духа Х. Доспановой пишут следующее: «У Кати Доспановой были сломаны обе ноги. Она буквально воскресла из мёртвых. Всю закованную в гипс её привезли в Эссентуки. Через некоторое время рентген показал, что сращение костей идет неправильно. Ломали гипс, правили кости... На долю маленькой Катюши выпало столько страданий. Однако воля к жизни победила. Месяца через три Катя Доспанова вернулась в полк и вскоре стала опять летать на боевые задания, преодолевая сильные боли. Поэтому нам всё же пришлось потом перевести её на штабную работу. Катюша Доспанова (Хиваз — по-казахски) — студентка медицинского института, единственная казашка в нашем полку, и скорее всего — единственная девушка из Казахстана, летавшая в качестве штурмана на боевые задания... Так хорошо, высоким чистым голосом пела она национальные песни.» [Ракобольская... 2005: 336]

О подвигах снайпера Алии Молдагуловой Я.К. Прокопенкова пишет следующее в своих воспоминаниях: «В августе 1943 года к нам в бригаду прибыла снайпер Алиа Молдагулова. Хрупкая и очень симпатичная девочка из Казахстана. Ей было всего 18 лет, но к октябрю месяцу на счету снайпера было 32 убитых фашиста. 14 января 1944 года Алиа была тяжело ранена и скончалась в госпитале». 58 А. Молдагулова в годы Великой Отечественной войны стала одной из первых казахстанских женщин, награжденных Орденом Отечественной войны 1-й

⁵⁴ Запись № 28078964 (Центральный архив Министерства обороны РФ)

⁵⁵ Подвиг «жемчужинки». Красная звезда (газета) № 31 (27 509) (25 марта 2020). Доступ: <http://redstar.ru/wp-content/uploads/2020/03/031-25-03-2020.pdf#page=10> (проверено 27.07 2024).

⁵⁶ Приказ НКО СССР 0099 от 08.10.41 г. О формировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии <http://allaces.ru/sssrf/docs/nko/0099.php> (проверено 27.07 2024).

⁵⁷ Материал из Википедии: 46-й гвардейский ночной бомбардировочный авиационный полк Доступ: <http://surl.li/ya9pye> (проверено 27.07 2024).

⁵⁸ Галя Галкина «Дочь Ленинграда» Доступ: https://web.archive.org/web/20160305102459/http://np.kz/2010/04/16/doch_leningrada.html (проверено 27.07 2024).

степени. Алия принимала участие в боях, проявив мужество и героизм.

Принято считать, что война – это удел мужчин, однако события 1941-1945 годов доказали, что героизм не зависит от пола, примером тому послужили женщины-герои как М. Маметова, Х. Доспанова и А. Молдагулова.

В этот период были и другие женщины КазССР, которые активно принимали участие в общественной и политической жизни. К примеру, Рабига Жангирова, в период войны в 1941 году работала заведующей сектором отдела кадров Алма-Атинского обкома Коммунистической партии Казахстана, В 1942 году была назначена заместителем председателя президиума Казпотребсоюза, а в 1943 году – заведующей отделом по работе среди женщин Центрального комитета партии. 59

Также можно отметить ученого-врача, кандидата медицинских наук, государственного деятеля Аклима Бисенову, которая начала свою трудовую деятельность от районного главного врача, директора Республиканской фельдшерско-акушерской школы г. Алма-Аты и доросла до заместителя Наркомздрава и Минздрава КазССР. В годы войны А. Бисенова уделяла особое внимание здоровью женщин и детей. [Жакупова 2005: 272]

Среди таких женщин была и первый ректор Казахского государственного женского педагогического института и первый ректор среди девушек казашек – Турсын Мырзабекова, которая трудовой путь от методиста до ректора Казахского государственного женского педагогического института.

В послевоенный период до обретения независимости наблюдалось активное участие казахских женщин в общественной и политической жизни. Первым казахским дипломатом, участвовавшим во встрече Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций тоже была женщина. Балжан Бультрикова в своей карьере дважды занимала пост министра. В 1966 году была назначена заместителем председателя Совета министров Казахской ССР и министром иностранных дел, а в 1971 году – Министром образования и науки Казахской ССР.

В 1975 году Бижамал Рамазанова стала начальником Главного архивного управления, Газиза Жубанова — ректором Алма-Атинской консерватории, а Никара Абаева — секретарем президиума Верховного Совета КазССР. Последующие годы также ознаменовались значительными назначениями: Ляйля Галимжанова возглавила Госкомитет по кинематографии, Манура Ахметова и Дина Абдрахимова стали министрами социального обеспечения, а Жамиля Куттубаева и Людмила Давлетова заняли ключевые посты в государственном управлении и партийной структуре.

К 1989 году Людмила Давлетова возглавила Госкомитет по легкой промышленности при Госплане и стала министром СССР. В 1990-1991 годах такие женщины, как Жибек Амерханова и Зауре Кадырова, занимали руководящие посты в обществе и

министерствах, что подтверждает растущее влияние женщин в политической и общественной жизни Казахстана.

3. Период независимости

После обретения независимости в 1991 году Казахстан начал процесс демократизации, который включал в себя усилия по обеспечению гендерного равенства. В 1998 году Казахстан присоединился к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹². В 2013 году Казахстан занял 32-е место среди 146 стран в Глобальном отчете Всемирного экономического форума о гендерном равенстве¹.

В период с 1991 года по 2024 включительно женщины 26 раз занимали пост министров. (см. таблица 1)

Таблица 1
Женщины-министры Республики Казахстан (1991-2024 г.г.)

№	ФИО	Должность	Год назначения
	Бырганым Айтимова	министр по делам молодежи, туризма и спорта	1993
	Наталья Коржова	министр труда и социальной защиты населения	1996
	Айткуль Самакова	министр (без портфеля)	1999
	Гульжана Карагусова	министр труда и социальной защиты населения	2001
	Шамша Беркимбаева	министр образования и науки	2002
	Айткуль Самакова	министр охраны окружающей среды	2002
	Бырганым Айтимова	министр образования и науки,	2004
	Загипа Балиева	министр юстиции	2005
	Наталья Коржова	министр финансов	2006
	Гульшара Абдыкаликова	министр труда и социальной защиты населения	2009
	Жанар Айтжанова	министр экономического развития и торговли	2010
	Салидат Каирбекова	министр здравоохранения	2010
	Жанар Айтжанова	министр по делам экономической интеграции	2011
	Тамара Дуйсенова	министр труда и социальной защиты населения	2013

⁵⁹ Елена БРУСИЛОВСКАЯ, «Достоинство прожитая жизнь» "Казахстанская правда", 25 декабря 2015 Доступ:

<https://nomad.su/?a=15-201512250008> (проверено 27.07 2024).

Тамара Дуйсенова	министр здравоохранения и социального развития	2014
Тамара Дуйсенова	министр труда и социальной защиты населения	2017
Мадина Абылкасымова	министр здравоохранения и социального развития	2018
Куляш Шамшидинова	министр образования и науки	2019
Актоты Раимкулова	министр культуры и спорта	2019
Аида Балаева	министр информации и общественного развития	2020
Ажар Гиният	министр здравоохранения	2022
Тамара Дуйсенова	министр труда и социальной защиты населения	2022
Зульфия Сулейменова	министр экологии и природных ресурсов	2023
Аида Балаева	министр культуры и информации	2023
Светлана Жакупова	министр труда и социальной защиты	2023
Акмарал Альназарова	министр здравоохранения	2024

С 1991 по 2024 годы женщины регулярно занимали министерские должности в Казахстане. К «женским» относятся сферы здравоохранения и социальных услуги, финансов, образование, бытовые услуги и торговля. Женщины в основном занимали посты в министерствах, связанных «женскими» сферами, как здравоохранение (4), труда и социальной защиты населения (7 раз), культура и образование.⁶⁰

На сегодняшний день (2024 год) Правительство Казахстана всего лишь на 15% процента состоит из женщин. Из 27 членов правительства только 4 женщин (1 Заместитель Премьер-Министра, 3 министра).⁶¹ Данный низкий процент женщин в высших эшелонах власти отражает продолжающееся неравенство в представлении женщин на ключевых политических позициях в Казахстане.

25 мая Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев подписал внесение поправок в закон «О выборах в Республике Казахстан», согласно которым введены обязательные 30 %-ные квоты для женщин и молодежи в избирательных списках политических

партий.⁶² Данное решение было направлено на стимулирование активного участия этих групп в политической жизни страны и устранение гендерного и возрастного дисбаланса в органах власти.

Стоит отметить, также в 2022 году был принят закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан», который предусматривает включение лиц с инвалидностью в квоту при распределении депутатских мандатов после выборов в парламент.

Можно отметить следующие положительные последствия внесенных поправок, как увеличение числа женщин, занимающих выборные должности, стимулирование молодежного активизма, предоставление молодым людям больше возможностей для участия в политической жизни, и улучшение гендерного баланса через более сбалансированное распределение власти между мужчинами и женщинами в Мажилисе Парламента и маслихатах. Однако введение квоты также сталкивается с определенными проблемами и вызовами. Вопрос о реальном влиянии женщин и молодежи на политические решения остается актуальным, несмотря на увеличение их численного представительства. Кроме того, введение квоты может привести к тому, что кандидаты будут отбираться не по профессиональным качествам, а для выполнения квоты, что может сказаться на качестве работы органов власти.

В настоящее время из 98 депутатов Мажилиса Парламента 18 являются женщинами, что составляет лишь 18% от общего количества.⁶³ В 2022 году данный показатель составлял 26,9%. «В нижней палате парламента Казахстана число женщин-депутатов уменьшился на 8,7 процента», тогда как «доля женщин в парламентах мира в 2024 году достигла 26,9 процента – согласно последним подсчетам Межпарламентского союза (МПС)».⁶⁴

Сенат Парламента Республики Казахстан состоит из 50 депутатов, из которых 22 — женщины, что составляет 22% от общего числа членов.⁶⁵ Касательно гендерного состава данной палаты парламента отсутствуют конкретные требования, однако, представляется возможным рассмотреть вопрос увеличения представленности женщин до 30%.

В 2022 году по всему Казахстану доля женщин в выборных органах местной власти (маслихатах) составило 30,6%. Количество депутатов каждого региона зависит от численности населения.

⁶⁰ Данияр Ашимбаев, Женщины Казахстана в политической истории. Часть 2. Период независимости, 8 марта 2024. Доступ: <https://nomad.su/?a=15-202403110030> (проверено 28.07 2024).

⁶¹ Состав правительства, Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. Доступ: <https://primeminister.kz/ru/government/composition> (проверено 28.07 2024).

⁶² Зульфия Раисова «Зачем в Казахстане ввели квоты для женщин и молодежи?», 05.06.2020, Central Asian Bureau for Analytical Reporting. Доступ: <https://cabar.asia/ru/zachem-v-kazahstane-vveli-kvoty-dlya-zhenshhin-i-molodezhi> (проверено 28.07 2024).

⁶³ Официальный интернет ресурс Мажилиса Парламента Республики Казахстан. Доступ: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/General/Deputats> (проверено 30.07 2024).

⁶⁴ Число женщин-депутатов в мире растет, но прогресс незначительный. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450087> проверено 30.07 2024).

⁶⁵ Сенат Парламента Республики Казахстан, Депутаты Сената. Доступ: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/about/deputies> проверено 30.07 2024).

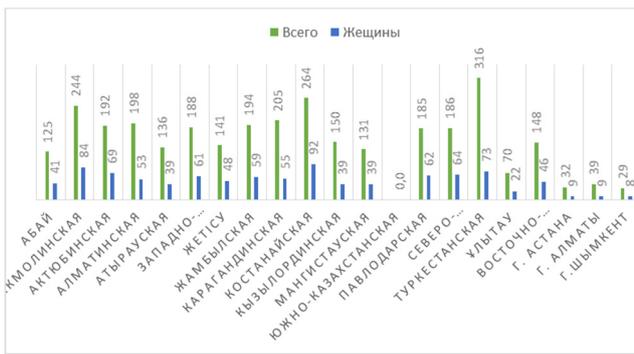

Рисунок 1. Доля женщин в выборных органах местной власти (маслихатах) (2022 г.)

В некоторых регионах, таких как Костанайская и Акмолинская области, доля женщин превышает 34%, что является положительным показателем. Однако в городах, таких как Алматы и Шымкент, доля женщин значительно ниже, что указывает на необходимость дополнительных мер для повышения гендерного равенства. (см. рисунок 1)

В период независимости Казахстан предпринял меры для повышения гендерного равенства, включая квоты для женщин. Несмотря на это, женщины продолжают занимать недостаточно высокие политические позиции, а их влияние на политические решения остается недостаточным.

Заклучение и выводы.

В ходе подготовки статьи проведен всесторонний анализ значительных изменений, произошедших в социальной и политической роли женщин в Казахстане на протяжении веков. Исследование продемонстрировало, как традиционные роли женщин в казахском обществе, укорененные в культурных и исторических особенностях, постепенно эволюционировали под воздействием социально-экономических трансформаций, политических реформ и глобальных трендов.

Анализ ключевых этапов этой эволюции выявил, что женщины в Казахстане преодолели значительные препятствия на пути к занятию своего места в политической и общественной жизни страны. В рамках традиционного уклада, где их роль была ограничена домашним хозяйством и семьей, женщины постепенно стали активными участницами в различных сферах, включая образование, науку, экономику и политику.

Современная картина участия женщин в политике Казахстана демонстрирует их значительное влияние и растущее признание их вкладов. В настоящее время женщины занимают важные государственные должности, участвуют в парламентской деятельности и влияют на принятие решений на высшем уровне. Их активное участие в политической жизни свидетельствует о серьезных социальных сдвигах и продолжающемся процессе достижения гендерного равенства.

Таким образом, анализ развития роли женщин в Казахстане показывает, что, несмотря на все трудности, они сумели добиться значительного прогресса и продолжают играть важную роль в будущем страны.

Литература

1. Левшин А.И. 1996. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат. – С. 330-331.
2. Мажитов С.Ф. 2007. История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков Т. 9. Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX—XX вв.). Алматы: Дайк-Пресс. 500 с.
3. Валиханов Ч. Ч. 1985. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5 Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 2-е издание дополненное и переработанное. Алма-Ата, – С. 71-91.
4. Кундакбаева Ж. 2017. Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920- 1930 годы. Алматы: Қазақ университеті. 350 стр
5. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общей редакцией д-ра эконом. наук М.М. Малышевой. 2002. М.: Academia. 520 с.
6. С.В. Коваленко, Л.А. Сазонова, Н.В. Соколюк. 2011. Материнство и власть в контексте советской тоталитарной идеологии. – Общество: философия, история, культура. №1-2. С. 89-95.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: слов.-справ. Под ред. М. Кирьяна. 1988. М.: Политиздат. 527 с
8. Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. 2010. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание М.: Вече. 384 с.
9. Сактаганова З.Г., Турсунова Ж.Ж., Смагулов А.Ж. 2016. Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Караганда: Изд-во КарГУ. 256 с.
10. Сактаганова З.Г. 2020. Женщины Казахстана и Великая Отечественная война: проблемы мобилизации на фронт в 1941–1945 гг. – Вестник Карагандинского университета Серия «История. Философия». № 3(99). DOI 10.31489/2020NPh3/187-199
11. Нурбекова Г.Д. 1988. Женщины Казахстана – фронту. Трудовой подвиг женщин Казахстана в промышленности и сельском хозяйстве республики в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. Алма-Ата: Казахстан. 168 с.
12. Белан П.С. 1995. На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. Алматы: Ғылым. 336 с.
13. Ракобольская И.В., Кравцова Н.Ф. 2005. Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. М.: Издательство Московского университета. 336 с.
14. Жакупова, М. 2005. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и республик Средней Азии (САВО). Астана : Елорда. 272 с

Women in the History of Kazakhstan: from traditional roles to active political participation
Serikzhanova A.T., Nurtazina R.A., Serikzhanova I.T., Nagasbekova B.S.
 L.N.Gumilyov Eurasian National University, Engagement global, S.D. Asfendiyarov KazNMU

The history of Kazakhstan is replete with examples of significant contributions made by women to the social and political life of the country. In traditional Kazakh society, women played an important role in family and household affairs, but their participation in politics was limited. With the establishment of Soviet power and later during the period of independence, the role of women underwent significant changes, reflecting their active involvement in various aspects of public life.

The aim of this article is to study the evolution of women's roles in Kazakhstan and identify the factors that contribute to their active participation in politics. To achieve this aim, the following objectives were set: to analyze the historical context, to assess changes in public perception of women, and to investigate the impact of these changes on the contemporary political environment.

The main findings of the article indicate that women's participation in the social and political life of Kazakhstan has gone through several significant stages. From traditional society, where women played an important role in family life, to the modern period, where they actively participate in politics and hold leadership positions, this development underscores the importance of gender equality and parity in contemporary Kazakhstan. Thus, the historical development of women's participation in the social and political life of Kazakhstan demonstrates an evolution from traditional roles to active involvement in various aspects of society.

Keywords: traditional roles, political activity, social changes, cultural transformations, political participation, women's movements, gender roles, historical events.

References

1. Levshin A.I. 1996. Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes. Almaty: Sanat. - P. 330-331.
2. Mazhitov S.F. 2007. History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th-20th centuries. Vol. 9. Folk legends about historical events and outstanding people of the Kazakh steppe (19th-20th centuries). Almaty: Daik-Press. 500 p.
3. Valikhanov Ch. Ch. 1985. Collected works in five volumes. Volume 5. Main editorial board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 2nd edition, supplemented and revised. Alma-Ata, - P. 71-91.
4. Kundakbaeva Zh. 2017. Modernization of the early Soviet era in the fates of women in Kazakhstan, 1920-1930. Almaty: Kazakh University. 350 p.
5. Gender Kaleidoscope. Lecture Course. Edited by Doctor of Economics M.M. Malysheva. 2002. Moscow: Academia. 520 p.
6. S.V. Kovalenko, L.A. Sazonova, N.V. Sokolyuk. 2011. Motherhood and power in the context of Soviet totalitarian ideology. - Society: philosophy, history, culture. No. 1-2. P. 89-95.
7. The Great Patriotic War of 1941-1945: verbal reference. Ed. M. Kiryan. 1988. M.: Politizdat. 527 p.
8. G. F. Krivosheev, V. M. Andronnikov, P. D. Burikov, V. V. Gurkin. 2010. The Great Patriotic War without the classification mark. Book of losses. The newest reference publication M.: Veche. 384 p.
9. Saktaganova Z. G., Tursunova Zh. Zh., Smagulov A. Zh. 2016. Women of Central Kazakhstan during the Great Patriotic War. Karaganda: Publishing house of Karaganda State University. 256 p.
10. Saktaganova Z. G. 2020. Women of Kazakhstan and the Great Patriotic War: problems of mobilization to the front in 1941-1945. - Bulletin of Karaganda University Series "History. Philosophy". № 3(99). DOI 10.31489/2020HPh3/187-199
11. Nurbekova G.D. 1988. Women of Kazakhstan – to the front. Labor feat of women of Kazakhstan in industry and agriculture of the republic during the Great Patriotic War. 2nd ed. Alma-Ata: Kazakhstan. 168 p.
12. Belan P.S. 1995. On all fronts: Kazakhstanis in the battles of the Great Patriotic War in 1941-1945. Almaty: Gylm. 336 p.
13. Rakobolskaya I.V., Kravtsova N.F. 2005. We were called night witches. This is how the women's 46th Guards Night Bomber Regiment fought. Moscow: Moscow University Publishing House. 336 p.
14. Zhakupova, M. 2005. Rear evacuation hospitals of Kazakhstan and the Central Asian republics (SAVO). Astana: Elorda. 272 p.

Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: перспективы и ограничения

Соина Юлия Александровна

доктор философии в области литературы, Университет Цинхуа, КНР, yulia_soina@mail.ru

Экономический рост стран БРИКС сигнализирует об изменении баланса сил в глобальном экономическом порядке. Их коллективное влияние призвано изменить международную торговлю, финансы и инвестиции, предложить альтернативные пути развития и внести важный вклад в глобальный экономический и политический ландшафт. Являясь странами с динамично развивающейся экономикой и богатыми природными ресурсами, страны-участницы БРИКС входят в число крупнейших производителей и потребителей энергии. Помимо развития собственного энергетического сектора, каждая страна неоднократно выражала заинтересованность в сотрудничестве в области энергетики, рассматривая это как одно из приоритетных направлений.

С особым вниманием исследуются проблемы и ограничения, с которыми сталкиваются страны при реализации совместных энергетических проектов — от политической нестабильности до различий в экономических подходах и экологической политике. Статья также акцентирует внимание на потенциальном влиянии геополитических факторов и изменений в мировой энергетической политике на ситуацию в рамках БРИКС.

В результате проведенного анализа выделяются ключевые возможности для сотрудничества, такие как совместные инвестиции в возобновляемые источники энергии, технологии энергосбережения и устойчивого управления ресурсами. Подчеркивается, что сотрудничество в сфере энергетики может стать основой для дальнейшего экономического роста и обеспечения энергетической безопасности стран БРИКС, а также послужить важным шагом в реализации глобальных целевых установок по устойчивому развитию.

Статья направлена на расширение понимания текущих трендов энергетического взаимодействия среди стран БРИКС и разработку рекомендаций по эффективному интегрированному подходу к энергосотрудничеству, что делает ее актуальной как для ученых, так и для специалистов в области международных отношений и энергетической политики.

Ключевые слова: страны БРИКС, энергетический сектор, перспективы сотрудничества, сдерживающие факторы, БРИКС, энергетика, энергетическое сотрудничество, международная торговля, политика, ограничения.

Введение

Энергетическое сотрудничество является ключевым аспектом международных отношений, формируя не только экономическую, но и политическую стабильность стран. С учетом постоянно растущих потребностей в энергии, изменения климата и глобальных трансформаций энергетических рынков, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южноафриканская Республика) становятся все более значимыми участниками в области энергетического взаимодействия. Крупнейшие экономики развивающегося мира, объединенные в эту группу, обладают богатейшими природными ресурсами и значительным потенциалом для развития альтернативной энергетики. В условиях мирового энергетического кризиса и необходимости перехода к устойчивым экологическим практикам обсуждение вопросов регионального энергетического сотрудничества становится особенно актуальным.

Целью данной научной статьи является рассмотрение возможностей и перспектив сотрудничества стран БРИКС в сфере энергетики, выявление сдерживающих факторов, и предложение рекомендаций по формированию модели возможного энергетического партнерства БРИКС. В ходе работы будут рассмотрены предпосылки, аналитические данные и сценарии развития взаимодействия стран БРИКС в сфере энергетики, что позволит выявить оптимальные решения для преодоления текущих сложностей и достижения синергетического эффекта от объединения усилий.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении энергетических аспектов сотрудничества стран БРИКС, которое не получило достаточного освещения в современной литературе. Впервые в формате данного исследования будет представлен системный подход к анализу как позитивных, так и негативных факторов, влияющих на развитие энергетического взаимодействия. Ожидается, что результаты работы окажутся полезными как для научного сообщества, так и для практиков, занимающихся энергетической политикой и экономическими отношениями в рамках БРИКС.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы исследования включают в себя анализ статистических данных, отчетов международных организаций, научных публикаций, а также мнение экспертов в области энергетики и международных отношений. Для обеспечения всестороннего подхода будет применяться метод сравнительного анализа, позволяющий выделить ключевые тренды и вызовы, стоящие перед государствами-участниками, а также провести сводный анализ успешно реализуемых практик в этой области.

Результаты исследования направлены на формирование рекомендаций для максимизации потенциала энергетического сотрудничества стран БРИКС, с учетом существующих ограничений и рисков.

Результаты и обсуждения

1. Предпосылки развития энергетического сотрудничества стран БРИКС

Страны БРИКС обладают значительными ресурсами и технологическими возможностями для развития своих энергетических систем. В силу разного уровня социально-экономического развития, особенностей демографической ситуации и различия в функ-

ционировании отраслей ТЭК, каждая из стран выделяет актуальные для неё потребности в стратегических и перспективных для неё секторах. Особенно это касается приглашенных новых членов, резкие различия в величине душевого национального дохода и численности населения которых накладывают отпечаток на специфику энергетического профиля каждой из стран.

Компетенции стран БРИКС включают в себя широкий спектр технологий и областей экспертизы, необходимых для развития топливно-энергетического комплекса и повышения энергоэффективности (рис 1).

Страна	Компетенция	Потребность
Россия	Технологии атомной генерации	Технологии производства газовых турбин большой мощности
	Технологии гидроэнергетики	Технологии добычи редкоземельных элементов из угольных месторождений
	Разработка специализированного ПО для ТЭК	Технология для развития Арктики и добычи трудноизвлекаемых запасов
	Научная школа фундаментальных исследований	
	Технологии транспорта и хранения углеводородного сырья	Электронная компонентная база
Высоковольтное оборудование		
Технологии нефтепереработки/нефтехимии		
ЮАР	Технологии производства особо чистого оксида алюминия	Переработка зольных отвалов
	Катализаторы нефтехимии / нефтепереработки	Технологии хранения энергии
		Умные сети электроснабжения
Индия	Разработка специализированного ПО для ТЭК	Системы защиты электроэнергетических комплексов
	Катализаторы нефтехимии / нефтепереработки	Переработка зольных отвалов
		Присадки для нефтехимии / нефтепереработки
	Технологии нефтепереработки	
Бразилия	Технологии производства биотоплива	Технологии переработки тяжелой нефти
	Умные сети электроснабжения	Внутрипластовая конверсия
	Разведка подсольевых залежей УВС	Электротехнический картон
	Технологии нефтепереработки	Модули управления
Технологии хранения энергии		
Китай	Машиностроение в ТЭК	Сырье
	Катализаторы нефтехимии / нефтепереработки	Технологии водородной энергетики
		Технологии циклической экономики
	Технологии разработки газогидратов	Возобновляемые источники энергии
	Умные сети электроснабжения	

Таблица 1.
Компетенции и потребности стран БРИКС

Источник приоритеты технологического развития ТЭК стран БРИКС, Платформа энергетических исследований БРИКС, 2020

Рис. 1. Компетенции стран БРИКС

Наряду со специфическими компетенциями, которыми обладают страны с учетом своих национальных характеристик, есть ряд потребностей, которые определены на основе имеющейся технологической базы и видения приоритетных направлений разработки и внедрения технологий в сфере традиционной и возобновляемой энергетики [10]. Однако, можно выделить и общие потребности, удовлетворение которых будет способствовать созданию современной энергетической инфраструктуры за счет целевого внедрения передовых технологий. Такие потребности включают в себя улучшение эффективности производства, разработку новых материалов и технологий, использование возобновляемых источников энергии, и увеличение

доли экологически чистых технологий в производстве. Кроме того, страны БРИКС нуждаются в развитии научных исследований и программ поддержки инноваций.

Помимо развития собственного энергетического сектора, каждая страна неоднократно выражала заинтересованность в сотрудничестве в области энергетики, включая энергетическую безопасность, энергосбережение и повышение энергоэффективности, развитие взаимодействия в сфере нефтегазового комплекса, ядерной энергетики, возобновляемых источников энергии, в области низкоуглеродных технологий и новых источников энергии, рас-

смаатривая это как одно из приоритетных направлений. С учетом процессов трансформации глобальной политической и экономической систем, а также после присоединения с 1 января 2024 года Аргентины, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии в качестве полноправных членов БРИКС важность энергетического взаимодействия внутри объединения неуклонно возрастет, выявляя необходимость рассмотрения как перспектив энергетического сотрудничества, так и их ограничительных факторов [13].

2. Перспективы энергетического сотрудничества стран БРИКС

В контексте глобальных изменений в энергетическом секторе страны БРИКС могут значительно выиграть благодаря диверсификации направлений сотрудничества и выработке эффективного механизма взаимодействия, что может благотворно сказаться как на развитии национальных экономик, так и на повышении устойчивости энергетических систем в странах. Говоря о перспективных направлениях взаимодействия стран БРИКС в энергетическом секторе среди основных можно выделить [4]:

1. развитие сотрудничества в области энергоэффективности и энергосбережения;
2. стимулирование инвестиций в приоритетные проекты;
3. создание и регулирование нормативно-правовой базы по регулированию энергетического сектора;
4. создание условий для развития и обмена передовыми энергетическими технологиями;
5. научно-техническое сотрудничество и обмен опытом в реализации проектов по добыче, переработке и транспортировке углеводородных видов топлива;
6. создание инфраструктуры, расширение научно-технического сотрудничества и обмен опытом в области диверсификации потребления в транспортном секторе;
7. содействие в вопросах обеспечения стабильности энергетических рынков и повышение роли БРИКС в глобальном диалоге с обсуждением актуальных вопросов энергетики [11];
8. вовлечение молодежи в энергетическое сотрудничество и исследовательскую деятельность стран БРИКС;
9. совместная подготовка кадров;
10. повышение устойчивости топливно-энергетического комплекса, включая сотрудничество в области антитеррористической защиты энергетических объектов, экологической и технологической безопасности;
11. увеличение доли платежей и прямых инвестиций в национальных валютах для обеспечения стабильности торговых отношений и стимулирования экономического развития;
12. активизация научно-исследовательской деятельности, в том числе с помощью Платформы энергетических исследований БРИКС.

3. Ограничения для развития сотрудничества стран БРИКС в сфере энергетики

БРИКС является группой развивающихся экономик, которая стремится укрепить потенциал стран-участниц для усиления роли БРИКС в мировой экономике и политике и выдвигения новых парадигм развития мирового энергетического сектора [9]. В процессе усиления своего глобального влияния развитие сотрудничества в рамках БРИКС может столкнуться с рядом ограничений и вызовов, которые могут препятствовать и тормозить продвижению сотрудничества между странами-участниками БРИКС и представлять риск для сохранения устойчивости объединения.

Одними из основных можно выделить следующие:

Санкционное давление. Бразилия испытывает серьезное давление со стороны стран Запада в части введения санкций против России. Однако до настоящего момента Бразилии удавалось избегать ограничений и поддерживать партнерские отношения с Россией как в формате двусторонних отношений, развития сотрудничества, заключения договоров в различных сферах, так и в рамках партнерства БРИКС. В условиях введенных против России санкций особый риск представляют расчеты в западных валютах (доллар, евро), поэтому актуальным является вопрос перехода на расчеты в национальных валютах. Кроме того, Президент Бразилии Лула да Силва выступил инициатором обсуждения вопроса о введении единой валюты в рамках БРИКС.

Следует отметить, что Премьер-министр Индии Нарендра Моди последовательно противостоит давлению, требующему введения санкций против или сокращения тесных экономических связей с Россией [3].

Китай соблюдает нейтралитет в отношении введенных против России санкций. Свои ограничения против России не вводит, но введенные странами Запада соблюдает. Не стал площадкой для обхода санкций, в качестве примера можно привести блокировки системы UnionPay у попавших под санкции банков, заморозку нефтеперевозок и т.п. Таким образом Китай пытается защитить свои компании, которые подпадают под вторичные санкции. Вторичные санкции против китайских компаний- угроза торговым отношениям и инвестиционному сотрудничеству России и Китая в том числе и в энергетическом секторе.

ЮАР, как и Китай, соблюдает нейтралитет в отношении введенных против России санкций [12].

Санкции, введенные в отношении России, затронули различные секторы экономики России: финансы, технологии, промышленность, сырье и др. Санкции оказали воздействие на российскую экономику в различных сферах от финансовой и энергетической до IT и транспорта. Влияние санкций ощутили на себе финансовая и энергетическая отрасли экономики, благодаря которым в первую очередь обеспечиваются энергетический переход страны и декарбонизация ее экономики. Санкции в финансовом секторе, такие как отключение ряда российских банков от системы SWIFT и заморозка их активов, а также опасность вторичных санкций из-за сотрудничества с подсанкционными российскими банками,

не создают привлекательных условий для зарубежных инвесторов, готовых делать финансовые вложения в климатические проекты в России. Финансирование различных климатических проектов оказалось затруднено, а отечественные банки пока не готовы обеспечивать подобные проекты.

Российский энергетический сектор также оказался под значительным санкционным давлением. Страны Запада запретили своим компаниям страховать танкеры с российской нефтью, инвестировать в новые нефтяные проекты в России, отказались от поставок в Россию оборудования для СПГ, провели арест активов, например, «НОВАТЭКа» в Польше, ввели ограничения, которые не позволяют европейским компаниям оплачивать проданную российскую электроэнергию, а также запретили операции с новыми акциями, например, компании «РусГидро» [8]. «Роснано» и Enel Group планировали совместно производить водород на ветроэлектростанции в Мурманской области и экспортировать его в ЕС.

Несмотря на уход иностранных (прежде всего, западных и японских) компаний с российского рынка энергетики, в России энергетические компании развивают и строят собственные проекты ВИЭ. Что в свою очередь может стать перспективным направлением для развития сотрудничества в рамках БРИКС.

Расхождение национальных интересов стран как вызов интеграции. Страны, входящие в БРИКС, имеют принципиальные различия в интересах и взглядах на энергетический рынок, на вопросы политики и безопасности, включая отношения с США, а также разные системы управления и идеологии. Так, БРИКС официально не одобрил масштабную китайскую инициативу в области развития под названием "Пояс и путь", отчасти потому, что Индия возражает против инфраструктурных проектов "Пояса и пути" на спорной территории, принадлежащей Пакистану, ее соседу и принципиальному сопернику [7]. Это затрудняет формирование скоординированной стратегии регулирования мировых энергетических рынков и может привести к невыполнению намеченных планов. Кроме того, наличие различных альтернативных интеграционных процессов, в которые вовлечены страны БРИКС, и связи с третьими странами в отношении экспортно-импортных операций также может создать дополнительные препятствия.

Неравномерный баланс сил как фактор дестабилизации. Торговый оборот между странами БРИКС по итогам 2022 года составил 762 миллиарда долларов, причем, не считая КНР, в торговле между странами БРИКС преобладают сырьевые товары и товары первичной переработки. При этом примечательно, что организация объединяет в своих рядах как крупнейших экспортеров нефти, так и двух крупнейших импортеров с сильным внутренним рынком — Китай и Индию. В своем расширенном составе альянс БРИКС будет контролировать 39% от всего объема мирового экспорта нефти, 45,99% от доказанных запасов и 47,6% от всей добываемой в мире нефти.

Слабой стороной БРИКС является и то, что пока все эти страны являются экспортерами сырья, но не высоких технологий. Недостаточное внимание в энергетическом секторе уделяется поддержке экспорта высокотехнологичной продукции, услуг, технологий, что в долгосрочной перспективе может привести к негативным последствиям для экспортноориентированных экономик, которые опираются только на торговлю первичным сырьем.

Расширение БРИКС как источник внутренних разногласий. В 2023 году желание участвовать в БРИКС возникло у множества стран, принятие в качестве новых членов Аргентины, Ирана, Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ и Эфиопии по итогу саммита в Йоханнесбурге, неизбежно привело к прогнозированию возможных сложностей, связанных с расширением объединения [5]. Для любой многосторонней группы расширение её состава может породить больше разногласий между ее отдельными членами, больше противоречий в процессе принятия общих решений по спорным вопросам, может поднять вопросы стратегических целей БРИКС, его ценностей, идеалов и того, способен ли он внести реальный вклад в развитие участвующих стран, способствовать взаимному дополнению, укреплению и долгосрочному функционированию группы, не углубляя идеологических и иных разногласий.

Финансовые препятствия как сдерживающий фактор. Развитие энергетической инфраструктуры и проектов требует значительных инвестиций. Некоторые страны БРИКС могут столкнуться с финансовыми трудностями и отсутствием ресурсов для осуществления финансирования в сфере энергетики. Например, Эфиопия, как одна из беднейших стран с большими политическими проблемами, с экономической точки зрения является самым невыгодным партнером.

4. Рекомендации по формированию модели возможного энергетического партнерства БРИКС

Интеграционные процессы в рамках БРИКС могут осуществляться как в сторону расширения, вовлекая большее количество секторов экономики и уровней управления, так и в сторону углубления от скоординированной или согласованной политики к единой. Это можно проследить на примере наднационального механизма принятия решений, который, с одной стороны, свидетельствует о выработке единых мер политики в том или ином направлении, а с другой, о передаче части национальных полномочий на наднациональный уровень.

При этом те или иные структуры наднационального свойства, созданные в рамках наднациональных механизмов и изначально ставящие своей целью помощь государствам-участникам, могут привести к качественному изменению всей системы экономических связей в рамках БРИКС, причем как способствовать улучшению интеграционных связей, так и вызвать необходимость у отдельных стран отстаивать свои интересы.

Классификация интеграционных процессов

Расширение интеграции	Взаимодействие без наличия наднационального механизма	Взаимодействие с выработкой наднационального механизма
	Зона свободной торговли	Таможенный союз (зона свободной торговли + единая торговая политика)
Скоординированная политика по отдельным направлениям	Единая политика по отдельным направлениям	
Общий рынок (отсутствие барьеров)	Единый внутренний рынок	
Общая валютная система (валюты разные, но валютная политика скоординирована)	Валютный союз (единая валюта и Центральный банк) Пул условных валютных резервов и Новый банк Развития	
Экономический союз (координация макроэкономической политики)	Полная экономическая интеграция (единая экономическая политика)	
<div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center;"> ↑ → ↓ </div>		

Источник: Исследование трансрегионального объединения БРИКС как нового типа интеграции в условиях глобальной экономики

Благодаря своей институционализации страны БРИКС имеют возможность проводить согласованную политику в международных организациях и влиять на принятие ключевых решений. Однако на сегодняшний день не выработана однозначная позиция по поводу углубления энергетической интеграции стран БРИКС, причем разногласия существуют не только между странами, но и между отдельными национальными экспертами и ведомствами [6]. Учитывая различия в приоритетах и целях внешнеторговой деятельности, качественных и количественных показателях развития энергосистем стран-участниц уже на данном этапе есть потребность оценить дальнейшие перспективы взаимодействия государств группы и соответствующие институциональные предпосылки, проанализировать приемлемые формы взаимодействия под эгидой равноправного партнерства и объединить свои усилия для решения комплексных задач. Одним из шагов на пути к разработке наиболее приемлемых и взаимовыгодных форматов взаимодействия стало создание в 2019 году по инициативе России платформы энергетических исследований стран БРИКС, основной задачей которой является выполнение комплексных экспертно-аналитических работ, направленных на исследование всего топливно-энергетического комплекса стран. Блок БРИКС имеет огромный потенциал, но для его реализации необходимо предварительно выявить и впоследствии аккумулировать взаимодополняющие ресурсы всех стран-участниц.

С учетом индивидуальных особенностей, потребностей и стратегических приоритетов каждой страны БРИКС, а также действия только национального законодательства стран, рекомендуется внедрение многостороннего наднационального соглашения о едином энергетическом партнерстве в рамках БРИКС. Это соглашение будет представлять собой высокоорганизованное объединение стран с общей стратегией и целями в сфере устойчивой энергетики [1]. Предполагается, что документ должен учитывать следующие ключевые аспекты:

- определение общих стратегических целей сотрудничества, такие как снижение выбросов парниковых газов, увеличение доли возобновляемых источников энергии и разработка экологически чистых технологий;
- определение механизмов координации и регулирования, то есть, создание органов управления

и координации, ответственных за разработку и мониторинг выполнения общей стратегии, а также за координацию действий между странами;

- разработка механизмов финансирования, обеспечивающих поддержку устойчивых энергетических проектов в рамках общей стратегии (возможно, альтернативные или в структуре Нового банка развития);

- интеграция экологических стандартов и требований, а также механизмы мониторинга и ответственности за нарушения в рамках наднационального соглашения;

- создание эффективных механизмов разрешения споров и конфликтов;

- обязательное развитие образовательных программ и информационных кампаний, направленных на повышение осведомленности об устойчивых энергетических практиках;

- установление механизмов для взаимодействия и обмена опытом с другими региональными и международными партнерами в области устойчивой энергетики (например, ЕАЭС) [2];

- разработка механизмов сотрудничества в условиях санкций и ограничений.

В свете вышеуказанных аспектов актуальность и необходимость разработки такого наднационального соглашения обусловлена стремлением к координации усилий, гармонизации стандартов и обеспечению синергии в решении глобальных энергетических вызовов, что, в свою очередь, способствует устойчивому развитию и экологическому благополучию на глобальном уровне.

Выводы

В результате проведенного анализа энергетического сотрудничества стран БРИКС можно уверенно утверждать, что на текущем этапе накоплен значительный потенциал для дальнейшего углубления и расширения взаимодействия в этой ключевой отрасли. Страны БРИКС, представляющие собой не только крупные экономики, но и важные игроки на глобальном энергетическом рынке, обладают разнообразными ресурсами и технологиями, что открывает новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества. Предпосылки развития энергетического партнерства обусловлены как внутриэкономическими факторами — необходимостью обеспечения энергетической безопасности и диверсификации энергетических источников, так и внешними — стремлением к более справедливому распределению ресурсов и созданию новых торговых маршрутов.

В условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата, необходимо также уделить особое внимание устойчивому развитию энергетических систем стран БРИКС, что позволит не только повысить уровень энергетической безопасности, но и обеспечить гармоничное взаимодействие с международным сообществом. Переход к более экологически чистым и эффективным источникам энергии требует внедрения инновационных технологий и повышения уровня сотрудничества в научных и образовательных сферах.

Таким образом, будущее энергетического сотрудничества стран БРИКС зависит от их способности адаптироваться к изменяющимся условиям и совместно решать возникшие проблемы. Согласованные усилия, направленные на преодоление ограничений и реализацию имеющихся возможностей, могут стать залогом успешного и взаимовыгодного партнерства в сфере энергетики, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на экономическое развитие стран и укрепление их позиций на мировом энергетическом рынке.

Литература

1. Приоритеты технологического развития ТЭК стран БРИКС, Платформа энергетических исследований БРИКС, 2020.

2. BRIC Renewable Energy Report, 2022.

3. Politico, Row over Russian energy sanctions gatecrashes EU-India summit, 2023.

4. South Africa's Russian ties come under scrutiny, 2023.

5. Bloomberg: как БРИКС стал настоящим международным клубом и почему в него хотят попасть еще 19 стран, 2023.

6. Расширение БРИКС — новая страница мирового рынка углеводородов? 2023.

7. Минаков, А. В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран / А. В. Минаков, С. Б. Лапина // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 2. — С. 305-312. — DOI 10.24412/2414-3995-2021-2-305-312. — EDN GPBGHI.

8. Мирошниченко М. В., "Исследование трансрегионального объединения БРИКС как нового типа интеграции в условиях глобальной экономики", 2019.

9. Толмачёв О. Л. «Фактор внешней среды «акционеры» как инструмент оптимизации и причина потери конкурентоспособности», научный журнал «Экономика и предпринимательство» № 3, 2023. ПИ № ФС77-30661. ISSN 1999-2300.

10. Чешин, А. В. Гражданско-правовое регулирование иностранных инвестиций в России / А. В. Чешин // International Law Journal. — 2023. — Т. 6, № 6. — С. 51-55.

11. Чешин, А. В. Гражданско-правовые договоры в инвестиционной деятельности / А. В. Чешин // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13, № 4-1. — С. 186-192. — DOI 10.34670/AR.2023.47.84.018.

12. Чудаев А. В. Энергетика, как триггер повышения темпов благосостояния общества и государства // А. В. Чудаев // Экономика строительства. — 2023. — № 9. — С. 72-75. — EDN: JKNVFX. — ISSN: 0131-7768.

13. Экономика и право : Монография / А. А. Ардинба, В. В. Новиков, В. В. Новиков [и др.] ; Гл. редактор Э.В. Фомин. — Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. — 172 с. — ISBN 978-5-907688-40-7. — DOI 10.31483/a-10501. — EDN FSSQQN.

Energy cooperation of the BRICS countries: prospects and limitations

Soina Yu.A.

Tsinghua University

The economic growth of the BRICS countries signals a change in the balance of power in the global economic order. Their collective influence is designed to change international trade, finance and investment, offer alternative development paths and make an important contribution to the global economic and political landscape. As countries with dynamically developing economies and rich natural resources, the BRICS member countries are among the largest energy producers and consumers. In addition to developing its own energy sector, each country has repeatedly expressed interest in cooperation in the field of energy, considering this as one of the priorities.

Special attention is paid to the problems and limitations that countries face when implementing joint energy projects — from political instability to differences in economic approaches and environmental policies. The article also focuses on the potential impact of geopolitical factors and changes in global energy policy on the situation within the framework of the BRICS.

As a result of the analysis, key opportunities for cooperation are highlighted, such as joint investments in renewable energy sources, energy conservation technologies and sustainable resource management. It is emphasized that cooperation in the energy sector can become the basis for further economic growth and energy security of the BRICS countries, as well as serve as an important step in the implementation of global targets for sustainable development.

The article is aimed at expanding the understanding of current trends in energy cooperation among the BRICS countries and developing recommendations for an effective integrated approach to energy cooperation, which makes it relevant for both scientists and specialists in the field of international relations and energy policy.

Keywords: BRICS countries, energy sector, prospects for cooperation, constraints, BRICS, energy, energy cooperation, international trade, politics, restrictions.

References

1. Priorities of technological development of the BRICS Fuel and energy complex, BRICS Energy Research Platform, 2020.

2. BRIC Renewable Energy Report, 2022.

3. Politico, Row over Russian energy sanctions gatecrashes EU-India summit, 2023.

4. South Africa's Russian ties come under scrutiny, 2023.

5. Bloomberg: how BRICS became a real international club and why 19 more countries want to join it, 2023.

6. Is the expansion of the BRICS a new page in the global hydrocarbon market? 2023.

7. Minakov, A.V. Ensuring the economic security of the state in the conditions of sanctions of Western countries / A.V. Minakov, S. B. Lapina // Bulletin of Economic Security. — 2021. — No. 2. — pp. 305-312. — DOI 10.24412/2414-3995-2021-2-305-312. — EDN GPBGHI.

8. Miroshnichenko M. V., "Research of the BRICS trans-regional association as a new type of integration in the global economy", 2019.

9. Tolmachev O. L. "The factor of the external environment "shareholders" as an optimization tool and the reason for the loss of competitiveness", scientific journal "Economics and Entrepreneurship" No. 3, 2023. PI No. FS77-30661. ISSN 1999-2300.

10. Cheshin, A.V. Civil law regulation of foreign investments in Russia / A.V. Cheshin // International Law Journal. — 2023. — Vol. 6, No. 6. — pp. 51-55.

11. Cheshin, A.V. Civil law contracts in investment activity / A.V. Cheshin // Issues of Russian and international law international law. - 2023. – Vol. 13, No. 4-1. – pp. 186-192. – DOI 10.34670/AR.2023.47.84.018.
12. Chudaev A.V. Energetics as a trigger for increasing the pace of welfare of society and the state // A.V. Chudaev // The economics of construction. - 2023. - No. 9. – pp. 72-75. - EDN: JKNVFX. - ISSN: 0131-7768.
13. Economics and Law : Monograph / A. A. Ardizinba, V. V. Novikov, V. V. Novikov [et al.]; Editor-in-chief E.V. Fomin. Cheboksary : Limited Liability Company "Publishing House "Wednesday", 2023. – 172 p. – ISBN 978-5-907688-40-7. – DOI 10.31483/a-10501. – EDN FSSQQN.

Геополитическая конкуренция и сотрудничество Китая и России в Центральной Азии

Цзи Кайлай

магистр, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, jikailai123@mail.ru

В настоящей статье целью исследования, поставленной автором, является анализ проявления конкуренции и сотрудничества Китая и России в Центральной Азии с позиции современных геополитических интересов сторон. В рамках поставленной цели, автор пришёл к выводу о том, что современные российско-китайские взаимоотношения в рамках центральноазиатского региона имеют положительную динамику в сторону наращивания и углубления сотрудничества, учитывая как национальную специфику каждой стороны, так и модернизационные процессы в мире. Торгово-экономическое сотрудничество является приоритетным направлением взаимодействия России и Китая, в частности, в рамках региона Центральной Азии. В XXI веке основные приоритеты России и Китая в условиях развития торгово-экономических отношений в рамках центральноазиатского региона направлены, прежде всего, на экономические и финансовые меры. Интегрированность экономики государств в мировую экономику способствует активизации их защиты и укрепления своих экономических позиций на глобальном уровне. Изучение российско-китайского взаимодействия в рамках центральноазиатского региона позволяет проследить его динамику и эффективность, учитывая его положительные результаты и реальные существующие трудности реализации, а также имеющиеся проблемы, в то же время, обозначив перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: Китай, Россия, Центральная Азия, геополитика, совместные инициативы, энергетическое сотрудничество, мягкая сила, конкуренция, безопасность, взаимодействие.

Введение

Геополитическая конкуренция и сотрудничество Китая и России в Центральной Азии представляют собой многослойный и многогранный процесс, который активно формирует политическую, экономическую и социальную картину региона. Комплексный характер взаимодействий между этими двумя великими державами охватывает различные аспекты международных отношений, начиная с военно-политических альянсов и заканчивая экономическим партнерством и культурным обменом. В условиях глобальной нестабильности и угроз безопасности Центральная Азия стала ареной стратегического сближения интересов Китая и России, что делает данную тему особо актуальной для глубокого научного анализа.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа и оценки уровней взаимодействия России и Китая в регионе Центральной Азии, обусловленного геополитическими аспектами.

Целью данного исследования является раскрытие механизмов и характеристик геополитической конкуренции и сотрудничества Китая и России в Центральной Азии. Специфически, работа фокусируется на выявлении ключевых факторов, способствующих как конфликтным, так и кооперативным элементам их взаимодействий. Анализируя исторические и современные тенденции, мы стремимся понять природу и динамику стратегического партнерства между двумя государствами, а также оценить последствия их политического и экономического соперничества для устойчивого развития региона.

Научная новизна данного исследования заключается в новом подходе к анализу комбинации конкуренции и сотрудничества в геополитических отношениях Китая и России в Центральной Азии. В отличие от традиционных исследований, которые в основном сосредоточены на одном аспекте (конкуренции или сотрудничестве), данное исследование предлагает целостный взгляд на синергетические и конфликтные тенденции, существующие одновременно. Это позволяет предложить более комплексное понимание стратегических целей и методов обоих государств и их воздействия на региональную стабильность и развитие.

Материалы и методы исследований

Основопологающим методологическим принципом, использованным в ходе подготовки данной статьи, стал системный подход. Решение исследовательских задач потребовало привлечения ряда общенаучных методов (анализа, систематизации, синтеза, классификации). Работа над исследованием потребовала привлечения таких специально-исторических методов, как историко-системный метод, а также диахронный анализ.

Результаты и обсуждения

Современные отношения России и Китая опосредованы естественным развитием международных отношений. Общность взглядов относительно текущей геополитической ситуации в мире, понимание основных тенденций, проблем и вызовов создаёт благоприятную основу для развития российско-китайского сотрудничества на современном этапе.

Международные отношения в начале XXI века были обрамлены глобализацией рыночной экономики. В международных отношениях этот термин вошёл в обиход в 1980-х годах и впервые был использован экономистами для описания тех процессов, которые они характеризовали как возникновение глобальной экономики [13, р. 5].

Процесс глобализации затрагивает не только международные экономические отношения, его влияние ощущается на всех уровнях человеческой деятельности. Его политические, культурные и социальные последствия на национальном и планетарном уровнях остаются неопределёнными. В лучшем случае можно различить ряд основных тенденций, определяющих сейчас развитие формирующегося международного порядка.

Феномен глобализации относится к растущей взаимозависимости, которая не ограничивается только сферой экономики, но и распространяется на технологии, культуру и то, как государства и институты взаимодействуют друг с другом. В начале XXI века анализ международных отношений невозможен без учёта влияния глобализации.

Благодаря феномену глобализации, когда суверенные государства становятся все более взаимосвязанными благодаря достижениям в области коммуникаций и общим экономическим и политическим интересам, межправительственное взаимодействие становится все более эффективным – число международных организаций увеличилось, и в то же время возросли неформальные международные экономические, политические и социальные взаимодействия [13, р. 20].

В условиях все более интенсивного международного сотрудничества и конкуренции борьба за мягкую силу стала ключом к международной конкуренции. Являясь центральным элементом и важнейшим компонентом мягкой силы, национальный имидж стал центром международного внимания. Чтобы повысить свой собственный авторитет в международном сообществе, Китай стремится формировать позитивный собственный образ и распространять его с помощью экономических, политических, дипломатических и культурных средств. Хороший национальный имидж является стратегическим «нематериальным активом» КНР, обладающий все более важными функциями и эффектами [15, р. 8].

В формировании имиджа Китая сохраняется дисбаланс между важной ролью исторических источников, отражающих влияние США и Европы в китайской истории и роль других факторов в формировании имиджа Китая. По мере ускорения темпов социально-экономического развития Китая, произошло существенное повышение уверенности китайцев,

выражающейся в проявлении инициативы в международной политике [17, р. 140].

Китайская публичная дипломатия подчеркивает мирный глобальный подъем Китая и различные возможности взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и другими странами. Публичной дипломатией КНР подчеркивается гарантия для других государств экономических перспектив и возможностей посредством взаимодействия с Китаем [11, р. 258].

Взаимодействие РФ и КНР в рамках центрально-азиатского региона опосредовано его включением в сферу распространения инициативы «Один пояс – один путь», выдвинутой Китаем. Выдвижение КНР инициативы «Один пояс – один путь» было обосновано его возросшим влиянием в коммерческих и геостратегических вопросах [16, р. 4].

Эта масштабная инициатива направлена на возрождение старого торгового пути – Великого Шелкового пути, – посредством которого перевозились ценные товары между Китаем и Средиземноморьем через Центральную Азию и Ближний Восток. В отличие от любого существующего вида международных соглашений, инициатива «Один пояс – один путь» является основным компонентом внешней политики КНР [10, р. 113].

Си Цзиньпин впервые выдвинул идею формирования «Экономического пояса Нового Шелкового пути» в своей речи в Назарбаев Университете в столице Республики Казахстан – Астане – в сентябре 2013 года [China's Belt and Road].

Официальный запуск инициативы «Один пояс, один путь» показал, что КНР привержена политике восстановления баланса. Изменение баланса в Китае не было радикальным отходом от существующей политики, а прежде всего, логическим продолжением предыдущих инициатив в области государственной внутренней и внешней политики [9].

Проекты, утверждённые в рамках инициативы «Один пояс – один путь», в основном расположенные в странах с развивающейся экономикой [в частности, государств Центральной Азии – прим.авт.] по своей сути сопряжены с различной степенью политических и экономических рисков. Государственные предприятия, имеющие значительную финансовую поддержку со стороны государства, и контрольный пакет акций которых принадлежит государству (в отличие от частных предприятий), могут представлять стратегические интересы китайского государства во многих отношениях и обеспечивать гораздо большую долю инвестиций в рамках инициативы «Один пояс – один путь», чем частными компаниями [7].

Если китайская модель будет рассматриваться как экономически успешная и в то же время неидеологическая и неинтервенционистская, многие страны региона «Один пояс – один путь», могут рассматривать ее в качестве альтернативы, возможно, в качестве предпочтительной альтернативы для удовлетворения своих стремлений к экономическому росту без ущерба для политической власти. Таким образом, странам региона, остро нуждающимся в экономическом росте, будет предостав-

лена возможность выбрать одну из двух альтернатив: модели рыночного либерализма или рыночного авторитаризма [12].

26 апреля 2023 г., по случаю 10-летия реализации инициативы «Один пояс – один путь», в рамках встречи глав МИД Китая и пяти стран Центральной Азии, был запущен специальный китайско-европейский экспресс Сиань-Центральная Азия как подтверждение плодотворного сотрудничества КНР и Центральной Азии, содействие «бесперебойной логистике в обоих направлениях» [4].

Глава МИД КНР Цинь Ган, в рамках проведённых встреч, заявил о готовности Китая «твёрдо поддерживать путь развития» государств Центральной Азии и оказывать противодействие «любым внешним силам, вмешивающимся в их внутренние дела».

В ответ главы МИД Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана подчеркнули приоритетность развития двустороннего сотрудничества с Китаем в рамках продвижения совместного строительства «Одного пояса, одного пути» [6].

В настоящее время Россия оказывает поддержку реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь», что находит своё подтверждение в многочисленных совместных заявлениях глав государств.

В пределах Центральной Азии, как одной из динамично развивающейся областей, интересы России и Китая соприкасаются в контексте развития энергетического сотрудничества, что обосновывает важность развития двусторонних отношений на сегодняшний момент. Заинтересованность КНР и РФ в развитии энергетического сотрудничества является обоюдной, поскольку Россия как крупнейшее государство-экспортёр энергоресурсов представляет интерес Китая как одного из крупных мировых импортеров нефти и газа не только из России, но и из государств Центральной Азии.

В настоящее время наблюдается наращивание темпов поставок Россией энергоносителей в Китай [2, с. 71]. Причины подобного роста обусловлены как экономическим, так и геополитическим фактором. В соответствии с чем, Китаем выражается стремление к надёжному энергоснабжению из России. Двустороннее энергетическое сотрудничество России и Китая, безусловно, благоприятствуют политическим структурам сотрудничества государств.

Торгово-экономическое сотрудничество является приоритетным направлением взаимодействия России и Китая, в частности, в рамках региона Центральной Азии. Президент РФ В.В. Путин в своих заявлениях [5] неоднократно подтверждал приоритетность тематики торгово-экономического сотрудничества, поскольку на сегодняшний день Китай прочно удерживает позицию одного из ведущих внешнеэкономических партнеров России, о чём свидетельствуют высокие показатели роста товарооборота между Россией и Китаем.

Вместе с тем эксперты отмечают некоторые изменения в модели развития экономики Китая, выражающиеся в небольшом замедлении экономического роста, прежде всего, связанного с периодом

пандемии COVID-19, введением локдаунов, перенасыщением китайского рынка товарами, что впрочем не означает начало экономического кризиса в стране. По мнению Директора Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, члена РСМД А. Маслова, Китай развивается в соответствии с теми темпами, с которыми и должно развиваться государство, «чи экономические проблемы во многом решены» [3]. Вместе с тем, актуальной проблемой для России в контексте ее сближения с Китаем, является осознание собственной идентичности «в пространстве цивилизаций» [3].

Несмотря на наличие огромного спроса Китая на импорт энергоносителей из России, который способствует установлению его прочных энергетических связей с Россией, существует ряд проблем, связанных, прежде всего, с их практическим воплощением. Вместе с тем, сторонами признаётся неидеальность двустороннего сотрудничества на текущий момент. С началом кризиса на Украине в 2014 г. Китай применял по отношению к России умеренный подход, что можно объяснить нежеланием китайской стороны усугублять российско-китайские отношения, прежде всего, в области энергетического сотрудничества.

Одной из важных проблем, стоящей на современной повестке дня, в сотрудничестве РФ и КНР, является энергетический вопрос.

Географическая близость России, богатые запасы газа и история надёжных поставок делают ее естественным партнером для транспортировки газа. Позицию китайской стороны можно расценивать как поддержание возможных мер по сохранению собственной энергетической безопасности [1, с. 9].

Важным фактором развития энергетического сотрудничества РФ и КНР является важность ТЭК в экономическом развитии двух государств. Кроме этого, в Китае с начала XXI века разрыв между производством и потреблением энергоресурсов, расходуемых на нужды развивающейся интенсивными темпами экономики, имеет тенденцию к увеличению. Намерения Китая диверсифицировать источники поставок энергоресурсов связаны с государственной политикой, направленной на ослабление энергетической зависимости КНР от стран Ближнего Востока и усиление экономического присутствия в странах Центральной Азии.

Актуальной проблемой текущего энергетического российско-китайского сотрудничества является расширение двустороннего взаимодействия в ряде областей энергетического сотрудничества: электроэнергетике, угольной промышленности, атомной энергетике.

Сегодня российско-китайские отношения стоят на крепкой основе и имеют дальнейший богатый потенциал для продолжения сотрудничества двух государств.

Стремление к адекватному восприятию современного мира и происходящих в нем глобальных процессов, определение своего достойного места в системе современных международных отношений, а также эффективное решение общезначимых проблем [14, pp. 1-2] станут актуальными вопросами в

рамках российско-китайского сотрудничества в различных сферах, в частности, в рамках центрально-азиатского региона.

Таким образом, взаимодействие России и Китая в рамках центральноазиатского региона характеризуется как сотрудничеством, так и скрытым соперничеством. Центральная Азия является регионом, представляющим совместный стратегический интерес РФ и КНР в аспекте расширения и углубления двустороннего сотрудничества. Начало кризиса в Украине в 2014 г. и последующий санкционный режим, введенный государствами ЕС и США в отношении России, стали решающими факторами в реализации текущего двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем, определив новые векторы дальнейшего торгово-экономического взаимодействия, в частности в рамках региона Центральной Азии, что обусловлено, прежде всего, актуальными потребностями каждой из сторон с позиции собственных направлений стратегического и экономического развития.

Выводы

В заключение, анализ геополитической конкуренции и сотрудничества Китая и России в Центральной Азии демонстрирует сложный и многогранный характер их взаимодействий в данном регионе. Инициативы, такие как "Экономический пояс Шелкового пути" и Евразийский экономический союз, подчеркивают стремление обеих держав к расширению своего влияния. В то же время, их партнерство в разных областях, от энергетики до транспортной инфраструктуры, свидетельствует о значительной степени взаимной зависимости и выгоды от кооперации.

Несмотря на существующие противоречия и конкуренцию за экономические и стратегические преимущества, текущие тенденции указывают на возможность создания стабильной и прагматичной системы отношений. В перспективе, продолжение диалога и адаптивные модели взаимодействия могут способствовать не только укреплению позиций Китая и России в Центральной Азии, но и обеспечению устойчивого развития самого региона. Однако для достижения этих целей критически важным остается баланс между конкуренцией и сотрудничеством, что требует гибкости и дальновидности в политике обеих сторон.

Литература

1. Воскресенский А.Д. "Большая Восточная Азия": мировая политика и энергетическая безопасность / А. Д. Воскресенский ; Фак. мировой политики Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, Ин-т проблем международной безопасности Российской академ. наук. – М.: URSS: Ленанд, 2006. – 123 с.

2. Ли Чжун Вон. Проблемы развития энергетики и энергетическая безопасность в Северо-Восточной Азии / Ли Чжун Вон; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – 127 с.

3. Маслов А. Китай меняется, и это отразится на нас [Электронный ресурс] / А. Маслов // РСМД. – 25 февраля 2024 г. URL:

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitay-menyaetsya-i-eto-otrazitsya-na-nas/?sphrase_id=133071067 (дата обращения: 17.06.2024).

4. Министры иностранных дел Китая и пяти центральноазиатских стран совместно приняли участие в церемонии запуска специального китайско-европейского экспресса Сиань-Центральная Азия под названием «Чанъань» по случаю 10-й годовщины реализации инициативы «Один пояс, один путь». 26.04.2023 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202304/t20230427_11067989.html (дата обращения: 17.06.2024).

5. Президент России и Председатель КНР сделали заявления для прессы [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. – 21 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70750> (дата обращения: 17.06.2024).

6. Цинь Ган провел отдельные переговоры с министрами иностранных дел пяти стран Центральной Азии. 26.04.2023 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202304/t20230427_11067965.html (дата обращения: 18.06.2024).

7. Чешин, А. В. Гражданско-правовое регулирование иностранных инвестиций в России / А. В. Чешин // International Law Journal. – 2023. – Т. 6, № 6. – С. 51-55.

8. China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia [Электронный ресурс] / Marlene Laruelle, editor. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (дата обращения: 18.06.2024).

9. China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative [Электронный ресурс] / Edited by Anoushiravan Ehteshami, Niv Horesh. – New York: Taylor & Francis, 2017. URL: https://www.google.ru/books/edition/China_s_Presence_in_the_Middle_East/ENewDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 17.06.2024).

10. China and International Dispute Resolution in the Context of the 'Belt and Road Initiative' / Edited by Jinyuan Su, Sheng Zhang, Wenhua Shan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 720 p.

11. European Perceptions of China and Perspectives on the Belt and Road Initiative / Edited by Stephen Rowley. – Leiden: Brill, 2021. – 324 p.

12. Great Potential, Many Pitfalls: Understanding China's Belt and Road Initiative / Edited by Bijan Omrani. – New York: Taylor & Francis, 2021. URL: https://www.google.ru/books/edition/Great_Potential_Many_Pitfalls/KfQxEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 10.06.2024).

13. Haynes J. World Politics: International Relations and Globalisation in the 21st Century / Jeffrey Haynes, Peter Hough, Shahin Malik, Lloyd Pettiford. – New York: Routledge, 2013. – 832 p.

14. Hodge R., Hodge B., Louie K. The Politics of Chinese Language and Culture. The Art of Reading Dragons. – New York: Taylor&Francis, 2012. – 208 p.

15. Meng X. National Image: China's Communication of Cultural Symbols / X. Meng. – Cham: Springer Nature Singapore, 2020. – 216 p.

16. The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives / Edited by Lihe Huang, Lilei Song, Yu Cheng. – Cham: Springer Nature Singapore, 2017. – 266 p.

17. Wang X. Winning American Hearts and Minds. China's Image Building Efforts in the 21st Century / X. Wang. – Cham: Springer Nature Singapore, 2020. – 150 p.

Geopolitical competition and cooperation between China and Russia in Central Asia

Ji Kailai

Lomonosov Moscow State University

In this article, the purpose of the research set by the author is to analyze the manifestation of competition and cooperation between China and Russia in Central Asia from the perspective of modern geopolitical interests of the parties. Within the framework of this goal, the author came to the conclusion that modern Russian-Chinese relations within the Central Asian region have a positive trend towards increasing and deepening cooperation, taking into account both the national specifics of each side and the modernization processes in the world. Trade and economic cooperation is a priority area of cooperation between Russia and China, in particular, within the framework of the Central Asian region. In the 21st century, the main priorities of Russia and China in the context of the development of trade and economic relations within the Central Asian region are primarily aimed at economic and financial measures. The integration of the economies of States into the global economy helps to enhance their protection and strengthen their economic positions at the global level. The study of Russian-Chinese cooperation within the framework of the Central Asian region will make it possible to trace its dynamics and effectiveness, taking into account its positive results and real existing difficulties in implementation, as well as existing problems, at the same time, outlining prospects for further development.

Keywords: China, Russia, Central Asia, geopolitics, joint initiatives, energy cooperation, soft power, competition, security, interaction.

References

1. Voskresensky A.D. "Greater East Asia": world politics and energy security / A. D. Voskresensky; Faculty of World Politics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Institute of International Security Problems of the Russian Academy of Sciences. - M.: URSS: Lenand, 2006. - 123 p.
2. Lee Jung Won. Problems of Energy Development and Energy Security in North-East Asia / Lee Jung Won; Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations. - M.: IMEMO RAS, 2005. - 127 p.
3. Maslov A. China is Changing, and This Will Affect Us [Electronic resource] / A. Maslov // RIAC. – February 25, 2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitay-menyaetsya-i-eto-otrazitsya-na-nas/?sphrase_id=133071067 (date of access: 17.06.2024).
4. The foreign ministers of China and the five Central Asian countries jointly attended the launch ceremony of the special China-Europe Xi'an-Central Asia express train called "Chang'an" on the occasion of the 10th anniversary

of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative. 26.04.2023 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202304/t20230427_11067989.html (accessed: 17.06.2024).

5. The President of Russia and the Chairman of the PRC made statements for the press [Electronic resource] // President of Russia [website]. - March 21, 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70750> (accessed: 17.06.2024).
6. Qin Gang held separate talks with the foreign ministers of five Central Asian countries. 26.04.2023 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202304/t20230427_11067965.html (date of access: 18.06.2024).
7. Cheshin, A. V. Civil regulation of foreign investments in Russia / A. V. Cheshin // International Law Journal. - 2023. - Vol. 6, No. 6. - P. 51-55.
8. China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia [Electronic resource] / Marlene Laruelle, editor. - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (date of access: 18.06.2024).
9. China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative [Electronic resource] / Edited by Anoushiravan Ehteshami, Niv Horesh. – New York: Taylor & Francis, 2017. URL: https://www.google.ru/books/edition/China_s_Presence_in_the_Middle_East/ENewDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (access date: 06/17/2024).
10. China and International Dispute Resolution in the Context of the 'Belt and Road Initiative' / Edited by Jinyuan Su, Sheng Zhang, Wenhua Shan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 720 p.
11. European Perceptions of China and Perspectives on the Belt and Road Initiative / Edited by Stephen Rowley. – Leiden: Brill, 2021. – 324 p.
12. Great Potential, Many Pitfalls: Understanding China's Belt and Road Initiative / Edited by Bijan Omrani. – New York: Taylor & Francis, 2021. URL: https://www.google.ru/books/edition/Great_Potential_Many_Pitfalls/KfQxEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (access date: 06/10/2024).
13. Haynes J. World Politics: International Relations and Globalization in the 21st Century / Jeffrey Haynes, Peter Hough, Shahin Malik, Lloyd Pettiford. – New York: Routledge, 2013. – 832 p.
14. Hodge R., Hodge B., Louie K. The Politics of Chinese Language and Culture. The Art of Reading Dragons. – New York: Taylor&Francis, 2012. – 208 p.
15. Meng X. National Image: China's Communication of Cultural Symbols / X. Meng. – Cham: Springer Nature Singapore, 2020. – 216 p.
16. The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives / Edited by Lihe Huang, Lilei Song, Yu Cheng. – Cham: Springer Nature Singapore, 2017. – 266 p.
17. Wang X. Winning American Hearts and Minds. China's Image Building Efforts in the 21st Century / X. Wang. – Cham: Springer Nature Singapore, 2020. – 150 p.

Внешняя политика Турецкой Республики на современном этапе: нынешнее состояние и перспективы развития

Шахбазян Самвел Артакович
бакалавр, кафедра глобалистики, МГУ им. Ломоносова

В настоящей статье рассматривается состояние внешней политики Турции на современном этапе и исследуется динамика ее развития в условиях обострения межгосударственных конфликтов и экономических и политических кризисов. Отдельное внимание уделяется историческому фактору турецкой государственности и месту Турции в глобальной истории для детального раскрытия политической роли современной Турецкой Республики. Данная статья констатирует гипотезу, что нынешнее положение дел в регионе и на мировой арене служит одновременно как фундаментом для укрепления Турции в качестве значимого политического игрока с сильной ролью в регионе и мире, так и катализатором слабеющей мощи Турции и снижающейся репутации страны среди граждан, жителей Европы и мусульманской общины мира. В статье также утверждается, что в построении имеющейся конъюнктуры внешней политики Турции весомую роль сыграл президент страны Реджеп Тайип Эрдоган. В статье также подробно анализируются отношения Турции с самыми важными для политики страны территориальными соседями, крупными державами и союзниками в рамках различных блоков, в частности – НАТО и ЕС, членом которого Турция стремится стать уже долгие годы.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика Турции, Эрдоган, Партия справедливости и развития, НАТО, Ближний Восток.

Современная Турецкая Республика имеет выгодную географическую позицию: она размещена на перекрестке двух континентов и между тремя морями, что позволяет ей контролировать практически все значимые торговые маршруты, а также иметь весомый голос во внешней политике. Членство страны в НАТО лишь усиливает этот голос. Однако напористая политика президента Реджепа Тайипа Эрдогана усложнила роль Турции на мировой арене и преподнесла республике ряд проблем.

После распада Османской империи и преобразования страны в качестве республики в 1923 году Турция стремилась наладить тесные экономические и военные связи с Западом и стать светским государством. Но за два десятилетия, прошедшие с момента прихода к власти президента Реджепа Тайипа Эрдогана, правящая Партия справедливости и развития (ПСР) неоднократно предпринимала попытки усовершенствовать государство до статуса самостоятельной мировой державы, имеющей больший вес, чем Европа. В последние годы Турция вызвала эскалацию негативных отношений со стороны своих соседей и их союзников из-за готовности Эрдогана начать военные интервенции в Ливии и Сирии, выдвинуть территориальные претензии в Средиземноморье и обхаживать Китай и Россию. Эти шаги и авторитарная внутренняя политика Эрдогана обострили отношения с другими членами НАТО и вызвали большие сомнения в перспективах вступления Турции в Европейский Союз (ЕС).

Эрдоган сохранил свою власть, несмотря на эту напряженность и многочисленные внутренние проблемы. На выборах в 2023 году он одержал победу, тем самым продлив свое правление на еще пять лет.

Поднимая проблему значимого места Турции в системе мировой политики, стоит обратиться к истории. Турция возникла из распадающейся Османской империи, которая просуществовала шестьсот лет, охватывала три континента и позиционировала себя центром исламского мира, но при этом была частью Европы. Территории современной Турции были свидетелями возвышения и падения многих могущественных империй и цивилизаций. Анатолийская земля застала тысячелетние конфликты и столкновения могущественных сил — Востока и Запада, христианства и ислама, современности и традиций. Сегодняшняя Турция до сих пор отражает это влияние, но также стремится позиционировать себя как независимую державу с уникальной национальной идентичностью. Страна выстроила тесное партнерство с Западом благодаря членству в НАТО и углублению торговых отношений с ЕС. Однако все чаще возникают разногласия с Западом, причиной чему служит отступление от демократии, отношения с Россией и ряд других вопросов.

Учитывая свое географическое положение, Турция имеет потенциальные выходы влияния на Кавказ, Центральную Азию, ЕС, Средиземноморье и Ближний Восток. В соответствии с Конвенцией Монтро 1936 года, Анкара контролирует проход через давно оспариваемые турецкие проливы (Босфор, Мраморное море и Дарданеллы), жизненно важные водные пути, соединяющие Черное и Эгейское моря и через которые проходят сотни миллионов тонн грузов каждый год. Турция размещает вооруженные силы США и НАТО на нескольких своих базах, а американское ядерное оружие размещено на базе Инджирлик (юг Турции), которая сыграла важную роль во многих конфликтах на Ближнем Востоке после Холодной войны. Турция также предстала важным транзитным пунктом в период миграционных кризисов, не так давно поразивших регион. Президент Эрдоган теперь стремится и дальше проецировать мощь Турции, особенно на Ближнем Востоке, где сокращение присутствия США создало вакуум, который Анкара надеется заполнить.

Границы современной Турции были сформированы после поражения Османской империи в Первой мировой войне. Победившие союзники, Великобритания, Италия и Франция, взяли регион под свой надзор и стремились разделить большую часть империи между историческими автохтонными народами – армянами, греками и курдами. Турецкие националисты во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком отвергли это предложение и развязали войну за независимость, кульминацией которой стало провозглашение Турции независимой республикой в 1923 году. Будучи президентом-основателем, Ататюрк провел радикальные реформы для секуляризации общественной сферы и продвижения своих идей модернизации по западной модели. Его внешняя политика «мир дома, мир во всем мире» (*myr. Yurtta sulh, cihanda sulh*) была сосредоточена на защите суверенитета Турции и одновременном построении связей с европейскими странами, некогда пытавшимися ликвидировать турецкий фактор с карты мира.

На протяжении большей части Второй мировой войны Турция оставалась нейтральной и не демонстрировала явной поддержки конкретной стороне конфликта, но после войны приняла курс на укрепление связей с Западом. Турецкая Республика вступила в НАТО в 1952 году и начала получать американскую помощь в соответствии с антикоммунистической Доктриной Трумэна. Это помогло создать наделенную полномочиями армию, которая считала своим долгом защиту кемализма, правящей идеологии, основанной на секуляризме, национализме и сильной роли правительства в управлении экономикой.

Однако после многих лет насильственного напряжения между крайне левыми и крайне правыми группировками турецкие военные вмешались, чтобы восстановить политический раскол в стране. В 1980 году военные совершили третий переворот в Турции с момента обретения независимости, а вместе с ним и усилия по реисламизации общества и восстановлению традиционных ценностей, в том

числе путем введения обязательного религиозного образования и открытия контролируемых государством мечетей. Эрдоган и ПСР, консервативная партия с исламистскими корнями, пришли к власти в 2002 году, после десятилетия, отмеченного политической нестабильностью и финансовым кризисом. ПСР инициировала экономические и политические реформы, чтобы приблизить Турцию к стандартам ЕС, и экономика страны росла в среднем на 7,5 процентов ежегодно в период с 2001 по 2011 год. Что касается внешней политики, девизом ПСР было «ноль проблем с соседями», и Анкара ставила своей целью расширение влияния Турции путем налаживания торговых связей, поощрения демократии и подчеркивания ее исламской идентичности. Но к концу 2000-х годов ПСР углубила свои авторитарные корни. Партия усилила контроль над средствами массовой информации, очистила армию от предполагаемых диссидентов, привлекла к ответственности и заключило в тюрьму критиков, а также подавила антиправительственные протесты недовольного гражданского населения. В 2016 году Эрдоган воспользовался попыткой военного переворота, чтобы и дальше расправиться со своими предполагаемыми противниками. Посредством референдума в последующем году Эрдоган заменил парламентскую систему страны президентской. Среди других серьезных изменений отмечается упразднение поста премьер-министра и провозглашение президента единственным держателем власти в Турции. Эрдоган добился решительного изменения во внешней политике, направленного на расширение военного и дипломатического присутствия Турции. С этой целью Турция начала военные интервенции в таких странах, как Ирак, Ливия и Сирия; снабжала дронами таких партнеров, как Азербайджан и Украина; и построила исламские школы за границей.

Какое место в системе внешней политики современной Турции занимают курды? Курды, преимущественно мусульманская этническая группа, распространенная не только в Турции, но также в Иране, Ираке и Сирии, являются доминирующей проблемой безопасности Анкары. Составляя одну пятую населения Турции, курды уже давно вызывают в Анкаре опасения по поводу своих требований о большей автономии или, в некоторых случаях, независимости. Турция вела войну против Рабочей партии Курдистана (РПК), военной группировки, стремящейся создать курдское государство, с 1980-х годов — конфликт, в результате которого погибли десятки тысяч человек. Тем не менее, сотни тысяч иракских курдов бежали в Турцию во время первой войны в Персидском заливе, и Анкара поддерживала дружеские отношения с полуавтономным региональным правительством Курдистана в Ираке, даже противодействуя его стремлению к независимости. Правительство Эрдогана первоначально поддерживало расширение социальных и политических прав курдов, но отказалось от этой позиции, столкнувшись с негативной реакцией, особенно со стороны ультра-националистов внутри коалиции ПСР. Мирные пе-

реговоры с РПК, начавшиеся в 2012 году, провалились, и правительство попыталось закрыть ведущую курдскую оппозиционную партию перед выборами в мае 2023 года. вместо этого насилие.

Страхи перед курдским национализмом также сформировали интервенционизм Эрдогана в сирийской гражданской войне. С 2016 года турецкие военные оккупировали части северной Сирии, чтобы оттеснить курдские силы от общей границы стран, помешать им консолидировать свою территорию и преследовать РПК. Первоначально Турция стремилась свергнуть сирийский режим, но к концу 2022 года обе стороны начали переговоры о восстановлении связей. По мнению некоторых экспертов, серия землетрясений, опустошивших обе страны в феврале 2023 года, возможно, ускорила усилия по нормализации отношений, но переговоры еще не привели к соглашению. Анкара стремится консолидировать оппозицию курдским силам и отправить сирийских беженцев домой. Политическая коалиция ПСР воспользовалась растущими настроениями против беженцев среди турецкой общественности, чтобы заручиться поддержкой перед выборами 2023 года, на которых она получила большинство мест в парламенте.

Что касается уже упомянутой политики ПСР «ноль проблем с соседями», она была подорвана напряженностью в нескольких областях. Но, поскольку экономика Турции дает сбой, Анкара теперь пытается восстановить связи с правительствами, с которыми она ранее находилась в напряженных негативных отношениях, в надежде улучшить свое положение на мировой арене.

Турция – очень значимый игрок на Ближнем Востоке. Связи Турции с Бахрейном, Египтом, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), неформальной группировкой, известной как «Квартет», ухудшились после того, как Анкара поддержала «Братьев-мусульман» в Египте во время арабских восстаний 2011 года. Отношения еще больше ухудшились после того, как саудовские агенты убили журналиста Джамала Хашогги в Стамбуле в 2018 году, а Анкара углубила торговые и энергетические связи с Тегераном, соперником Эр-Рияда. Однако, поскольку экономика Турции страдает от сокращения торговли и инвестиций, Эрдоган пытается улучшить отношения с этими странами.

Большую роль в системе международных отношений играют и взаимоотношения Турции с Израилем. Турция была первой страной с мусульманским большинством, признавшей еврейское государство, и две страны тесно сотрудничали в вопросах разведки в конце 1990-х и начале 2000-х годов. Отношения поначалу испортились, поскольку Эрдоган отстаивал палестинский национализм, в том числе принимая у себя членов ХАМАС, и публично продвигал антисемитские взгляды. Страны снизили уровень отношений в 2018 году, но восстановили их в 2022 году в рамках регионального сближения. В период последней эскалации израиле-палестинского конфликта с октября 2023 года позиция Турции продолжала оставаться неоднозначной: с одной

стороны, Анкара активно продвигает идею признания Палестинского государства, обвиняет премьер-министра Израиля Бенеамина Нетаньяху в военных преступлениях и лоббирует интересы мусульманского населения конфликтного региона; с другой стороны – Турция активно расширяет торговые отношения с Израилем, в том числе спонсируя армию обороны Израиля (ЦАХАЛ). По этой причине большинство стран Ближнего Востока и по всему миру обвиняют Турцию в ведении политики «двух стульев», что сильно портит отношения Анкары с соседями, странами-союзниками из НАТО и ухудшает репутацию страны в глазах мусульманской общины планеты.

Не менее горячим направлением для Турции является Армения. Отношения между турецким и армянским народами всегда обозначались как ненавистные. Еще во время Первой мировой войны Османская империя убила более 1,5 миллиона армян, крупнейшего христианского меньшинства страны, которое многие считали угрозой для государства. Турция категорически отрицает, что эта политика представляет собой геноцид, и она уже давно открыто выступает против использования этого определения. Эта напряженность сохраняется и поныне: Турция поддержала своего союзника Азербайджан в его конфликте с Арменией из-за спорного региона Нагорного Карабаха, и эта позиция продолжает препятствовать нормализации отношений с Арменией до сих пор.

Средиземноморский регион для Турции также неспокоен. Отношения с Грецией и Кипром являются давними проблемами, и эти страны не фигурировали в недавнем стремлении Турции наладить отношения. Греция боролась с Османской империей за свою независимость, а Афины и Анкара за последние десятилетия несколько раз были близки к войне. В 1974 году Турция, опасаясь, что Греция сможет аннексировать остров, вторглась и оккупировала северную половину Кипра, ныне разделенного между греческим и турецким населением; там до сих пор дислоцируются миротворческие силы ООН. Расширяющиеся территориальные притязания Турции в водах Восточного Средиземноморья, где она стремится добывать нефть и газ, чтобы уменьшить свою зависимость от импортируемых энергоносителей, вызвали гнев ЕС и других членов НАТО, таких как Франция и сама Греция. Стремление Анкары к независимому добытию энергетических ресурсов также привело ее к вмешательству в гражданскую войну в Ливии после того, как международно признанное правительство Ливии поддержало ее претензии.

Говоря про Западный блок, также можно заметить нестабильность. Турция официально оформила свое союзничество с Западом еще в эпоху Холодной войны, присоединившись к европейским институтам, таким как Совет Европы, и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), предшественник ЕС. Членство в ЕЭС привело к созданию таможенного союза Турции и Европы, который обеспечил свободное перемещение товаров. Миллионы турок также мигрировали в Европу, особенно в Германию,

в качестве гастарбайтеров. Надежда на вступление в ЕС, крупнейшего торгового и инвестиционного партнера Турции, была основным двигателем политики и стимулировала ранние реформы ПСР. Официальные переговоры начались в 2005 году, но переговоры зашли в тупик по ряду причин, включая оппозицию со стороны многих членов ЕС, откат Турции от демократии и усиление репрессий против прессы, диссидентов, этнических меньшинств и представителей ЛГБТК+ сообщества.

Кризисы с беженцами еще больше обострили отношения Турции и ЕС, поскольку Анкара использовала свое число беженцев — самое большое в мире по состоянию на октябрь 2022 года — в качестве рычага давления на Брюссель. В 2016 году, после того как число просителей убежища, въезжающих в Европу через Турцию, резко возросло, Анкара согласилась запретить мигрантам поездку в страны ЕС в обмен на увеличение помощи. Однако Турция несколько раз угрожала «открыть ворота» в ответ на европейскую критику.

Во время Холодной войны поддержание единого фронта против Советского Союза затмило напряженность между союзниками по НАТО, которая включала вторжение Турции на Кипр и отрицание Геноцида армян. Однако, не имея общего врага, они разошлись. Тем не менее, Вашингтон в настоящее время разделяет мало интересов с Анкарой, и выступает за уменьшение зависимости США от Турции, в том числе путем поиска альтернативных военных баз в других местах. Стоит также указать на близость Анкары к противникам США, включая Иран: Вашингтон утверждает, что турецкий государственный банк Halkbank пытался обойти санкции США в отношении Тегерана с 2012 по 2016 год.

Сирийская война стала еще одним испытанием для отношений. Американские силы в Сирии сотрудничали с курдскими группировками, связанными с РПК, что вызвало гневное неодобрение Эрдогана. Возможно, главным среди жалоб Турции являются ее обвинения в том, что Соединенные Штаты и НАТО способствовали попытке государственного переворота в 2016 году.

В 2019 году Турция проигнорировала предупреждения США не приобретать российскую систему противоракетной обороны С-400, которая несовместима с системами НАТО. Анкара утверждала, что ей необходимо модернизировать свою систему ПВО, но ей было отказано в доступе к системе Patriot американского производства. Этот шаг вызвал санкции против Турции, а также исключение страны из американской программы истребителей F-35. Вашингтон настаивал на том, чтобы российские специалисты, обслуживающие С-400, могли получить доступ к малозаметным возможностям этих самолетов. Таким образом, это дело продемонстрировало ненадежность Турции как партнера США и НАТО.

Несмотря на эти напряжения, у Эрдогана были дружеские отношения с президентом Дональдом Трампом, который преуменьшал значение вопросов прав человека и верховенства закона. Для сравне-

ния: президент Джо Байден держал Анкару на расстоянии в начале своего правления; он исключил Эрдогана из своего Саммита за демократию 2021 года и официально признал Геноцид армян. Но поддержка Турцией Украины против России и расширения альянса НАТО изменила расчёт. В июле 2023 года администрация Байдена заявила, что будет продвигать планы по продаже самолетов F-16 и другой техники Анкаре (ожидая одобрения Конгресса), заявив, что это послужит интересам США и единству НАТО. Изменение позиции Вашингтона произошло после того, как Анкара отказалась от своего противодействия предложению Швеции о вступлении в НАТО, которое угрожало еще больше обострить связи Турции с другими членами альянса. Поскольку напряженность в отношениях с Западом сохраняется, Турция изучает возможность других отношений, особенно с Китаем и Россией. Она укрепила связи с Пекином, который стал крупнейшим партнером Анкары по импорту в 2021 году. В 2015 году Турция присоединилась к инициативе «Пояс и путь», предоставив ей доступ к незападному финансированию инфраструктурных проектов, включая атомные и угольные электростанции, а также стимулирование иностранных инвестиций из Китая. Китай также предоставил Турции кредиты и денежные обмены на миллиарды долларов с 2016 года. Между тем, Турция по большей части игнорирует репрессии в отношении китайских уйгуров, тюркского мусульманского меньшинства, члены которого проживают в Турции. В 2009 году Эрдоган назвал жестокое обращение Китая с уйгурами «геноцидом», но с тех пор Анкара публично не поднимала этот вопрос.

Отношения с Россией также сложны. Помимо ракетных систем С-400, Анкара и Москва сотрудничают в реализации инфраструктурных проектов, таких как газопровод «Турецкий поток» и первая в Турции атомная электростанция. Кроме того, Турция сильно зависит от импорта энергоносителей из России. Однако обе страны поддерживали противоположные стороны в недавних конфликтах, включая гражданские войны в Ливии и Сирии и конфликт 2020 года между Арменией и Азербайджаном. Что касается российско-украинской войны, Турция стремилась к балансу между обеими странами. Турция поставляла Украине беспилотники, поддержала голосование ООН, осуждающее вторжение России, запретила всем боевым кораблям заходить в турецкие проливы и заблокировала полет российских самолетов, направляющихся в Сирию, в воздушное пространство Турции. С другой стороны, она выступила против западных санкций в отношении России из-за своих собственных энергетических потребностей. Аналитики говорят, что Турция стремится позиционировать себя в качестве посредника в конфликте, и она помогла заключить сделку, позволяющую украинским поставкам продовольствия выйти на мировые рынки. По мнению некоторых экспертов, Турция не избегает Запада, развивая эти отношения. Новую внешнюю политику Турции лучше всего понимать не как дрейф в сторону России или Китая, а как выражение желания оставаться в каждом лагере и управлять соперничеством великих держав.

Более того, Эрдоган считает связи Турции с западными союзниками центральными для ее стремления стать мировой державой.

Некоторые эксперты говорят, что успех Эрдогана и ПСР на выборах 2023 года, вероятно, означает продолжение политической траектории президента в течение следующих пяти лет. В конечном итоге он стремится повысить международный статус Турции, сделав ее представителем более широкого мусульманского мира и подчеркивая повестку дня «больше пяти», которая позволит расширить международное лидерство за пределы пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. В рамках этого видения Турция продвигает свой предпочтительный подход к исламскому праву, особенно в Африке, конкурируя с Саудовской Аравией. Другие эксперты ожидают некоторых изменений во внешней политике в новый срок Эрдогана.

В завершение стоит сказать, что бесконтрольный авторитет Эрдогана может быть особенно опасен для Турции. Эрдоган находится в своего рода эхо-камере. В ближайшем будущем это может привести к тому, что политика будет одновременно быстро меняющейся, но склонной к потенциально серьезным ошибкам в суждениях, а также к обычным ошибкам.

Литература

1. Hannah, Smith. *Erdogan Rising. A Warning to Europe* / Smith Hannah. — William Collins, 2020. — 396 p.
2. Spyros, A. S. *Turkish Politics and 'The People': Mass Mobilisation and Populism* / A. S. Spyros. — Edinburgh University Press, 2022. — 262 p.
3. Yükselen, Hasan. *Strategy and Strategic Discourse in Turkish Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan, 2020.
4. Болдырев А. В., Васильева Е. А., Волкова С. Л., Гаджиев А. Г., Горбунова Н. М., Иванова И. И., Колесникова М. А., Ледовская О. А., Свистунова И. А., Ульченко Н. Ю. *Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.)*. — М.: Институт востоковедения РАН, 2023. — 338 с.
5. Гаджиев, А.Г. *Турция – ЕС: проблемы и перспективы развития отношений (1963–2019 гг.)*. М.: ИВ РАН, 2020. – 375 с.
6. Графов Д.Б. *Стратегия балансирования во внешней политике Турции* // Вестник МГИМО. 2022. №3.
7. Гузаеров Разиль Илшатович. *Новая эпоха политики добрососедства Турции* // Международные отношения. 2022. №2.
8. Гузаеров Разиль Илшатович, Ахметкаримов Булат Гумарбаевич. *Проявление идеологического фактора во внешней политике Турции* // Казанский вестник молодых учёных. 2020. №3.
9. Надеин-Раевский Виктор. *Политика Турции на Ближнем Востоке* // ИМЭМО РАН. 2020. №1 (58).
10. Телегина Елена, Халова Гюльнар. *Энергетическая политика Турции на современном этапе* // ЭП. 2021. №9 (163).

Foreign Policy of the Republic of Turkey at the present stage: current state and development prospects Shahbazyan S.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines the state of Turkey's foreign policy at the present stage and examines the dynamics of its development in the context of exacerbation of interstate conflicts and economic and political crises. Special attention is paid to the historical factor of Turkish statehood and Turkey's place in global history for a detailed disclosure of the political role of the modern Turkish Republic. This article states the hypothesis that the current state of affairs in the region and on the world stage serves both as a foundation for strengthening Turkey as a significant political player with a strong role in the region and the world, and as a catalyst for Turkey's weakening power and the country's declining reputation among citizens, residents of Europe and the Muslim community of the world. The article also claims that President Recep Tayyip Erdogan played a significant role in building the existing structure of Turkey's foreign policy. The article also analyzes in detail Turkey's relations with the country's most important territorial neighbors, major powers and allies within various blocs, in particular, NATO and the EU, of which Turkey has been striving to become a member for many years.

Keywords: Turkey, Turkish foreign policy, Erdogan, Justice and Development Party, NATO, Middle East.

References

1. Hannah, Smith. *Erdogan Rising. A Warning to Europe* / Smith Hannah. — William Collins, 2020. — 396 p.
2. Spyros, A. S. *Turkish Politics and 'The People': Mass Mobilization and Populism* / A. S. Spyros. — Edinburgh University Press, 2022. — 262 p.
3. Yükselen, Hasan. *Strategy and Strategic Discourse in Turkish Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan, 2020.
4. Boldyrev A. V., Vasilyeva E. A., Volkova S. L., Gadzhiev A. G., Gorbunova N. M., Ivanova I. I., Kolesnikova M. A., Ledovskaya O. A., Svistunova I. A., Ulchenko N. Yu. *Turkey's Foreign Policy during the Period of the Justice and Development Party's Rule (2002–2023)*. — М.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. — 338 p.
5. Gadzhiev, A.G. *Turkey – EU: Problems and Prospects for the Development of Relations (1963–2019)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020. — 375 p.
6. Grafov, D.B. *Balancing Strategy in Turkey's Foreign Policy* // MGIMO Bulletin. 2022. No. 3.
7. Guzayev Razil Ilshatovich. *New era of Turkey's good-neighborliness policy* // International relations. 2022. No. 2.
8. Guzayev Razil Ilshatovich, Akhmetkarimov Bulat Gumarbaevich. *Manifestation of the ideological factor in Turkey's foreign policy* // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2020. No. 3.
9. Nadein-Raevsky Victor. *Turkey's policy in the Middle East* // IMEMO RAS. 2020. No. 1 (58).
10. Telegina Elena, Khalova Gulnar. *Turkey's energy policy at the present stage* // EP. 2021. No. 9 (163).

Динамика йеменского конфликта в контексте обострения палестино-израильского конфликта

Кулаев Глеб Тамбиевич

магистр, кафедра международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, kulaev_g@mail.ru

В статье проведен научный анализ предпосылок, причин, факторов, внешнеполитических контекстов и перспектив йеменского конфликта. Подробно описаны факторы, оказывающие влияние на эскалацию йеменского конфликта. Представлена хронология основных этапов гражданской войны в Йемене. Выявлена роль т.н. израильского фактора в гражданской войне в Йемене. Сделан вывод о том, что израильско-палестинская война может привести к новой волне обострения конфликта между Саудовская Аравией, Ираном, хуситами и правительством Йемена. С появлением новых игроков и интересов стороны конфликта в Йемене, скорее всего, изменят свои переговорные планы и в наихудшем сценарии могут решиться на «военный авантюризм», который приведет страну обратно в состояние войны.

Ключевые слова: Израиль, Йемен, хуситы, палестино-израильский конфликт, гражданская война, Саудовская Аравия, Иран⁶⁶

Введение

Такие явления, как «арабская весна», «арабское пробуждение», «исламизм», «фундаментализм», «политический ислам», «салафизм», «шиитский активизм», «суннитский экстремизм», и проч. в течение нескольких последних десятилетий являются одними из наиболее обсуждаемых в научном и общественно-политическом дискурсе. Тем не менее, на текущий момент внимание мировой общественности в большей степени сосредоточено на событиях в Сирии, в Израиле и Палестине, а также на внутренней и внешней политике крупных игроков арабского сегмента геополитической арены – Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Гражданская война в Йемене, не менее драматичная по своим последствиям, чем конфликты в Ираке, Сирии, Египте и других странах арабского Востока, зачастую остаётся на периферии политического и научного внимания [6, с. 46]. До недавнего времени было принято считать, что гражданские столкновения в Йемене, начавшиеся еще в 2014 г., постепенно переходят в фазу угасания и сегодня носят исключительно локальный, точечный характер. Тем не менее, уже к 2021 г. стало понятно, что в скором времени придется ожидать очередной волны эскалации вооруженный противостояний. Кроме того, в контексте текущего конфликта на территории Израиля столкновения военизированных группировок и официальных правительственных войск в Йемене снова обретают общенациональные масштабы.

В данной связи научный анализ предпосылок, причин, факторов, внешнеполитических контекстов и перспектив йеменского конфликта представляется нам особенно **актуальным**, особенно с связи с актуализацией нового – «израильского» – фактора.

Предпосылки и условия протекания йеменского конфликта. Йеменская Арабская Республика была образована в 1990 г. в результате объединения Народно-Демократической Республики Йемен, локализованной на территории южной части современного Йемена, и одноименной Йеменской Арабской Республики, расположенной на севере. Объединенное государственное формирование возглавил Али Абдалла Салех, до этого осуществлявший управление северной частью [6, с. 48]. Объединение повлекло за собой рост социальных, экономических, религиозных и иных конфликтов.

Йемен к началу 2000-х гг. стал одним из самых нестабильных государств на политической карте

Ближнего Востока. Как отмечает Л. Исаев, «арабская весна», затронувшая абсолютно все страны мусульманского мира, «обнажила громадный кризисный потенциал этой страны, выявив колоссальные проблемы, которые долгое время игнорировались или откладывались ее руководителями» [3, с. 80-81]. Среди подобных проблем можно выделить, в первую очередь, слабость центральной вертикали власти, сепаратистские тенденции, гетерогенность этнонационального и конфессионального состава местного населения, вмешательство третьих лиц во внутренние дела страны, возрастание численности участников террористических группировок.

Конфликт в Йемене в общем виде можно представить как вооруженное противостояние шиитских повстанцев – хуситов – с правительственной армией страны. Более глубокий анализ позволяет сделать вывод о том, что конфликт имеет мультивекторный характер и включает в себя участие многих других сторон. Так, в частности, хуситы осуществляют борьбу с религиозными и экстремистскими суннитскими группировками, с войсками международной коалиции. Среди войск третьих стран, которые вступают в вооруженную борьбу с хуситами, можно выделить две группы – войска, принадлежащие странам т.н. «коллективного Запада» и войска стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), во главе с Саудовской Аравией (т.н. «Щит полуострова»).

Анализируя период, непосредственно предшествующий началу гражданской войны в Йемене (до 2014 г.), можно говорить о нескольких ключевых факторах, которые обусловили его продолжительность, масштаб и драматичность последствий. Рассмотрим эти факторы более подробно (Таблица 1).

Таблица 1

Факторы, оказывающие влияние на эскалацию йеменского конфликта (2014 г. – н. в.)

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [6, с. 51], [5, с. 17], [10, с. 16], [3, с. 86], [1, с. 11], [9] и др.

Фактор	Содержание и характер влияния
Религиозный	<ul style="list-style-type: none"> Население Йемена исповедует несколько направлений ислама; Суннизм шафиитского мазахаба исповедует 65% населения Севера и около 100% населения Юга; шиизм зейдитского толка исповедуют 30% населения Севера. С 1970-х гг. реализуется религиозная экспансия Саудовской Аравии, направленной на популяризацию вахабизма – т.н. «чистого» ислама. Для большинства населения Йемена (шиитов и суннитов) вахабизм был чужеродным; кроме того, салафиты (ваххабиты) обвиняли других мусульман в неверии. В результате «салафизация» йеменского общества привела к нарастанию напряженности между зейдитами и салафитами.
Племенной (этнический/ клановый)	<ul style="list-style-type: none"> Отличительной чертой Йемена выступает наличие множества племен и правящих кланов. В Йемене насчитывается около 170 племен, большинство из которых объединены в две группы: Хашед (бану-хашед – Север) и Бакиль (бану-бакиль – Юг). Племенная и клановая принадлежность является фундаментальной установкой для йеменцев. Принадлежность к клану и племени коррелирует с принадлежностью к одному из течений ислама и, кроме того, с участием в политической жизни социума (возможность управлять страной или ее частью). Одной из причин вооруженного выступления хуситов выступает тяжелая социально-экономическая ситуация в провинции Саада, вызванная во многом конфликтом хуситской элиты с шейхами племени Хашед.

Политический	<ul style="list-style-type: none"> Объединение Северного и Южного Йемена послужило одной из причин обострения борьбы за власть. На Севере политическая мощь была сосредоточена в руках Йеменской Социалистической Партии, на Юге – Всеобщего Национального Конгресса. После объединения была сформирована оппозиционная реформистская партия «альИслах», с которой, однако, быстро вошел в коалицию президент Салех и Конгресс. Политическое противостояние привело к демонстрациям и выступлениям за обретение независимости Южного Йемена; власть начала применять насильственные методы для подавления демонстрации оппозиции.
Экономический	<ul style="list-style-type: none"> Йемен оказался одной из самых слабых экономик в арабском мире. Саудовская Аравия и страны Персидского залива выдворили сотни тысяч йеменских рабочих и прекратили оказывать финансовую поддержку Йемену. Экономические реформы конца 1990-х гг. привели к закрытию государственных предприятий и отмене дотаций на продукты питания и топливо.
Демо-графический	<ul style="list-style-type: none"> В Йемене имеется проблема т.н. «молодежного выступа» – средний возраст населения составляет около 18 лет; наблюдается малая численность населения, задействованного в трудовой деятельности. Возник переизбыток маргинализованной или, по крайней мере, безработной молодежи, обладающей конфликтным потенциалом.
Военный	<ul style="list-style-type: none"> В йеменском обществе традиционно поддерживается высокий уровень конфликтности, что усугубляется высоким уровнем милитаризации населения.
Энергетический	<ul style="list-style-type: none"> Йемен вызывает широкий интерес со стороны соседних и западных стран, так как занимает стратегически важные территории для транзита нефтепродуктов. Возможность перекрытия Баб-эль-Мандебского пролива хуситами приводит к интервенциям или их попыткам со стороны других стран.
Международный	<ul style="list-style-type: none"> Изначально Йемен стал «заложником своей периферийности», что привело к дефициту международного внимания на начальной стадии конфликта. На более поздних стадиях в конфликте оказались вовлеченными многие региональные мировые игроки. Ключевым препятствием для многих миротворческих мероприятий стало участие Эр-Рияд одновременно и в качестве посредника, и участника конфликта. Эскалация военного конфликта в Израиле побудила хуситов участвовать в действиях против Израиля для поддержки Палестины. Это осложнило внешнеполитические отношения Йемена с другими странами и повысило риски ответных ударов со стороны Израиля.

Учитывая тот факт, что хронологии событий Йеменского конфликта посвящено немало зарубежных и российских публикаций и диссертационных исследований, можно лишь вкратце описать основные этапы динамики гражданской войны (Таблица 2).

Таблица 2

Хронология основных этапов гражданской войны в Йемене

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [9], [4, с. 18]

Этап	События
Начало конфликта (2014 г.)	В 2014 году хуситы – шиитская повстанческая группировка, известная также под наименованием «Ансар Аллах», начала масштабное наступление против официального правительства Йемена. Хуситам удалось захватить столицу страны г. Сану и вынудить президента Абд Раббо Мансура Хади бежать в Саудовскую Аравию.
Интервенция Саудовской Аравии (март 2015 г.)	В марте 2015 г. Саудовская Аравия и коалиция арабских стран начали военную операцию против хуситов, направленную на восстановление легитимного режима власти – правительства Хади.
Обострение гуманитарного кризиса (2015-2016 гг.)	Конфликт привел к масштабному гуманитарному кризису. Блокада и боевые действия вызвали дефицит продовольствия, воды и медикаментов; возникали эпидемии, обострилась проблема голода.

Раскол внутри коалиции (2017 г.)	В 2017 г. произошел раскол внутри коалиции между правительственными силами Хади и Переходным советом Южного Йемена, поддерживаемым Объединенными Арабскими Эмиратами. Переходный Совет выразил стремление к обретению суверенитету Южным Йеменом, тогда как правительство расценило подобные заявления как сепаратистские. Бывший президент Йемена Али Абдалла Салех был убит в декабре 2017 г.
Стокгольмское соглашение (декабрь 2018 г.)	В декабре 2018 г. при посредничестве ООН в Стокгольме было заключено соглашение о прекращении огня в порту Ходейда, который является ключевым пунктом доставки гуманитарной помощи. Соглашение предусматривало, помимо прочего, обмен пленными и вывод войск из города.
Эскалация военных действий (2019-2020 гг.)	Несмотря на попытки мирных переговоров, боевые действия продолжались. Хуситы осуществили несколько ракетных и дроновых атак на территории Саудовской Аравии. Коалиция, в свою очередь, провела серию воздушных ударов по позициям хуситов.
Переговоры в Эр-Рияде (ноябрь 2019 г.)	В ноябре 2019 г. между правительством Хади и Южным переходным советом было заключено соглашение, направленное на урегулирование разногласий в анти-хуситской коалиции.
Эскалация конфликта в Марибе (2020-2021 гг.)	С 2020 г. хуситы начали интенсивное наступление на провинцию Мариб, последний оплот правительства Хади на севере Йемена. Бои за Мариб продолжались в течение всего 2021 г. и привели к значительным потерям с обеих сторон.
Текущая ситуация (2022-конец 2023 гг.)	Конфликт в Йемене остается нерешенным. Бои продолжаются в нескольких регионах страны, а гуманитарный кризис ухудшается. Международные усилия по мирному урегулированию продолжаются, но перспективы достижения устойчивого мира остаются неопределенными.
Актуализация внешнего фактора (война в Израиле, октябрь 2023 г. – н.в.)	Хуситы проявляют интерес к событиям на территории Израиля, что меняет структуру их внешнеполитических союзников и создает новые риски.

Израильский фактор в гражданской войне в Йемене. Еще до начала военных действий в Израиле в 2023 г. хуситы неоднократно заявляли о своем враждебном отношении к Израилю, что, в свою очередь, логично «встраивается» в хуситскую антизападную и антисионистскую риторику. Данные заявления всегда усиливали напряженность в регионе и привлекали внимание к проблеме возможного выхода гражданского конфликта в Йемене за пределы страны.

Кроме того, хуситы в 2010-2020-х гг. неоднократно демонстрировали свои возможности в отношении запуска баллистических ракет и беспилотных летательных аппаратов для нанесения ударов по целям в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. Подобные действия вызвали опасения в том, что аналогичные средства могут быть использованы и против Израиля, особенно в свете регулярных заявлений хуситов о готовности атаковать израильские позиции.

Уже спустя несколько недель после начала активной фазы арабо-израильского противостояния (7 октября 2023 г.) Йемен официально объявил о своем вмешательстве в этот конфликт. Йемен был

не единственной страной арабского Востока, которая выразила стремление принять участие в израильско-палестинском конфликте. Так, в частности, премьер-министр Ливана Н. Микати также заявлял о возможности участия в войне; схожие заявления делала и власти Ирана [2].

До сих пор представить однозначную оценку или прогноз в отношении того, какую роль сыграет палестино-израильский конфликт в гражданской войне в Йемене, достаточно сложно. Очевидно, что сегодня хуситы, которые участвуют в военных действиях, осуществляют диффузию военных мощностей, направляя их на цели как внутри, так и извне страны. Можно предположить, что в последующем это существенно ослабит их позиции в Йемене.

Так, в частности, к концу 2023 г. хуситы объявили о мобилизации для участия в войне в наземных операциях на территории сектора Газа. На северных территориях, подконтрольных хуситам, уже в декабре 2023 г. были проведены масштабные мобилизационные мероприятия; призванных на службу, по сообщениям местных СМИ, должны быть направлены в сектор Газа. Для мобилизованных было организовано множество тренировочных лагерей, где на данный момент прошли обучение несколько десятков тысяч добровольцев. По мнению многих экспертов, данные мероприятия были направлены не столько на внешние цели, а на повышение качества внутренних войск хуситов (что, при этом, было опровергнуто представителями хуситов – лидерами повстанческого движения «Ансар Аллах»).

Помимо наземных операций, хуситы реализуют множество морских операций. Как отмечено выше, территория Йемена имеет стратегическое значение для транзита энергоресурсов и транспортных коммуникаций в целом. Водные территории, прилегающие к берегам Йемена, используются множеством стран – и Израилем в том числе. Учитывая эскалацию конфликта в Израиле, хуситы выразили намерение атаковать любые израильские суда в Красном море. Удары были нанесены по нескольким десяткам судов, несколько из них были захвачены.

Морские операции хуситов привели к тому, что многие зарубежные компании стали отказываться осуществлять перевозки через акваторию Красного моря. Данная тенденция, в свою очередь, привела к тому, что США в декабре 2023 г. начали операцию «Страж процветания» (Prosperity Guardian), направленную на обеспечение безопасности судоходства в Красном море. Таким образом, хуситы получили в качестве противников США, а также присоединившиеся к ним Великобританию, Бахрейн, Канаду, Францию, Италию, Нидерланды, Норвегию, Сейшельские острова и Испанию.

Учитывая тот факт, что Йемен (в частности, хуситы) неоднократно атаковал ракетами израильские территории, власти Израиля приняли решение нанести ответный удар. 20 июля 2024 г. было объявлено о том, что самолеты ВВС Израиля атаковали йеменский город Ходейда на побережье Красного моря. Хуситы, в свою очередь, отрицают заявления об атаках на военных объекты – по сообщениям ху-

ситской прессы, удары были нанесены по гражданским объектам, по нефтехранилищам и электростанции [7].

Действия хуситов в отношении Израиля, безусловно, привели к возникновению международного интереса к йеменской проблеме и, в ряде случаев, к реальным ситуациям военных столкновений хуситов и иностранных войск. Так, Саудовская Аравия привела в боевую готовность свои вооруженные силы, что было вызвано необходимостью проведения боевых действий против хуситов в провинции Джизан. Саудовской Аравии, кроме того, удалось перехватить ракету, которую запустили над территорией королевства в сторону Израиля. Имеется, кроме того, информация о столкновениях хуситов с американскими силами на севере Красного моря.

Следует отметить, что несмотря на «распыление» военных мощностей хуситов на внешние военные цели, антиправительственные войска все еще обладают колоссальным запасом вооружений, военной техники и технологий. Во многом это связано с тем, что Иран финансирует и поставляет оружие хуситам. Персональный состав вооруженных отрядов хуситов, по разным оценкам, может составлять до полумиллиона человек.

Несмотря на описанные выше меры по мобилизации, большинство экспертов говорят о слабой вероятности участия наземных сил хуситов на территории Израиля: страны разделяет около 2000 км. Следовательно, можно предположить, что атаки на Израиль продолжатся лишь в дистанционном формате [8].

Безусловно, израильско-палестинская война может привести к новой волне обострения конфликта между Саудовской Аравией, Ираном, хуситами и правительством Йемена. С появлением новых игроков и интересов стороны конфликта в Йемене, скорее всего, изменят свои переговорные планы и в наихудшем сценарии могут решиться на «военный авантюризм», который приведет страну обратно в состояние войны. Очевидно, что агрессивные действия хуситов против Израиля позволят в будущем официальному правительству Йемена заручиться поддержкой многих западных стран и международных организаций. Возможно, с течением времени то изменит расстановку сил в пользу действующего правительства или даже приведет к полному подавлению хуситов как политического актора.

Литература

1. Абаев, Л. Ч. Йемен – «забытая война» / Л. Ч. Абаев, А. И. Вавилов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – №4 (837). – С. 9-23.
2. Израиль объявила войну новой страна Максим Куклин // URA.ru. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ura.news/news/1052699705>. – Дата доступа: 29.07.2024.
3. Исаев, Л. Бесконечная война, или снова о Йемене / Л. Исаев // Россия и мусульманский мир. – 2017. – №5 (299). – С. 80-91.

4. Кудров, Е. А. О подвижках в урегулировании конфликта в Йемене / Е. А. Кудров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – №1 (850). – С. 14-17.

5. Кузнецов, А. А. Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене / А. А. Кузнецов // Исламоведение. – 2019. – №1. – С. 17-26.

6. Кузьмин, В. А. Причины йеменского конфликта и его развитие в 2011-2015 гг. / В. А. Кузьмин, Н. В. Соколов // Мусульманский мир. – 2017. – №1. – С. 46-56.

7. Совет Безопасности: «военный авантюризм» подталкивает Йемен к полномасштабной войне // Организация Объединенных наций. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450376>. – Дата доступа: 29.07.2024.

8. Соколов, А. Как в мире отреагировали на удары США по Йемену / А. Соколов // Ведомости. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/14/1014979-kak-otreagirovali-na-udari>. – Дата доступа: 29.07.2024.

9. Федорченко, А. Е. Конфликт в Йемене / А. Е. Федорченко // МГИМО. – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mgimo.ru/about/news/experts/270824/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. – Дата доступа: 29.07.2024.

10. Яйлян, В. Х. британская политика в отношении конфликта в Йемене / В. Х. Яйлян // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2024. – №2. – С. 15-25.

Dynamics of the Yemen conflict in the context of the escalation of the Palestinian-Israeli conflict

Kulaev G.T.

Master, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article provides a scientific analysis of the prerequisites, causes, factors, foreign policy contexts and prospects of the Yemeni conflict. The factors influencing the escalation of the Yemeni conflict are described in detail. The chronology of the main stages of the civil war in Yemen is presented. The role of the so-called Israeli factor in the civil war in Yemen is revealed. It is concluded that the Israeli-Palestinian war may lead to a new wave of escalation of the conflict between Saudi Arabia, Iran, the Houthis and the government of Yemen. With the emergence of new players and interests, the parties to the conflict in Yemen will most likely change their negotiating plans and, in the worst-case scenario, may decide on "military adventurism," which will lead the country back into a state of war.

Keywords: Israel, Yemen, huthis, Palestinian-Israeli conflict, civil war, Saudi Arabia, Iran

References

1. Abaev, L. Ch. Yemen - "the forgotten war" / L. Ch. Abaev, A. I. Vavilov // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. - 2019. - No. 4 (837). - P. 9-23.
2. A new country declared war on Israel Maxim Kuklin // URA.ru. - 2023 [Electronic resource]. - Access mode:

- <https://ura.news/news/1052699705>. - Access date: 07/29/2024.
3. Isaev, L. Endless war, or again about Yemen / L. Isaev // Russia and the Muslim world. - 2017. - No. 5 (299). - P. 80-91.
 4. Kudrov, E. A. On the progress in resolving the conflict in Yemen / E. A. Kudrov // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. - 2023. - No. 1 (850). - P. 14-17.
 5. Kuznetsov, A. A. Confessional and tribal prerequisites for the military-political conflict in Yemen / A. A. Kuznetsov // Islamic studies. - 2019. - No. 1. - P. 17-26.
 6. Kuzmin, V. A. Causes of the Yemeni conflict and its development in 2011-2015 / V. A. Kuzmin, N. V. Sokolov // Muslim world. - 2017. - No. 1. - P. 46-56.
 7. Security Council: "military adventurism" is pushing Yemen toward full-scale war // United Nations. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: <https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450376>. - Access date: 07/29/2024.
 8. Sokolov, A. How the world reacted to the US strikes on Yemen / A. Sokolov // Vedomosti. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/14/1014979-kak-otreagirovali-na-udari>. - Access date: 07/29/2024.
 9. Fedorchenko, A. E. Conflict in Yemen / A. E. Fedorchenko // MGIMO. – 2015 [Electronic resource]. – Access mode: https://mgimo.ru/about/news/experts/270824/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. – Access date: 29.07.2024.
 10. Yaylyan, V. H. British policy towards the conflict in Yemen / V. H. Yaylyan // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – No. 2. – P. 15-25.

Урегулирование международных территориальных споров мирными средствами: теория и практика

Лапшина Ирина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, Доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный Технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», i-lapshina@yandex.ru

Родионов Иван Дмитриевич

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», rodionovid1@student.bmstu.ru

В данной статье рассматриваются различные методы мирного урегулирования международных территориальных споров, опираясь на источники международного права. Анализируются преимущества и недостатки каждого метода, и приводятся конкретные примеры их применения в реальных ситуациях. В фокусе внимания - изучение международных норм, закрепляющих различные способы мирного разрешения споров, а также анализ практики их применения в реальных территориальных спорах между государствами.

Объектом настоящего исследования являются международно-правовые отношения, которые возникали при мирном разрешении различных международных споров в Европе, Азии и Африке. Особое внимание уделяется международно-правовым институтам, при помощи которых было достигнуто согласие о разрешении спора между субъектами международного права.

Цель работы состоит в правовом анализе и характеристике способов разрешения территориальных споров, изучении специфики данных способов на конкретных примерах. На этой цели следует определить такие задачи, как: исследование правового статуса территориальных споров; анализ историко-правового опыта разрешения территориальных споров мирным путем, форм участия в урегулировании конфликтов третьих стран и различных международных организаций.

Методологию исследования составляют общенаучные методы, такие как анализ, синтез, дедукция; частнонаучные методы - системный анализ, сравнительно-правовой метод и функциональный анализ.

Данное исследование призвано способствовать более глубокому пониманию актуальных проблем в сфере мирного разрешения международных территориальных споров.

Ключевые слова: Принцип мирного урегулирования международных споров, международный спор, переговоры, посредничество, добрые услуги, международный арбитраж, международный суд, буферная зона

Международное сообщество предпринимает огромные усилия для поддержания мира. История знает множество примеров успешного мирного урегулирования международных споров, от окончания холодной войны до соглашений по ядерному разоружению. Анализ таких решений дает возможность сделать выводы о наиболее эффективных методах и приемах разрешения таких ситуаций, и соотнести практические решения с принципами и нормами международного права; позволяет извлечь уроки из прошлого и разрабатывать эффективные механизмы предотвращения и разрешения конфликтов.

Особое внимание необходимо уделить проблеме территориальных споров между государствами. Многие из них, часто имеющие глубокие исторические корни, носят скрытый характер и требуют сложных и длительных усилий для их разрешения. Помимо дипломатических переговоров, для достижения компромисса необходимо привлечение международных организаций, экспертов по международному праву и специалистов по мирному разрешению конфликтов.

Задача по сохранению мира и урегулированию территориальных споров останется актуальной еще долгие годы. Для ее решения необходимо не только усилить механизмы международного права, но и развивать культуру диалога и взаимопонимания между государствами. Совместные усилия всего мирового сообщества, включая государства, международные организации, гражданское общество и отдельные личности, способны сделать мир более безопасным и стабильным.

Принцип мирного разрешения споров является одним из фундаментальных принципов международного права, играющим ключевую роль в поддержании международного порядка и безопасности.

Содержание данного принципа заключается в том, что любые споры между государствами, независимо от их характера и сложности, должны решаться мирными средствами. Ключевой момент - своевременность. Чем раньше начинаются переговоры и поиски компромисса, тем меньше риск эскалации конфликта и перехода к вооруженному противостоянию.

Важность мирного разрешения споров обусловлена следующими факторами:

- Обеспечение безопасности: Мирное разрешение споров предотвращает вооруженные конфликты, которые грозят гибелью людей, разрушением инфраструктуры и дестабилизацией международной ситуации.

- Мирное сосуществование: Принцип мирного разрешения споров способствует созданию атмос-

сферы доверия и взаимопонимания между государствами. Он позволяет им решать проблемы путем диалога и переговоров, а не военных действий.

- Развитие международного сотрудничества: Мирное разрешение споров способствует укреплению международного сотрудничества в разных сферах, таких как торговля, культура, образование и наука.

Принцип мирного разрешения международных споров неразрывно связан с принципом мирного сосуществования. Он выражает убеждение, что государства должны стремиться к мирному и конструктивному взаимодействию, отказываясь от применения силы и угроз силой как средств разрешения международных споров.

Существуют различные методы мирного разрешения споров:

- Переговоры, представляющие собой прямой диалог между сторонами конфликта.

- Посредничество, которое подразумевает участие третьей стороны, помогающей сторонам конфликта достичь соглашения.

- Арбитраж, при котором разрешение спора осуществляется независимым третьим судьей или группой судей.

- Судебное разбирательство спора в международном суде.

Несмотря на все усилия международного сообщества, мирное разрешение споров не всегда бывает простым. Существуют множество факторов, которые могут препятствовать мирному урегулированию конфликтов. Однако принцип мирного разрешения споров остается важнейшим инструментом сохранения международного порядка и безопасности.

Каждый способ, перечисленный выше, при рассмотрении международных споров был реализован на практике при территориальных конфликтах между государствами. Остановимся на ситуациях:

- Разрешение спора международным судебным органом

Международный суд Организации Объединенных Наций является

главным судебным органом ООН. Решение Суда является обязательным для спорящих государств. В случае невыполнения решения стороной, Совет Безопасности (ст. 94 Устава) [1] может дать рекомендации или принять особые меры для приведения решения в исполнение. Недостатком данного средства можно в некотором смысле считать то, что судебная процедура в принципе может быть инициирована только на основе согласия спорящих сторон. Разрешение спора с помощью обращения сторон в международный судебный орган является не самым распространенным способом разрешения территориальных споров, однако в практике Международного Суда ООН можно найти примеры разрешения территориальных споров. Обратимся к одному из них. Речь идет о деле по Сухопутной и морской границе между Камеруном и Нигерией, возбужденном в 1994 году на основании заявления Камеруна. Как следовало из заявления, основным пред-

метом спора являлся вопрос суверенитета над полуостровом Бакасси. Спор, как указывал Камерун, имел давний характер и, во избежание будущих инцидентов между двумя государствами, должен был быть разрешен Судом. Правительство Нигерии утверждало, что граница была такой до британо-германских соглашений 1913 года, а Камерун утверждал, что граница установлена британо-германскими соглашениями. Пограничный спор обострился в 1980-х и 1990-х годах после того, как произошло несколько пограничных инцидентов, которые едва не вызвали войну между двумя странами. В 2002 году Международный суд ООН вынес решение в пользу Камеруна и подтвердил границу 1913 года. Нигерия подтвердила, что передаст полуостров Бакасси Камеруну[5].

Проанализировав решение Международного суда ООН и факты, на котором оно основывается, можно сделать вывод, что главным основанием для установления новой границы между двумя государствами послужило соглашение между Германией и Британией о разграничении своих колониальных владений. Таким образом, суд предпочел решить данный территориальный спор путем вынесения прецедентного решения, которое в итоге удовлетворило обе стороны.

- Международный арбитраж представляет собой процедуру разрешения споров между государствами, основанную на их добровольном согласии. Он предполагает участие независимых арбитров, которые выносят обязательное для сторон решение. Институт международного арбитража был впервые закреплен в первой Гаагской конвенции о мирном решении международных конфликтов в 1899 году [4].

Несмотря на очевидные преимущества международного арбитража как мирного средства разрешения международных конфликтов, он не получил широкого распространения в мире. Тем не менее, в истории можно найти несколько примеров успешного применения арбитража в урегулировании территориальных споров. Так, в 1902 году между Аргентиной и Чили был проведен арбитраж по установлению границы в южной части Анд. Британская сторона выступила в роли арбитра, принимая во внимание интересы оседлых колонистов в спорном районе[2]. В результате было достигнуто компромиссное решение, которое разделило некоторые озера Патагонии, включая озеро О'Хиггинс, государственной границей. Решение арбитража было опубликовано от имени короля Великобритании Эдуарда VII [7].

Этот пример демонстрирует, что международный арбитраж может предлагать справедливые и компромиссные решения, удовлетворяющие интересы обеих сторон конфликта. Несмотря на незначительное использование международного арбитража в современном мире, он остается ценным инструментом для урегулирования международных споров и сохранения мира.

Переговоры — это совместное обсуждение конфликтующими сторонами спорных вопросов с целью достижения согласия. Часто в переговорах

участвует посредник, помогающий сторонам найти общий язык.

Переговоры представляют собой набор тактических приемов, направленных на поиск взаимоприемлемых решений для всех участников. Однако необходимо помнить, что переговоры не всегда ведут к решению спора. Иногда они используются для затягивания времени или отвлечения внимания от основной проблемы. Пример переговоров, предшествующих Брест-Литовскому мирному договору, иллюстрирует как переговоры могут быть использованы для разных целей. На первом этапе советская сторона стремилась к затягиванию переговоров, откладывая принятие решения. Германская империя использовала переговоры для продвижения своих интересов, требуя признания права на оккупацию территории Польши, Прибалтики и Белоруссии. Советская делегация использовала тактику «ни войны, ни мира», заявляя о прекращении войны, но отказываясь от заключения мира. В итоге переговоры завершились подписанием договора, который был ратифицирован в марте 1918 года.

Можно привести еще несколько исторических и современных примеров использования переговоров для решения споров по территориальным вопросам:

1. Переговоры между Китаем и Индией по поводу границы (1993-2005): после длительного периода конфликтов и пограничных столкновений, Китай и Индия решили провести серию переговоров по вопросам границы. После 12 раундов переговоров в 2005 году они достигли соглашения о совместном управлении спорными территориями.

2. Переговоры между Израилем и Египтом (1977-1979): Эти переговоры, известные как Кэмп-Дэвидские соглашения, привели к заключению мирного договора между Израилем и Египтом в 1979 году. Это стало первым мирным договором между Израилем и арабской страной. В рамках соглашения Израиль отдал Египту Синайский полуостров.

3. Переговоры между Северной и Южной Кореей (2000-2007): хотя эти переговоры не привели к окончательному урегулированию всех споров, они способствовали смягчению напряженности на Корейском полуострове. В 2000 году была достигнута «Солнечная декларация», которая стала первым шагом к налаживанию отношений между двумя Кореями.

4. Переговоры между США и Канадой по поводу Аляски (1903-1905): Эти переговоры, известные как «Аляскинская арбитражная комиссия», были организованы для разрешения спора о границе между Аляской и Канадой. В результате, была установлена современная граница между этими двумя странами.

5. Переговоры между Германией и Польшей по поводу Восточной Пруссии (1945-1950): После Второй Мировой Войны, Польша и Германия вели переговоры по вопросу Восточной Пруссии, которая стала частью Польши. В 1950 году был подписан договор, который закрепил новые границы между двумя странами.

Эти примеры показывают, что переговоры, как правило, являются конструктивным путем для решения территориальных споров и создания условий для мира и сотрудничества.

Важно понимать, что только переговоры на равных условиях, с полной открытостью и желанием сторон к разрешению спора, могут привести к положительному результату. В противном случае, переговоры могут стать бесплодным упражнением, не приносящим ничего, кроме задержки времени.

В истории международных отношений переговоры являются самым распространенным способом разрешения территориальных споров. Однако успех переговоров зависит от многих факторов, включая готовность сторон к компромиссу, уровень доверия между сторонами, а также роль посредника, если он присутствует.

Переговоры, несмотря на свою сложность и непредсказуемость, являются наиболее эффективным мирным средством разрешения международных споров по ряду причин:

1. Переговоры позволяют сторонам конфликта найти взаимоприемлемое решение, удовлетворяющее интересы обеих сторон. Это основа устойчивого мира и предотвращения повторного возникновения конфликта.

2. Переговоры помогают предотвратить эскалацию конфликта и переход к вооруженному противостоянию. Это особенно важно в современном мире, где конфликты часто имеют глобальные последствия.

3. Переговоры способствуют укреплению международных отношений и созданию атмосферы доверия и взаимопонимания между государствами.

4. Переговоры позволяют включить в процесс управления разрешения споров как можно больше сторон, включая не только правительства, но и гражданское общество, экспертов и международные организации.

5. Переговоры позволяют государствам решать свои споры самостоятельно, не прибегая к вмешательству третьих сторон и не подвергая угрозе свой суверенитет.

6. Переговоры позволяют всем сторонам высказать свою точку зрения и убедиться, что их интересы были услышаны.

7. Переговоры ориентированы на поиск долгосрочных и устойчивых решений, которые устраняют причины конфликта и предотвращают его повторное возникновение.

Конечно, переговоры не всегда бывают легкими и не всегда приводят к желаемым результатам. Однако при правильной подготовке и желании сторон к компромиссу, переговоры остаются самым эффективным мирным средством разрешения международных споров.

Кроме вышечисленных способов мирного разрешения международных территориальных споров в теории международного публичного права выделяют также посредничество и добрые услуги третьей стороны. Зачастую на практике трудно отделить первое от второго. И в самом деле, в обоих слу-

чаях речь идет о вмешательстве третьей (нейтральной) стороны по приглашению или, по меньшей мере, с согласия спорящих сторон с целью содействия им в самостоятельном разрешении спора [3]. Однако, на практике можно отметить ряд примеров, которые определяются именно как посредничество.

1. Кэмп-Дэвидские соглашения (1977-1979). В этом случае США в лице президента Джимми Картера выступили в роли эффективного посредника между Израилем и Египтом. Переговоры, проводившиеся под эгидой США, привели к подписанию мирного договора и возвращению Египту Синайского полуострова. Этот пример демонстрирует, как активное посредничество со стороны авторитетного и нейтрального посредника может привести к значительным прорывам в урегулировании длительных конфликтов.

2. Кипрский вопрос (1964-настоящее время). ООН с 1964 года играет роль посредника в решении кипрского вопроса, который характеризуется длительной территориальной нестабильностью между греческой и турецкой общинами. Несмотря на длительность процесса, ООН смогла создать миротворческие силы на Кипре и продолжает вести переговоры. Этот пример показывает, что посредничество может быть длительным и сложным процессом, требующим упорства и терпения.

3. Мир в Колумбии (2012-2016). Норвегия выступила в роли посредника в переговорах между правительством Колумбии и FARC, что привело к подписанию мирного договора в 2016 году. Этот договор включал в себя решение территориальных споров и помог положить конец десятилетиям гражданской войны. Это подтверждает, что посредничество может играть ключевую роль в достижении мира в странах, раздираемых внутренними конфликтами.

4. Конголезский конфликт (1960-настоящее время). ООН активно участвует в решении конголезского конфликта, который характеризуется нестабильностью и территориальными спорами. ООН создала миротворческие миссии, которые помогали установить мир и безопасность. Этот пример демонстрирует роль ООН как посредника в решении сложных международных конфликтов, включая территориальные споры.

5. Сербия и Косово (2008-настоящее время). Европейский Союз играет роль посредника в решении спора между Сербией и Косово, включая территориальные вопросы. Он организует переговоры и проводит миротворческие миссии. Этот пример показывает, что посредничество может проводиться не только отдельными государствами, но и международными организациями.

6. Советского Союза в разрешении индо-пакистанского конфликта в 1965 году. В августе 1965 года между Индией и Пакистаном начались военные действия, а в сентябре обе стороны согласились в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН прекратить огонь, но военные столкновения продолжались. Правительство СССР предложило территории СССР для проведения переговоров между Индией и Пакистаном. В январе 1966 года, по

инициативе СССР, в Ташкенте состоялась конференция, в результате которой сторонами конфликта была подписана Ташкентская декларация. В ней содержались обязательства отвести вооруженный контингент на прежние позиции, возобновить деятельность дипломатических представительств, торговые связи, не прибегать к силе, решать споры мирными средствами, продолжить переговоры по урегулированию нерешенных вопросов. Премьер-министр Индии и Президент Пакистана пригласили Председателя Совета Министров СССР засвидетельствовать Декларацию.

Важно отметить, что посредничество не всегда приводит к успешному разрешению конфликта. Но в многих случаях посредники способствуют созданию доверительной атмосферы для переговоров, выступают в роли модераторов и помогают сторонам найти компромиссное решение.

Добрые услуги могут быть эффективным инструментом для урегулирования территориальных споров, особенно на ранних этапах конфликта. Это форма дипломатии, когда одна страна или международная организация предлагает помощь в урегулировании конфликта между двумя другими странами без прямого вмешательства в переговоры. Они могут помочь создать атмосферу доверия и взаимопонимания между сторонами, что позволяет начать переговоры и найти мирное решение[8]. В истории решения международных споров можно найти ряд примеров:

- Добрые услуги Канады в решении спора между Индией и Пакистаном по Кашмиру (1990-е годы). В конце XX века Канада предложила свои добрые услуги в решении спорного вопроса о Кашмире между Индией и Пакистаном. С целью создания атмосферы доверия и стимулирования диалога Канада выступила в роли третьей стороны, посредничая в переговорах и предлагая свои услуги для достижения компромисса. Хотя переговоры не привели к окончательному решению, они способствовали смягчению напряженности между Индией и Пакистаном и заложили основы для будущих переговоров.

- Добрые услуги России в решении территориальных споров между Грузией и Абхазией (1990-е годы). В период конфликта между Грузией и Абхазией Россия также выступила с предложением о добрых услугах. Целью было предотвращение эскалации конфликта и создание условий для переговоров между сторонами. Россия играла роль модератора, стремясь к мирному решению территориального спора. Несмотря на то, что конфликт не был полностью разрешен, добрые услуги России помогли стабилизировать ситуацию и создать основу для будущих переговоров.

Эти примеры демонстрируют важность добрых услуг как инструмента в решении территориальных споров. Третьи стороны могут выступать в роли модераторов, стимулируя переговоры и создавая условия для компромисса. Добрые услуги могут помочь смягчить напряженность, предотвратить эскалацию конфликта и заложить основы для мирного решения.

Однако успех добрых услуг зависит от многих факторов, включая готовность сторон к компромиссу, уровень доверия к третьей стороне, а также ее способность оказать реальное влияние на переговорный процесс.

По поводу добрых услуг и посредничества можно было бы сказать, что здесь на самом деле имеют место различные формы или различный объем и интенсивность посредничества, при этом в первом случае речь идет о посредничестве в широком, а во втором случае – в узком смысле. Это дает право рассматривать оба эти способа мирного разрешения споров вместе, тем более что они редко встречаются в чистом виде. На практике, даже если участие третьей стороны в начальной фазе будет представлять собой оказание добрых услуг, позднее оно почти неизбежно перерастает в посредничество [5].

Достаточно спорный вопрос в теории международного права о создании буферной зоны как об одном из способов решения территориальных споров. Создание буферной зоны — это, скорее, инструмент подготовки к разрешению международного территориального спора, нежели способ его непосредственного улаживания. Буферные зоны не решают основные причины конфликта, а лишь устраняют непосредственную угрозу столкновения и предоставляют сторонам возможность для переговоров и поиска устойчивого решения.

Буферная зона представляет собой узкую полосу земли шириной от нескольких метров до нескольких километров, созданную международными институтами для контроля линии разграничения между конфликтующими сторонами на период миротворческого процесса. С территории зоны обычно выселяется население и устанавливается демилитаризованный режим.

Три примера буферных зон демонстрируют как разные подходы к их созданию и управлению могут приводить к различным результатам:

1. Корейская буферная зона (1953) была создана по 38-й параллели между Северной и Южной Кореей, она является одним из самых ранних примеров буферных зон и остается одним из самых устойчивых. Эта зона служит преградой между двумя враждующими государствами и помогает предотвратить прямое военное противостояние. Несмотря на некоторые пограничные столкновения и напряженную атмосферу на границе, она остается эффективным инструментом контроля конфликта.

2. “Зеленая линия” на Кипре (1964) создана ООН между Кипром и частично признанным Северным Кипром, она управляется миротворческими силами ООН и является ключевым элементом в управлении напряженностью на острове. “Зеленая линия” помогает предотвратить прямые столкновения между греческой и турецкой общинами, но не решает основной территориальный спор. Эта зона демонстрирует важность международного участия в управлении буферными зонами для их эффективности и устойчивости.

3. “Пурпурная линия” на Голанских высотах (1974) была создана ООН между Израилем и Сирией. Она контролируется миротворческими силами

ООН. Эта зона помогла предотвратить прямое военное противостояние между двумя странами, но не стала гарантом мира. Спор о Голанских высотах остается нерешенным, а буферная зона не может быть рассматриваема как долгосрочное решение конфликта.

Эти примеры показывают, что буферные зоны могут быть как эффективным инструментом управления конфликтами, так и временной мерой для создания условий для переговоров. Их эффективность зависит от многих факторов, включая политическую волю сторон, роль международного сообщества, а также качество управления и контроля за зоной.

В заключении стоит сказать, что мирное разрешение международных территориальных споров — это не просто идеал, а необходимость, диктуемая современными реалиями. В условиях глобализации и взаимозависимости государств война становится неприемлемым способом решения конфликтов.

В данной статье мы рассмотрели разнообразные методы мирного урегулирования территориальных споров, от переговоров и посредничества до арбитража и судебных процессов. Каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки, и выбор оптимального варианта зависит от конкретной ситуации.

Важным фактором успеха мирного урегулирования является политическая воля сторон. Готовность к компромиссу, диалогу и поиску взаимоприемлемых решений - залог успеха любого способа мирного разрешения споров.

Кроме того, необходимо укреплять роль международных организаций и институтов в управлении конфликтами. ООН, Международный Суд, Постоянная Палата Арбитража и другие международные структуры играют ключевую роль в предотвращении конфликтов и создании условий для мирного решения споров.

Мирное разрешение территориальных споров — не всегда легкий, но единственный путь к устойчивому миру и процветанию. Необходимо продолжать работу над усовершенствованием механизмов мирного урегулирования и усилением международного сотрудничества в этой сфере.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1513 (дата обращения 03.08.2024)

2. Всеобщей декларации прав человека. принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.07.2024).

3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН, 1970 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., 1996.

4. Гагская конвенция о мирном решении международных столкновений, 1899г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., 1996.

5. Кривокапич, Б. Д. Мирное разрешение международных споров: монография. отв. ред. А. Г. Безверхов, науч. ред. А. В. Юдин; пер. с серб. В. Симоновой; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. у. - Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2020.

6. Окунев И.Ю. Россия в глобальной политике. Было бы желание. Десять способов решения неразрешимого территориального спора. М., 2019.

7. Лазарев С. Л. Международный арбитраж. М., 1991.

8. Лапшина И. Е. Международное право. Учебное пособие. М., Издательство МНТУ им. Н. Э. Баумана, 2022, 86с.

Settlement of international territorial disputes by peaceful means: theory and practice

Lapshina I.E., Rodionov I.D.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

This article discusses various methods of peaceful settlement of international territorial disputes, based on the sources of international law. The advantages and disadvantages of each method are analyzed, and specific examples of their application in real situations are given. The focus is on the study of international norms that enshrine various ways of peaceful settlement of disputes, as well as an analysis of the practice of their application in real territorial disputes between States. The object of this study is the international legal relations that arose during the peaceful settlement of various international disputes in Europe, Asia and Africa. Special attention is paid to international legal institutions, with the help of which an agreement was reached on the settlement of a dispute between subjects of international law. The purpose of the work is a legal analysis and characterization of methods for resolving territorial disputes, studying the specifics of these methods using specific examples. For this purpose, it is necessary to define such tasks as: research of the legal status of territorial disputes; analysis of the historical and legal experience of resolving territorial disputes peacefully, forms of participation in conflict resolution of third countries and various international organizations. The research methodology consists of general scientific methods such as analysis, synthesis, deduction; private scientific methods - system analysis, comparative legal method and functional analysis. This study is intended to contribute to a deeper understanding of current problems in the field of peaceful settlement of international territorial disputes.

Keywords: principle of peaceful settlement of international disputes, international dispute, negotiations, mediation, good offices, international arbitration, international court of justice, buffer zone

References

1. The Charter of the United Nations. [electronic resource]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1513 (accessed 08/03/2024)
2. The Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly Resolution 217 A (III) of December 10, 1948. [Electronic resource]URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of application: 07/02/2024).
3. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the UN Charter, 1970 // Public International Law. Collection of documents. Vol. 1. M., 1996.
4. The Hague Convention on the Peaceful Settlement of International Conflicts, 1899. // International Public Law. Collection of documents. Vol. 1. M., 1996.
5. Krivokapich, B. D. Peaceful settlement of international disputes: monograph. ed. by A. G. Bezverkhov, scientific ed. by A.V. Yudin; trans. with Serb. V. Simonova; M-in science and Higher Education. education grew. Federation, Samar. national research. S. P. Korolev University (Samara, Samara: Publishing House of Samar. Unita, 2020.
6. Okunev I.Y. Russia in global politics. There would be a wish. Ten ways to resolve an insoluble territorial dispute. M., 2019.
7. Lazarev S. L. International arbitration. M., 1991.
8. Lapshina I. E. International law. Textbook. M., Publishing House of the Bauman Moscow State Technical University, 2022, 86с.

Влияние интернет-СМИ на формирование общественного мнения в политике

Саадулаева Патимат Идрисовна

аспирант Управления аспирантуры и докторантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Целью статьи является анализ влияния, которое интернет-СМИ в настоящее время оказывают на формирование общественного мнения в отношении политических процессов. Методами исследования выступили анализ, синтез, сопоставление. По результатам исследования было выявлено, что сегодня интернет-СМИ занимают одну из ведущих позиций в плане распространения и воспроизведения политического дискурса и формирования связанного с ним общественного мнения. С их помощью общество получает возможность обсудить политические темы, вопросы, высказать собственные взгляды и мнение. Между тем интернет-СМИ не всегда оказывают исключительно позитивное влияние на формирование общественного мнения. Такие аспекты, как использование дезинформации, однобокое освещение событий, применение манипулятивных технологий, фейковые новости порождают множество вопросов к надежности распространяемой этими СМИ информации. Выводы заключаются в том, что интернет-СМИ оказывают существенное влияние на мнение общества в отношении тех или иных политических событий. Понимание, что несет для общества и государства это влияние представляет сегодня важнейшую задачу для политиков и владельцев СМИ, поскольку разработка эффективных политик в отношении формирования общественного мнения позволит наиболее эффективным образом использовать потенциал интернет-СМИ для всего гражданского общества.

Ключевые слова: общественное мнение, интернет-СМИ, политические процессы, политическая коммуникация.

Вопрос влияния, оказываемого средствами массовой информации (СМИ) на общество и массовое сознание, становится объектом интереса ученых разных стран уже более, чем сто лет. Уже с того момента, как в начале прошлого века произошло окончательное формирование СМИ, в науке и политике началось развитие идей, в рамках которых рассматривались возможности задействования средств массовой информации для манипуляции сознанием общества. После того, как доступ к СМИ, сначала сформировавшихся в виде газет и журналов, стал все больше расширяться благодаря появлению радио, затем созданию телевидения, а потом и интернета, общество стало переходить на этап информатизации. Этот этап характеризуется тем, что с течением времени информация стала носить все менее привилегированный характер, обусловленный тем, что в начале развития СМИ она была доступна не очень значительной части общества, а стала постепенно выступать его неотъемлемым бытовым содержанием. Изменения, которым подверглось коммуникативное взаимодействие, детерминированные созданием новых коммуникационных средств, определивших и трансформацию целей указанных взаимодействий, обуславливают и актуальность темы настоящей статьи, поскольку в настоящее время СМИ не просто выступают как ретранслятор общественной информационной сферы, но превратились в один из наиболее значимых, а также один из ключевых инструментов, используемых различными политическими акторами для формирования общественного мнения.

В общем смысле под общественным мнением понимается состояние массового сознания, которое включает в себя отношение социума к различным событиям, ситуациям, проблемам, деятельности групп, политиков, различных организаций, а также отдельных людей.

Изучением общественного мнения занимается соответствующий раздел социологии, где оно представлено в качестве одной из концепций среднего уровня. В рамках этого научного направления исследуется, каким образом формируется и функционирует общественное мнение, каким образом можно им управлять, чтобы осуществлять руководство и регулирование общественных процессов, координировать и администрировать деятельность социальных институтов. В качестве одного из таких институтов в современном обществе выступает власть, представляющая одну из наиболее важных форм, посредством которых осуществляется социальное взаимодействие. Для того чтобы такое взаимодействие было обеспечено поддержкой, а также

функционировало на постоянной основе, в любом обществе действуют определенные нормы, правила и санкции, что и детерминирует рассмотрение власти именно в качестве социального института [2].

В целом общественное мнение следует трактовать как комплекс идей, установок и мыслей, являющихся актуальными в определенном социуме. Оно может оказывать непосредственное влияние на политику страны как на внутреннем, так и на внешнем контуре, на деятельность и функционирование органов государственной власти, на общее управление государством. Так, например, под давлением общественного мнения правительство страны может принять, либо напротив, отменить принятие какого-либо определенного закона, решения, или сделать некоторые изменения в уже принятом законодательном акте, решении. Это превращает общественное мнение в источник информации в отношении политики, состояния социума, его настроений, что играет важнейшую роль в процессе, в рамках которого разрабатываются, принимаются и корректируются решения государственной власти и управления [4].

Общественное мнение представляет собой инструмент, который непосредственным или косвенным образом воздействует на государственные управленческие и властные институты. Это обуславливает то, что участие в формировании такого мнения, отслеживание настроений граждан, а также корректировка государственной политики являются не просто возможными действиями публичных акторов, но и необходимыми для них. С другой стороны, необходимо отметить, что эти акторы сами стремятся к управлению мнением общественности, к его формированию, а некоторые институты пытаются воздействовать на него при помощи манипулятивных технологий [3].

Можно выделить два основных источника, на основе которых формируется общественное мнение – это, во-первых, непосредственные наблюдения, которые граждане видят в своей реальности, а во-вторых – средства массовой информации. В случае, если СМИ начинают транслировать и даже навязывать аудитории какую-либо определенную точку зрения, то она со временем вытесняет собственное мнение граждан и становится у них преобладающей.

В условиях, когда основной сферой распространения и функционирования СМИ становится интернет, они начинают играть роль ключевого актора коммуникативных взаимодействий в сфере политики, который не только передает обществу информацию, но и транслирует ему идеи и взгляды на жизнедеятельность государства и его власти. В связи с этим интернет-СМИ, в первую очередь те, которые несут информационный характер, выступают как основной элемент публичной коммуникации между обществом и государством. Функции, выполняемые средствами массовой информации, среди которых, в частности, можно выделить информационную функцию, регулирующую функцию, а также культурологическую, делают интернет-СМИ неотъемле-

мым компонентом реализации политического процесса и публичной политики. При этом, являясь одним из субъектов, принимающих участие в политическом процессе, интернет-СМИ выступают не только в качестве института, но также в качестве посредника, между двумя системами, одна из которых осуществляет управление, а вторая – находится под этим управлением. Иначе говоря, интернет-СМИ являются своеобразным медиатором, деятельность которого направлена на то, чтобы создать диалог между обществом и политической властью.

Посредством распространения информации интернет-СМИ выступают как исполнитель определенной общественной миссии в рамках публичного пространства, которая может быть нацелена, во-первых, на освещение какого-либо конкретного вопроса, привлечение интереса со стороны общественности к предложениям и действиям политиков; а во-вторых, на то, чтобы повлиять на реакцию общества в отношении определенных проблем путем формирования выгодного курса общественного мнения, что позволяет СМИ осуществлять контроль публичной политики, а также привлекать к ответственности политических акторов и представителей власти. Помимо сказанного, интернет-СМИ дают возможность заинтересованным лицам и сторонам платформу, на которой могут быть высказаны общественная реакция и мнение. Это выступает очень важной составляющей коммуникационного взаимодействия, которая позволяет получить от общества обратную связь в отношении публичной политики, реализуемой государственной властью [1].

Однако, поскольку политические процессы протекают в соответствии с определенной моделью, которая установлена в публичной политике, интернет-СМИ, являющиеся одним из непосредственных участников этого процесса, отличаются некоторой спецификой при реализации политико-правовой жизнедеятельности социума. С одной стороны, они представляют собой ценный инструмент, при помощи которого процессы, протекающие в области публичной политики, могут быть стабилизированы, а гражданское общество получает свое развитие, чему способствует продвижение в интернет-СМИ таких идей, как справедливость, верховенство закона, а также предоставление гражданам своевременной и правдивой информации. И с этого ракурса специфика деятельности СМИ обладает модернизирующим влиянием на общество. Однако влияние интернет-СМИ на общественное мнение все же носит противоречивый характер, поскольку, с другой стороны, они могут распространять дезинформацию, искажать освещение некоторых вопросов, что может оказывать негативное воздействие на их эффективное решение. Это показывает противоречивое влияние интернет-СМИ на общественное мнение и говорит о неоднозначности характера их деятельности, поскольку эти факторы зависят от того, какой политический курс на данный момент проводят власти государства, а также от того, насколько развито в нем публичное пространство. Указанные

аспекты выступают в качестве объективных контуров функционирования интернет-СМИ в рамках освещения политики государства для общественности и серьезно влияют на информационную повестку дня [5].

Сегодня интернет-СМИ занимают одну из ведущих позиций в плане распространения и воспроизведения политического дискурса и формирования связанного с ним общественного мнения. При помощи увеличения эффективности распространения информации власть получает достаточно широкие возможности по формированию и управлению общественным мнением. Интернет-СМИ совершили настоящую трансформацию в политических процессах, отношениях, а также методах и способах управления обществом. Сегодня на первый план вместо «государственного принуждения» вышла «власть информации», выполняющая одну из ключевых ролей в современном ультраинформационном мире [6].

Таким образом, интернет-СМИ имеют важное значение как для формирования общественного мнения, так и для политических процессов. С их помощью общество получает возможность обсудить политические темы, вопросы, высказать собственные взгляды и мнение. Кроме того, они оказывают мобилизующее воздействие на политическую активность граждан. Политические акторы используют интернет-СМИ для того, чтобы продвинуть свои идеи, привлечь к себе электорат, воздействовать на установки и убеждения общества. Деятельность интернет-СМИ расширяет дискуссионное пространство и расширяет возможность граждан в отношении участия в политических процессах.

Между тем интернет-СМИ не всегда оказывают исключительно позитивное влияние на формирование общественного мнения. Такие аспекты, как использование дезинформации, одностороннее освещение событий, применение манипулятивных технологий, фейковые новости порождают множество вопросов к надежности распространяемой этими СМИ информации. Искажению общественного мнения также способствуют искусственные аккаунты, боты, активность которых в определенных темах может создать иллюзию того, что определенные события, решения или предложения получили широкую общественную поддержку, либо напротив, вызвали массовое отторжение.

Важно, чтобы свобода СМИ находилась в балансе с их ответственностью. Надежность, достоверность и объективность информационного пространства, играющие важную роль в формировании непредвзятого общественного мнения, могут сохраняться только при условии разработки мер по борьбе с дезинформацией в интернет-СМИ, манипуляциями, а также фейковой информацией. Только это обеспечит аудитории точность и объективность восприятия информационных потоков.

Подытоживая следует отметить, что интернет-СМИ оказывают существенное влияние на мнение общества в отношении тех или иных политических событий. Понимание, что несет для общества и гос-

ударства это влияние представляет сегодня важнейшую задачу для политиков и владельцев СМИ, поскольку разработка эффективных политик в отношении формирования общественного мнения позволит справиться с дальнейшими информационными и политическими вызовами, а также наиболее эффективным образом использовать потенциал интернет-СМИ для всего гражданского общества.

Литература

1. Бахтуридзе З.З. Формирование общественного мнения в условиях развивающегося информационного общества / З.З. Бахтуридзе // Армия и общество. – 2013. – №5. – С. 23-29.
2. Карпова М.К. Особенности управления общественным мнением органами государственной власти / М.К. Карпова, И.А. Атяшкин // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6, №3 (23). – С. 121-127.
3. Коккыс А.О. Влияние общественного мнения на государственную политику / А.О. Коккыс // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2019. – С. 92-94.
4. Попов А.В. Общественное мнение как фактор влияния гражданского общества на институты власти и управления / А.В. Попов // Этносоциум и международная культура. – 2018. – №4 (118). – С. 42-49.
5. Титов А.А. СМИ как субъект публичной политики / А.А. Титов // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции. – Омск, 2023. – С. 270-274.
6. Хубецова А.Ю. Управление общественным мнением в системе политической власти: региональный аспект / А.Ю. Хубецова // Вестник ПАГС. – 2008. – №1. – С. 13-18.

The Impact of Internet Media on the Formation of Public Opinion in Politics Saadulaeva P.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of the article is to analyze the impact that Internet media currently have on the formation of public opinion regarding political processes. The research methods were analysis, synthesis, and comparison. The results of the study revealed that today Internet media occupy one of the leading positions in terms of dissemination and reproduction of political discourse and the formation of related public opinion. With their help, society gets the opportunity to discuss political topics, issues, express their own views and opinions. Meanwhile, Internet media do not always have an exclusively positive impact on the formation of public opinion. Such aspects as the use of disinformation, one-sided coverage of events, the use of manipulative technologies, fake news give rise to many questions about the reliability of the information disseminated by these media. The conclusions are that Internet media have a significant impact on public opinion regarding certain political events. Understanding what this influence means for society and the state is today a critical task for politicians and media owners, since the

development of effective policies for the formation of public opinion will allow the most effective use of the potential of Internet media for the entire civil society.

Keywords: public opinion, Internet media, political processes, political communication.

References

1. Bakhturidze Z.Z. Formation of public opinion in the context of the developing information society / Z.Z. Bakhturidze // Army and society. - 2013. - No. 5. - P. 23-29.
2. Karpova M.K. Features of public opinion management by government bodies / M.K. Karpova, I.A. Atyashkin // Science. Society. State. - 2018. - Vol. 6, No. 3 (23). - P. 121-127.
3. Kokkys A.O. Influence of public opinion on public policy / A.O. Kokkys // Science and innovation in the 21st century: topical issues, discoveries and achievements. Collection of articles of the XVI International scientific and practical conference. - Penza, 2019. - P. 92-94.
4. Popov A.V. Public opinion as a factor in the influence of civil society on the institutions of power and governance / A.V. Popov // Ethnosociety and interethnic culture. - 2018. - No. 4 (118). - P. 42-49.
5. Titov A.A. Mass media as a subject of public policy / A.A. Titov // Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Collection of scientific papers of the XIV International scientific and practical conference. - Omsk, 2023. - P. 270-274.
6. Khubetsova A.Yu. Public opinion management in the system of political power: regional aspect / A.Yu. Khubetsova // Bulletin of PAGES. - 2008. - No. 1. - P. 13-18.

Современные правовые аспекты денежного суверенитета государства

Шишмарев Александр Николаевич

аспирант Северо-Западного института управления - филиал РАНХиГС

В рамках данной статьи обращение к денежно-кредитной политике как к аспекту суверенитета государства строится на основе понимания суверенитета как правовой концепции, юридического символа существования государства. рассматриваются вопросы соотношения между монетарным суверенитетом и политическим суверенитетом, а также проблема конкуренцию частных валют по отношению к государственным деньгам. Указано, что утверждение монополии государства на денежное обращение является одним из самых мощных инструментов в построении национального единства и укреплении государственного суверенитета. Отмечается, что развитие частного блокчейна основано на концепции анархизма, а его децентрализованная особенность сама по себе является вызовом государственному суверенитету. Сделан ряд выводов относительно наиболее перспективных направлений регулирования криптоактивов.

Ключевые слова: государственный суверенитет, денежный суверенитет, денежно-кредитная система, криптовалюта, центральный банк, денежные суррогаты.

Введение. Деньги являются ключевым элементом современного общества: платежеспособность является основным источником способности действовать практически во всех социально-экономических практиках и процессах. Владение деньгами и эффективно функционирующая денежная система – базовые условия стабильности общества и государства.

Проблемы сегодняшнего дня – оцифровка денежно-кредитной инфраструктуры и конкуренция частных «валют» по отношению к государственным деньгам, геополитическая проблема доминирования доллара, внешние вызовы и угрозы санкционной политики, платежные системы на глобализированном мировом рынке – дают достаточно оснований для критического анализа правовых аспектов концепции денежного суверенитета.

Государственный суверенитет является достаточно изученным правовым институтом. Однако содержание его подсистемы – денежного суверенитета – становится предметом правового исследования не столь часто, и как правило, рассматривается как элемент финансового суверенитета [1-3]. Это побуждает нас в рамках данной статьи обратить внимание на два ключевых вопроса: о взаимосвязи между денежным суверенитетом и политическим суверенитетом, и о конкуренции частных виртуальных валют и государственных денег.

Для разрешения указанных вопросов был использован аналитический дедуктивный метод, использующий в качестве методологической стратегии обзор научной литературы.

Обсуждение и результаты. «Суверенитет» является основным понятием любой диалектики публичного права, широко используется различными отраслевыми юридическими науками. Прослеживая этимологию слова «суверенитет» можно отметить, что оно происходит от старолатинского «*supervanus*», «*supervani*», перешедшего в старофранцузское «*sovereins*», и означает «самодержавный», «наивысший», «абсолютный», «неограниченный». Суверен, т. е. властелин. Super (лат.) – над, т.е. верховенство, независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц.

Суверенитет обозначает власть, которая осуществляется внутри политического сообщества, чтобы гарантировать его целостность и целостность отдельных лиц, которые его составляют, в их субстанциональном единстве. Это компетенция государства принимать самостоятельно и независимо окончательные и обязательные решения во внутренних и внешних делах, в соответствии с полномочиями, предоставленными правовой системой.

Некоторые отводят суверенитету центральную роль в существовании государства, полагая, что суверенитет – это сама суть государства, его неотделимое свойство [4, с. 14]. Другие, наоборот, склонны ограничивать его значение или даже отрицать его существование. Те, кто считает суверенитет устаревшей догмой, обычно апеллируют к отсутствию полной автономии современного государства, которая требует от него институционального сотрудничества как с негосударственными партнерами внутри страны, так и в его международных отношениях с другими государствами [5, с. 62]. Такое понимание концепции суверенитета представляется не совсем правильным. Понятие суверенитета в своем первоначальном значении абсолютной и высшей власти, в настоящее время, являясь фундаментальной характеристикой правового и конституционного государства, предполагает, что это не неограниченная власть, а власть, оформленная законно, предоставленная правовой системой, в том числе и международными юридическими актами.

Суверенитет, несмотря на свою политическую составляющую, по своей сути является правовой концепцией, юридическим символом существования государства. Для существования государства крайне важно, чтобы население согласилось с тем, чтобы его поведение регулировалось вышестоящим органом, ответственным за соблюдение общественных интересов. Суверенитет – это юридическое качество (свойство) государства, его публичной власти, сформированной на основе доверия большинства избирателей.

Государственный суверенитет реализуется в самых разнообразных областях социальной жизни: финансовой, правовой, экономической, военной и иных. Отметим, что суверенитет не делим, поэтому корректнее говорить о суверенных полномочиях, вопреки существующей в настоящее время тенденции, состоящей в обозначении каждого направления деятельности государства как особой формы суверенитета (как-то: «энергетический суверенитет», «финансовый суверенитет», «правовой суверенитет», «экономический суверенитет», «денежный суверенитет» и т.п.).

Обращаясь к денежно-кредитной политике как к аспекту суверенитета государства, следует упомянуть, что суверенитет в денежных вопросах не тождественен суверенитету в экономических или финансовых вопросах. Деньги — это лишь один из аспектов экономического целого, и можно быть экономически суверенным, не будучи суверенным в денежных вопросах (или наоборот).

Денежный суверенитет – это классический атрибут, специфичный для государства, который с 16-го века теоретизировал Жан Боден. Валюта – это одно из прав суверенитета, – заявил ученый. Право чеканки монет, добавил он, имеет ту же природу, что и закон, и только тот, кто обладает властью создавать закон, может придать монетам законную силу. Боден утверждал, что нет ничего более важного после закона, чем название, стоимость и основа ва-

люты и в любой хорошо организованном государстве только суверенный властитель обладает этой властью [6].

Эта неразрывность между государством и денежным суверенитетом уже давно признана доктриной. Древние и современные авторы утверждают, что суверенное государство – это страна, которая имеет собственную валюту и использует ее по своему усмотрению. Деньги – это продукт *jus cudendae monetae*, принадлежащего высшей власти государства. Неоспоримое право государства регулировать свою собственную валюту традиционно признается и международным публичным правом [7].

Конкретизируя содержание понятия денежного суверенитета государства с юридической точки зрения, отметим шесть ключевых элементов этой концепции: право определять денежную систему страны (монетная, фидуциарная и т.п.); право определять денежную единицу (ее название, атрибутику, соотношение расчетных единиц различного номинала) и требовать, чтобы такие единицы принимались в качестве законного платежного средства; право денежной эмиссии; право валютного контроля; право установления валютных ограничений; право выбирать регуляторные механизмы, посредством которых определяется и поддерживается внутренняя и внешняя ценность денег и устойчивость денежной системы, в том числе право формировать и использовать валютные резервы.

В более широком смысле суверенная власть над деньгами включает в себя гораздо больше, чем просто выпуск денег в юридическом смысле. Она включает в себя всю денежно-кредитную, фискальную и бюджетную политику, регулирование деятельности коммерческих банков, а также те меры, которые экономисты включают в концепцию денег, а именно: их предложение и использование, скорость обращения, контроль над инфляцией, процентными ставками, конвертируемость и т. д. [7].

На международном уровне признается, что денежное право непосредственно служит интересам государства, которое его установило; изменение стоимости валюты является актом суверенитета, который сам по себе не представляет собой международно-противоправного деяния, дающего право на компенсацию понесенных убытков. Вместе с тем, денежный суверенитет государства заканчивается там, где начинается суверенитет других государств. Деньги, объявленные законным платежным средством, имеют обязательную силу только в отношении правового порядка страны-эмитента. Денежный суверенитет в принципе строго территориален. Государства могут легализовать, терпеть или прямо запрещать использование иностранной валюты на своей территории, но не могут осуществлять суверенные денежно-кредитные полномочия в отношении лиц, ситуаций и деятельности, находящихся на территории другой страны.

В современном мире глобализация как экономическая модель повлекла создание концепции ограниченного валютного суверенитета. Соглашения о

Международном валютном фонде, членами которого являются порядка 190 государств, начиная с 1944 года, в той или иной мере ограничивают суверенные денежные полномочия государств-членов: бреттон-вудская валютная система, привязывающая курсы национальных валют к доллару США; пришедшая ей на смену система плавающих валютных курсов, предполагающая выбор национального государства между плавающим курсом и жесткой фиксацией стоимости денежной единицы и контролем реализации выбора со стороны МВФ; ограничение на превращение национальной валюты в свободно используемую (конвертируемую) валюту и т.п. Таким образом, членство в МВФ предполагает политически навязанные правовые ограничения на денежно-кредитные полномочия государства.

С юридической точки зрения международные обязательства ограничивают свободу действий государства в денежных вопросах, но не умаляют его суверенитета, поскольку принять самостоятельно и независимо обязательные решения, взяв на себя международные обязательства – это именно атрибут государственного суверенитета.

В национальном законодательстве суверенные полномочия государства в области организации денежного обращения определены в ст. 71 Конституции РФ. Конституционные положения, относящиеся к финансовому, валютному, кредитному, таможенному регулированию к ведению Российской Федерации не препятствуют передаче или ограничению денежных полномочий в случае участия в международных соглашениях и договорах. В свою очередь, такие передача и ограничение не свидетельствуют об утрате, передаче или снижении государственного суверенитета. Право возобновить свою свободу действий в денежных вопросах в соответствии с соответствующими нормами международного и национального права, не утрачено ни частично, ни окончательно: государство может отменить добровольное ограничение своих полномочий, выйдя из членства в МВФ. Отметим, что для укрепления суверенитета государства в декабре 2022 был подготовлен законопроект о выходе РФ из членства МВФ. Проект не был поддержан Правительством РФ как нецелесообразный в сложившейся геополитической обстановке [2, с. 10, 11].

Утверждение монополии государства на денежное обращение является одним из самых мощных инструментов в построении национального единства и государственного суверенитета. Взаимосвязь между денежной эмиссией и суверенитетом возникла задолго до XIX века. В основе этого лежало стремление суверенных властей получить финансовые ресурсы, необходимые для обеспечения их внутренней и внешней безопасности. В древние времена, когда чеканка монет находилась еще в зачаточном состоянии, а налогообложение было слабо развито, государства, разрешавшие обращение частных валют на своей территории, подвергались попыткам отобрать власть суверена со стороны держателей этих валют. Централизация монополии на чеканку монет и продвижение националь-

ных валют преследовали двойную цель: материализовать границы внутреннего рынка и противостоять конкуренции со стороны частных и иностранных валют. Деньги также используются для выполнения символической функции, чтобы создать чувство национального единства и коллективной идентичности, понимаемой как принадлежность к одному и тому же политическому сообществу.

Именно в контексте утверждения суверенитета как связи денежного и национального вопросов между XVII и XX веками создавались центральные банки как инструменты консолидации и унификации внутреннего денежного порядка. В современной версии центральные банки являются разработчиками денежно-кредитной политики, регуляторами платежных систем и гарантами финансовой стабильности.

Де-юре Банк России (ЦБ РФ) институционально независим: денежная эмиссия, регулирование платежной системы, управление золотовалютными резервами являются функциями, осуществляемыми Банком автономно. Де-факто полная независимость центрального банка – это всего лишь теоретическая концепция, которая скрывает реальные зависимости. ЦБ РФ действует в системе международного финансового права, включен в сложную и, зачастую, противоречивую национальную систему сдержек и противовесов властей [8, с. 183-186]. Независимость ЦБ РФ предоставляется демократической властью с конкретной целью – защита и обеспечение устойчивости рубля (ст. 75 Конституции РФ). О надлежачем выполнении этой цели он отчетливо отвечает перед парламентариями – ГД РФ (ст. 103 Конституции РФ). Несмотря на то, что эмиссия денег – это монопольное полномочие ЦБ РФ, денежно-кредитную политику он определяет совместно с Правительством РФ. Таким образом, ЦБ РФ делегировано осуществление суверенных полномочий государства в денежной сфере. Это легитимный, хоть и несовершенный механизм, поскольку осуществляется в правовой форме, обеспечивающей контроль над получившим полномочия органом [9, с. 5].

Создание денег — это социальное явление, выходящее за рамки позитивных юридических соображений. В этом смысле технологическая революция вынуждает государственные органы реагировать на появление виртуальных валют, бросающих вызов традиционным представлениям о деньгах и монетарном суверенитете. Появление цифровых технологий угрожает суверенитету государства в монетарной сфере, открывая платежные системы для небанковских игроков, крупных технологий. Центральный правовой вопрос, поднятый цифровизацией – это роль государственных денег (универсально принятых и широкодоступных), которые являются якорем денежной системы и обеспечивают расчетную единицу для всех транзакций и операций в экономике при наличии конкуренции со стороны криптовалют (в научной литературе их так же именуют «цифровой валютой» либо «виртуальной валютой»).

Криптовалюта – это общее название для цифровых активов, основанных на криптографическом доказательстве, учитываемых на децентрализованной платежной платформе, на базе технологии распределенного цифрового реестра (блокчейн), что позволяет совершать транзакции без обращения к банковской системе или государственным деньгам. В отсутствие какого-либо регулирования криптовалюты осуществляют недобросовестную конкуренцию с банками, не облагаются налогами, не декларируются в справке о доходах, расходах и имуществе чиновников, предусмотренной антикоррупционным законодательством. Основанные на архитектуре блокчейн, активные транзакции в даркнете облегчают некоторым транснациональным преступным действиям возможность избежать влияния суверенных стран.

В научной литературе ведутся многочисленные дебаты относительно того, охватываются ли виртуальные валюты концепцией денег с юридической точки зрения [10, с. 63]. В силу отсутствия прямого указания закона криптовалюты не могут считаться де-юре законным платежным средством. Однако тот факт, что они принимаются обществом в качестве средства платежа, бросает вызов существующей правовой и институциональной базе. Этот факт присутствует даже на международном уровне, поскольку обращение криптовалют характеризуется именно трансграничным характером. Если рассматривать деньги как социальное соглашение, то отсутствие юридического признания этот тип цифровых объектов в качестве денег не исключает практического их использования как средства обмена, платежа (стандарта стоимости) или резерва (т.е. исполнение функции денег). Криптовалюты могут быть конвертированы в государственные деньги и использоваться в реальной экономике.

Все это побудило некоторых авторов рассматривать различные типы цифровых валют с точки зрения концепции денежных суррогатов [10,11]. Следует отметить, что легального определения понятия «денежный суррогат» действующее законодательство не предлагает. В правовой литературе денежный суррогат определяют как объект, исполняющей одну или несколько экономических функции денег [10, с. 58; 11, с. 46]. Относительно криптовалют практически не отрицается наличие у них функции обмена. Однако по поводу меры стоимости и функции сбережения идут дискуссии. В правовой и экономической теории деньги как расчетная единица (или стандарт стоимости) позволяют измерять стоимость разнородных товаров. Это дает возможность сводить различные возможные оценки товара в единицах других товаров (относительные цены) к одной оценке в деньгах (абсолютные цены). Деньги должны иметь модель конвертируемости, чтобы люди могли использовать их в качестве надежной расчетной единицы. Деньги также выполняют функцию средства сбережения в той степени, в которой они способны более или менее хорошо поддерживать покупательную способность в течение длительных периодов времени. Официальная позиция ЦБ РФ относительно криптовалют – отказ признания

их деньгами, так как они «они не могут полноценно выполнять все функции денег: не являются средством расчета, так как их нельзя использовать для повсеместной оплаты товаров и услуг; не могут быть использованы в качестве меры стоимости и средства сбережения, учитывая нестабильность стоимости, выраженной в официальных денежных единицах» [12]. Таким образом, ЦБ РФ отрицает наличие у криптовалют всех признаваемых правовой доктриной экономических функций денег, что не позволяет рассматривать их как денежные суррогаты. Вместе с тем, такая позиция представляется не соответствующей сложившейся практике оборота криптовалют.

Закон рассматривает эмиссию денежных суррогатов как посягательство на суверенитете государства в монетарной сфере, запрещая их выпуск (ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации»).

С правовой точки зрения криптовалюты представляют угрозу денежному суверенитету, поскольку не зависят от какого-либо учреждения, признанного государством, для их выпуска; не защищены и не гарантированы законом. Кроме того, их появление приводит к дискуссиям на тему о том, возможно ли рассматривать феномен создания денег как акта соглашения сторон, в котором безопасность гарантируется технологическим решением блокчейна, без участия государства и его юридических гарантий для законного платежного средства. В основе этой дискуссии лежат социальные теории денег, основанные на работах Савиньи согласно которым не государство, а, в конечном счете, общество и обычаи решают, что такое деньги. Сейчас очевидно, что есть новые субъекты, которые будут стимулировать это направление развития (к примеру, проект Meta Libra/Diem в 2019 году, претендовавший на создание глобальной валюты под контролем частной монополии).

Такая ситуация вызывает двойную реакцию со стороны органов государственной власти.

1. Попытки регулировать эти частные активы, чтобы ограничить присущие им риски (отмывание денег, теневой рынок и т. д.) и их неправомерное использование. В настоящее время политика государства относительно регуляторного механизма, применимого к криптовалютам, не сформирована. Блокчейн – это децентрализованная база данных. Это означает, что управление данными или зарегистрированной информацией не зависит от центрального органа и не находится в одном месте. С точки зрения суверенитета такая специфика криптовалют представляет собой серьезное препятствие для любого традиционного фактора связи с национальными юрисдикциями, например, с местом, где осуществляется сделка для целей налогообложения. Вопрос о том, регулировать или нет криптовалюты, напрямую влияет на общую стабильность финансовой системы и полномочия автономных публичных органов, отвечающих за ее надзор. Таким образом, оправдывая необходимость регулирования, встает вопрос о том, могут ли криптовалюты быть интегрированы в действующую финансово-

правовую систему, или следует поощрять их замену официально поддерживаемой государственной цифровой валютой, чтобы предотвратить их негативное влияние на денежно-кредитную систему.

2. Деньги центральных банков, находившиеся в бумажной форме на протяжении нескольких столетий, не имеют причин оставаться в стороне от технологического прорыва в виде цифровизации, а затем и токенизации. Утверждение денежного суверенитета внутри стран приводит к появлению цифровой валюты центральных банков.

Выводы. Исторически сложилось видение денежного суверенитета, согласно которому выпуск валюты и управление денежно-кредитной политикой являются суверенными прерогативами национального государства. Эмиссия денег национальным государством устанавливает власть этих политических образований над экономикой в пределах установленных ими границ.

Реализация государственного суверенитета в монетарной сфере, начиная с 19 века, происходит посредством создания центрального банка – органа, отвечающего за проведение, разработку и реализацию денежно-кредитной политики в стране с целью поддержания стабильного общего уровня цен. Действия денежно-кредитного органа обусловлены полномочиями, возложенными на него сувереном, как на конституционном, так и на субконституционном уровне.

Централизованная денежно-кредитная политика основана на юридически определенном законом обращении денег. Существование дерегулированных и децентрализованных цифровых активов, которые функционируют как деньги вне системы, имеет большое значение, поскольку по мере того, как криптовалюта становится все более используемой, популярной и признается полезной, ценной или просто удобной во все большем количестве повседневных операций, это приводит к потере эффективности контроля над денежно-кредитной сферой.

Государства решают сложную проблему поддержания денежного суверенитета в среде, которой угрожают криптоактивы, несколькими путями: интегрируя их в традиционную финансовую систему, запрещая, игнорируя либо пытаясь заместить цифровой валютой центрального банка. Наиболее перспективным предоставляется регулирование криптоактивов путем объединения сетевых протоколов и технологий, поддерживающих их, с традиционными схемами регулирования для надзора и контроля, в балансе между техническими и правовыми рамками.

Литература

1. Грачева Е. Ю. Финансовый суверенитет — миф или реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 7 (107). С. 19-26. doi:10.17803/2311-5998.2023.107.7.019-026

2. Васянина Е.Л. О формировании юридической конструкции, обеспечивающей укрепление финансового суверенитета государства // Вопросы экономики и права. 2023. №9 (183). С. 9-14. DOI:

10.14451/2.183.9

3. Пономаренко К.С. Формирование правовой концепции финансового суверенитета российской экономики // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 99-103.

4. Кузьмин Э. Л. Природа государственного суверенитета // Евразийский юридический журнал. 2009. № 10(17). С. 10-19.

5. Чапчиков С.Ю. Категория «Суверенитета»: генезис и современные трактовки в юридической науке // Legal Concept. 2017. №1. С. 61-66. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.10>

6. Bodin J. Les six livres de la Republique [Электронный ресурс] URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/121448/btv1b86268103/> (дата обращения 16.06.2024).

7. Голубев А.П. Монетарный суверенитет как залог устойчивого развития национальной экономики в условиях финансовой глобализации // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3 №1. С. 11.

8. Бортников С.П. Реализация государственного суверенитета в вопросах денежной эмиссии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 2(33). С. 183-190.

9. Сапир Жак. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации // Проблемы прогнозирования. 2020. №2 (179). С. 3-12.

10. Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3. С. 56-72. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.056-072.

11. Крылов О.М. Денежный суррогат как правовая категория // Административное и муниципальное право. 2019. №6. С. 41-49.

12. Цифровой рубль. Доклад ЦБ РФ для общественных консультаций. Октябрь 2020 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения 22.06.2024).

Modern legal aspects of the monetary sovereignty of the state

Shishmarev A.N.

North-West Institute of Management - branch of RANEPА

Within the framework of this article, an appeal to monetary policy as an aspect of state sovereignty is based on the understanding of sovereignty as a legal concept, a legal symbol of the existence of the state. The issues of the relationship between monetary sovereignty and political sovereignty are considered, as well as the problem of competition between private currencies in relation to public money. It is indicated that the assertion of a state monopoly on money circulation is one of the most powerful tools in building national unity and strengthening state sovereignty. It is noted that the development of a private blockchain is based on the concept of anarchism, and its decentralized feature in itself is a challenge to state sovereignty. A number of conclusions are made regarding the most promising areas of crypto asset regulation.

Keywords: state sovereignty, monetary sovereignty, monetary system, cryptocurrencies, central bank, monetary surrogates.

References

1. Gracheva E. Yu. Financial Sovereignty — Myth or Reality? // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2023. No. 7 (107). P. 19-26. doi: 10.17803/2311-5998.2023.107.7.019-026
2. Vasyanina E.L. On the Formation of a Legal Structure Ensuring Strengthening the Financial Sovereignty of the State // Questions of Economics and Law. 2023. No. 9 (183). P. 9-14. DOI: 10.14451/2.183.9
3. Ponomarenko K.S. Formation of the Legal Concept of Financial Sovereignty of the Russian Economy // Legal Science. 2023. No. 3. P. 99-103.
4. Kuzmin E. L. The Nature of State Sovereignty // Eurasian Law Journal. 2009. No. 10 (17). P. 10-19.
5. Chapchikov S. Yu. The Category of "Sovereignty": Genesis and Modern Interpretations in Legal Science // Legal Concept. 2017. No. 1. P. 61-66. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.10>
6. Bodin J. Les six livres de la Republique [Electronic resource] URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/121448/btv1b86268103/> (date of access 16.06.2024).
7. Golubev A.P. Monetary sovereignty as a guarantee of sustainable development of the national economy in the context of financial globalization // Stolypin Bulletin. 2021. Vol. 3 No. 1. P. 11.
8. Bortnikov S.P. Implementation of state sovereignty in matters of money emission // Issues of national and federal relations. 2016. No. 2 (33). P. 183-190.
9. Sapir Jacques. Fundamentals of economic sovereignty and the issue of the forms of its implementation // Problems of forecasting. 2020. No. 2 (179). P. 3-12.
10. Turbanov A.V. The essence of a monetary surrogate // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 56-72. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.056-072.
11. Krylov O.M. Monetary surrogate as a legal category // Administrative and municipal law. 2019. No. 6. Pp. 41-49.
12. Digital ruble. Report of the Central Bank of the Russian Federation for public consultations. October 2020. [Electronic resource] URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (accessed on June 22, 2024).

Перспективные аспекты цифровизации в сфере реализации конституционных прав граждан на участие в законотворческом процессе

Емельянец Алексей Эдуардович

преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный университет правосудия,
lexfutur@yandex.com

Развитие цифровых технологий приводит к необходимости использования государством актуальных технических разработок при взаимодействии государственно-правовых институтов с человеком и обществом. Новые разработки в сфере электронных автоматизированных систем, искусственного интеллекта (нейронных сетей) призваны упростить процессы участия граждан в управлении делами государства, однако процесс внедрения и активного использования содержит в себе множество трудностей, которые необходимо решить как правоведам, так и техническим специалистам в сферах электронной автоматизации и искусственного интеллекта. В представленном материале осуществлена попытка осмыслить перспективные возможности и угрозы при внедрении таких технических средств как нейронные сети в процессы реализации гражданами права на участие в управлении делами государства на уровне законотворческих процедур. Анализируются предпринимаемые российским государством шаги и решения при внедрении автоматизированных электронных систем в сфере законотворчества и участия граждан в данном процессе.

Ключевые слова: конституционные права, законотворческий процесс, автоматизация, нейронные сети, национальная безопасность, права граждан, региональное законотворчество, программное обеспечение.

В современном мире использование передовых технологий играет ключевую роль в различных сферах общественной жизни, особенно в работе органов государственной власти, значительно упрощая процессы взаимодействия государства, гражданского общества: человека и гражданина. Цифровизация становится всеобщей, перенося множество процессов в онлайн формат и законотворческий процесс не является исключением.

Не секрет, что конституционные нормы ст. 32 и 33 Конституции Российской Федерации, закрепляющие несколько форм участия граждан в государственном управлении, создают общие правовые условия для обширного внедрения и использования цифровых технологий в том числе и при взаимодействии граждан и законодательных органов.

Основными направлениями цифровизации участия граждан в законотворчестве, на наш взгляд являются:

- цифровизации обращения гражданина в законодательный орган;
- онлайн рассмотрение обращений граждан и инициатив (в том числе законодательных, если законодательством субъекта это допускается);
- цифровизации взаимодействия депутатов и граждан, депутатских запросов в интересах граждан;
- осуществление парламентских процедур в интересах граждан с использованием цифровых автоматизированных систем, в том числе с использованием искусственного интеллекта [5].

Учитывая, что данный перечень является достаточно обширным для анализа, первично были избраны наиболее легко внедряемые и реализуемые, и имеющие высокую эффективность, а именно аспекты связанные с цифровизации обращения гражданина в законодательный орган и онлайн рассмотрением обращений граждан и инициатив (в том числе и законодательных) а также обеспечения их безопасности.

В соответствии с Указом Президента РФ цифровая трансформация является одной из национальных целей развития России, которая должна быть достигнута к 2030 году. Согласно федеральному проекту «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика» к 2024 году все наиболее востребованные государственные услуги должны быть доступны без необходимости личного посещения государственных органов и организаций [11].

Как следует из последних реформ 2015-2022 года возможности цифровизации деятельности органов исполнительной власти не однократно обсуждались, сейчас активно внедряются на всех уровнях [2]. Анализ информационно-технологического взаимодействия между Советом Федерации и регионами выявил серьезное отставание в уровне использования цифровых технологий в законодательных органах субъектов, подчеркнула первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Ирина Валерьевна Рукавишникова [2,7]. В связи с этим на региональном уровне в соответствии с поручением Президента РФ была организована инициатива по созданию системы ГИС «Нормотворчество» для региональных парламентов [2].

Изучая описание концепта данной системы, было установлено что, система позволит принимать обращения от граждан, осуществлять их каталогизацию и выбирать ответственный комитет в законодательном органе. Достаточно похожий функционал реализуется уже в федеральной системе ГАС «Законотворчество» (ранее до 2017 года «АСОЗД»). Данная система действует в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и кроме приема и оценки обращений граждан, предоставляет возможность пользователям системы получать информацию о ходе законодательного процесса, отображает сами тексты законопроектов, законов и иных связанных с ними документов. впервые обеспечивает автоматизированную поддержку ряда операций федерального законодательного процесса, в частности подготовку и внесение законопроектов, подготовку отзывов и подготовку поправок к законопроектам, а также осуществляет интеграцию ряда остальных автоматизированных систем Государственной Думы, участвующих в обеспечении законодательного процесса [8].

Следует отметить, что подобные системы имеют открытый и закрытый функционал, это значит, например, что для обычных граждан есть возможность отследить «движение» собственного обращения либо изучить «движение» законопроекта, а для депутатов и сенаторов – предложить поправку либо внести собственный законопроект через функционал ГАС.

На современном этапе внедрение ГИС «Нормотворчество» в субъектах является уже не просто интересным и дорогостоящим экспериментом, реализуемым в некоторых субъектах, а объективной необходимостью. Опыт дистанционных онлайн процедур в законодательных органах, в период 2020-2021 года показал высокую востребованность онлайн сервисов и автоматизированных систем для эффективного взаимодействия государства и граждан [2,4].

Разработкой системы занимаются и в «Ростехе», Минэкономразвитии и в Совете Федерации – работа идет в связке. В период с 2020 по 2023 была завер-

шена модернизация инфраструктуры Совета Федерации в рамках проекта «Цифровой парламент», данную систему хотят взять за основу для будущей ГИС «Нормотворчество». У субъектов РФ в основном есть две возможности в сфере цифровой трансформации: развивать сервисы и проекты, внедряемые на федеральном уровне – за счет федерального финансирования либо за собственные средства, позволяю полностью учитывать региональную специфику нормотворчества. Совет Федерации как палата регионов может оказать методическую поддержку законодательным органам субъектов Федерации, а также стать центральным звеном в структуре цифрового взаимодействия законодательных органов субъектов Российской Федерации с Федеральным Собранием Российской Федерации [1].

Инициатива по разработке внедрению данной системы, очевидно, была вызвана текущей оценкой эффективности существующих цифровых информационных ресурсов законодательных органов субъектов Российской Федерации [2]. Их доступность для граждан оставляет немало вопросов к простоте и целесообразности функционирования данных ресурсов. Так, например, при изучении функциональных особенностей различных существующих цифровых ресурсов законодательных органов в субъектах Российской Федерации было установлено, что во многих субъектах вообще отсутствует форма подачи обращения в электронном виде либо ее достаточно сложно найти на официальной странице законодательного органа. Либо доступ к официальной странице в телекоммуникационной сети «Интернет» вовсе закрыт, что в целом ограничивает возможность реализации конституционного права на обращение граждан в органы законодательной власти. Указанные факты свидетельствуют о необходимости более детального изучения опыта различных субъектов, выявлению причин и местных особенностей, влияющих на ранее указанные факты [9,10].

Актуальным является вопрос обеспечения безопасности персональных данных граждан при использовании данных систем в деятельности законодательных органов, особенно при интеграции в них искусственного интеллекта. В России о внедрении искусственного интеллекта в законодательный процесс высказался заместитель губернатора ХМАО Павел Ципорин: «Одна из задач чиновников — написание нормативно-правовых актов. Их выпускается достаточно большое количество, поэтому у нас возникла гипотеза, что мы можем обучить нейросетевую модель на наших нормативных актах, чтобы она помогала разрабатывать проекты новых документов, проекты внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты». Также, по словам губернатора, «сейчас идет обучение нейросетевой модели на базе Mistral AI» (Самая быстрорастущая IT компания 2023-2024 года из Франции) [3].

На наш взгляд, справедливым является позиция и мнения исследователей и практиков в области создания и использования искусственного интеллекта, что обращение к зарубежным компаниям является

опасной и бессмысленной тратой времени на их перевод и обучение, в сравнении с аналогами Mistral проигрывает в умении ChatGPT 3.5, обновление которого было в далеком начале 2022 года. к тому же использование искусственного интеллекта на основе зарубежных разработок от «недружественных» России государств может противоречить положениям п.15, п. 22 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [12]. По объективным причинам самым оптимальным выбором является применение отечественной системы YandexGPT 2, которая за последний год показала значительные успехи в оценке и использовании информации. Так, использовании иностранных систем из недружественных России государств может быть сверх затратно и создать угрозу безопасности информации, в том числе и персональных данных граждан России [6].

Подводя итог, следует отметить, что есть и четкое понимание со стороны органов государственной власти о пользе и необходимости качественных изменений в сфере обеспечения более эффективного взаимодействия между законодательной властью и гражданами:

— Предпринимаются конкретные шаги по упрощению доступа рядовых граждан к информации о деятельности законодательной власти. Так, благодаря поручению Президента России и активном содействии Совета Федерации РФ по разработке и внедрению системы ГИС «Нормотворчество» - ситуация без сомнения будет изменяться в позитивную сторону.

— Так как каждый год объёмы работы по подготовке нормативно-правовых актов только растут, перспективные технические разработки в данной сфере должны сделать процесс подготовки нормативных правовых актов и проектов документов, быстрее и прозрачнее, позволят, во-первых, лучше информировать граждан и общество в целом о текущих правовых инициативах, во-вторых стимулируют более активно вовлекать обычных граждан и депутатов в нормотворческий процесс (так как большинство законодательных процедур возможно будет отслеживать онлайн, что пока не доступно в субъектах России). Все эти позитивные тенденции позволят более эффективно реализовать права граждан в сфере участия в законодательном процессе, снизит градус социальной напряженности, увеличит уровень доверия общества к государству.

— Однако, в данных процессах не следует забывать об обеспечении безопасности информации и использовать отечественные разработки, позволяющие минимизировать риск внешнего воздействия на цифровые технические средства обеспечения законодательного процесса с целью искажения информации, риск утечки персональных данных как обычных граждан, обращающихся в законодательные (представительные) органы субъектов, так и региональных парламентариев, например в целях дестабилизации ситуации в различных субъектах Российской Федерации. Поэтому, на наш взгляд, сле-

дует избегать повсеместного использования иностранного программного обеспечения при формировании отдельных подсистем и функционала ГАС «Нормотворчество» по указанным ранее причинам.

Литература

1. Бекирова Э.М., Грицкевич А.Е. Особенности цифровизации законотворческого процесса в субъектах России на современном этапе // Материалы ВКС в честь дня Российского парламентаризма «Развитие парламентаризма в Российской Федерации, URL: <https://my.mtslink.ru/31156109/1171589501/record-new/450847621> (Дата обращения 24.06.2024 г.)

2. В Совете Федерации обсудили лучшие региональные практики в сфере цифровизации государственного и муниципального управления // Официальный интернет портал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, URL: <http://council.gov.ru/events/news/140157/> (дата обращения 20.04.2024)

3. Гурьянов С.А. Бот в законе: нейросети научат писать нормативные акты // Официальный портал «Известия», URL: <https://iz.ru/1661838/sergei-gurianov/bot-v-zakone-neiroseti-nauchatsia-pisat-normativnyue-akty> (Дата обращения 24.06.2024 г.)

4. Емельянцева, А. Э. Перспективное использование нейронных сетей в законотворчестве и их влияние на обеспечение прав и свобод человека / А. Э. Емельянцева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 9. – С. 134-137. – DOI 10.23672/SAE.2023.9.9.012. – EDN ZQEOZD.

5. Емельянцева, А. Э. Региональный законодательный процесс в условиях цифровизации / А. Э. Емельянцева // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 4-7. – EDN CAEYDR.

6. Максимов М.П. «Симуляция законодательных последствий как способ использования искусственного интеллекта в законотворчестве» // Материалы ВКС в честь дня Российского парламентаризма «Развитие парламентаризма в Российской Федерации, URL: <https://my.mtslink.ru/31156109/1171589501/record-new/450847621> (Дата обращения 24.06.2024 г.)

7. Проект Постановления Правительства Российской Федерации "О государственной информационной системе "Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса (ГИС "Нормотворчество)" (подготовлен Минэкономразвития России 16.06.2023) // Справочно-правовая система «Гарант», - URL: <https://base.garant.ru/56961230/> (Дата обращения 23.04.2024)

8. Распоряжение Руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Вороновой Т.Г. №2-96 от 21.07.2017 «Об опытной эксплуатации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации Системы обеспечения законодательной деятельности единой государственной автоматизированной системы «Законотворчество» // Официальный интернет портал Совета Законодателей при

Государственной Думе СФ РФ, - URL: <http://szrf.km.duma.gov.ru/> (Дата обращения 25.05.2024 г.)

9. Сименцова П.Ю. «Проблема осуществления права обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления на современном этапе» // Материалы ВКС в честь 30-я Конституции России «Национальные конституционные ценности в Российской Федерации», URL: <https://my.mts-link.ru/31156109/788861995/record-new/1888173531/record-file/737672577>

10. Тимченко В.С. Цифровые технологии сделают процесс подготовки нормативных правовых актов качественнее, быстрее и прозрачнее // Официальный интернет портал Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, URL: <http://council.gov.ru/events/news/130023/> (дата обращения: 20.04.2024)

11. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Справочно-правовая система «Гарант», URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (Дата обращения: 20.05.2024)

12. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант», - URL: <https://base.garant.ru/401425792/>

Promising aspects of digitalization in the implementation of the constitutional rights of citizens to participate in the legislative process

Emeliantsev A.E.

Russian State University of Justice ,

The development of digital technologies leads to the need for the state to use relevant technical developments in the interaction of state and legal institutions with people and society. New developments in the field of electronic automated systems, artificial intelligence (neural networks) are designed to simplify the processes of citizen participation in the management of state affairs, however, the process of implementation and active use contains many difficulties that need to be solved by both lawyers and technical specialists in the fields of electronic automation and artificial intelligence. In the presented material, an attempt is made to comprehend the promising opportunities and threats in the implementation of such technical means as neural networks in the processes of citizens' realization of the right to participate in the management of state affairs at the level of legislative procedures. The steps and decisions taken by the Russian state in the implementation of automated electronic systems in the field of lawmaking and citizen participation in this process are analyzed.

Keywords: constitutional rights, legislative process, automation, neural networks, national security, citizens' rights, regional lawmaking, software.

References

1. Bekirova E.M., Griškevich A.E. Features of digitalization of the legislative process in the subjects of Russia at the present stage // Materials of the videoconference in honor of the Day of Russian parliamentarism "Development of parliamentarism in the Russian Federation, URL: <https://my.mts-link.ru/31156109/1171589501/record-new/450847621> (Accessed on June 24, 2024)

- The Federation Council discussed the best regional practices in the field of digitalization of state and municipal administration // Official Internet portal of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, URL: <http://council.gov.ru/events/news/140157/> (Accessed on April 20, 2024)
- Guryanov S.A. Bot in the law: neural networks will be taught to write regulations // Official portal "Izvestia", URL: <https://iz.ru/1661838/sergei-gurianov/bot-v-zakone-neiroseti-nauchatsia-pisat-normativnye-akty>
- Yemelyantsev, A. E. Promising use of neural networks in lawmaking and their impact on ensuring human rights and freedoms / A. E. Yemelyantsev // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2023. - No. 9. - P. 134-137. - DOI 10.23672 / SAE.2023.9.9.012. - EDN ZQEOZD.
- Yemelyantsev, A. E. Regional legislative process in the context of digitalization / A. E. Yemelyantsev // Legal science. - 2021. - No. 11. - P. 4-7. - EDN CAEYDR.
- Maksimov M.P. "Simulation of legislative consequences as a way of using artificial intelligence in lawmaking" // Materials of the videoconference in honor of the Day of Russian parliamentarism "Development of parliamentarism in the Russian Federation, URL: <https://my.mts-link.ru/31156109/1171589501/record-new/450847621> (Accessed on June 24, 2024)
- Draft Resolution of the Government of the Russian Federation "On the state information system "National Unified Environment for Interaction of Participants in the Rulemaking Process (GIS "Rulemaking")" (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia on June 16, 2023) // Reference and legal system "Garant", - URL: <https://base.garant.ru/56961230/>
- Order of the Head of the Staff of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Voronova T.G. No. 2-96 dated 21.07.2017 "On the pilot operation in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the System for ensuring legislative activity of the unified state automated system "Lawmaking" // Official Internet portal of the Council of Legislators under the State Duma of the SF of the Russian Federation, - URL: <http://szrf.km.duma.gov.ru/> (Date of access 25.05.2024)
- Simentsova P.Yu. "The problem of exercising the right of citizens to appeal to state authorities and local government bodies at the present stage" // Materials of the VKS in honor of the 30th Constitution of Russia "National constitutional values in the Russian Federation", URL: <https://my.mts-link.ru/31156109/788861995/record-new/1888173531/record-file/737672577> (Accessed 05/25/2024).
- Timchenko V.S. Digital technologies will make the process of preparing regulatory legal acts better, faster and more transparent // Official Internet portal of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, URL: <http://council.gov.ru/events/news/130023/>
- Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" // Reference and legal system "Garant", URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>
- Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Reference and legal system "Garant", - URL: <https://base.garant.ru/401425792/>

Особенности защиты прав потребителей при перевозке пассажиров

Богданова Анастасия Юрьевна

аспирант Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, viola5555@mail.ru

Актуальность исследования определяется проблематикой поиска надлежащего способа защиты и построения эффективной стратегии защиты нарушенных прав потребителей при перевозке пассажиров, область применения положений Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». В статье отражены особенности правового регулирования функционирования внеуличного транспорта, одним из видов которого является метрополитен; выделены общие и региональные особенности правил пользования метрополитеном; приведен анализ правовой природы договора перевозки пассажиров метрополитеном, выделены характерные черты договора перевозки метрополитеном, что позволило выявить особенности защиты прав пассажиров при перевозке метрополитеном. Затронуты вопросы законности в сфере административной правоприменительной деятельности. На примере Московского метрополитена предложена одна из стратегий защиты нарушенных прав пассажира.

Ключевые слова: защита прав потребителей; метрополитен; права пассажира; правила пользования метрополитеном; договор перевозки пассажира; социальная карта москвича; внеуличный транспорт.

Актуальность исследования определяется проблематикой поиска надлежащего способа защиты и построения эффективной стратегии защиты нарушенных прав потребителей при перевозке пассажиров. Защита прав пассажиров при перевозке метрополитеном является одним из часто обсуждаемых вопросов, как следствие увеличения массива нормативных правовых актов, который в настоящее время уже весьма объемён в связи с постоянным совершенствованием в ответ на вызовы современных экономических реалий. Судебная практика показывает тенденцию роста споров данной категории. Об актуальности темы исследования свидетельствуют так же дискуссии о возможности (невозможности) использования положений Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон 2300-1) при урегулировании споров, возникающих между сторонами при перевозке пассажира метрополитеном.

Метрополитен является транспортным предприятием, а именно — особым видом внеуличного транспорта. Правовое регулирование функционирования внеуличного транспорта основывается на Конституции Российской Федерации (далее — РФ), Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) и состоит из Федерального закона от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — 442-ФЗ) (устанавливает правовые условия функционирования внеуличного транспорта и основы организации транспортного обслуживания населения внеуличным транспортом в РФ) и нормативных правовых актов субъектов РФ, принимаемых в соответствии с 442-ФЗ; иных нормативных правовых актов РФ, которые включают в себя правовые средства охраны и удовлетворения публичных и частных интересов, разной отраслевой принадлежности. В п. 2 ст. 784 ГК РФ закреплены правила соотношения источников регулирования отношений перевозки грузов, пассажиров и багажа, устанавливающие общие условия перевозки: ГК РФ; транспортные уставы и кодексы, иные федеральные законы; правила, издаваемые в соответствии с вышеназванными правовыми актами.

Во исполнение 442-ФЗ Минтранс России были утверждены Типовые правила пользования метрополитеном⁶⁷ (далее — Типовые правила), а субъектами РФ — местные правила пользования метрополитеном. Так, в Москве Правила пользования Мос-

⁶⁷ Приказ Минтранса России от 26.10.2018 № 386 «Об утверждении Типовых правил пользования метрополитеном»

ковским метрополитеном утверждены Постановлением Правительства Москвы от 16.09.2008 № 844-ПП (далее — Правила пользования Московским метрополитеном). Таким образом прослеживается принцип иерархии.

Метрополитен как один из видов внеуличного транспорта — это технологический комплекс, включающий в себя подвижной состав внеуличного транспорта и объекты инфраструктуры внеуличного транспорта и обеспечивающий перевозку пассажиров и провоз ручной клади по договорам перевозки пассажиров⁶⁸ и отнесен к особо опасным и технически сложным объектам⁶⁹. Отсюда следует, что гражданин, находясь в метрополитене, должен соблюдать определенные правила поведения; данные общественные отношения регламентируются нормами публичного права. Следует также обратить внимание на структуру метрополитена как технологического комплекса — идет разделение на непосредственно транспортные средства и объекты инфраструктуры, что весьма важно при разработке стратегии защиты нарушенных определенных прав.

Метрополитен относится к транспорту общего пользования⁷⁰. Оказание услуг производится на платной основе (в случае льготной или бесплатной услуги для гражданина — метрополитену доплачивает субъект РФ, представивший гражданину льготу).

Пассажир — физическое лицо, заключившее с перевозчиком договор перевозки пассажира⁷¹. Основанием для перевозки пассажира метрополитеном является заключение договора перевозки пассажира⁷². Особенность проявляется в том, что под перевозкой понимается нахождение пассажира во внеуличном транспорте с момента его входа на станцию внеуличного транспорта через пропускной пункт до момента его выхода со станции внеуличного транспорта включительно⁷³. В соответствии с п. 12 Типовых правил заключение договора перевозки с пассажиром, имеющим право на бесплатный или льготный проезд, осуществляется после предъявления этим лицом документа, подтверждающего такое право. Отсюда следует, что пассажиром гражданин становится в момент приобретения соответствующего проездного документа. Если гражданином не будет предъявлен документ, подтверждающий право на льготу, то он не может быть пассажиром данной категории, но заключение договора перевозки возможно в случае полной оплаты проездного документа. В соответствии с абз. 3 Закона 2300-1 потребитель — гражданин, имеющий наме-

рение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Закон 2300-1 регулирует отношения, возникающие между потребителями и исполнителями при оказании услуг. Из вышеприведенных нормативных правовых актов и в первую очередь положений 442-ФЗ и Закона 2300-1 следует, что Закон 2300-1 регулирует отношения, возникающие между пассажиром (потребителем) и метрополитеном (исполнителем услуги) в отношении перевозки (оказании услуг), но ограниченно.

К деятельности метрополитена, как транспортного предприятия, применяются положения о перевозке, установленные главой 40 ГК РФ. С учетом особенностей характеристики метрополитена договор перевозки пассажира метрополитена является консенсуальным, двусторонним, возмездным, обладает признаками публичности⁷⁴. Кроме того, данный вид договора относится к договорам присоединения⁷⁵ — пассажир присоединяется к условиям перевозки, которые опубликованы в правилах. Факт заключения договора перевозки пассажира и багажа подтверждается выдачей пассажиру проездного билета и багажной квитанции⁷⁶.

Стороны договора: перевозчик (метрополитен, его организационно-правовой статус различен в разных субъектах, например, Государственное унитарное предприятие города (г. Москва) или муниципальное унитарное предприятие (г. Екатеринбург)) с одной стороны и пассажир — физическое лицо, заключившее с перевозчиком договор перевозки пассажира с другой стороны.

Права пассажира при перевозке транспортом представлены в общем виде в ст. 786 ГК РФ и транспортном законодательстве; в частности (метрополитен) — в ст. 15 442-ФЗ — «права и обязанности пассажира» и иных специальных нормативных правовых актах. Так, в соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 15 пассажир вправе требовать предоставления оплаченных услуг по перевозке; требовать в соответствии с законодательством РФ возмещения вреда жизни, здоровью и имуществу, причиненного при перевозке пассажиров внеуличным транспортом⁷⁷. В свою очередь перевозчик обязан: заключать договор обязательного страхования гражданской ответственности за причинение вреда потерпевшим в результате аварии на опасном объекте (канатной дороге, фуникулере или эскалаторе метрополитена) в соответ-

⁶⁸ пп. 1 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁶⁹ ст. 48.1 «Градостроительного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ

⁷⁰ п. 1 ст. 789 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ

⁷¹ пп. 11 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁷² п.11 Типовых правил пользования метрополитеном, утвержденных Приказом Минтранса России от 26.10.2018 № 386

⁷³ п. 2 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁷⁴ ст. 426 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ; ст. 789 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ

⁷⁵ ст. 428 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ

⁷⁶ п. 2 ст. 786 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ

⁷⁷ пп. 3 п. 1 ст. 15, там же

ствии с ФЗ от 27.07.2010 № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» в случае, если перевозчик является владельцем указанного опасного объекта⁷⁸.

Пассажир, являясь потребителем услуг, имеет иные права, вытекающие из Закона 2300-1. Так, пассажир вправе отказаться от договора до начала перевозки или в пути следования. При защите прав пассажиров при перевозке метрополитеном следует учитывать особенность — в соответствии с ст. 1 442-ФЗ под перевозкой понимается нахождение пассажира во внеуличном транспорте с момента его входа на станцию внеуличного транспорта через пропускной пункт (далее — АКПП) до момента его выхода со станции внеуличного транспорта включительно. Таким образом, оказание транспортной услуги осуществляется именно с момента прохода через АКПП, в независимости от осуществления непосредственно поездки, отсюда следует и особенность, связанная с возвратом денежных средств — в случае расторжения договора перевозки по причине одностороннего отказа пассажира от перевозки или в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 14 442-ФЗ (при несоблюдении пассажиром правил пользования внеуличным транспортом), а также в случае, если прекращение указанного договора вызвано действиями пассажира, создающими угрозу безопасности жизни и здоровью других пассажиров, или причинами, не зависящими от перевозчика, плата за перевозку и провоз ручной клади пассажиру не возвращается⁷⁹.

Если у потребителя-пассажира возникли вопросы (неудовлетворенность) к условиям (качество, безопасность для жизни и здоровья) перевозки, а именно ненадлежащего качества воздух, например, запыленность; температурный режим, например, холод или наоборот духота или возникли вопросы о непредоставлении надлежащей информации, например, не объявлялись остановки в перечисленных случаях гражданско-правовые отношения, которые регулируются положениями Закона 2300-1.

Основная обязанность пассажира — оплатить услуги по перевозке⁸⁰. В соответствии с п. 6 ст. 12 442-ФЗ для отдельных категорий граждан законодательством РФ, законодательством субъектов РФ могут быть установлены льготы по оплате проезда пассажиров. Оплата услуги по перевозке является одним из существенных условий договора. Виды, сроки действия и стоимость проездных билетов ГУП «Московский метрополитен» установлены Постановлением Правительства Москвы от 15.12.2015 № 880-ПП «О проездных билетах и тарифах на услуги по перевозке пассажиров и багажа транспортом общего пользования в городском, включая метрополитен, и пригородном сообщении (за исключением

услуг по железнодорожным перевозкам, осуществляемым вне Малого кольца Московской железной дороги), порядке организации пересадок при проезде на метрополитене и Малом кольце Московской железной дороги в рамках совершения одной поездки и порядке определения коэффициента использования железнодорожного транспорта в пригородном сообщении на Малом кольце Московской железной дороги» (далее — 880-ПП). Согласно п. 3.3 880-ПП инструкции о порядке обращения проездных билетов для проезда в транспорте общего пользования в городском, включая метрополитен, утверждаются ГУП «Московский метрополитен» и доводятся им до сведения пассажиров. Таким образом, нормативно-правовым актом органа исполнительной власти города Москвы предусмотрено, что ГУП «Московский метрополитен» самостоятельно устанавливает порядок пользования проездными билетами.

Ответственность сторон договора пассажирской перевозки наступает при несоблюдении ими своих обязанностей. Ограничение или устранение законной ответственности перевозчика запрещено⁸¹. Дискуссионным является вопрос о правомерности ограничения ответственности перевозчика, перевозящего пассажира, относящегося к общественным видам транспорта, за задержку отправления транспорта или опоздание прибытия такого транспортного средства в пункт назначения⁸².

Особенностью Правил пользования Московским метрополитеном является установление законодателем исключительно административно-правовой ответственности: «несоблюдение требований Правил влечет административную ответственность в соответствии с Кодексом города Москвы об административных правонарушениях (далее — КоАП Москвы).

Сравнение положений Типовых правил и правил субъектов РФ выявило единый подход к требованию подтверждения льготы пассажиром: критерий — наличие фотографии лица на электронном документе. Так, в соответствии с п. 1 ст. 19 Типовых правил достаточно предъявления проездного документа в виде карты с электронным носителем информации, содержащим фотографию этого лица: «Услуги по перевозке и провозу ручной клади не оказываются лицу, не предъявившему при проверке в пропускном пункте по требованию лица, уполномоченного на осуществление контроля за оплатой пассажирами услуг по перевозке и провозу ручной клади (далее — контролер), действительный проездной документ (за исключением жетонов), а в случае использования права бесплатного или льготного проезда также не предъявившему документ, подтверждающий право этого лица на бесплатный или льготный проезд (кроме случаев, когда проезд-

⁷⁸ пп. 5 п. 2 ст. 14 Федерального закона от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁷⁹ п. 3 ст. 12, Федерального закона от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁸⁰ пп. 1 п. 3 ст. 15, там же

⁸¹ п. 2 ст. 793 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ

⁸² п. 1 ст. 795, там же

ной документ в виде карты с электронным носителем информации содержит фотографию такого лица)». Такой же позиции придерживается московский законодатель. В Новосибирском метрополитене электронная карта школьника не содержит фотографии, в связи с чем он должен иметь при себе справку из школы с его заверенной фотографией⁸³.

В случае возможности нарушения гражданином правил по мнению работников метрополитена, с чем не согласен гражданин, и возникновения спора, то данный спор возникает не из гражданско-правовых, а публично-правовых отношений поскольку участники (стороны) обладают неравноправным положением: должностное лицо, наделенное властными полномочиями, и гражданин, не имеющий таких полномочий, что является отличительной особенностью споров данной категории. В соответствии с ч.ч. 1, 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации и главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, если должностным лицом, нарушены права, свободы и законные интересы гражданина, то он вправе оспорить решения, лица, наделенных публичными полномочиями в судебном порядке. Законодатель нацелил суд на проверку законности акта должностного лица в интересах защиты прав граждан.

Резюмируя, выделим основные особенности, которые необходимо учитывать, защищая права пассажиров при перевозке метрополитеном:

1) Общественные отношения по поводу перевозок пассажиров метрополитеном регулируются нормами и частного, и публичного права;

2) Законодательство о перевозке пассажиров метрополитеном в 2017 году пополнилось специальными нормативными правовыми актами — 442-ФЗ и Типовыми правилами;

3) Региональные особенности функционирования метрополитена отражены в нормативно-правовых актах субъектов РФ;

4) Закон 2300-1 регулирует отношения, вытекающие из договора перевозки метрополитеном, но ограниченно;

5) Метрополитен представляет собой особый вид внеуличного транспорта; особо опасный и технически сложный объект; предметом его деятельности является оказание услуг по перевозке пассажиров;

6) Права пассажира при перевозке транспортом представлены в общем виде в ст. 786 ГК РФ, в транспортном законодательстве, в частном виде — ст.15 442-ФЗ; в Типовых правилах; с учетом региональной специфики — в региональных Правилах пользования метрополитеном;

7) Основанием для перевозки пассажира метрополитеном является заключение договора перевозки пассажира, который считается заключенным с момента приобретения пассажиром соответствующего проездного документа; оказанию услуг предшествует их оплата пассажиром;

8) Договор перевозки пассажира является консенсуальным, двусторонним, возмездным, обладает признаками публичности, относится к договору присоединения;

9) Оказание транспортной услуги осуществляется с момента прохода пассажира через АКПП; особенности так же связаны с возвратом средств, ответственности перевозчика за задержку отправления транспорта или опоздание прибытия в пункт назначения; установления порядка пользования проездными билетами;

10) При проверке подтверждения оплаты пассажиром перевозки в метрополитене достаточно предъявления проездного документа в виде карты с электронным носителем информации, содержащим фотографию этого лица (далее — персонифицированная карта), в случае льготной категории граждан — пассажир является пользователем льготной персонифицированной карты и предъявление иных документов для подтверждения права льготного проезда не требуется;

11) Если гражданин считает, что своими действиями или решением должностное лицо, наделенное властными полномочиями, нарушило его права и как следствие возникает спор, то данный спор возникает не из гражданско-правовых, а публично-правовых отношений. Действия или решение должностного лица могут быть оспорены в судебном порядке.

Анализ судебной практики московского региона показал рост споров, связанных с использованием льготных персонифицированных карт, а именно — социальных карт москвича (далее — СКМ) для прохода за пределы автоматизированных пропускных пунктов станций метрополитена (далее — АКПП). Исследование данной ситуации выявило основные причины — увеличение числа проверок проездных документов и недостаточное соблюдение требований законности при привлечении физических лиц к административной ответственности.

Данная категория дел относится к административным правонарушениям. Общественные отношения при нарушении правил пользования Московским метрополитеном регулируется ст. 10.9. КоАП Москвы. В соответствии с ч. 2.2 ст. 10.9 КоАП Москвы неправомерное использование льготной персонифицированной карты для прохода за пределы пропускных пунктов станций метрополитена и ММТС влечет административный штраф в размере 2500 рублей.

Преамбула дела: гражданин К. при пользовании услугой перевозки Московским метрополитеном осуществил проход за пределы АКПП станции метрополитена в соответствии с Правилами Московского метрополитена с использованием СКМ, а именно льготной персонифицированной карты аспиранта, пользователем которой он является (информация карты и изображение на фотографии подтверждены, в том числе паспортом), валидация

⁸³ пп. 8 п. 18 Правил пользования Новосибирским метрополитеном, утвержденных Постановлением Правительства Новосибирской области от 17.09.2019 № 374-п

СКМ прошла успешно; надлежащим образом предъявил СКМ контролеру для проверки. Контролер потребовал подтверждения актуальности льгот, таких документов у него при себе не оказалось, т.е. дополнительных документов гражданин К. не предъявил. Постановлением по делу об административном правонарушении контролера гражданин К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.2 ст. 10.9 КоАП г. Москвы и к нему применена мера административного принуждения в виде штрафа в размере 2500 руб., с чем он был не согласен, что отражено в протоколе. Решением должностного лица ГКУ «Организатор перевозок» Постановление контролера оставлено без изменения, жалоба без удовлетворения.

С учетом выявленных нами особенностей защиты прав пассажиров при перевозке метрополитеном и, в частности, Московским, нами предлагается следующая стратегия восстановления и защиты нарушенных прав пользователя СКМ категории: обучающийся-аспирант.

Первый этап. Правовая оценка действий контролера.

1.1) Контроль соблюдения правил пользования Московским метрополитеном осуществляется контролерами Государственного казенного учреждения города Москвы «Организатор перевозок» (далее — контролер). В соответствии с п. 2.3 Правил пользования Московским метрополитеном «По требованию работников метрополитена, исполняющих свои обязанности на АКПП, пассажиры обязаны предъявить проездной билет или карту с электронным носителем информации о праве на проход». Требование предъявления контролеру СКМ для проверки правомерны.

1.2) В соответствии с должностной инструкцией контролера проверка наличия проездных документов у пассажиров, их подлинности и срока действия осуществляется после прохода пассажиром АКПП с использованием технических средств объективного контроля (переносное устройство контроля; магнитные технические тестирующие билеты), на дисплее которого должна отражаться вся информация о пользователе СКМ, в т.ч. подтверждения актуального права держателя социальной карты на получение мер социальной поддержки и транзакции по СКМ.

В соответствии с п. 1.2 Постановления Правительства Москвы от 18.11.2014 года № 668-ПП «О выпуске, выдаче и обслуживании социальных карт в городе Москве» (далее — ПП №668) социальная карта — материальный носитель информации и (или) программное обеспечение, предназначенное для работы на смартфонах, планшетах и других мобильных устройствах, содержащие зафиксированную на нем в визуальной (графической) и (или) электронной (машиночитываемой) формах информацию о держателе социальной карты и обеспечивающие доступ к информации, используемой для подтверждения права держателя социальной карты на получение мер социальной поддержки, государственной социальной помощи и льгот (при наличии

информации о держателе социальной карты в Едином реестре социальных льготников), а также для предоставления услуг держателям социальных карт. В соответствии с п. 1.9 ПП № 668 в целях выпуска, выдачи и обслуживания социальных карт органы исполнительной власти города Москвы, подведомственные им организации, определяющие статус граждан в качестве получателей социальных льгот, обеспечивают, в том числе с использованием информационных систем и ресурсов, содержащих информацию о получателях социальных льгот, предоставление информации, определяющей статус каждого получателя социальных льгот в соответствии с категориями, указанными в Перечне категорий граждан, имеющих право на бесплатное оформление социальной карты, в Единый реестр социальных льготников и своевременную актуализацию указанной информации. Таким образом, для обучающихся определение статуса и своевременную актуализацию призвана производить образовательная организация.

При обслуживании СКМ Департамент транспорта в соответствии с законодательством (соглашения сторон, регламенты) взаимодействует с уполномоченными организациями по актуализации и проверке оснований льготного проезда. В соответствии с п. 8.8 ПП № 668 транзакции обрабатываются и учитываются в разрезе держателей социальных карт. В соответствии с п. 9.1.5 ПП № 668 СКМ в случае прекращения отнесения держателя социальной карты к получателям социальных льгот в связи с отсутствием актуальной информации о держателе социальной карты в Едином реестре социальных льготников как о получателе социальных льгот действие социальной карты прекращается. СКМ гражданина К. успешно прошла валидацию.

Отсюда следует, что контролер, должен владеть полной и актуальной информацией, подтверждающей право на меры социальной поддержки, контролеру остается лишь сравнить (сличить) изображение на фото материального носителя информации (льготной персонифицированной карты) с лицом пассажира.

Идентификация показала, что гражданин К. является надлежащим пользователем СКМ — он должен был продолжить пользование услугой перевозки. Однако, контролер потребовала от гражданина К. подтверждения актуализации льгот.

Требование предъявления от пассажира метрополитена дополнительных документов для подтверждения актуальности льгот во время осуществления услуги перевозки в законодательстве отсутствует, а именно в:

- Правилах пользования Московским метрополитеном;
- Типовых правилах пользования метрополитеном;
- ПП № 668;
- ПП № 880;
- ПП № 950,

что свидетельствует о неправомерности требования контролером подтверждения актуализации льгот и об отсутствии противоправных, виновных

действий (бездействий) гражданина К. — отсутствует факт нарушения норм законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность.

Согласно положениям ст. 16.4 КоАП Москвы производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных указанным Кодексом и исполнение постановлений о назначении административных наказаний осуществляются в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). В соответствии с п. 1 ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Правовая оценка противоправного деяния базируется на признаках административного правонарушения и на признаках его юридического состава. Основой правоприменительного процесса является квалификация административного правонарушения по его объективной стороне.

Если деяние не является противоправным, то оно не может образовать административного правонарушения; отсутствие факта нарушения норм законодательства, за которое предусмотрена административная ответственность — это отсутствие события административного правонарушения. В соответствии с п. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: отсутствие события административного правонарушения. В соответствии с п. 3 ст. 28.1 КоАП РФ дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, только при наличии хотя бы одного из поводов, предусмотренных частями 1 и 1.1 указанной статьи, и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения.

Отсюда следует, что контролер своими действиями, а именно требованием документа подтверждающего актуальность льготы, а в следствие его отсутствия — оформлением постановления, протокола и назначением административного наказания — нарушила все вышеперечисленные нормативные правовые акты и превысила свои должностные полномочия в части осуществления контроля за организацией перевозок, соблюдения правил пользования метрополитеном и в первую очередь — право пассажира на качественную услугу перевозки.

Второй этап. Обжалование действий контролера в ГКУ «Организатор перевозок».

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносится решение об отмене постановления и о прекращении производства по делу при наличии хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных ст.

2.9, 24.5 КоАП РФ, а также при недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

В соответствии с пп. 8 п. 2 ст. 30.6 КоАП РФ при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении проверяются на основании имеющихся в деле и дополнительно представленных материалов законность и обоснованность вынесенного постановления.

Решением должностного лица ГКУ «Организатор перевозок» Постановление контролера оставлено без изменения, жалоба без удовлетворения: «действия гражданина К. по ч. 2.2 ст. 10.9 КоАП г. Москвы квалифицированы правильно ввиду того, что им не был предъявлен действующий студенческий билет». В Решении должностного лица отмечается, что основанием для привлечения к административной ответственности по ч. 2.2 ст. 10.9 КоАП г. Москвы является «проход за пределы пропускных пунктов станции с использованием льготной персонализированной карты, вне зависимости от того, по какой причине была использована карта и какие действия в этих целях были совершены лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении».

К жалобе на постановление контролера были приложены копии: СКМ аспиранта, действующего удостоверения аспиранта и справка об обучении в аспирантуре. Льготы аспирантам предоставляются в соответствии с Постановлением Правительства Москвы от 21.08.2018 года № 950-ПП «О предоставлении аспирантам мер социальной поддержки по оплате проезда в транспорте общего пользования в городе Москве и внесении изменений в правовые акты города Москвы» нормами которого не предусмотрено предъявление действующего студенческого билета или действующего удостоверения аспиранта при пользовании Московским метрополитеном.

Событие «аспирант предъявляет действующий студенческий билет» в рамках правового поля невозможно в силу того, что студенческий билет выдается студентам. Аспирант таковым не является и не имеет студенческого билета. Так, в соответствии с п. 1.3 ст. 33 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» студенты — лица, осваивающие образовательные программы среднего профессионального образования, программы бакалавриата, программы специалитета или программы магистратуры.

Таким образом, требования статей 24.1, 26.1 КоАП РФ о всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, разрешении его в соответствии с законом не соблюдены. Тем самым растет нагрузка на судебные органы. Из примера вытекает, что принципиальное значение имеет соблюдение действующего законодательства должностными лицами, от решений и действий которых зависит возникновение, изменение или прекращение прав других участников рассматриваемых отношений. Именно соблюдение за-

конности выступает гарантом защиты прав физических лиц (пассажиры услуги перевозки метрополитеном) в производстве по делам об административных правонарушениях, исключения незаконного и необоснованного применения к ним мер административного принуждения. Верховный суд обращал внимание на нарушения требований законности — неустановления вины лица в совершении административного правонарушения⁸⁴.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301

2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.01.1996. — № 5. — ст. 410

3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1

4. Федеральный закон от 29.12.2017 № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 01.01.2018. — № 1 (часть I). — ст. 26

5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.12.2012. — № 53 (часть I). — ст. 7598

6. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 09.04.1992 г. — № 1. — ст. 766

7. Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Ведомости Московской городской Думы. — 2007. — № 12

8. Постановление Правительства Москвы от 21.08.2018 года № 950-ПП «О предоставлении аспирантам мер социальной поддержки по оплате проезда в транспорте общего пользования в городе Москве и внесении изменений в правовые акты города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 28.08.2018. — № 47

9. Постановление Правительства Москвы от 18.11.2014 года № 668-ПП «О выпуске, выдаче и обслуживании социальных карт в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 25.11.2014. — № 65

10. Постановление Правительства Москвы от 15.12.2015 № 880-ПП «О проездных билетах и тарифах на услуги по перевозке пассажиров и багажа транспортом общего пользования в городском, включая метрополитен, и пригородном сообщении (за исключением услуг по железнодорожным перевозкам, осуществляемым вне Малого кольца Мос-

ковской железной дороги), порядке организации пересадок при проезде на метрополитене и Малом кольце Московской железной дороги в рамках совершения одной поездки и порядке определения коэффициента использования железнодорожного транспорта в пригородном сообщении на Малом кольце Московской железной дороги» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 22.12.2015. — № 70 (том II)

11. Постановление Правительства Москвы от 16.09.2008 № 844-ПП «Об утверждении правил пользования Московским метрополитеном» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 30.09.2008. — № 55

12. Постановление Правительства Новосибирской области от 17.09.2019 № 374-п «Об утверждении Правил пользования Новосибирским метрополитеном» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 18.09.2019

13. Приказ Минтранса России от 26.10.2018 № 386 «Об утверждении Типовых правил пользования метрополитеном» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 21.01.2019

Features of consumer rights protection during passenger transportation

Bogdanova A.Yu.

Center for Private Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The relevance of the study is determined by the problem of finding an appropriate way to protect and building an effective strategy for protecting violated consumer rights during passenger transportation, the scope of the provisions of the Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On the Protection of Consumer Rights". The article reflects the features of legal regulation of the functioning of off-street transport, one of the types of which is the metro; general and regional features of the rules for using the metro are highlighted; an analysis of the legal nature of the contract for the carriage of passengers by metro is provided, characteristic features of the contract for carriage by metro are highlighted, which made it possible to identify the features of protecting the rights of passengers during transportation by metro. Issues of legality in the field of administrative law enforcement are touched upon. Using the example of the Moscow Metro, one of the strategies for protecting violated passenger rights is proposed.

Keywords: consumer protection; metro; passenger rights; metro usage rules; passenger transportation agreement; Muscovite social card; off-street transport.

References

1. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 05.12.1994. - No. 32. - Art. 3301
2. "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 29.01. 1996. - No. 5. - Art. 410
3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 07.01.2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1

⁸⁴ Определение ВС РФ от 19.02.2016 № 305-АД 15-16726

4. Federal Law of 29.12.2017 No. 442-FZ "On Off-Street Transport and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 01.01.2018. - No. 1 (Part I). - Art. 26
5. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 31.12.2012. - No. 53 (Part I). - Art. 7598
6. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. - 09.04.1992 - No. 1. - Art. 766
7. Law of the City of Moscow dated 21.11.2007 No. 45 "Moscow City Code on Administrative Offenses" // Bulletin of the Moscow City Duma. - 2007. - No. 12
8. Resolution of the Moscow Government dated 21.08.2018 No. 950-PP "On the provision of social support measures to graduate students for payment of travel on public transport in the city of Moscow and amendments to the legal acts of the city of Moscow" // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow. - 28.08.2018. - No. 47
9. Resolution of the Moscow Government dated 18.11.2014 No. 668-PP "On the issue, issuance and servicing of social cards in the city of Moscow" // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow. - 25.11.2014. - No. 65
10. Resolution of the Government of Moscow dated 15.12.2015 No. 880-PP "On travel tickets and tariffs for services for the transportation of passengers and baggage by public transport in urban, including the metro, and suburban traffic (except for rail transportation services carried out outside the Small Ring of the Moscow Railway), the procedure for organizing transfers when traveling on the metro and the Small Ring of the Moscow Railway within the framework of a single trip and the procedure for determining the coefficient of use of rail transport in suburban traffic on the Small Ring of the Moscow Railway" // Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. - 22.12.2015. - No. 70 (Volume II)
11. Resolution of the Government of Moscow dated 16.09.2008 No. 844-PP "On approval of the rules for using the Moscow Metro" // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow. - 30.09.2008. - No. 55
12. Resolution of the Government of the Novosibirsk Region dated 17.09.2019 No. 374-p "On approval of the Rules for using the Novosibirsk Metro" // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru. - 18.09.2019
13. Order of the Ministry of Transport of Russia dated 26.10.2018 No. 386 "On approval of the Model Rules for using the Metro" // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru. - 21.01.2019

Особенности правового регулирования тарифообразования на пригородном железнодорожном транспорте (на примере АО «Свердловская пригородная компания»)

Бронников Сергей Александрович

аспирант, кафедра мировой экономики и логистики, Уральский государственный университет путей сообщения, 7sigma2007@mail.ru

В статье описана отраслевая специфика функционирования железнодорожного транспорта. Отмечено существенное социально-экономическое значение железнодорожного транспорта, которое влечет за собой высокую степень участия государства в регулировании транспортных тарифов. Государство, посредством публикации законов и подзаконных актов, регулирует цены на определенные виды транспортных услуг. В статье представлены принципы правового регулирования тарифообразования в области пригородного железнодорожного сообщения. В фокусе исследования – АО «Свердловская пригородная компания» – один из крупнейших в России железнодорожных перевозчиков, оказывающих услуги пригородного сообщения. Дана характеристика деятельности АО «Свердловская пригородная компания». Описана поуровневая структура системы правового регулирования тарифных политик АО «Свердловская пригородная компания», представлены тарифы, в т. ч. «единый тариф».

Ключевые слова: «Свердловская пригородная компания», железнодорожный транспорт, правовое регулирование, ОАО «Российские железные дороги», тариф, тарифообразование, единый тариф

Субъекты, функционирующие в транспортной отрасли, реализуют особый продукт – перевозки, к которым применимы характеристики как товара, так и услуги. Функционирование железнодорожного транспорта осложняется рядом специфических отраслевых черт: капиталоемкость строительства дорог при продолжительной отдаче капитала, низкое качество оказываемых услуг, износ составов и узлов инфраструктуры [2, с. 36].

Успешность функционирования, ценовая политика и динамика развития транспортной компании во многом определяются размером доли, которую она занимает на рынке страны. Зачастую в транспортной сфере существует монополизация – так, в частности, железнодорожная отрасль в России является естественно монопольной. Конкуренция в данном секторе, тем не менее, также присутствует: железнодорожные компании конкурируют с другими видами транспорта и с прочими компаниями, входящими в состав ОАО «Российские железные дороги» [2, с. 36].

Тариф можно определить, с одной стороны, как цену перевозки, а с другой – как систему фиксируемых ставок, на основании которых взимается плата за транспортные услуги. Тарифные ставки и выплата пользователями услуг и инфраструктуры железнодорожной компании формируют ее доходы: разница между доходами и расходами образует прибыль транспортных структур. Базисом для определения тарифной ставки выступает себестоимость перевозок.

Как показывает анализ зарубежного опыта функционирования железнодорожных компаний, в абсолютном большинстве стран транспортные тарифы обладают существенным социально-экономическим значением, в связи с чем властные ведомства принимают активное участие в их регулировании. Государство, посредством законов и подзаконных актов, регулирует цены на определенные виды транспортных услуг, и в особенности детализированным оказывается законодательство в области пассажирских железнодорожных перевозок [17, с. 39].

Уровень железнодорожных тарифов обусловлен рядом ключевых факторов: тип перевозки – грузовые или пассажирские, дистанция (внутригородские, пригородные, межрегиональные, международные), тип состава, сезон. Экономическое содержание и правовые принципы регулирования железнодорожных тарифов варьируются, так как тарифы входят в разные ценовые системы: на грузоперевозки – в систему оптовых цен, на пассажирские – в систему розничных.

Правовое регулирование тарифообразования в секторе пригородных железнодорожных перевозок реализуется в рамках следующих принципов (Рисунок 1):

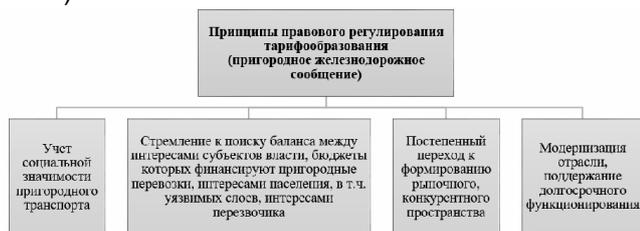

Рисунок 1 – Принципы правового регулирования тарифообразования в области пригородного железнодорожного сообщения

Примечание: источник – собственная разработка

Одной из компаний, испытывающих на себе подобное влияние мер государственного правового регулирования, выступает АО «Свердловская пригородная компания» – один из крупнейших в России железнодорожных перевозчиков, оказывающих услуги пригородного сообщения. Пассажирские перевозки АО «Свердловская пригородная компания» осуществляет на территории двух железных дорог – Свердловской и Южно-Уральской. На текущий момент маршрутная сеть АО «Свердловская пригородная компания» насчитывает более 370 пригородных поездов, услугами которых ежедневно пользуются десятки тысяч пассажиров. Компания оказывает услуги пригородного железнодорожного сообщения на территории следующих регионов (Рисунок 2):

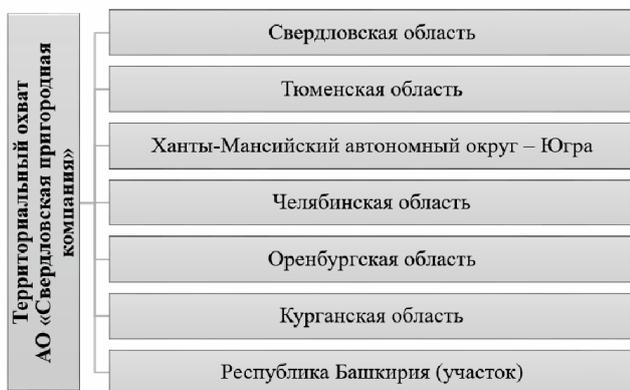

Рисунок 2 – Территория, обслуживаемая АО «Свердловская пригородная компания»

Примечание: источник – официальный сайт АО «Свердловская пригородная компания» [8]

По имеющимся данным, 70-80% от общего объема расходов пригородных пассажирских компаний, к коим и относится АО «Свердловская пригородная компания», приходится на оплату услуг по предоставлению в пользование, управлению и эксплуатации, техническому обслуживанию, ремонту подвижного состава. Эти услуги оказывает для АО «Свердловская пригородная компания» материнская компания – ОАО «РЖД». Учитывая тот факт, что данных о расходах АО «Свердловская пригородная компания» в открытом доступе нет, можно ориенти-

роваться на статистические данные о расходах, собранные по совокупности пригородных железнодорожных компаний России (Рисунок 3):

Рисунок 3 – Усредненная структура затрат пригородной пассажирской компании, % от общего объема расходов

Примечание: источник – собственная разработка на основе материалов [16, с. 70]

В условиях государственного регулирования тарифов на пригородные пассажирские перевозки многие предприятия являются планово убыточными [11, с. 166] – в их числе и АО «Свердловская пригородная компания». Кроме того, эффективность функционирования железнодорожных линий снижается за счет расходов на поддержание малоинтенсивных железнодорожных линий при невозможности поднять тарифы для обслуживания удаленных станций [4, с. 326].

Правовое регулирование деятельности АО «Свердловская пригородная компания» во многом обусловлено спецификой деятельности компании – перевозчик работает в области пассажирских перевозок на относительно небольшие дистанции. Известно, что по мере увеличения дистанции перевозки себестоимость транспортной услуги сокращается, так как сокращаются расходы на начально-конечные операции. В данной связи можно предположить, что наибольшую рентабельность будут иметь железнодорожные перевозки межрегионального, транснационального, интернационального характера, а наименьшую – краткие перевозки пригородными поездами или поездами внутригородских линий. Тем не менее, повышать тарифные ставки пригородные железнодорожные компании, в т. ч. АО «Свердловская пригородная компания», в одностороннем порядке не могут. Так, проводимая государством тарифная политика в отношении железнодорожных транспортных услуг стремится к установлению единых тарифов на перевозки. Система тарифов и взаимоотношений с пассажирами АО «Свердловская пригородная компания» до 2015 г. регулировалась приказами и постановлениями Федеральной службы по тарифам России, до 2004 г. – Федеральной энергетической комиссией Российской Федерации, а на данный момент правопреемником данных ведомств выступает Федеральная антимонопольная служба.

Правовое регулирование тарифов в АО «Свердловская пригородная компания» формируется посредством совокупности взаимосвязанных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы ценообразования в сфере пассажирских перевозок железнодорожным транспортом, а также докумен-

тов, устанавливающих тарифы на услуги пригородного железнодорожного сообщения в Российской Федерации. Данная система имеет четырехуровневую структуру, которую можно представить следующим образом (Таблица 1):

Таблица 1. Структура системы правового регулирования тарифных политик АО «Свердловская пригородная компания»
Примечание: источник – собственная разработка

Уровень (источник регулирования)	Примеры актов
Уровень федерального законодательства	Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» №17-ФЗ (10 января 2003 г.), положения которого фиксируют общие принципы функционирования железнодорожного транспорта, в т.ч. порядок формирования тарифов на перевозки [15]. Федеральный закон «О естественных монополиях» №147-ФЗ (17 августа 1995 г.), положения которого регламентируют деятельность субъектов естественных монополий, включая железнодорожный транспорт; Закон представляет основы политики в области государственного регулирования тарифов для предприятий железной дороги [14]. Федеральный закон «О защите конкуренции» №135-ФЗ (26 июля 2006 г.) включает положения о недопустимости злоупотребления доминирующим положением на рынке, в том числе в отношении тарифной политики [12].
Уровень подзаконных актов и нормативных документов	Постановления Правительства Российской Федерации, которые направлены на регулирование конкретных аспектов ценообразования на услуги железнодорожных перевозок, установление предельных тарифов, критериев для их пересмотра [3, с. 40]. Приказы Министерства транспорта Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы, которые определяют порядок утверждения тарифов, методику расчета и правила применения тарифов на пригородные пассажирские перевозки.
Уровень регионального регулирования	Акты, издаваемые органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (Министерство транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области и др.), где фиксируются тарифы на пригородные пассажирские перевозки при учете специфики регионального пассажиропотока и социальной значимости этих услуг. На региональном уровне утверждаются субсидии, льготы и проч. особые условия проезда для отдельных категорий граждан.
Внутренние документы и корпоративная тарифная политика	АО «Свердловская пригородная компания» самостоятельно разрабатывает и утверждает внутренние нормативные акты, которые определяют порядок применения тарифов на услуги компании в рамках действующего законодательства.

Таким образом, правовое регулирование тарифов в АО «Свердловская пригородная компания» представляет собой комплексную систему, в которой взаимодействуют федеральные и региональные органы власти, а также имеются внутренние регулирующие механизмы компании. Рассмотрим некоторые отдельные законодательные и нормативные акты более подробно.

Одним из главных инструментов правового регулирования пригородных перевозок пассажиров ресурсами АО «Свердловская пригородная компания»

выступают прайс-листы, посредством которых устанавливаются единые государственные тарифы на перевозки грузов, пассажиров, багажа и т. д. Тарифы определяются на базе регулярно обновляемого Прейскуранта № 10-01 [6] и Тарифного руководства [10]. Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые отечественными железными дорогами, определяются едиными принципами их формирования, которые, кроме того, представляют собой методологический базис для составления Прейскуранта: 1) тарифная система построена на двухставочной модели; 2) базовый уровень тарифов рассчитывается на основе средне-сетевой себестоимости перевозок и необходимого объема прибыли; 3) в базовом уровне тарифа не учитываются затраты, связанные с выполнением работ и услуг, оплачиваемых по дополнительным сборам [2, с. 36-37].

Пригородные тарифы на пассажирские железнодорожные перевозки, осуществляемые АО «Свердловская пригородная компания», рассчитываются на основании критерия дистанции; кроме того, в состав тарифа включается сбор обязательного страхования.

Тариф на дистанцию пригородной поездки в рассматриваемой нами компании устанавливается Региональной энергетической комиссией Свердловской области. Так, на территории Свердловской области с 2019 г. согласно Постановлению Региональной энергетической комиссии Свердловской области от 19 декабря 2018 г. действует следующая тарифная сетка (Таблица 2):

Таблица 2. Тарифы АО «Свердловская пригородная компания» на территории Свердловской области

Примечание: собственная разработка на основе данных [8]

Свердловская область			
Дистанция поездки, км	Полный тариф, руб	Детский тариф, руб	Тариф для провоза живности, руб
До 5	30	7,5	7,5
6-15	44	10	11
16-25	60	15	15
26-35	76	19	19
36-45	91	22	22,5
46-44	91	22	22,5
55-65	108	26	27
66-75	108	26	27
76-85	122	30	30,5
86-95	122	30	30,5
96-105	154	37,5	38,5
106-112	154	37,5	38,5
126-135	154	41	38,5
136-150	168	41	42
151-165	168	45	42
166-180	184	50	46
181-200	198	50	49,5

В отличие от поездов дальнего следования, тарифы за проезд АО «Свердловская пригородная компания» не подразумевают плату за предоставление постельных принадлежностей или дополнительных услуг и товарной продукции. Тарифы пригородных перевозок АО «Свердловская пригородная компания» главным образом детерминированы километражем поездки, и, при этом, этот тариф су-

щественно ниже, чем в общем пассажирском тарифе для дальнего сообщения [2, с. 38]. Речь идет о решении Правительства Российской Федерации о долгосрочном применении понижающего коэффициента к общефедеральному тарифу на услуги инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования в пригородном сообщении (0,01) [16, с. 71].

Регулирование процессов тарифообразования происходит не только на федеральном уровне, но и на отраслевом (законы, нормативные акты и подзаконные акты, касающиеся тарифов на проезд в составах АО «Свердловская пригородная компания» издаются Федеральная энергетическая комиссия, Министерства и прочие отраслевые ведомства). Кроме того, во многом тарифная политика определяется за счет регулирования региональных властей и властей субъектов Федерации. Органы власти субъектов формируют заказ на пригородные перевозки, в котором определяют ключевые социальные параметры: количество электропоездов и вагонов в составах, маршруты, тариф на перевозку. По официальным данным, АО «Свердловская пригородная компания» как железнодорожный перевозчик выполняет заказ в полном объеме [9].

В тексте Постановления Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2008 года № 950 «Об участии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов в осуществлении государственного регулирования и контроля деятельности субъектов естественных монополий» тарифы и тарифные политики в секторе пригородного железнодорожного сообщения находятся в ведении органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [7].

Информация о тарифах и тарифных политиках АО «Свердловская пригородная компания» доводится до сведения пассажиров как посредством официального сайта компании, так и в рамках следующих актов: Федеральный Закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ [13]; «Правила оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров ...», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2005 г. №111; «Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом» от 19 декабря 2013 г. № 473 и др.

АО «Свердловская пригородная компания» на внутреннем уровне регулирования (см. Таблицу 1) также имеет практику «единый тариф». Ранее единый тариф существовал лишь в виде месячного проездного документа [5, с. 39]. С 24 февраля 2023 г. в пригородных поездах, курсирующих в пределах муниципального образования «город Екатеринбург» действует Единый городской тариф. Стоимость проезда на беспересадочные поездки соответствует тарифу на перевозку одного пассажира для первой тарифной зоны (до 5 километров) и составляет 37 рублей. Через год – с 1 января 2024 г. – территориальные границы действия Единого городского тарифа

расширены. Ключевой особенностью единого тарифа выступает то, что дальность поездки на цену билета в границах муниципалитета не влияет [8].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Участие государства в процессах тарифообразования в области пригородного железнодорожного сообщения обусловлено высокой социальной значимостью данного вида услуги и ее социальным характером.

– Одной из компаний, испытывающих на себе подобное влияние мер государственного правового регулирования, выступает АО «Свердловская пригородная компания». В условиях государственного регулирования тарифов на пригородные пассажирские перевозки предприятие является планово убыточным. Также эффективность функционирования железнодорожных линий снижается за счет расходов на поддержание малоинтенсивных железнодорожных линий при невозможности поднять тарифы для обслуживания удаленных станций.

– Правовое регулирование тарифов в АО «Свердловская пригородная компания» формируется посредством совокупности взаимосвязанных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы ценообразования в сфере пассажирских перевозок железнодорожным транспортом, а также документов, устанавливающих тарифы на услуги пригородного железнодорожного сообщения в Российской Федерации. Данная система имеет четырехуровневую структуру: уровень федерального законодательства, уровень подзаконных актов и нормативных документов, уровень регионального регулирования, внутренние документы и корпоративная тарифная политика.

Литература

1. Единый городской тариф // Свердловская пригородная компания. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.svrpk.ru/pages/page/url/Edinyiy_gorodskoy_tarif. – Дата доступа: 28.08.2024.
2. Елисеев, В. А. Тарифообразование как экономическая форма управления в железнодорожно-транспортной логистике / В. А. Елисеев // ЭСГИ. – 2016. – №4 (12). – С. 31-40.
3. Капелюк, З. А. Исследование тарифов на транспортные услуги в странах Евросоюза и Российской Федерации / З. А. Капелюк, Я. В. Попова // Экономика Профессия Бизнес. – 2021. – №1. – С. 39-45.
4. Ковалев, К. Е. Процедура планирования работы малоинтенсивных железнодорожных линий: логистические аспекты и нейросетевые модели / К. Е. Ковалев, А. В. Новичихин // Известия Петербургского университета путей сообщения. – 2023. – №2. – С. 325-335.
5. Малышев, М. И. Инновации в области городского общественного транспорта и перспективы внедрения принципов новой мобильности / М. И. Малышев // Научный вестник МГТУ ГА. – 2022. – №3. – С. 36-50.

6. Постановление ФЭК РФ от 17 июня 2003 г. N 47-т/5 «Об утверждении Прейскуранта N 10-01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами» (Тарифное руководство N 1, части 1 и 2)» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12131790/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>. – Дата доступа: 28.08.2024.

7. Постановление Правительства РФ от 10 декабря 2008 г. N 950 «Об участии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов в осуществлении государственного регулирования и контроля деятельности субъектов естественных монополий» // Гарант. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12163957/>. – Дата доступа: 28.08.2024.

8. Свердловская пригородная компания – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svrpk.ru/>. – Дата доступа: 28.08.2024.

9. Тарифы на пригородные железнодорожные перевозки поездами Свердловской пригородной компании в Башкирии будут проиндексированы с 1 января // Свердловская пригородная компания. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svrpk.ru/news/view/2894>. – Дата доступа: 28.08.2024.

10. Тарифное руководство N 4 (ред. от 08.06.2021) «Книга 2 «Часть 1. Алфавитный список железнодорожных станций» (утв. Советом по железнодорожному транспорту государств – участников Содружества) // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66064/. – Дата доступа: 28.08.2024.

11. Уварова, Л. А. Моделирование безубыточности региональных пассажирских перевозчиков / Л. А. Уварова, М. В. Клёвина, И. С. Платонова // Скиф. – 2022. – №6 (70). – С. 164-171.

12. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/. – Дата доступа: 28.08.2024.

13. Федеральный закон от 10.01.2003 N 18-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40444/ff38d1e361ee0d927582ba7dcb7741dd8101ce61/. – Дата доступа: 28.08.2024.

14. Федеральный закон «О естественных монополиях» от 17.08.1995 N 147-ФЗ // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/. – Дата доступа: 28.08.2024.

15. Федеральный закон от 10.01.2003 N 17-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Консультант-

Плюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/260530a83560c192c5e0bf9766768e4cdfefe66f/. – Дата доступа: 28.08.2024.

16. Щукин, В. В. Актуальные вопросы ценообразования на пригородные перевозки в рамках взаимоотношений субъектов РФ и компаний-перевозчиков / В. В. Щукин, Д. Н. Колядин, Я. В. Подоплелова // ТДР. – 2017. – №3. – С. 70-72.

17. Ярашова, В. Совершенствование государственного управления в транспортной сфере / В. Ярашова // Транспорт шелкового пути. – 2021. – №1. – С. 35-46.

Features of legal regulation of tariff formation in commercial railway transport (on the example of «Sverdlovsk suburban company»)

Bronnikov S.A.

Ural State University of Railway Engineering

The article describes the industry specifics of the functioning of railway transport. The socio-economic importance of railway transport results in a high degree of state participation in the regulation of transport tariffs. The state, through the publication of laws and regulations, regulates prices for certain types of transport services. The article presents the principles of legal regulation of tariff formation in the field of suburban rail service. The focus of the study is JSC Sverdlovsk Suburban Company, one of the largest Russian railway carriers providing suburban services. The characteristics of the activities of JSC «Sverdlovsk Suburban Company» are given. The level structure of the legal regulation system of tariff policies of JSC «Sverdlovsk Suburban Company» is described, tariffs are presented, including the «single tariff».

Keywords: «Sverdlovsk suburban company», railway transport, legal regulation, JSC «Russian railways», tariff, tariff formation, single tariff

References

1. Unified city tariff // Sverdlovsk suburban company. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: https://www.svrpk.ru/pages/page/url/Edinyiy_gorodskoy_tarif. - Access date: 08/28/2024.
2. Eliseev, V. A. Tariff formation as an economic form of management in railway transport logistics / V. A. Eliseev // ESGI. - 2016. - No. 4 (12). - P. 31-40.
3. Kapelyuk, Z. A. Study of tariffs for transport services in the countries of the European Union and the Russian Federation / Z. A. Kapelyuk, Ya. V. Popova // Economy Profession Business. - 2021. - No. 1. - P. 39-45.
4. Kovalev, K. E. Procedure for planning the operation of low-intensity railway lines: logistic aspects and neural network models / K. E. Kovalev, A. V. Novichikhin // Bulletin of the St. Petersburg University of Railway Engineering. - 2023. - No. 2. - P. 325-335.
5. Malyshev, M. I. Innovations in the field of urban public transport and prospects for the implementation of the principles of new mobility / M. I. Malyshev // Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. - 2022. - No. 3. - P. 36-50.
6. Resolution of the Federal Energy Commission of the Russian Federation of June 17, 2003 N 47-t/5 "On Approval of Price List N 10-01 "Tariffs for Freight Transportation and Infrastructure Services Performed by Russian Railways" (Tariff Guide N 1, Parts 1 and 2)" (with amendments and additions) // Garant. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/12131790/53f89421bbdaf741eb2d>

- 1ecc4ddb4c33/. - Access date: 08/28/2024. 7. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 10, 2008 N 950 "On the participation of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation in the field of state regulation of tariffs in the implementation of state regulation and control over the activities of natural monopoly entities" // Garant. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/12163957/>. – Access date: 08/28/2024.
8. Sverdlovsk suburban company – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://svrpk.ru/>. – Access date: 08/28/2024.
9. Tariffs for suburban rail transportation by trains of the Sverdlovsk suburban company in Bashkiria will be indexed from January 1 // Sverdlovsk suburban company. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://svrpk.ru/news/view/2894>. – Access date: 08/28/2024.
10. Tariff Guide No. 4 (as amended on 08.06.2021) "Book 2 "Part 1. Alphabetical List of Railway Stations" (approved by the Council for Railway Transport of the Commonwealth Member States) // ConsultantPlus. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66064/. - Access date: 28.08.2024.
11. Uvarova, L. A. Modeling the break-even point of regional passenger carriers / L. A. Uvarova, M. V. Klevina, I. S. Platonova // Skif. - 2022. - No. 6 (70). - P. 164-171.
12. Federal Law "On Protection of Competition" of July 26, 2006 N 135-FZ (latest revision) // ConsultantPlus. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/. - Access date: August 28, 2024.
13. Federal Law of January 10, 2003 N 18-FZ (as amended on October 19, 2023) "Charter of Railway Transport of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024) // ConsultantPlus. - 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40444/ff38d1e361ee0d927582ba7dcb7741dd8101ce61/. – Access date: 08/28/2024.
14. Federal Law "On Natural Monopolies" dated 08/17/1995 N 147-FZ // ConsultantPlus. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/. – Access date: 08/28/2024.
15. Federal Law of 10.01.2003 N 17-FZ (as amended on 13.06.2023) "On Railway Transport in the Russian Federation" // ConsultantPlus. - 2024 [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/260530a83560c192c5e0bf9766768e4cdfefe66f/. - Access date: 28.08.2024.
16. Shchukin, V. V. Current issues of pricing for suburban transportation in the framework of relations between constituent entities of the Russian Federation and carrier companies / V. V. Shchukin, D. N. Kolyadin, Ya. V. Podoplelova // TDR. – 2017. – No. 3. – P. 70-72.
17. Yarashova, V. Improving public administration in the transport sector / V. Yarashova // Silk Road Transport. – 2021. – No. 1. – P. 35-46.

Убеждение судьи в системе факторов, влияющих на оценку доказательств в гражданском судопроизводстве

Галушко Александр Федорович

аспирант кафедры гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, G_aleksandr@list.ru

Убеждение судьи автором статьи рассматривается как ключевой из факторов, обуславливающих оценку доказательств в рамках гражданского процесса. Наряду с данным фактором автор на основе части 1 статьи 67 ГПК РФ выделяет также факторы всесторонности, полноты, объективности, непосредственности, во многом зависящие именно от судьи. Исходя из доктринальных основ отмечается деление факторов оценки доказательств на объективные и субъективные. Предпринимается попытка осмыслить допустимость формирования внутреннего убеждения судьи при наличии сомнений и делается вывод о возможности формирования такого убеждения. Также автор приходит к выводу о наличии взаимосвязи между внутренней (мыслительной) и процессуальной (внешней) оценкой, которые рассматриваются как взаимосвязанные и вытекающие одна из другой. Особо подчёркивается, что отсутствие указаний в законе на тот или иной фактор не означает отрицание его роли. В этой связи особо выделяется роль психологического фактора (морально-психологического), как одно из основ формирования внутреннего убеждения судьи и основ оценки доказательств.

Ключевые слова: ГПК РФ, гражданское судопроизводство, исследование доказательств, критерии оценки доказательств, объективность оценки доказательств, оценка доказательств, субъективность оценки доказательств, убеждение судьи, усмотрение суда, факторы оценки доказательств.

Введение

Оценка доказательств, как в отношении каждого отдельного доказательства, так и касательно всей совокупности доказательств, причём и в рамках гражданского судопроизводства, и в рамках любого иного судопроизводства, базируется на целой системе факторов, что опосредует интерес к вопросам изучения соответствующих факторов, в том числе к вопросу изучения убеждения судьи. В контексте изложенного не приходится сомневаться в особой значимости убеждения судьи как одного из факторов, определяющих и оценку доказательств, и принятие конкретного решения по итогам оценки.

Обозначенная тематика представляется немаловажной и с точки зрения доктрины, и с позиции действующего законодательства. Понимание природы убеждения судьи, правовой сущности данного феномена представляет определённую проблему, в том числе и ввиду преобладания субъективной составляющей в её основе, а также в связи с наличием в отечественной правовой науке множества вариантов трактовки убеждения судьи и различающихся взглядов на роль убеждения, разных мнений относительно целесообразности (возможности) снижения (повышения) роли данного фактора в процедуре оценки доказательств. Это убедительно обосновывает выбор рассматриваемой темы для исследования, характеризует её как весьма значимую не только с точки зрения совершенствования теории гражданского судопроизводства, но и с практической точки зрения, в контексте совершенствования законодательства и практики его применения.

Исходя из изложенного, целью настоящей статьи автор видит анализ феномена убеждения судьи в системе факторов, обуславливающих оценку доказательств в рамках гражданского процесса, и разработку предложений по совершенствованию законодательства, на базе которого определяется роль убеждения судьи при оценке доказательств.

Основная часть

Оценка доказательств в рамках гражданского процесса совершенно обоснованно может рассматриваться в качестве закономерного результата их исследования [20, с. 144]. В этом случае суть оценки образует осмысление «результатов непосредственного восприятия документов, приводящая к формулированию выводов относительно обстоятельств, подлежащих установлению в судебном разбирательстве» [18, с. 43].

Отстаивающие такой взгляд на оценку доказательств исследователи [9, 29, 37] характеризует её как умственную деятельность, которая ввиду отсутствия внешней активности не поддаётся юридической регламентации процессуальными нормами. И

в этом контексте следует признать отсутствие внешнего проявления самого процесса оценки до тех пор, пока он не получил реализацию в совершении судьей конкретных действий.

С точки зрения других специалистов [17], оценка сама по себе носит комплексный характер и предполагает сочетание одновременно и умственной, и процессуальной деятельности, что не может не быть урегулировано законодательно. Именно поэтому такая деятельность предполагает определение соответствующих характеристик доказательств и отражение их в соответствующем акте, принимаемом судом [10 с. 8–9]. Данный подход, очевидно, является более комплексным системным, отражает более широкий взгляд на вопрос оценки доказательств. Безусловно, в этом плане он более основательный и в его рамках отсутствует однобокость взгляда на феномен оценки доказательств.

Также оценка доказательств может быть рассмотрена как своеобразный результат доказывания, результат рассмотрения дела, пусть и промежуточный. Однако, поскольку в контексте гражданского судопроизводства интерес представляет именно сам процесс и его разные аспекты, то более целесообразным представляется рассмотрение оценки доказательств именно как процесса, как деятельности.

Как научная проблема, как проблема законодательного регулирования, как проблема правоприменительного спектра, оценка доказательств играет особую роль в разрешении гражданских дел судами. В этом смысле она представляется немаловажной и с точки зрения обеспечения эффективности функционирования институтов гражданского судопроизводства интерес. Вопрос же факторов, которые обуславливают оценку доказательств, можно считать одним из первостепенных по своей значимости. Вместе с тем, круг факторов, опосредующих оценку, точно не определён ни в законодательстве, ни в науке, ни в актах судов высших инстанций. Не менее спорным остаётся и вопрос об отдельных факторах, в особенности о внутреннем убеждении суда, которое можно выделить в числе ключевых факторов.

Поскольку любые возникающие в рамках судопроизводства вопросы надлежит разрешать в строгом соответствии с положениями действующего законодательства, главным образом, процессуального, то и осмысления проблематики убеждения судьи в контексте гражданского судопроизводства логично начать изучения соответствующих положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (ГПК РФ), а именно ст. 67, раскрывающей базовые основы, исходя из которых принимаются доказательства и дается им правовая оценка при рассмотрении гражданского дела в судебных органах.

Итак, ч. 1 ст. 67 ГПК РФ предписывает суду (судье) решать вопрос оценивания представленных доказательств именно по своему внутреннему убеждению, которое обязательно должно базироваться на исследовании соответствующих доказательств исходя из принципов:

- всесторонности;
- полноты;
- объективности;
- непосредственности.

Основываясь на данной норме, можно с уверенностью заявить, во-первых, о наличии не менее пяти факторов, определяющих оценивание доказательств, во-вторых, о ключевой роли внутреннего убеждения судьи в числе факторов, которыми определяется оценка доказательств.

Учитывая, что всесторонность, полнота, объективность, посредственность, по смыслу ст. 67, рассматриваются как критерии, то есть как некоторые характеристики, условия, на соответствие которым доказательства проверяются, их можно рассмотреть и несколько иначе, с учетом вероятности несоблюдения. Так, оценка может быть: всесторонней и не всесторонней, полной и неполной, объективной и необъективной, непосредственной и опосредованной.

Конечно, например, в случае не всесторонности, неполноты, необъективности, опосредованности оценки появляются основания утверждать о нарушении закона. Тем не менее, такие случаи имеют место быть. В этой связи каждый из перечисленных критериев оценки можно рассматривать и как фактор, влияющий на оценку доказательств в целом. Например, если судья по каким-либо причинам намеренно или ненамеренно оценил то или иное доказательство неполно, то совершенно очевидно, что это негативно отразится и на оценке доказательств в целом. В этой связи возможность рассмотрения указанных критериев оценки доказательств в качестве факторов не вызывает сомнений.

В данном случае совершенно очевидна особая роль внутреннего убеждения судьи, исходя из того, что соответствие доказательств законодательству по всем критериям базируется именно на внутреннем убеждении. Но руководствуясь содержанием ст. 67 ГПК РФ и, в частности, ч. 1, можно с уверенностью утверждать об отсутствии нормативно зафиксированного определения сущности внутреннего убеждения, лежащего в основе оценивания всех доказательств по всем базовым критериям. Хотя было бы ошибочным и утверждением о полном игнорировании законодателем вопроса, связанного с уточнением понимания данного термина, ведь перечисление в рассматриваемой норме соответствующих критериев, создающих основу для внутреннего убеждения, раскрывают отчасти его смысловую нагрузку.

Своеобразным результатом отсутствия дефиниции внутреннего убеждения в нормах ГПК РФ является отсутствие общепринятого взгляда на его сущность. И в этом контексте, как полагал П. Н. Шабанов, имеют место две принципиально противоречащие друг другу позиции: в рамках одной из них внутреннее убеждение понимается как некий измеритель (критерий) оценки доказательств; в рамках же другой внутреннее убеждение принято рассматривать в качестве своеобразного итога судебного оценивания доказательств [21, с. 129]. Здесь как один, так и другой подход можно охарактеризовать как

вполне обоснованные, логичные и не противоречащие нормам действующего ГПК РФ, поскольку из смысла его норм нельзя сделать точный вывод.

В данном случае нельзя не признать принципиальных отличий каждого из представленных подходов, отражающих то или иное понимание внутреннего убеждения судьи. Так, в первом случае можно полагать, что судья вправе давать оценку доказательствам именно таким образом, каким он сочтёт это возможным в настоящие время в данном месте. Во втором же случае предполагается, что доказательства оцениваются именно такими, какие они есть в действительности, исходя из принципа «факт есть факт». Соответственно, второй подход отражает объективность внутреннего убеждения судьи, причем основанное на исследовании доказательств и на правосознании судьи [21, с. 129–130]. И если рассматривать вопрос оценки с позиций ГПК РФ, в частности, с позиции ч. 1 ст. 67, то такое видение обоснованно и законно. В то же время сложно признать объективность оценки доказательств, базирующейся на судебном убеждении.

Основания для сомнений в объективности оценки, базирующейся на судебном убеждении, даёт сама природа внутреннего убеждения человека, ведь в своей сущности убеждение выступает довольно сложным и многоаспектным феноменом, предпосылкой или результатом познавательной деятельности [21, с. 130]. И совершенно очевидно, что познавательная деятельность во многом субъективна хотя бы ввиду того, что каждый индивид подходит к процессу познания исходя из своего видения этого процесса. В этой связи, например, один судья будет максимально детально изучать каждое из доказательств; другой судья может акцентировать особое внимание на изучении отдельных доказательств, а каким-то из не придать значения; третий судья может подойти к познанию доказательств иначе, поверхностно изучая их. Поэтому подход в каждом случае будет иметь немаловажное значение и субъективная составляющая в этом случае вряд ли может быть поставлена под сомнение.

П. Н. Шабановым совершенно обоснованно отрицается уместность рассмотрения внутреннего убеждения как метода осуществления познавательной деятельности и обосновывается возможность рассмотрения внутреннего убеждения как процесса приобретения знания, как результата познавательной деятельности, как предпосылки к дальнейшему познанию [21, с. 134].

Н. О. Машинникова описывает внутреннее убеждение как наличие чувства уверенности субъекта правоприменения в имеющихся знаниях [11, с. 101]. В этом очевидна субъективность, поскольку чувство уверенности формируется исходя из собственных взглядов, собственных оценок индивида. И относительно одних и тех же доказательств это видение у разных индивидов может быть совершенно разным, подтверждением чего можно считать расхождение мнений судей при коллегиальном рассмотрении дел, имеющее место в определенных случаях в рамках любого из процессов.

Подтверждая изложенное, можно согласиться с Н. О. Машинниковой в том, что внутреннее убеждение является и формированием собственного (индивидуального) взгляда судьи на фактические обстоятельства рассматриваемого дела [11, с. 104], что еще более четко подчёркивает выраженность субъективной составляющей.

В литературе наряду с понятием внутреннего убеждения суда широко обсуждается и такой феномен как усмотрение суда (судейское усмотрение). Относительно данных понятий А. В. Тихий пишет, что усмотрение выступает элементом механизма формирования внутреннего убеждения и также некоторой степенью свободы суда [16, с. 10]. То есть внутреннее убеждение у судьи формируется постольку, поскольку закон оставляет решение определенных вопросов на усмотрение суда.

Н. О. Машинникова трактует судебское усмотрение как обеспеченную нормами закона возможность судьи выбирать процессуальное решение исходя из своего внутреннего убеждения, и именно убеждение в этом случае выступает основой усмотрения суда [11, с. 15]. В этой связи также очевидно, что внутреннее убеждение следует рассматривать как фактор, исходя из которого происходит реализация полномочий судьи [7, с. 112].

Безусловно, право судьи руководствоваться внутренним убеждением не означает произвола и не исключает такового, ведь предсказать, каким именно будет судебское убеждение в каждой конкретной ситуации вряд ли возможно [7, с. 109]. Однако совершенно справедливо то, что возмочь давать оценку доказательствам оценку и выносить решения, руководствуясь внутренним убеждением, минимизирует негативный аспект формализма, свойственного как ГПК РФ, так и любому другому источнику законодательства.

В. И. Телятников описывает внутреннее убеждение судьи в контексте оценки доказательств как фикцию и правовую категорию, характеризующую носящую субъективный характер мыслительную деятельность судьи, итогом которой является объективизация результатов в рамках достоверно установленного предмета доказывания результатов [15, с. 7]. Изложенное отражает сочетание как объективной, так и субъективной составляющих в оценке доказательств на базе внутреннего убеждения судьи.

Довольно спорным представляется вопрос относительно твёрдой уверенности судьи, базирующейся на внутреннем убеждении. Так, А. Х. Кагирова предлагает рассматривать внутреннее убеждение именно как твёрдую уверенность судьи [6, с. 40]. И в этом вряд ли можно было бы сомневаться, особенно если учитывать требования законодательства об оценке доказательств согласно ч. 1 ст. 67 ГПК РФ и о вынесении решений на принципах законности, обоснованности, справедливости. Однако, твёрдая уверенность, как нам представляется, не всегда имеет место быть, даже если внешне и демонстрируется, в том числе путём принятия тех или иных юридически значимых решений.

С. А. Пяшин также подчёркивает важность отсутствия у судьи любых сомнений относительно принятого решения и указывает на необходимость трактовки соответствующих сомнений в пользу подсудимого [12, с. 101]. Но применительно к гражданскому процессу о наличии подсудимого говорить не приходится. Поэтому если имеют место сомнения относительно оценки доказательств, то можно полагать, что они должны трактоваться, например, в пользу лица, привлекаемого к гражданско-правовой ответственности.

То есть потенциально сомнения относительно доказательств в случае их оценки судьёй могут иметь место и возможность формирования внутреннего убеждения при наличии сомнений, как мы полагаем, остаётся спорным вопросом. Тем не менее, полагаем, что убеждение может быть сформировано и в условиях наличия определённых сомнений. Это тот случай, когда речь идёт о вероятности того или иного факта.

Пяшин С. А. оценку доказательств на основе внутреннего убеждения также характеризует как результат реализации принципа независимости суда [12, с. 101]. Думается, что такой взгляд обоснован, и очевидно, что независимость суда в таком случае также означает отсутствие какого-либо внешнего давления на судью или, по крайней мере, отсутствие влияния на суд, например, со стороны заинтересованных субъектов.

Однако вопрос отсутствия влияния тоже оказывается спорным, особенно если учесть, что внутреннее убеждение судьи формируются под влиянием широкого спектра факторов, среди которых, в том числе объективные и субъективные факторы [4].

Помимо того, в литературе подчёркивается наличие и иных факторов, прямо или косвенно влияющих на внутреннее убеждение судьи. Среди них:

- логический;
- социально-исторический;
- психологический [8, с. 157–168].

Перечисленные факторы, если руководствоваться нормами ГПК РФ, являются скорее второстепенными, поскольку ни в коей мере не затрагиваются в законе. Тем не менее, не приходится сомневаться в их наличии и значимости. Например, логический фактор влияет на оценку доказательств и в аспекте логических рассуждений судьи, на которые может влиять и логичность аргументации позиций сторон, и допущение ими логических ошибок.

Что касается социально-исторического фактора, то он, как нам представляется, тоже играет немаловажную роль хотя бы потому, что на основе социально-исторической составляющей базируется правовая культура, моральные принципы и в целом так убеждения личности, в том числе в контексте рассматриваемого судьёй гражданско-правового спора. Его роль может реализовываться, в частности, в результате влияния на убеждение судьи моральных норм и этических норм, обычаев, традиций, которые присущи конкретному обществу (в данном случае – Российской Федерации или её отдельным регионам) [19, с. 154].

Психологический аспект тоже имеет место быть, и думается, что такие психологически значимые феномены, как солидарность, чувство справедливости, чувство долга, чувство уважения и пр. свойственны в той или иной мере любому человеку. И при наличии каких-либо сомнений в части оценки тех или иных доказательств эти, казалось бы, второстепенные факторы могут стать решающими. Можно полагать, что при оценке доказательств судьёй может иметь место и определённая симпатия (или антипатия) к тем или иным участникам судебного разбирательства. И хотя законодательство требует подходить к оценке доказательств объективно и беспристрастно, думается, что указанные аспекты могут найти проявление.

В литературе высказывается также мнение о наличии только двух факторов, на базе которых формируется внутреннее убеждение судьи:

- правового;
- психологического [5].

Думается, что данное мнение не лишено оснований, поскольку судья, принимая то или иное решение относительно оценки доказательств, с одной стороны, выступает как специалист в области юриспруденции и как должностное лицо, обязанное руководствоваться исключительно законом; с другой стороны, судье, как любому человеку, свойственны определённые психологические особенности, моральные принципы и пр., которые не могут не влиять на внутреннее убеждение: сам внутренний характер убеждения отражает наличие психологической составляющей.

А. Р. Сундюкова также подчёркивает особую значимость психологического воздействия на сознание судьи в рамках судебного разбирательства, которое дополняет непосредственное восприятие позиций сторон [14, с. 120].

К. Б. Рыжов, указывая на наличие как объективных, так и субъективных факторов оценки доказательств, подчёркивает отсутствие в нормах законодательства указаний на многие из них, что однако, не означает отсутствие их фактического влияния. И в этой связи в качестве субъективных факторов указанным автором подчёркивается жизненный опыт судьи, а также юридическая практика, которая предшествовала судебной деятельности [13, с. 9].

Определённые представления о факторах, влияющих на оценку доказательств, и в том числе на убеждение судьи, дают позиции Конституционного Суда РФ, представленные в его постановлениях и определениях. В этой связи очевидно, что на оценку влияют также степень свободы усмотрения, фактор информации (её достаточность) [2].

Также Конституционным Судом РФ подчёркнута особая значимость самостоятельности оценки доказательств, её законности, системности и комплексности [3]. Отсюда можно сделать вывод о том, что многие факторы, которые влияют на оценку доказательств судом в рамках гражданского процесса и в целом в рамках любого судебного процесса, в значительной мере зависят от самого суда, хотя не только от него. Например, системность и комплексность оценки доказательств в определённой мере

обусловливается и тем, насколько системно и комплексно эти доказательства представлены сторонами.

Что касается самостоятельности оценки, то здесь важно подчеркнуть отсутствие какого-либо давления на судью со стороны заинтересованных лиц, руководств суда, вышестоящих судебных инстанций. Безусловно, с точки зрения законодательства такого давления быть не должно, а любое решение, любая оценка должна даваться самостоятельно, однако объективные реалии свидетельствуют о том, что фактически самостоятельность не всегда имеет место быть. В этой связи надо напомнить и определённую зависимость позиции судьи, рассматривающего конкретное дело, от позиций судов вышестоящей инстанции, а именно от позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суд РФ.

Нельзя не подчеркнуть обусловленность оценки доказательств самой спецификой доказательств. Например, некоторые особенности имеет оценка выводов эксперта. В этой связи в литературе ведутся дискуссии по поводу допустимости оценки судьёй самого содержания выводов эксперта и высказываются мнения как о невозможности оценки выводов эксперта, так о возможности ограниченной оценки и возможности полной оценки заключения [20, с. 147–148]. В контексте изложенного полагаем, что уместность оценки выводов эксперта зависит от специфики поставленных перед ним вопросов.

Заключение

1. Можно полагать, что внутреннее убеждение выступает некоторой позицией судьи, формируемой на в результате (на основе) исследования доказательств по определённым принципам, коими являются всесторонность, полнота, объективность, непосредственность. И эта позиция отражает готовность судьи к принятию определённого решения, становясь неким ориентиром в его действиях. При этом такая позиция объективно недоступна кому-либо другому и формируется именно в сознании личности судьи.

2. Закрепляемая в процессуальных документах оценка тех или иных доказательств является закономерным результатом внутренней (мыслительной) оценки, и в этом смысле можно говорить о наличии двух составляющих оценки: мыслительной (внутренней) и процессуальной (внешней). Они друг с другом связаны неразрывно и реализуются последовательно.

3. Спектр факторов, на основе которых формируется оценка доказательств крайне широк, и внутреннее убеждение в числе них является ключевым фактором. Причём многие факторы в нормах законодательства никоим образом не зафиксированы, однако предполагаются и допускаются. Среди них, в частности, психологический (морально-психологический).

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от

08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СПС «Консультант-Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (дата обращения: 21.08.2024).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 752-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный портал Конституционного Суда РФ. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision133854.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).

4. Горевой Е.Д. Факторы, влияющие на убеждение судьи // *Мировой судья*. – 2007. – № 5. – С.2–4.

5. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судебного убеждения в уголовном судопроизводстве. – Харьков: Высшая школа, 1975. – 144 с.

6. Кагирова А. Х. Психология межличностного взаимодействия в гражданском процессе. – Махачкала: ДГУ, 2021. – 57 с.

7. Корнакова С. В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2022. – Т. 75, № 5(186). – С. 107–116.

8. Корягина П. А., Антонова П. В., Овсянникова С. В. Психология общения: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2015. – 440 с.

9. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 203 с.

10. Матюшин Б. Т. Общие вопросы оценки доказательств в судопроизводстве: учебное пособие. – Хабаровск: Хабаров. высш. шк. МВД СССР 1987. – 68 с.

11. Машинникова Н. О. Усмотрение суда при рассмотрении уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением : дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2021. – 301 с.

12. Пяшин С. А. Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2019. – № 4(58). – С. 99–103.

13. Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – 28 с.

14. Сундюкова А. Р. Прения сторон как средство формирования внутреннего убеждения // *Сибирский юридический вестник*. – 2011. – № 2. – С. 117–121.

15. Телятников В. И. Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 28 с.

16. Тихий А. В. О сущности судейского усмотрения в российском уголовном процессе // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2018. – № 2(12). – С. 8–11.

17. Треушников М. К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 1997. – 320 с.

18. Фокина М.А. Судебные доказательства по гражданским делам: учебное пособие. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. – 53 с.

19. Хамгоков М. М. К вопросу о факторах, влияющих на оценку судьёй доказательств в рамках уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 153–155.

20. Чернова М. Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 187 с.

21. Шабанов П. Н. Внутреннее убеждение судьи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 1. – С. 129–138.

The judge's conviction in the system of factors influencing to assess evidence in civil proceedings Galushko A.F.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The author of the article considers the judge's conviction as a key factor determining the assessment of evidence in the framework of civil proceedings. Along with this factor, the author, based on part 1 of Article 67 of the CPC of the Russian Federation, also identifies factors of comprehensiveness, completeness, objectivity, immediacy, largely depending on the judge. Based on the doctrinal foundations, the division of evidence assessment factors into objective and subjective is noted. An attempt is made to comprehend the permissibility of forming an internal conviction of a judge in the presence of doubts and a conclusion is made about the possibility of forming such a conviction. The author also comes to the conclusion that there is a relationship between internal (mental) and procedural (external) assessment, which are considered as interrelated and stemming from one another. It is emphasized that the absence of instructions in the law on a particular factor does not mean that its role is denied. In this regard, the role of the psychological factor (moral and psychological) is highlighted as one of the foundations for the formation of the judge's inner conviction and the basis for evaluating evidence.

Keywords: Civil Procedure Code of the Russian Federation, civil proceedings, examination of evidence, criteria for evaluating evidence, objectivity of evaluating evidence, evaluation of evidence, subjectivity of evaluating evidence, judge's conviction, court discretion, factors for evaluating evidence.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.01.2001 No. 1-P "On the case of verifying the constitutionality of the provision of paragraph 2 of Article 1070 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens I.V. Bogdanov, A.B. Zernov, S.I. Kalyanov and N.V. Trukhanov" // SPS "ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (date of access: 21.08.2024).

3. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.05.2013 No. 752-О "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksey Vyacheslavovich Kiselev regarding the violation of his constitutional rights by part three of Article 67 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" // Official portal of the Constitutional Court of the Russian Federation. - URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision133854.pdf> (date of access: 23.08.2024).
4. Gorevoy E.D. Factors influencing the conviction of a judge // Justice of the Peace. - 2007. - No. 5. - P. 2-4.
5. Groshevoy Yu. M. Problems of Formation of Judicial Conviction in Criminal Proceedings. - Kharkov: Higher School, 1975. - 144 p.
6. Kagirowa A. Kh. Psychology of interpersonal interaction in civil proceedings. - Makhachkala: DSU, 2021. - 57 p.
7. Kornakova S. V. Discretion as a result of the formation of a judge's internal conviction // Lex Russica (Russian law). - 2022. - Vol. 75, No. 5 (186). - Pp. 107-116.
8. Koryagina P. A., Antonova P. V., Ovsyannikova S. V. Psychology of communication: a textbook and workshop for the academic bachelor's degree. - Moscow: Yurait, 2015. - 440 p.
9. Kurylev S. V. Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice. - Minsk: Publishing house of BSU, 1969. - 203 p.
10. Matyushin B. T. General issues of evidence assessment in legal proceedings: a textbook. - Khabarovsk: Khabarovsk. higher. school. MVD USSR 1987. - 68 p.
11. Mashinnikova N. O. Discretion of the court in considering criminal cases with the accused's consent to the charges brought against him: diss. ... candidate of legal sciences. - Ulyanovsk, 2021. - 301 p.
12. Pyashin S. A. Inner conviction of a judge in assessing evidence // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 4 (58). - P. 99-103.
13. Ryzhov K. B. The principle of free assessment of evidence and its implementation in civil proceedings: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – St. Petersburg, 2011. – 28 p.
14. Sundyukova A. R. Debate of the parties as a means of forming internal conviction // Siberian legal bulletin. – 2011. – No. 2. – P. 117–121.
15. Telyatnikov V. I. Problems of forming internal conviction of a judge in criminal proceedings: author's abstract ... dis. candidate of legal sciences. – St. Petersburg, 2003. – 28 p.
16. Tikhii A. V. On the essence of judicial discretion in Russian criminal proceedings // Problems of criminal procedure, forensic science and forensic examination. – 2018. – No. 2(12). – P. 8–11.
17. Treushnikov M. K. Judicial evidence. – Moscow: Gorodets, 1997. – 320 p.
18. Fokina M.A. Judicial evidence in civil cases: a textbook. - Saratov: SVSh MVD RF, 1995. - 53 p.
19. Khamgokov M.M. On the issue of factors influencing a judge's assessment of evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 4. - P. 153-155.
20. Chernova M.N. Expert opinion as evidence in civil and arbitration proceedings: dis. ... Cand. of Law. - Moscow, 2015. - 187 p.
21. Shabanov P.N. Inner conviction of a judge // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. - 2010. - No. 1. - P. 129-138.

Проблемы утверждения плана реструктуризации долгов гражданина

Плетнева Диана Маратовна

аспирант кафедры гражданского права Удмуртского государственного университета, sharafutdinova.d@gmail.com

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с утверждением плана реструктуризации долгов гражданина в рамках процедуры банкротства физических лиц. Актуальность темы обусловлена растущим числом банкротств граждан, а также необходимостью совершенствования механизмов защиты прав как должников, так и кредиторов.

Автор анализирует существующую нормативно-правовую базу и судебную практику, выявляя ключевые сложности, возникающие в исследуемой области. Характеризуются основные причины отказов в утверждении планов (несоответствие плана требованиям законодательства, необоснованность сроков погашения задолженности, недостаточная обоснованность источников доходов должника и т. д.).

Новизна заключается в том, что автором предложено оптимизировать правовое регулирование дел о банкротстве граждан, не связанных с предпринимательской деятельностью, в России посредством внесения следующих изменений: пересмотреть сроки, на которые может утверждаться план реструктуризации долгов (с учётом представленного в статье анализа опыта зарубежных стран), и дополнить Закон о банкротстве нормой, исключающей возможность удовлетворения требований кредиторов, не включенных в план и не заявивших свои требования в установленный двухмесячный срок. Это даст возможность устранить пробелы, противоречия в действующем законодательстве.

Статья представляет интерес для практикующих юристов, специализирующихся на банкротстве физических лиц, арбитражных управляющих, судей, а также для законодателей. Помимо этого, материал может быть полезен гражданам, рассматривающим возможность реструктуризации своих долгов.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, должник, кредитор, план реструктуризации, правовое регулирование, процедура банкротства, реструктуризация долгов, судебная практика

Введение. Проблема финансовой несостоятельности гражданина становится всё более актуальной в современном обществе, где уровень за кредитованности населения стабильно растёт. Одним из способов решения проблемы задолженности является процедура реструктуризации долгов гражданина, предусмотренная законодательством о банкротстве. Она позволяет должнику избежать полной ликвидации имущества и постепенно погасить свои обязательства перед кредиторами в соответствии с утвержденным планом.

Вместе с тем, на практике ход утверждения плана реструктуризации долгов сталкивается с множеством проблем, которые снижают его эффективность, привлекательность как для должников, так и для кредиторов.

Целью исследования является выявление и анализ основных проблем, связанных с утверждением данного плана в рамках российского законодательства, а также разработка предложений по преодолению наиболее острых. В частности, рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью пересмотра сроков реализации плана и обеспечения защиты прав как должников, так и кредиторов, участвующих в процедуре.

Методы и материалы. При написании статьи автором использовался метод сравнения (при анализе опыта зарубежных стран в рассматриваемой области), анализа статистической информации и материалов судебной практики. При формулировке выводов задействован метод обобщения. Изучены современные научные публикации.

Так, в рамках исследования проблем утверждения плана реструктуризации долгов гражданина авторы рассматривают различные аспекты данного процесса. А.Г. Анисимов и У.Г. Заруева фокусируются на общих проблемах в соответствующей области, закладывая основу для дальнейших исследований [1]. К.А. Катков углубляется в правовую природу реструктуризации долга, поднимая вопрос о её сути в контексте банкротства граждан [4].

Процедурные аспекты подробно рассматривает А.О. Казаков, анализируя роль суда в рассматриваемом процессе и подчёркивая особую значимость данной процедуры для современной экономики [3]. К.М. Французова [10] и В.С. Кучеряева [5] продолжают эту исследовательскую линию, акцентируя внимание на специфике и нюансах проведения процедуры несостоятельности физических лиц. М.И. Селиванова дополняет анализ, рассматривая реструктуризацию долгов как специфическую процедуру банкротства [7].

Пристальное внимание правам должника в процессе реструктуризации уделяет М.Г. Учеваткин [9],

что, как представляется, позволяет взглянуть на проблему с позиции защиты интересов несостоятельного гражданина. Данный подход весьма значим с позиции обеспечения баланса интересов всех участников процесса.

Д.О. Османова поднимает вопрос о целесообразности стадии реструктуризации долгов в процедуре банкротства гражданина [6], что представляет собой критический взгляд на существующую систему, а также открывает дискуссию о возможных путях её усовершенствования.

Одним из проблемных в научной литературе является вопрос, возможно ли предусмотреть в рассматриваемых нами планах, что в качестве источников средств для погашения требований кредиторов выступает выручка от продажи имеющегося у должника имущества. Исследователями приводятся конкретные примеры из практики, отражающие противоречия. Так, А. Спиридонов анализирует их, отталкиваясь от расхождений в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25.10.2022 по делу № А40-82237/2021, Арбитражного суда ЗСО от 02.02.2023 по делу № А27-23785/2021, Определении ВС РФ от 06.03.2024 № 305-ЭС21-28610 (4) по делу № А40-189288/2020 [8].

Итак, авторы в научных публикациях прибегают к различным подходам к исследованию проблемы — от анализа сущностных характеристик, правовой природы, процедурных аспектов до оценки эффективности и защиты прав должника. Это предоставляет полноценную возможность сформировать комплексное представление о проблематике в анализируемой сфере и наметить пути оптимизации, модернизации.

Результаты и обсуждение. При обращении к терминологическому аппарату следует отметить, что план реструктуризации долгов гражданина — это документ, который разрабатывается в рамках процедуры банкротства; в данной связи предусматриваются порядок и условия погашения задолженности перед кредиторами. В центре внимания — проблематика сроков, порядка, а также размеров выплат по долгам, прощения части задолженности либо отсрочки платежей. Основной целью плана служит предоставление гражданину возможности рассчитаться с долгами, избегая полной ликвидации имущества [5].

Сама реструктуризация причисляется к категории реабилитационных процедур, обоснованием чему являются два ключевых аспекта:

- восстанавливается платежеспособность граждан;
- погашаются задолженности, которые имеются перед кредиторами [8].

Утверждение плана реструктуризации долгов гражданина — это процедура, в ходе которой соответствующий документ рассматривается и одобряется судом после согласования с кредиторами. Для утверждения необходимо согласие большинства кредиторов, чьи требования обеспечены залогом или иными способами. После того, как план утвер-

ждён, он приобретает обязательную силу для гражданина и его кредиторов; исполнение становится обязательным.

При утверждении просматриваемых планов судебные органы принимают в учёт следующие моменты:

- насколько реально исполнить план, принимая во внимание финансовые возможности должника;
- имеется ли расчёт прожиточного минимума лица из его заработной платы либо прочих источников дохода [7].

Далее следует обратиться к статистическим сводкам: за 2023 год обнаруживается, что по результатам процедур реструктуризации долгов граждан судебными органами было вынесено 45472 акта и в более 44000 случаев — это решения касательно признания физических лиц банкротами и перехода к процедуре реализации имущества. Относительно планов реструктуризации обращает на себя внимание следующее: более чем в 80% случаев лица их не представляли. При оценке частоты утверждения выясняется, что в предыдущем году суды 350788 раз вынесли решения о признании должников-граждан банкротами; только в 675 случаях утвердили планы реструктуризации [2]. По утверждению А. Спиридонова, по-видимому, в качестве одного из обоснований данной проблемы выступает де-факто «автоматический» ввод процедуры реструктуризации долгов [8] (со ссылкой на содержание первого пункта статьи 213.6 Закона о банкротстве).

Как правило, когда со стороны судебных органов следует отказ должникам, то это происходит по основаниям, которые носят формальный характер (к примеру, речь идёт о несоответствии планов требованиям, изложенным в статье 213.18 Закона о банкротстве), или же делается заключение, что сам план является, по существу, предположительным, о чём свидетельствуют конкретные примеры из практики. (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.03.2024 по делу № А57-26248/2021) [8].

Невзирая на ряд затруднений, сопряжённых с процессами утверждения рассматриваемых планов, судебные органы продолжают делать акцент на целесообразности применения к должникам процедур реабилитационного характера в ситуациях, когда это реально. Например, показательным в данном контексте можно считать Постановление от 14.12.2023 по делу № А76-44603/2021, в котором Арбитражным судом Уральского округа были сформулированы базовые позиции, утвердившиеся в практике, раскрывающие сущность реструктуризации долгов граждан именно как реабилитационного направления [8].

При поверхностном рассмотрении законодательных норм, регулирующих процесс реструктуризации долгов гражданина, может сложиться впечатление, что в его применении на практике не возникает сложностей. Однако следует углубиться в ключевые практические моменты этого процесса и выяснить, почему данная процедура не пользуется спросом среди граждан и кредиторов. В представленной ниже таблице 1 систематизированы проблемы, касающиеся анализируемой нами сферы.

Таблица 1

Характеристика проблем утверждения плана реструктуризации долгов гражданина (составлено автором на основе [1, 3, 7])

Проблема	Описание
Недостаточная осведомленность	Многие граждане не знают о возможности реструктуризации долгов или не понимают процедуру.
Сложность процедуры	Процесс подготовки и утверждения плана реструктуризации довольно сложен и требует специальных знаний.
Строгие требования к должнику	Для того, чтобы утвердить план, должник должен иметь стабильный доход, позволяющий погашать долги по новому графику.
Несогласие кредиторов	Кредиторы могут не соглашаться с предложенным планом реструктуризации, что затягивает процесс.
Ограниченный срок реструктуризации	Максимальный срок реализации плана — 5 лет, что может быть недостаточно для некоторых должников.
Высокие судебные издержки	Процедура банкротства, в том числе, реструктуризация, сопряжена с существенными расходами.
Недостаточная квалификация финансовых управляющих	Не все финансовые управляющие имеют достаточный опыт для эффективной разработки плана.
Отсутствие единых стандартов	Нет четких критериев для оценки обоснованности и реализуемости планов реструктуризации.
Риск злоупотреблений	Существует возможность использования процедуры недобросовестными должниками для уклонения от выплаты долгов.
Негативные последствия для кредитной истории	Даже успешная реструктуризация может негативно повлиять на будущую кредитоспособность гражданина.

Для разрешения выделенных проблем необходимо совершенствование законодательства, повышение финансовой грамотности населения, улучшение работы финансовых управляющих.

Далее следует сформулировать ряд рекомендательных положений на предмет того, как можно справиться с некоторыми сложностями.

Одной из наиболее серьезных проблем, возникающих при применении анализируемой процедуры, являются сроки исполнения плана реструктуризации. Закон устанавливает, что он не может превышать пяти лет, а в некоторых случаях — трёх лет (делается ссылка на второй пункт статьи ст. 213.14 Закона о банкротстве). В этот план не включаются требования кредиторов, связанные с возмещением ущерба, причиненного жизни или здоровью, а также с выплатой алиментов. Предположим, что гражданину был выдан крупный кредит на десять лет. В рамках реструктуризации такой срок пересчитывается, и кредит должен быть погашен в течение пяти лет. Подобное «хронологическое» сокращение может сделать выполнение плана реструктуризации невозможным, поскольку ведёт к значительному увеличению ежемесячных выплат по кредиту.

В данном случае уместно рассмотреть зарубежную практику (таблица 2), при этом обнаруживается, что некоторые страны предоставляют более длительные сроки для реструктуризации долгов гражданина, доходящие до 10 лет.

Представленная в таблице информация полезна для адаптации сроков под сложные финансовые ситуации должников, что увеличивает шансы на

успешное исполнение плана. В дополнение к сведениям, отраженным в таблице, уместно привести в пример Южную Корею, в которой сроки исполнения рассматриваемых планов по ипотечным обязательствам — до 20 лет, а что касается общего срока исполнения — до 10 лет [9].

Таблица 2

Сроки, предусматриваемые законодательством зарубежных стран для реализации плана реструктуризации долгов гражданина (составлено автором на основе [1, 3, 9])

Страна	Максимальный срок реструктуризации долгов	Условия и особенности
Франция	До 7 лет	План реструктуризации может продлеваться до 10 лет в исключительных случаях.
Германия	До 6 лет	Стандартный срок — 6 лет, но может быть сокращен до 3 лет при успешной выплате.
Нидерланды	До 7 лет	В отдельных случаях допускается продление до 10 лет.
Испания	До 7 лет	Возможна реструктуризация сроком до 10 лет в зависимости от ситуации.
Швеция	До 10 лет	План реструктуризации может длиться до 10 лет, если должник показывает хорошие намерения.
Италия	До 7 лет	В исключительных случаях может быть увеличен до 10 лет.
Бельгия	До 7 лет	Возможность продления срока в зависимости от финансового положения должника.
Португалия	До 7 лет	Возможно увеличение срока до 10 лет в случае тяжёлого финансового положения должника.

Учёт опыта зарубежных государств в российском законодательстве помог бы сделать процедуру реструктуризации долгов более гибкой, доступной, особенно для должников с крупными долгами, требующими длительного времени на погашение. По нашему мнению, введение возможности продления сроков в исключительных случаях в России повысит привлекательность и результативность данной процедуры для всех участников.

С нашей точки зрения, Закон о банкротстве целесообразно дополнить положениями, с помощью которых устанавливаются особые сроки для должников, чьи долги включают банковские кредиты либо значительные займы у частных лиц. К примеру, рекомендуется предусмотреть норму, согласно которой срок реализации плана реструктуризации должен соответствовать периоду, указанному в кредитном договоре, что позволит должнику выполнять свои обязательства перед кредиторами путем регулярных ежемесячных платежей в полном объеме.

В Законе о банкротстве также не предусматривается освобождение должника от обязательств перед кредиторами, которые не были включены в план реструктуризации после его выполнения. Это делает стадию реструктуризации экономически невыгодной для должника, поскольку любой кредитор,

пропустивший сроки, может заявить свои требования практически в любое время. В рамках же процедуры реализации имущества должник имеет шанс полностью освободиться от долгов.

На наш взгляд, для предотвращения злоупотреблений со стороны кредиторов необходимо закрепить в законе положение о том, что кредиторы, не включенные в план реструктуризации и не заявившие свои требования в течение двух месяцев с момента публикации информации о начале процедуры реструктуризации долгов, теряют право на удовлетворение своих требований.

Выводы. На практике ход утверждения плана реструктуризации долгов граждан сталкивается с множеством проблем, которые снижают его эффективность, привлекательность как для должников, так и для кредиторов. Среди ключевых проблем выделены ограничения по срокам реализации плана, недостаточная гибкость в учёте индивидуальных обстоятельств должников, а также риск возникновения злоупотреблений со стороны кредиторов, не включенных в план реструктуризации.

На основе анализа теоретических положений и судебной практики автором предложено оптимизировать правовое регулирование дел о банкротстве граждан, не связанных с предпринимательской деятельностью, в России путем внесения следующих изменений: пересмотреть сроки, на которые может утверждаться план реструктуризации долгов, и дополнить Закон о банкротстве нормой, исключающей возможность удовлетворения требований кредиторов, не включенных в план и не заявивших свои требования в установленный двухмесячный срок. Внешение данных корректив позволит устранить проблемы, противоречия в действующем законодательстве, регулирующем процедуры банкротства граждан, что, в свою очередь, приведет к его совершенствованию.

Литература

1. Анисимов А.Г. О некоторых проблемах утверждения и исполнения планов реструктуризации долгов граждан / А.Г. Анисимов, У.Г. Заруева // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. – Иркутск: 2019. – С. 278-280.

2. Банкротство в России: статистические показатели за 2023 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cse> (дата обращения: 01.09.2024).

3. Казаков А.О. Банкротство граждан как атрибут современной экономики: утверждение судом плана реструктуризации долгов гражданина / А.О. Казаков // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 408-419.

4. Катков К.А. Правовая природа реструктуризации долгов в деле о банкротстве гражданина: постановка проблемы / К.А. Катков // Право и политика. – 2020. – № 5. – С. 68-80.

5. Кучеряева В.С. Особенности процедуры реструктуризации долгов гражданина / В.С. Кучеряева

// Цивилистика: право и процесс. – 2023. – № 4 (24). – С. 14-18.

6. Османова Д.О. Целесообразность стадии реструктуризации долгов в процедуре банкротства гражданина / Д.О. Османова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 7. – С. 170-183.

7. Селиванова М.И. Особенности реструктуризации долгов гражданина как процедуры банкротства / М.И. Селиванова // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2023. Сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции. – Гатчина: 2023. – С. 199-201.

8. Спиридонов А. Практические аспекты реструктуризации долгов гражданина: как их решает судебная практика / А. Спиридонов // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/483192/> (дата обращения: 01.09.2024).

9. Учеваткин М.Г. Права несостоятельного гражданина в процедуре реструктуризации долга / М.Г. Учеваткин // Инновационные научные исследования в современном мире. Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции. – Уфа: 2023. – С. 21-27.

10. Французова К.М. Реструктуризация долгов при банкротстве: особенности проведения процедуры несостоятельности физических лиц / К.М. Французова // Уральский научный вестник. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 136-141.

Problems of approving a debt restructuring plan for a citizen

Pletneva Diana Maratovna

Udmurt State University

This article discusses the current problems associated with the approval of a plan for restructuring a citizen's debts in the framework of the bankruptcy procedure of individuals. The relevance of the topic is due to the growing number of bankruptcies of citizens, as well as the need to improve mechanisms for protecting the rights of both debtors and creditors.

The author analyzes the existing regulatory framework and judicial practice, identifying the key difficulties arising in the field under study. The main reasons for refusals to approve plans are characterized (non-compliance of the plan with the requirements of legislation, unreasonableness of debt repayment periods, insufficient justification of the debtor's sources of income, etc.).

The novelty lies in the fact that the author proposed to optimize the legal regulation of bankruptcy cases of citizens not related to entrepreneurial activity in Russia by making the following changes: to review the deadlines for which a debt restructuring plan can be approved (taking into account the analysis of the experience of foreign countries presented in the article), and to supplement the Bankruptcy Law with a norm excluding the possibility of satisfaction of creditors' claims that are not included in the plan and have not submitted their claims within the established two-month period. This will make it possible to eliminate gaps and contradictions in the current legislation.

The article is of interest to practicing lawyers specializing in bankruptcy of individuals, arbitration managers, judges, as well as to legislators. In addition, the material may be useful to citizens considering the possibility of restructuring their debts.

Keywords: bankruptcy of individuals, debtor, creditor, restructuring plan, legal regulation, bankruptcy procedure, debt restructuring, judicial practice

References

1. Anisimov A.G. On some problems of approving and executing plans for restructuring citizens' debts / A.G. Anisimov, U.G. Zarueva // The activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXIV international scientific and practical conference. – Irkutsk: 2019. – pp. 278-280.
2. Bankruptcy in Russia: statistical indicators for 2023 // [Electronic resource]. URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cce> (date of application: 09/01/2024).
3. Kazakov A.O. Bankruptcy of citizens as an attribute of the modern economy: approval by the court of a plan for restructuring a citizen's debts / A.O. Kazakov // Perm Legal Almanac. – 2020. – No. 3. – pp. 408-419.
4. Katkov K.A. The legal nature of debt restructuring in the bankruptcy case of a citizen: setting the problem / K.A. Katkov // Law and politics. – 2020. – No. 5. – pp. 68-80.
5. Kucheryaeva V.S. Features of the procedure for restructuring a citizen's debts / V.S. Kucheryaeva // Civil law: law and process. – 2023. – № 4 (24). – Pp. 14-18.
6. Osmanova D.O. Expediency of the debt restructuring stage in the bankruptcy procedure of a citizen / D.O. Osmanova // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024. – No. 7. – pp. 170-183.
7. Selivanova M.I. Features of debt restructuring of a citizen as a bankruptcy procedure / M.I. Selivanova // Current problems of science and practice: Gatchina Readings 2023. Collection of scientific papers based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference. – Gatchina: 2023. – pp. 199-201.
8. Spiridonov A. Practical aspects of restructuring a citizen's debts: how judicial practice solves them / A. Spiridonov // [Electronic resource]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/483192/> (date of address: 09/01/2024).
9. Uchvatkin M.G. The rights of an insolvent citizen in the debt restructuring procedure / M.G. Uchvatkin // Innovative scientific research in the modern world. Collection of scientific articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference. – Ufa: 2023. – pp. 21-27.
10. Franzuzova K.M. Debt restructuring in bankruptcy: features of the insolvency procedure of individuals / K.M. Franzuzova // Ural Scientific Bulletin. – 2023. – Vol. 9. – No. 3. – pp. 136-141.

Права и обязанности сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ

Подсушная Мария Владимировна

аспирант, кафедра гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s0159201@msal.edu.ru

В современном образовании широко применяется сетевая форма реализации образовательных программ как инновационное направление, объединяющее ресурсы нескольких учреждений для достижения более высокого качества обучения. В этой статье раскрываются права и обязанности сторон договора о сетевой форме реализации образовательных программ, обучающихся, их родителей на примерах локальных актов организаций. Внимание уделено и преддоговорным правам и обязанностям сторон (предоставление необходимой информации о лицензировании, сертификации, образовательных методиках, разработке учебных планов, графиках занятий и т.д.) между базовой организацией и организацией-участником. Выводы исследования позволяют предложить внести дополнения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации».

Ключевые слова: сетевая форма реализации образовательных программ, договор, права и обязанности сторон, образовательная организация, базовая организация, организация-участник, обучающийся, законные представители.

Реализация образовательных программ в формате сети представляет собой инновационную модель, которая позволяет объединить ресурсы нескольких организаций. В данной модели различные учреждения, включая учебные заведения, коммерческие или некоммерческие организации, сотрудничают с целью обеспечения высококачественного образования. При этом «организация реализации образовательных программ в сетевой форме актуальна в следующих случаях: когда используются ресурсы нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, или когда участники сетевой формы реализации создают и утверждают совместную образовательную программу» [1, с. 361].

Сетевая модель образовательных программ обеспечивает использование разнообразных ресурсов, которые недоступны для отдельных учреждений. Эта концепция содействует обмену знаниями и инноваций, совместной работе над учебными материалами, проведению совместных мероприятий и экспертизе. Базовая организация и организация-участник заключают договор о сетевой форме реализации образовательных программ, в котором определяются права и обязанности каждой стороны.

Права и обязанности сторон также следуют из нормативных актов, в частности: Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», [2] приказов Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [3,4] и приказов Министерства просвещения Российской Федерации [5,6].

Отдельно следует упомянуть письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.08.2015 № АК-2563/05 «О методических рекомендациях», которое имеет рекомендательный характер [7].

Одной из сторон договора является основная (базовая) организация, которая принимает обучаемого для обучения в рамках определенной образовательной программы, осуществляемой через сетевую модель.

Второй стороной является участвующая организация. Количество таких организаций может изменяться в зависимости от особенностей конкретной образовательной программы.

В рамках сетевого взаимодействия права и обязанности сторон можно разделить на преддоговорные и договорные.

По мнению М.Н. Малеиной «до заключения договора требуется сравнительная оценка кадровых, материально-технических, информационно-методических и иных условий реализации образовательной программы в предполагаемых организациях-участниках, выявление вероятных рисков (организа-

ционно-педагогических, социально-психологических санитарно-гигиенических), использования сетевой формы и возможности их снижения, предварительная оценка издержек и дополнительных затрат» [8].

Стороны договора о сетевой форме реализации образовательных программ обязаны предоставить друг другу необходимую информацию о своих лицензиях, сертификатах, методах обучения, квалификации преподавателей.

Организация-участник имеет право получить от базовой организации все необходимые сведения о предлагаемой образовательной программе, ее содержании, условиях обучения, а также о своих правах (право на участие в принятии решений, на консультации), а базовая организация обязана предоставить вышеуказанную информацию. Для информирования могут использоваться различные средства коммуникации, включая электронные платформы, веб-сайты, электронную почту и другие каналы связи.

Перед заключением договора основной организации и участвующих организаций, которые сотрудничают в рамках сетевых образовательных программ, важным этапом является разработка учебного плана, составление календарного графика и расписания занятий, возможно совместное создание этих документов.

Бардышева С.М. пишет, что «можно предположить, что деятельность, осуществляемая в сетевой форме реализации образовательных программ, является исключительно совместной, то есть вся реализуемая деятельность предполагает согласование действий» [9]. Однако стоит отметить, что организация-участник самостоятельно осуществляет свою работу с обучающимися.

Договорным правам и обязанностям сторон вышеуказанного договора хотелось бы уделить особое внимание.

Взаимодействие и участие организации-участника в разработке образовательных программ и оптимизации образовательного процесса может быть как правом, так и обязанностью, исходя из контекста и условий конкретного сетевого сотрудничества. Как правило, на практике образовательная программа разрабатывается базовой организацией до заключения договора. Но в силу п.6 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ (утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации № 882/391 от 05.08.2020г.) эта обязанность включена в число договорных. В соответствии с п.6 вышеуказанного Порядка, «сетевая образовательная программа в соответствии с договором о сетевой форме утверждается базовой организацией самостоятельно либо совместно с образовательной организацией-участником (образовательными организациями-участниками). В случае, когда сетевая образовательная программа утверждается базовой организацией самостоятельно, образовательная организация-участник разрабатывает, утверждает и

направляет базовой организации для включения в сетевую образовательную программу рабочие программы реализуемых ею частей, а также необходимые оценочные и методические материалы» [3]. Так, например, п. 2.1, 2.2 договора о сетевой форме реализации образовательной программы № СОП-РД-РФ-009/23 от 07.12.2023 года между ФГБОУВО «Уфимский университет науки и технологий» и ФГАОУВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», предусмотрено, что «сетевая образовательная программа утверждается базовой организацией самостоятельно. Организация-участник разрабатывает, утверждает и направляет базовой организации для включения в сетевую образовательную программу рабочие программы реализуемых ею частей (учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов), а также необходимые оценочные и методические материалы».

Как для базовой организации, так и для организации-участника, участие в проведении экспертизы является как правом, так и обязанностью. Этот процесс включает в себя активное сотрудничество между представителями базовой организации, организации-участника, преподавателями и студентами в разработке, оценке и управлении образовательной программой в контексте сетевого взаимодействия.

Участие в экспертизе может быть рассмотрено как право участников сетевого взаимодействия принимать активное участие в управлении и оценке образовательной программы. С другой стороны, в определенных ситуациях участие в экспертизе является обязанностью для участников сетевого сотрудничества, которые привлекаются к участию с целью обеспечения прозрачности, учета мнения всех заинтересованных сторон.

Обязанностью организации-участника является предоставление разнообразных ресурсов, кадров (преподавателей, экспертов). Примером может служить договор о сетевой форме реализации образовательных программ б/н от 10.02.2022 года между ГБПОУ «Пермский краевой колледж «Оникс» и ГБПОУ «Пермский химико-технологический техникум», согласно п. 2.2 которого «организация-участник предоставляет учебные мастерские и помещения для раздевалок и хранения инструментов, необходимые для реализации образовательной программы».

Базовая организация обладает обязанностью организации координации и распределения финансовых средств между участниками в соответствии с установленными правилами и условиями. Если соглашение о сетевом взаимодействии предусматривает плату, организация-участник имеет право на вознаграждение от базовой организации за использование кадров, материальных, технических и методических ресурсов. Соответственно, базовая организация должна оплатить участвующей организации за предоставленные услуги или выполненные работы в рамках образовательной программы.

Способы расчетов между базовой организацией и организацией-участником определяются требованиями нормативных актов, источниками финансирования и условиями договора.

В случае, если все участники являются бюджетными организациями, в соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», взаимодействие может быть безвозмездным. В таком случае, согласно п. 15 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ (утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации № 882/391 от 05.08.2020г.), пункта III Методических рекомендаций по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ [10], финансирование программы может осуществляться за счет государственных средств или других источников финансирования для покрытия расходов по ее реализации. Например, пунктом 3.1. договора о сетевой реализации образовательных программ б/н от 02.09.2019г. между АНОО «Областная гимназия им. Е.М. Примакова и АНОО «Физтех-лицей» имени П.Л. Капицы предусмотрено, что «образовательные программы реализуются гимназией как за счет поступлений из бюджета Московской области, бюджетных ассигнований федерального бюджета, так и за счет иных денежных средств».

Организация-участник и базовая организация имеют право на получение необходимых ресурсов друг от друга [2]. Это могут быть кадровые ресурсы (квалифицированные преподаватели, эксперты и консультанты). Материально-технические ресурсы представляют собой доступ к специализированному оборудованию, программному обеспечению, технологиям обработки информации и другим необходимым средствам для обучения. Учебные ресурсы включают материалы для обучения, учебные пособия, онлайн-ресурсы и другие аналогичные материалы. Например, согласно п. 2.1. договора о сетевой форме реализации образовательных программ № 0014-2023/ЖДРМ/Д03-02/292 от 09.01.2023г. между АНОДПО «Корпоративный университет локомотивных технологий» и АО «Желдорремаш», «образовательные программы реализуются базовой организацией с участием организации-участника путем совместного использования и мобилизации собственных ресурсов, таких как информационно-образовательные материалы в печатном и электронном виде, лицензионное программное обеспечение, информационно-телекоммуникационные ресурсы и персонал (преподаватели, мастера производственного обучения, специалисты, обеспечивающие техническую поддержку программного обеспечения)».

Кроме того, базовая организация вправе принимать ресурсы от различных источников, в зависимости от ее потребностей и характеристик программы (международные, государственные и негосударственные финансовые инициативы, партнерство с бизнес-сектором). Это право не является договорным, а следует из существа нормативных актов.

Базовая организация несет ответственность за согласованность и качество образовательного процесса путем координации деятельности всех участвующих организаций. Это включает в себя обеспечение согласованности учебных материалов и методик, обмен информацией, и поддержание связи между участниками сети. Базовая организация имеет право устанавливать сроки выполнения сетевой образовательной программы для организации-участника или нескольких организаций-участников для выполнения ее различных этапов.

К основным обязанностям базовой организации относится обязанность осуществления процесса зачисления обучающихся на основную образовательную программу и ведение учета движения контингента.

В соответствии с п. 14 Приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства Просвещения Российской Федерации «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» № 882/391 от 05.08.2020 «обязанностью базовой организации является выдача документов об образовании и (или) квалификации. Обучающимся, прошедшим успешно обучение, выдается специальная документация, подтверждающая их профессиональные достижения (сертификаты, дипломы, свидетельства и аттестаты об окончании обучающих программ). Некоторые организации-участники вправе выдавать собственные сертификаты или удостоверения» [3].

Организации-участники имеют право выбирать методики и технологии обучения, соответствующие направлению подготовки и реализуемой образовательной программе. Технологии обучения включают в себя программное обеспечение, онлайн-платформы, интерактивные образовательные ресурсы и другие обучающие инструменты, которые используются для удовлетворения потребностей студентов. Отличие между методикой обучения и технологией заключается в том, что методика определяет стратегию преподавания, а технология - способы ее реализации.

Несмотря на то, что стороны договора о сетевой форме реализации образовательных программ являются юридически равными, в соответствии с ч. 7 ст. 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», ответственность за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом, за качество образования выпускников, а значит, и ответственность за качество образовательной программы и должный уровень ее реализации, включая ту часть (части) образовательной программы, которую реализует организация-участник, несет образовательная организация [2]. Учитывая, что в сетевом взаимодействии организацией-участником может выступать не только образовательное учреждение, считаем необходимым дополнить п. 2 ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», установив обязанность по контролю, оценке качества и управлению процессом образовательной деятельности базовой организации.

Контроль и оценка качества выполнения образовательной программы включает в себя следующие аспекты: 1) тестирование и экзамены с целью отслеживания соответствия учебному плану и использования учебных материалов, качества преподавания и других факторов, влияющих на качество образования; 2) оценка результатов: может включать оценку выполненных работ и другие методы с целью определения степени достижения образовательных целей и качества обучения; 3) принятие мер для устранения недостатков. Например, корректировка учебных планов, обновление учебных материалов, проведение дополнительных занятий, обучение преподавателей.

Участвующая организация также обязана обеспечить высокое качество обучения путем предоставления необходимых ресурсов, таких как квалифицированный персонал, оборудование и учебные материалы для успешной реализации учебной программы. Она также обеспечивает качество проведения учебных занятий, практик и других мероприятий по программе, а также учет успеваемости учащихся. Организация-участник обязана систематически отслеживать и регистрировать данные об успехах и прогрессе учащихся, предоставляя эту информацию базовой организации.

Организация-участник обязана соблюдать установленные сроки выполнения различных компонентов программы в соответствии с учебным планом.

Соглашение между базовой организацией и обучающимися в системе образования определяет права и обязанности каждой из сторон. Согласно этому соглашению, базовая организация обязуется обеспечить условия для эффективного обучения обучающихся, предоставив необходимые учебные материалы, и после завершения обучения выдать соответствующие документы об образовании.

При реализации сетевых образовательных программ обучающиеся обладают рядом специфических прав, которые позволяют им в полной мере воспользоваться преимуществами сетевой формы обучения. Одним из наиболее значимых прав является академическая мобильность. Право на академическую мобильность позволяет обучающимся проводить часть своего обучения в других организациях-участниках, участвовать в обменных программах, стажировках или других формах академической мобильности, предусмотренных договором и учебным планом.

Немаловажным является право обучающихся на использование ресурсной базы всех организаций-участников сетевой программы, материально-техническим обеспечением, информационными ресурсами, библиотечным фондом, спортивными объектами и иными возможностями наравне с обучающимися данной организации.

Обучающиеся вправе быть проинформированы обо всех условиях освоения сетевой программы, включая распределение учебной нагрузки, формы и сроки контроля знаний, порядок перемещения между организациями. Организации-участники также обязаны обеспечить безопасные условия пребывания обучающихся, соблюдение необходимых

правил и норм. Важным аспектом является сохранение за обучающимися права на получение стипендий, льгот на проезд и питание, и других мер социальной поддержки, предусмотренных законодательством, при реализации сетевых программ в соответствии с п. 11 Приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства Просвещения Российской Федерации «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» № 882/391 от 05.08.2020 г.

Помимо прав, у обучающихся также имеются определенные обязанности, предусмотренные Ст. 45 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [2] и договором об образовании между образовательной организацией и обучающимся или его законным представителем. В первую очередь, обучающимся необходимо соблюдать внутренний распорядок и локальные нормативные акты учебных заведений, где они обучаются по сетевой программе. Они обязаны бережно относиться к имуществу этих организаций и нести ответственность в случае причинения ущерба.

Важнейшей обязанностью обучающихся является добросовестное освоение сетевой образовательной программы в соответствии с учебным планом. Учащиеся обязаны регулярно посещать занятия, выполнять задания и проходить промежуточную аттестацию вовремя. Они также обязаны уведомлять базовую организацию и участвующие организации о предстоящих перемещениях в рамках программы заранее. В соответствии со статьей 44 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», на законных представителях несовершеннолетних обучающихся лежит обязанность соблюдения правил внутреннего распорядка организации, осуществляющей образовательную деятельность, требований локальных нормативных актов, устанавливающих режим занятий обучающихся [2].

Литература

1. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография/ Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булаевский и др.; под ред. Н.В. Путило, Н.С. Волковой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. – 480 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1).
3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства Просвещения Российской Федерации «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» от 05.08.2020 № 882/391, <https://www.consultant.ru/>
4. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Об утверждении Порядка организации и осуществления образова-

тельной деятельности по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» от 06.04.2021 № 245, <https://www.consultant.ru/>

5. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования» от 24.08.2022 № 762, <https://www.consultant.ru/>

6. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и вредного общего образования» от 22.03.2021 № 115, <https://www.consultant.ru/>

7. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации «О методических рекомендациях» от 28.08.2015 № АК-2563/05, <https://www.consultant.ru/>

8. Малеина М.Н. Договор о сетевой форме реализации образовательных программ // Lex russica.- 2016.- № 7.

9. Бардышева С.Н. Правовое регулирование отношений, связанных с оказанием услуг при использовании сетевой формы реализации образовательных программ // Актуальные проблемы российского права.- 2018. - № 12 (97)

10. Методические рекомендации по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ в сетевой форме (одобрено Рабочей группой Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по разработке и реализации проекта по внедрению академической мобильности и апробации механизмов финансового обеспечения (протокол от 26 мая 2023 г. № 18-пр/36)) от 11.07.2023, <https://www.garant.ru/>

Rights and obligations of the parties to the network form agreement implementation of educational programs Podсushnaya M.V.

Moscow State Legal University named after O.E. Kutafin (MSAL)

In modern education, the network form of implementing educational programs is widely used as an innovative direction that combines the resources of several institutions to achieve a higher quality of education. This article reveals the rights and obligations of the parties to the agreement on the network form of implementation of educational programs, students, and their parents using examples of local acts of organizations. Attention is paid to the pre-contractual rights and obligations of the parties (providing the necessary information about licensing, certification, educational methods, curriculum development, class schedules, etc.) between the base organization and the participating organization. The

findings of the study allow us to propose amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation".

Keywords: network form of implementation of educational programs, agreement, rights and obligations of the parties, educational organization, base organization, participant organization, student, legal representatives.

References

1. Educational legislation of Russia. A new milestone in development: monograph / L.V. Andrichenko, V.L. Barankov, B.A. Bulaevsky and others; edited by N.V. Putilo, N.S. Volkova. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Jurisprudence, 2015. – 480 p.
2. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 No. 273-FZ, <https://www.consultant.ru/>
3. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Ministry of Education of the Russian Federation "On the organization and implementation of educational activities in the network form of implementation of educational programs" dated 05.08.2020 No. 882/391, <https://www.consultant.ru/>
4. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities in educational programs of higher education - undergraduate programs, specialty programs, master's programs" dated 04/06/2021 No. 245, <https://www.consultant.ru/>
5. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation "On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities in educational programs of secondary vocational education" dated August 24, 2022 No. 762, <https://www.consultant.ru/>
6. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation "On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities in basic general education programs - educational programs of primary general, basic general and harmful general education" dated 03/22/2021 No. 115, <https://www.consultant.ru/>
7. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "On methodological recommendations" dated August 28, 2015 No. АК-2563/05, <https://www.consultant.ru/>
8. Maleina M.N. Agreement on the network form of implementation of educational programs // Lex russica.- 2016.- No. 7.
9. Bardysheva S.N. Legal regulation of relations related to the provision of services when using a network form of implementation of educational programs" // Current problems of Russian law. - 2018. - No. 12 (97)
10. Methodological recommendations on the use of financial support mechanisms for the implementation of educational programs in online form (approved by the Working Group of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the development and implementation of a project to introduce academic mobility and test financial support mechanisms (Minutes dated May 26, 2023 No. 18 -pr/36)) dated 07/11/2023, <https://www.garant.ru/>

Критерии института малозначительности за неправомерные действия при банкротстве

Пузанов Иван Андреевич

аспирант Сибирского института управления – филиал РАНХиГС

В настоящей статье, автор анализирует решения судов, где арбитражный управляющий был освобожден от административной ответственности, в связи с малозначительностью вменяемого правонарушения.

Сделан вывод, что в случае заявления лицом, участвующем в деле о применении института малозначительности необходимо выяснять последствия совершенного деяния, что также применяется и к формальным составам административного правонарушения, к которым относятся правонарушения, предусмотренные ч. 3 и ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ

Определены критерии института малозначительности за неправомерные действия при банкротстве: совершенное правонарушение арбитражным управляющим не содержит существенной угрозы охраняемым общественным отношениям; совершенное правонарушение арбитражным управляющим не ущемляет прав кредиторов и должника; совершенное правонарушение арбитражным управляющим не характеризуется наличием ущерба; несоответствие установленного наказания за совершенное правонарушение, иными словами, недопущении ситуации, когда административное наказание будет являться карательной мерой.

Ключевые слова: административная ответственность, малозначительность, арбитражный управляющий, формальный состав, карательная мера, существенная угроза.

Стоит отметить, что действующий административный кодекс не содержит закрепленного понятия малозначительности административного правонарушения.

Применяя ст. 2.9 КоАП РФ, суды руководствуются понятием, закрепленным в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»:

«Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений».

Именно такое определение малозначительности предлагается закрепить в ст. 2.3 проекта нового КоАП РФ, подготовка которого ведется с учетом Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, текст которой приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.05.2020 г.

При установлении правонарушения малозначительным лицом, совершившее административное правонарушение может быть освобождено от административной ответственности.

Считается, что такой правовой институт представляется одним из воплощений принципов индивидуализации наказания, при котором не допускается применение избыточной меры наказания, определяется соразмерность наказания с наступившими негативными последствиями, совершенного правонарушения.

Таким образом, правоприменитель в каждом конкретном случае решает вопрос о признании правонарушения малозначительным или нет.

Стоит отметить, что подобный правовой подход, при котором малозначительность является основанием для освобождения от административной ответственности для нашего общества не является новым.

В ст. 22 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, действовавшего с 1984 г. была закреплена аналогичная формулировка.

Как верно отмечают А.В. Попов и И.А. Фомина: «правовой институт малозначительности сохранил свое несовершенство, которое обусловлено отсутствием законодательного определения понятия и критериев малозначительности, а также необходи-

мостью использования совокупности правовых и неправовых факторов (количественные и качественные признаки правонарушения, ситуационные факторы, личностные характеристики, нравственные стандарты поведения, сложившиеся в обществе, и др.) при установлении содержания малозначительности административного правонарушения».⁸⁵

Несмотря на это, некоторые ученые-административисты предпринимают попытки выработать критерии малозначительности для конкретных составов административных правонарушений.

Например, Э.В. Сергеева при возникновении отношений, связанных с закупкой для государственных и муниципальных нужд, сформулировала критерии малозначительности.⁸⁶

Несмотря на постоянные споры в теории административного права при определении критериев малозначительности, законодатель в значительной мере определяет их в официальных судебных разъяснениях, опираясь на широко сложившуюся судебную практику.

Так, по мнению Конституционного Суда РФ, отраженному в Определении от 29.05.2014 г. № 1013-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трященко Светланы Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 2.9 и частью 1 статьи 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указано, что доводы о неопределенном характере критериев малозначительности не имеют под собой оснований. При этом, Конституционный Суд РФ сослался на ранее принятое им Постановление от 17.01.2013 г. № 1-П: «освобождение от административной ответственности путем признания правонарушения малозначительным во всех случаях, когда правоприменительный орган на основе установленных по делу обстоятельств приходит к выводу о несоразмерности наказания, предусмотренного конкретной статьей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, характеру административного правонарушения, противоречило бы вытекающему из принципа справедливости принципу неотвратимости ответственности, а также целям административного наказания и не обеспечивало бы решение конституционно значимых задач законодательства об административных правонарушениях (статья 1.2 КоАП Российской Федерации)».

На наш взгляд, важные положения, содержатся и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 N 4-П:

«Следовательно, в системе действующего правового регулирования институт освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения ориентирован исключительно на правоприменительную оценку самого правонарушения и не предназначен для целей учета имущественного и финансового положения юридических

лиц или иных смягчающих административную ответственность обстоятельств, а потому не может быть отнесен к средствам, которые позволяли бы при определении меры административной ответственности скорректировать последствия законодательного установления значительных минимальных размеров административных штрафов и тем самым избежать непропорционального ограничения имущественных прав юридических лиц».

Согласно пункту 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»: «при квалификации правонарушения в качестве малозначительного судам необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения. Малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как отсутствие фактических последствий совершенного правонарушения, квалифицируемого по формальному составу, не является обстоятельством, свидетельствующим о малозначительности деяния. Малозначительность может иметь место только в исключительных случаях, устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Критериями для определения малозначительности правонарушения являются объект противоправного посягательства, степень выраженности признаков объективной стороны правонарушения, характер совершенных действий и другие обстоятельства, характеризующие противоправность деяния».

На возможность признания совершенных арбитражным управляющим деяний малозначительными прямо указано в Определении Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 1167-О «По запросу Третьего арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности положения части 3.1 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Соблюдение конституционных принципов справедливости и соразмерности при назначении административного наказания законодательно обеспечено возможностью назначения одного из нескольких видов административного наказания, установленного санкцией соответствующей нормы закона за совершение административного правонарушения, наличием широкого диапазона между минимальным и максимальным пределами административного наказания и, кроме того, возможностью освобождения лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности в силу малозначительности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2009 года № 919-О-О).

⁸⁵ Попов А.В., Фомина И.А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. N 2. С. 132 - 144.

⁸⁶ Сергеева Э.В. Квалификация административного правонарушения как малозначительного при осуществлении закупок для

государственных и муниципальных нужд // Административное право и процесс. 2019. N 12. С. 68 - 70.

Приведенные правовые позиции общего характера применимы и в отношении действующей редакции статьи 14.13 КоАП Российской Федерации, ее части 3.1, в той мере, в какой ее санкция предполагает усмотрение суда в вопросе о выборе срока дисквалификации в диапазоне между минимальным и максимальным ее сроками (от шести месяцев до трех лет), а также не препятствует освобождению лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности при малозначительности совершенного правонарушения.

Согласно разъяснениям, данным Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, при квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного судам надлежит учитывать, что статья 2.9 КоАП Российской Федерации не содержит оговорки о ее неприменении к каким-либо составам правонарушений, предусмотренным данным Кодексом; возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя из сформулированной в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях конструкции состава административного правонарушения, за совершение которого установлена ответственность; так, не может быть отказано в квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного только на том основании, что в соответствующей статье Особенной части КоАП Российской Федерации ответственность определена за неисполнение какой-либо обязанности и не ставится в зависимость от наступления каких-либо последствий (пункт 18.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 года № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»).

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11.03.1998 № 8-П указано, что по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, исходя из общих принципов права, введение ответственности за административное правонарушение и установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным конституционно закрепленным целям и охраняемым законным интересам, а также характеру совершенного деяния. Принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания.

Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П).

Согласно правовой позиции, выраженной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2009 № 919-О-О, положения главы 4 «Назначение административного наказания» КоАП РФ предполагают назначение административного наказания с учетом характера совершенного административного правонарушения, личности виновного, имущественного и финансового положения, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность. Соблюдение конституционных принципов справедливости и соразмерности при назначении административного наказания законодательно обеспечено возможностью назначения одного из нескольких видов административного наказания, установленного санкцией соответствующей нормы закона за совершение административного правонарушения, установлением законодателем широкого диапазона между минимальным и максимальным пределами административного наказания, возможностью освобождения лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности в силу малозначительности (статья 2.9 КоАП РФ).

Иными словами, при определении правонарушения малозначительным, правоприменителю необходимо выяснять последствия совершенного деяния, более того, это относится и к формальным составам административного правонарушения, к которым относятся также правонарушения, предусмотренные ч. 3 и ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ.

Отметим, что в судебной практике встречаются решения судов, которыми назначается арбитражном управлению административное наказание в виде дисквалификации, где в мотивировочной части такого решения нет указания на последствия совершенного правонарушения, нет указание на наличие ущерба или иных негативных последствий.

Указанное объясняется следующим, рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности происходит по общим правилам искового производства (ч. 1 ст. 202 АПК РФ).

Каждое лицо, участвующее в деле должно доказать те обстоятельства, на которые ссылается (ст. 65 АПК РФ).

Как следует из ч. 2 ст. 9 АПК РФ: «Лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий».

Следовательно, арбитражный суд рассматривает возможность квалификации правонарушения малозначительным, только при наличии соответствующего заявления от лиц, участвующих в споре (как правило с заявлением о применении правил малозначительности совершенного правонарушения обращаются арбитражные управляющие).

Хочется обратить внимание на некоторые судебные акты, которые помогут определить критерии института малозначительности за неправомерные действия при банкротстве.

Просим отметить выводы, сделанные в Решении Арбитражного суда Красноярского края от 28.07.2023 г. по делу № А33-8028/2023:

«Совершенное арбитражным управляющим правонарушение не содержит существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Материалы дела не содержат доказательств того, что совершенное правонарушение повлияли на чьи-либо права и обязанности. Данные нарушения не привели к невозможности получения необходимой информации и не поставили под угрозу цели введенных процедур банкротства, не повлекли затягивания сроков процедуры банкротства.

При изложенных обстоятельствах, арбитражный суд, оценив характер и степень общественной опасности правонарушений, роль правонарушителя, отсутствие существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, негативных последствий для третьих лиц и государства, признание вины, суд усматривает основания для применения статьи 2.9 КоАП РФ».

Отсутствие наличия в правонарушении существенной угрозы охраняемых общественных отношений, также отмечается в многочисленно сложившейся судебной практикой, в частности Решением Арбитражного суда Красноярского края от 17.07.2023 г. по делу № А33-4896/2023, Решением Арбитражного суда Тверской области от 26.07.2023 г. по делу № А66-9266/2023, Решением Арбитражного суда Забайкальского края от 13.02.2023 г. по делу № А78-14894/2022 и другими судебными актами.

Из изученных примеров, судами при применении института малозначительности правонарушения признавались действия, не содержащие существенной угрозы охраняемых общественных отношений.

Также хочется обратить внимание, что наряду с существенной угрозой охраняемых общественных отношений, суды выясняют ущемление прав кредиторов и должника, наличие ущерба и иных негативных последствий совершенного правонарушения.

Например, Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 19.12.2022 г. по делу № А15-5864/2022, Решение Арбитражного суда Свердловской области от 29.12.2022 г. по делу № А60-61767/2022, Решение Арбитражного суда Мурманской области от 30.12.2022 г. по делу № А42-8990/2022.

Наиболее частые примеры правонарушений, которые были признаны судами малозначительными можно охарактеризовать с точки зрения случаев неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, установленных Законом о банкротстве, которые выражаются в:

- Нарушении срока публикаций сообщений на сайте ЕФРСБ (Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого Автономного округа от 31.07.2023 г. по делу № А81-6170/2023, Решение Арбитражного суда Амурской области от 26.07.2023 г. по делу № А04-4423/2023, Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 26.05.2022 г. по делу № А45-10208/2022);

- Не раскрытие всех сведений (полных сведений) в сообщении ЕФРСБ, в нарушении п. 5 ст. 213.7 Закона о банкротстве (Решение Арбитражного суда Тверской области от 26.07.2023 г. по делу № А66-

9266/2023, Решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 20.07.2023 г. по делу № А39-4618/2023);

- Указание в отчете неполных (искаженных) сведений о своей деятельности. (Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 22.08.2022 г. по делу № А72-8683/2022, Решение Арбитражного суда Свердловской области от 28.12.2022 г. по делу № А60-63900/2022);

- Перечисление процентов по вознаграждению за реализацию имущества должника и взыскание дебиторской задолженности до вынесения судом судебного акта об их установлении. (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 02.08.2023 г. по делу № А60-33013/2023, Решение Арбитражного суда Свердловской области; от 15.09.2023 г. по делу № А60-32277/2022);

- В уведомлении первого собрания кредиторов в заочной форме указан абонентский ящик для приема бюллетеней, что противоречит п. 7 ст. 218.7 Закона о банкротстве. (Решение Арбитражного суда Калининградской области от 26.07.2023 г. по делу № А21-6800/2023);

- В не направлении в Росреестр уведомления о проведении собрания кредиторов (Решение Арбитражного суда Воронежской области от 02.12.2022 г. по делу № А14-17682/2022, Решение Арбитражного суда Воронежской области от 08.12.2022 г. по делу № А14-17685/2022).

Также пристальное внимание хочется обратить на следующие судебные акты – Решение Арбитражного суда Свердловской области от 21.12.2022 г. по делу № А60-62534/2022 и Решение Арбитражного суда Свердловской области от 28.12.2022 г. по делу № А60-63900/2022, где судом признается существенная угроза охраняемым общественным отношениям, которая выражается в пренебрежительном отношении заинтересованного лица к исполнению своих публично-правовых обязанностей, к формальным требованиям публичного права. В данном случае под угрозу ставится установленный порядок исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей при осуществлении процедур банкротства, предусмотренных законодательством.

Но тем не менее, суд ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 г. № 11-П и Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 г. № 1167-О определяет, что: «достижение превентивных целей административного наказания (статья 3.1 КоАП РФ) с возбуждением дела об административном правонарушении, его рассмотрением и установлением вины лица, его совершившего».

То есть, несмотря на все признаки совершенного административного правонарушения с целью недопущения ситуации, когда административное наказание будет являться карательной мерой, суд может освободить арбитражного управляющего от административной ответственности, если усмотрит несоответствие установленного наказания за совершенное деяние.

Таким образом, можно сделать вывод, что к критериям института малозначительности за правонарушения при банкротстве относятся:

- Совершенное правонарушение арбитражным управляющим не содержит существенной угрозы охраняемым общественным отношениям;
- Совершенное правонарушение арбитражным управляющим не ущемляет прав кредиторов и должника;
- Совершенное правонарушение арбитражным управляющим не характеризуется наличием ущерба;
- Несоразмерность установленного наказания за совершенное правонарушение, иными словами, недопущении ситуации, когда административное наказание будет являться карательной мерой.

Литература

1. Попов А.В., Фомина И.А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. N 2. С. 132 - 144.
2. Сергеева Э.В. Квалификация административного правонарушения как малозначительного при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд // Административное право и процесс. 2019. N 12. С. 68 - 70.

Criteria of the institute of insignificance for illegal actions in bankruptcy

Puzanov I.A.

RANEPА

In this article, the author analyzes the decisions of the courts, where the bankruptcy trustee was released from administrative liability, due to the insignificance of the alleged offense.

It is concluded that in the case of an application by a person participating in the case on the application of the institute of insignificance, it is necessary to clarify the consequences of the committed act, which also applies to formal compositions of an administrative offense, which include offenses provided for in Part 3 and Part 3.1 of Article 14.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

The criteria of the institute of insignificance for illegal actions in bankruptcy are defined: the offense committed by the bankruptcy trustee does not contain a significant threat to protected public relations; the offense committed by the bankruptcy trustee does not infringe on the rights of creditors and the debtor; the offense committed by the bankruptcy trustee is not characterized by the presence of damage; disproportion of the established punishment for the offense committed, in other words, preventing a situation where the administrative punishment will be a punitive measure.

Keywords: administrative liability, insignificance, bankruptcy trustee, formal composition, punitive measure, significant threat.

References

1. Popov A.V., Fomina I.A. Concept and criteria of insignificance of the committed administrative offense // Siberian Legal Review. 2023. N 2. Pp. 132 - 144.
2. Sergeeva E.V. Qualification of an administrative offense as insignificant in the implementation of purchases for state and municipal needs // Administrative law and process. 2019. N 12. Pp. 68 - 70.

Перспективы правового регулирования водородной энергетики: Россия и зарубежные государства

Якубов Эммануэль Зурабович

аспирант, МИЭП МГИМО (У) МИД России,
emmyyakubov20016@gmail.com

Настоящая статья посвящена изучению перспектив правового регулирования водородной энергетики в России и зарубежных странах. Особое внимание уделяется рассмотрению стратегических документов в данном направлении, а также выявлению возможностей по дальнейшему развитию водородной отрасли. В статье содержатся рекомендации о предполагаемом правовом регулировании, применительно к Российской Федерации, при этом учитывается опыт иностранных государств. Для этого в рамках работы был использован сравнительно-правовой метод исследования. Автор приходит к выводу о следующих перспективных направлениях правового регулирования: стимулирование государством спроса на водород, в том числе поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства; создание Российского водородного альянса; повышение значимости климатической повестки; развитие межгосударственного сотрудничества с целью разработки международных норм и стандартов; формирование прочной нормативно-правовой основы, включающей в себя нормы технического регулирования.

Ключевые слова: водородная энергетика, энергетическое право, водородная стратегия, возобновляемые источники энергии, зарубежный опыт

На сегодняшний день состояние климата является безусловным фактором появления нововведений и применения инновационных подходов в сфере энергетического планирования и мировой экономики в целом. Усилия мирового сообщества и отдельных государств направлены на замедление процесса глобального потепления, а также развитие отраслей экономики при наиболее низком уровне выбросов парниковых газов.

Поэтому принципиально важными становятся перспективы развития водородной энергетики, которая способна стать прогрессивным направлением в рамках снижения использования углеводородов в экономической деятельности и предоставить существенные конкурентные преимущества.

Одним из руководящих актов в данной сфере на текущий момент можно считать Парижское соглашение [1], принятое 12 декабря 2015 года, участниками которого стали 196 государств, в том числе Российская Федерация.

В данном контексте реализация климатических задач, зафиксированных в Парижском соглашении, непосредственно связана с развитием и адекватным правовым регулированием водородной энергетики, которая последние годы все сильнее набирает популярность среди ведущих игроков энергетических рынков.

Наиболее объективно раскрыть затрагиваемую проблематику можно при помощи сравнительно-правового метода исследования, рассмотрев подходы следующих государств:

- Азиатско-Тихоокеанский регион: Китай и Япония;
- Европейский союз: Германия;
- Северная Америка: Канада.

Вышеуказанные страны одни из первых приняли документы по стратегическому планированию, а также начали разработку вопросов правового регулирования водородной энергетики [2]. Россия также не намерена отставать от зарубежных государств и собирается занять лидирующие позиции на складывающемся рынке водородной энергетики.

В первую очередь, правильным считается рассмотрение видов водорода, в зависимости от способа его производства и уровнем углеродного следа, который остается в результате таких действий. Классификация проводится по уменьшению величины вышеназванного углеродного следа:

- «серый» и «бурый» водород: получается в результате паровой конверсии метана или продуктов газификации угля;
- «голубой» водород: получается при помощи паровой конверсии метана или другого ископаемого

углеводородного топлива с использованием технологии улавливания, хранения и использования углекислого газа;

- «желтый» водород: получается за счет электролиза с использованием электроэнергии, произведенной на АЭС;

- «бирюзовый» водород: получается в результате пиролиза природного газа (метан);

- «зелёный» водород: получаемый электролизом или другими способами с использованием электроэнергии от ВИЭ (возобновляемые источники энергии) [3].

Стоит отметить, что технологии по производству «зеленого» и «голубого» водорода, считаются наиболее значимыми для выполнения «глобальной климатической сделки», поскольку они обеспечивают минимальный уровень непосредственных выбросов углекислого газа при производстве.

Одним из первопроходцев в отрасли водородной энергетики можно считать Японию. Уже в 2014 году «Страна восходящего солнца» приняла, Дорожную карту развития водородной энергетики, а в 2017 году Министерством экономики, торговли и промышленности была разработана Базовая стратегия развития водородной энергетики [4].

Основными целями японской стратегии являются повышение конкурентоспособности водорода по сравнению с традиционными видами топлива, в том числе, развитие водородно-транспортной инфраструктуры, а также разработка механизмов международного сотрудничества в вопросах хранения водорода и создание единых стандартизированных правил.

Примечательно, что стратегия включает в себя планы по развитию технологии производства «зеленого» водорода, создание инфраструктуры

для импорта водорода и его сбыта внутри страны и повсеместное внедрение и развитие технологий по производству электроэнергии и тепла из водорода [5].

Кроме того, Японию можно считать лидером по количеству институтов управления развитием водородной инфраструктуры, поскольку на законодательном уровне были приняты акты, не имеющие аналогов в других государствах: Акт о безопасности транспортировки и хранения газа под высоким давлением, Акт о безопасности и здоровье персонала на производстве, Закон о движении дорожного транспорта, устанавливающий правила перевозки водорода по дорогам общего пользования и вводящий особый режим для размещения объектов водородной инфраструктуры [6].

Следующим государством, заслуживающим особого внимания, является Китай, который считается мировым лидером по производству водорода (более 20 млн. тонн в год). Стоит отметить, что более 70% водорода в Китае добывается путем газификации угля.

В 2016 году Национальная комиссия по развитию и реформам Китая разработала План действий энергетической и технологической революции и инновациям на период 2016–2030 гг. В данном доку-

менте отмечалась стратегическая важность производства, хранения и транспортировки водорода в целях развития различных отраслей промышленности.

В то же время, в 2020 году в Законе об энергетике КНР водород числится среди источников энергии и подлежит включению в энергетическую статистику Национального бюро статистики. Одним из основных направлений водородной энергетики в Китае можно считать использование водорода в автомобильной промышленности.

Так в 2019 году власти Китая приняли решение перенаправить государственные субсидии с электрического автотранспорта на водородный. На региональном уровне в Китае также разработаны собственные стратегии и планы по развитию водородной энергетики и стандарты в данной области.

Особое место в построении системы регулирования водородной энергетики Китая занимает Китайский водородный альянс. Данная организация играет роль связующего элемента между государственными органами, занимающимися созданием законодательной базы водородной энергетики и компаниями, которые функционируют на рынке водородных технологий. В 2019 году Китайский водородный альянс разработал Белую книгу [7], согласно которой к 2050 году водород будет составлять по меньшей мере 10% от общего энергопотребления в стране.

В марте 2022 года Национальная комиссия по развитию и реформам опубликовала Среднесрочный и долгосрочный план развития водородной энергетики (2021-2035 годы). Документ можно рассматривать в качестве национальной стратегии развития водородной энергетики, в том числе он развивает вышеуказанные региональные планы.

Согласно плану, к 2025 году в Китае должны быть созданы необходимые политические и технологические условия для развития водородной энергетики, освоены основные технологии и производственные процессы, а также создана цепочка поставок и промышленная система. Однако уже к 2035 году Китай должен сформировать промышленную систему водородной энергетики и систему применения водородной энергии, в том числе для транспортировки и хранения энергии. В то же время, конкретные цели развития водородной энергетики, помимо вышеназванных, в документе не предусмотрены.

Сейчас же на юге Синьцзян-Уйгурского автономного района идет строительство самого большого в мире комплекса по производству «зеленого» водорода. Предприятие с годовой мощностью 20 тыс. тонн водорода будет обслуживать солнечная ферма площадью 630 гектаров.

Особое внимание отрасли водородной энергетики уделяется в настоящее время в Европейском союзе. В июле 2020 года была опубликована окончательная версия европейской водородной стратегии, «Водородная стратегия для климатически нейтральной Европы» [8]. Вместе со стратегией свою работу начал Альянс по развитию чистого водорода.

Водородная стратегия ЕС построена по принципу трехэтапного развития и к 2050 г. планируется применять водородные технологии в существенных объемах, практически во всех сферах промышленности. При этом наибольшее предпочтение Евросоюз отдает чистому «зеленому» водороду, но тут встает вопрос значительной стоимости и необходимости крупных инвестиций в соответствующую инфраструктуру.

С целью развития отрасли и защиты прав и интересов инвесторов Европейская комиссия намерена установить стандарты производства водорода, а также определенные квоты для обязательного использования водорода конечными потребителями.

Планы европейцев довольно амбициозны, об этом можно судить по твердому намерению создать рынок водорода. На начальном этапе предполагается, что развитие отрасли будет происходить при помощи водородных кластеров, где точки спроса и предложения будут целенаправленно связаны между собой.

Далее планируется создать инфраструктуру транспортировки. С этой целью Европейская комиссия уже попросила исключить из следующего списка «проектов общего интереса» газовые проекты и предоставить соответствующую возможность развития производителям «зеленого водорода», а также трубопроводам для транспортировки водорода.

Проведя анализ соответствующих актов ЕС, можно предположить, что использование водородных трубопроводов будет регулироваться в соответствии с «Газовой директивой» 2009/73. Тем не менее, Еврокомиссия высказывает определенные опасения о подобном регулировании, в том числе с учетом существующих рисков на инфраструктуре по транспортировке природного газа. Возможно, потребуется пересмотр действующих в данной сфере нормативно-правовых актов.

Что касается антимонопольного законодательства ЕС, то относительно водородной инфраструктуры также будут действовать нормы о недискриминационном доступе. Остается лишь разработать технические правила доступа третьих лиц, условия и параметры подключения к сети, ход согласования административных процессов.

Одной из передовых стран Евросоюза в смысле развития водородной энергетики является Германия. Вместе с общеевропейской стратегией в июле 2020 года также была принята Национальная водородная стратегия ФРГ [9].

Для формирования водородного рынка с 2020 по 2023 год предложены различные меры:

1. внедрение налога на выбросы углекислого газа в энергетической сфере;
2. снижение надбавки за использование возобновляемых источников энергии (в действительности – ее отмена в декабре 2020 года);
3. определение дополнительных морских площадок для производства водорода посредством использования ветряной энергии и другие.

Германия поддерживает инициативы ЕС по устойчивому развитию производства именно «зеленого водорода», получаемого при помощи возобновляемых источников энергии. «Зеленое» водородное топливо в отличие от его аналогов подпадает под понятие газа (а также под понятие биогаза, что дает преференции в сферах балансировки и доступа к газотранспортной системе и газораспределительным сетям (далее также – «ГТС» и «ГРС» соответственно) в соответствии с Законом об энергетическом хозяйстве и другими актами. В отношении «зеленых» проектов уже действуют:

1. возможность их финансирования;
2. бесплатная загрузка «зеленого» водорода в ГТС и ГРС;
3. освобождение производителей «зеленого» водорода от платы за доступ к сети.

При этом о моментальном развитии стратегии не может идти речи, поскольку подготовка инфраструктуры занимает определенное время и требует немалых вложений. Европейцам еще предстоит разобраться, как будет функционировать их водородный рынок, и кто возьмет на себя бремя по его построению.

В Северной Америке отмечается большой интерес Канады к водородной энергетике. В частности, в 2020 году была представлена Водородная стратегия Канады [10]. Планируется, что к 2050 году водородные проекты будут занимать одну треть от всех энергетических проектов в стране. Из последних новостей можно выделить тот факт, что в августе 2022 года Канада и ФРГ подписали декларацию о намерениях по созданию канадско-немецкого водородного альянса, основой которого должен стать «зеленый» водород, который канадцы планируют производить на базе большой ветряной электростанции в провинции Ньюфаундленд.

Реализация стратегии разделена на 3 этапа: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный. В общем и целом, водородная стратегия во многом совпадает с европейской. Интересной особенностью является тот факт, что имплементация стратегии будет проводиться в канадских провинциях по-разному. Так, в провинции Квебек усилия направлены в большей степени на производство «зеленого» водородного топлива, в то время как в провинции Альберта приоритетным считается «голубой» водород [11].

Рассмотрев опыт зарубежных государств и интеграционных объединений, следует сравнить его с ситуацией в России. В первую очередь, планы по развитию водородной энергетики озвучены в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года [12], согласно документу, Россия должна стать одним из мировых лидеров в отрасли. Поставлены целевые показатели на экспорт: к 2024 г. – 0,2 млн тонн; к 2035 г. – 2 млн тонн.

С целью достижения вышеназванной цели Правительством РФ был разработан План мероприятий до 2024 года [13], которой направлен на построение в РФ высокопроизводительной экспортно-ориентированной водородной энергетики. К основным спо-

собам достижения цели плана относятся: совершенствование нормативно-правовой основы, формирование и реализация мер государственной поддержки водородных, укрепление позиций российских компаний на рынках сбыта и НИОКР по наиболее важным направлениям.

В рамках реализации первого этапа плана мероприятий была принята Концепция развития водородной энергетики в России [14]. В данном документе были рассмотрены вызовы и угрозы на пути построения российской водородной энергетики, рассмотрены конкуренты России в данной отрасли и даны прогнозы предполагаемого развития. Развитие водородной энергетики также разделено на 3 этапа, как и в зарубежных стратегических документах.

Важным является твердое намерение создать по меньшей мере три водородных кластера: Северо-Западный, Арктический и Восточный. Особое внимание уделяется также развитию пилотных проектов.

Все же основной целью, по мнению, ведущих специалистов в энергетической сфере остается создание эффективной нормативно-правовой базы, которая будет однозначно регулировать водородную энергетику, при этом не препятствуя привлечению инвестиций [15]. В данном контексте можно вспомнить пример Японии, рассмотренный ранее. Также В.В. Романова высказывает мнение о том, что необходимо постепенное построение системы подготовки квалифицированных кадров в сфере водородной энергетики [16].

Немалое значение также имеет межгосударственное сотрудничество, направленное на воплощение пилотных проектов, а также гармонизацию и унификацию национальных норм и стандартов, которые впоследствии могли бы стать основой международно-правового регулирования.

В качестве примера можно привести Соглашение о сотрудничестве в сфере совместной разработки в 2020–2021 гг. технико-экономического обоснования пилотного проекта экспорта водорода из России в Японию, которое предусматривает возможность производства водорода для японского рынка методом электролиза.

Одним из первых пилотных проектов может стать Сахалинский водородный кластер. Весной 2021 года были подписаны первичные соглашения между Минвостокразвития, правительством Сахалинской области ГК «Росатом» и французской компанией Air Liquide.

Также можно высказать рекомендацию о возможности более активного применения водорода в транспортной промышленности, взяв за пример Китай. В Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [17] отмечено, что водородное топливо способно снизить уровень загрязнения окружающей среды за счет минимизирования выбросов вредных веществ. Однако масштабное применение водорода в сфере транспорта планируется лишь на период 2036–2050 гг., что выходит за сроки планирования Транспортной стратегии.

Кроме того, определенную выгоду для РФ может принести развитие системы поддержки малому и среднему предпринимательству в разрезе так называемых «водородных стартапов». Предполагается возможным дополнить статью 22 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» положением о поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства при реализации проектов водородной энергетики.

Применительно к России, препятствием также является России недостаточность проработки климатической повестки для осознания важности развития в РФ внутреннего рынка водорода как низкоуглеродного энергоносителя и низкие стимулы декарбонизации. Повысить осознанность в данной сфере можно при помощи налогово-бюджетной политики. В качестве примера высокой осведомленности и наличия определенных стимулов может служить Европейский союз и его государства-члены.

Учитывая зарубежный опыт, а именно ситуацию в Китае и ЕС, можно предположить о целесообразности создания специального механизма для ведения диалога между публичной властью, крупными энергетическими и промышленными компаниями и обществом. Оформить такой механизм можно по примеру зарубежных коллег в виде Российского водородного альянса, который бы собирался несколько раз в год и обсуждал наиболее важные и проблемные вопросы, возникающие на пути реализации стратегических документов.

Подводя итог, можно отметить, что у водородной энергетики есть большие перспективы, которые еще только предстоит раскрыть. К сожалению, практически все государства заявляющие требования на господство в водородной отрасли не ушли намного дальше стратегических документов, существуют лишь единицы примеров. Конечно, этому есть причины:

- высокая стоимость производства экологически чистого водорода и его пока еще низкая конкурентоспособность в сравнении с традиционными углеводородными энергоносителями;
- недостаточная готовность технологий производства экологически чистого водорода, а также технологий хранения и транспортировки;
- отсутствие инфраструктуры для хранения и транспортировки водорода [15].

Тем не менее, для начала необходимо создать прочную нормативно-правовую основу, включающую в себя необходимую базу технического регулирования. Такая основа будет лишь способствовать развитию отрасли, а не тормозить ее. Особое внимание стоит уделить межгосударственному сотрудничеству с целью разработки международных норм и стандартов, в том числе применительно к обеспечению должного уровня безопасности водородной энергетики.

Литература

1. Парижское соглашение согласно Рамочной конвенции ООН об изменении климата. URL:

<https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/l09r.pdf> (дата обращения 09.08.2024).

2. Литвиненко В.С., Цветков П.С., Двойников М.В., Буслаев Г.В. Барьеры реализации водородных инициатив в контексте устойчивого развития глобальной энергетики // Записки Горного института. 2020. Т. 244. С. 428–438. DOI: 10.31897/PMI.2020.4.5.

3. Дерюшкин Д. Топ-3 перспективных технологий производства водорода для России / Д. Дерюшкин // Газовый бизнес. 2020. № 4. С. 12–17.

4. Basic Hydrogen Strategy // Ministry of Economic, Trade and Industry News Releases. 26.12.2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_003.html (дата обращения: 08.08.2024).

5. Dolci F., Thomas D., Hilliar S., Guerra C.F., Hancke R., Ito H., Jegoux M., Kreeft G., Leaver J., Newborough M., Proost J., Robinius M., Weidne, E., Mansilla Ch., Lucchese P. Incentives and legal barriers for power-to-hydrogen pathways: an international snapshot // International Journal of Hydrogen Energy. 2019. No. 44.

6. Лизикова, М. С. Стратегии развития и вопросы правового обеспечения водородной энергетики / М. С. Лизикова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 143. – DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-4-lizikova.

7. White Paper of China Hydrogen and Fuel Cell Industry / China Hydrogen Alliance. 2019. URL: <http://www.h2cn.org> (дата обращения: 13.08.2024).

8. A Hydrogen Strategy for a Climate-Neutral Europe (2020). Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 8.7. COM (2020) 301 Final. P. 23.

9. The National Hydrogen Strategy (Germany). Federal Ministry for Economic Affairs and Energy, 2020. 32 p. URL: https://www.bmbf.de/files/bmwi_Nationale%20Wasserstoffstrategie_Eng_s01.pdf. (дата обращения: 13.08.2024).

10. Hydrogen Strategy for Canada: Seizing the Opportunities for Hydrogen. A Call to Action. December, 2020. 141 p. URL: https://www.nrcan.gc.ca/sites/nrcan/files/environment/hydrogen/NRCan_Hydrogen%20Strategy%20for%20Canada%20Dec%2015%202200%20clean_low_accessible.pdf. (дата обращения 13.08.2024).

11. Collett M. A Federal Hydrogen Strategy for Canada / M. Collett, A. Harvie, M. Devost, G. Smeijers // Norton Rose Fulbright logo. 2021. January 15.

12. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4lgsApssm6mZRb7wx.pdf>. (дата обращения 13.08.2024).

13. План мероприятий («дорожная карта») по развитию водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2634-р. URL:

<https://minenergo.gov.ru/node/19194>. (дата обращения 13.08.2024).

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.12.2021. – № 50 (часть IV). – Ст. 8613.

15. Ратушняк, П. С. Текущая ситуация и перспективы развития водородной энергетики за рубежом и в России: проблемы и задачи правового регулирования / П. С. Ратушняк // Правовой энергетический форум. – 2021. – № 1. – С. 53. – DOI 10.18572/2312-4350-2021-1-47-54.

16. Романова В.В. Стратегические задачи развития топливно-энергетического комплекса и подготовки кадров высшей квалификации по энергетическому праву // Правовой энергетический форум. 2021. № 1. С. 20–25. – DOI 10.18572/2312-4350-2021-1-20-25.

17. Распоряжение Правительства РФ от 5 августа 2021 г. № 2162-р. Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2Nqcvsexl.pdf> (дата обращения 13.08.2024).

Prospects for Legal Regulation of Hydrogen Energy: Russia and Foreign Countries

Yakubov E.Z.

MGIMO (U) MFA of Russia

This article is devoted to the study of the prospects for legal regulation of hydrogen energy in Russia and foreign countries. Particular attention is paid to the consideration of strategic documents in this area, as well as to identifying opportunities for further development of the hydrogen industry. The article contains recommendations on the proposed legal regulation, as applied to the Russian Federation, taking into account the experience of foreign countries. For this purpose, a comparative legal research method was used in the work. The author comes to the conclusion about the following promising areas of legal regulation: stimulation of demand for hydrogen by the state, including support for small and medium-sized businesses; creation of the Russian Hydrogen Alliance; increasing the importance of the climate agenda; development of interstate cooperation in order to develop international norms and standards; formation of a solid regulatory framework, including technical regulation standards.

Keywords: hydrogen energy, energy law, hydrogen strategy, renewable energy sources, foreign experience

References

1. The Paris Agreement under the UN Framework Convention on Climate Change. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/l09r.pdf>. (Accessed 09.08.2024).
2. Litvinenko V.S., Tsvetkov P.S., Dvoynikov M.V., Buslaev G.V. Barriers to the Implementation of Hydrogen Initiatives in the Context of Sustainable Development of Global Energy // Notes of the Mining Institute. 2020. Vol. 244. Pp. 428–438. DOI: 10.31897/PMI.2020.4.5.
3. Deryushkin D. Top 3 Promising Hydrogen Production Technologies for Russia / D. Deryushkin // Gas Business. 2020. No. 4. Pp. 12–17.

4. Basic Hydrogen Strategy // Ministry of Economic, Trade and Industry News Releases. 12/26/2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_003.html (access date: 08/08/2024).
5. Dolci F., Thomas D., Hilliar S., Guerra C.F., Hancke R., Ito H., Jegoux M., Kreeft G., Leaver J., Newborough M., Proost J., Robinius M., Weidne, E., Mansilla Ch., Lucchese P. Incentives and legal barriers for power-to-hydrogen pathways: an international snapshot // International Journal of Hydrogen Energy. 2019. No. 44.
6. Lizikova, M. S. Development strategies and legal support issues for hydrogen energy / M. S. Lizikova // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2021. - Vol. 16. - No. 4. - P. 143. - DOI 10.35427/2073-4522-2021-16-4-lizikova.
7. White Paper of China Hydrogen and Fuel Cell Industry / China Hydrogen Alliance. 2019. URL: <http://www.h2cn.org> (accessed: 13.08.2024).
8. A Hydrogen Strategy for a Climate-Neutral Europe (2020). Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 8.7. COM (2020) 301 Final. P. 23. 9. The National Hydrogen Strategy (Germany). Federal Ministry for Economic Affairs and Energy, 2020. 32 p. URL: https://www.bmbf.de/files/bmwi_Nationale%20Wasserstoffstrategie_Eng_s01.pdf. (access date: 08/13/2024).
10. Hydrogen Strategy for Canada: Seizing the Opportunities for Hydrogen. A Call to Action. December, 2020. 141 p. URL: https://www.nrcan.gc.ca/sites/nrcan/files/environment/hydrogen/NRCan_Hydrogen%20Strategy%20for%20Canada%20Dec%2015%20200%20clean_low_accessible.pdf. (access date 08/13/2024).
11. Collett M. A Federal Hydrogen Strategy for Canada / M. Collett, A. Harvie, M. Devost, G. Smeijers // Norton Rose Fulbright logo. 2021. January 15.
12. Energy Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2035, approved. by the Order of the Government of the Russian Federation of June 9, 2020 No. 1523-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4lgsApssm6mZRb7wx.pdf>. (date of access 13.08.2024).
13. Action plan ("roadmap") for the development of hydrogen energy in the Russian Federation until 2024, approved. by the Order of the Government of the Russian Federation of October 12, 2020 No. 2634-r. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/19194>. (date of access 13.08.2024).
14. Order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 No. 3363-r "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 13.12.2021. - No. 50 (part IV). - Art. 8613.
15. Ratushnyak, P. S. Current situation and prospects for the development of hydrogen energy abroad and in Russia: problems and tasks of legal regulation / P. S. Ratushnyak // Legal Energy Forum. – 2021. – No. 1. – P. 53. – DOI 10.18572/2312-4350-2021-1- 47-54.
16. Romanova V.V. Strategic objectives of the development of the fuel and energy complex and training of highly qualified personnel in energy law // Legal Energy Forum. 2021. No. 1. P. 20–25. – DOI 10.18572/2312-4350-2021-1-20-25.
17. Order of the Government of the Russian Federation of August 5, 2021 No. 2162-r. On approval of the Concept for the Development of Hydrogen Energy in the Russian Federation. URL: <http://static.government.ru/media/files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2NqcVsexl.pdf> (accessed 13.08.2024).

Участие адвоката-защитника на судебном следствии в исследовании доказательств, полученных с использованием специальных знаний

Головкин Михаил Николаевич

магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В научной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с участием адвоката-защитника на судебном следствии в исследовании доказательств, полученных с использованием специальных знаний. Автор подчеркивает, что в отдельных случаях работа защитника на судебном следствии сводится к оспариванию судебной экспертизы, в том числе к попытке её исключения из перечня доказательств. В связи с этим в статье приводится анализ судебной практики по вопросам исследования заключения эксперта, допроса эксперта и специалиста. В результате, выявлена проблема оглашения в судебном заседании показаний эксперта, которые были даны на досудебной стадии и предложен вариант разрешения данной проблемы путем внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В завершении автор приходит к выводу о том, что при исследовании заключения эксперта защитник должен уделить внимание ряду основных аспектов (например, соблюдение процедурного порядка назначения и проведения экспертизы, уровень компетентности эксперта, анализ выводов эксперта для выявления возможных расхождений и т.д.), а помимо этого адвокат-защитник имеет право обратиться к специалисту для подготовки последним соответствующего заключения в письменной форме и представить его суду.

Ключевые слова: заключение эксперта, специальные знания, эксперт, специалист, адвокат-защитник, исследование доказательств, судебное следствие.

Заключение и показания эксперта, а помимо этого и специалиста – это такие доказательства, которые получены с применением специальных знаний (далее – СЗ). Эксперт и специалист обладают всеми необходимыми СЗ, требующимися для определения ряда соответствующих обстоятельств, имеющих определенное значение для уголовного дела (далее – УД).

В некоторых случаях работа защитника на судебном следствии сводится к оспариванию судебной экспертизы (далее – СЭ), в том числе к попытке её исключения из перечня доказательств. Для этого защитник проверяет порядок назначения и проведения СЭ на досудебной стадии на предмет соблюдения процессуальных прав подсудимого.

Согласно правой позиции КС РФ, чтобы обеспечить соблюдение конституционных принципов состязательности и равноправия сторон, необходимо ознакомить подозреваемого, обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении СЭ до ее начала. Иначе, все указанные выше участники уголовного процесса не смогут реализовать свои права, которые закреплены ст. 198 УПК РФ [14].

Судебная практика исходит из того, что ознакомление осужденного и его защитника с постановлениями о назначении СЭ после их проведения не является основанием признания недопустимыми подобных доказательств. Как отмечает ВС РФ в подобной ситуации «стороны имеют возможность реализовать свои права в ходе дальнейшего расследования УД и судебного процесса, например, путем заявления ходатайств о проведении дополнительной судебной экспертизы» [6]. Независимо от такого подхода в правоприменительной практике адвокату необходимо фиксировать все процессуальные нарушения, которые были допущены обвинением, и заявлять соответствующие ходатайства.

В ст. 282 УПК РФ определено, что суд может по ходатайству сторон или по своей собственной инициативе вызвать эксперта для уточнения и дополнения его заключения, которое было представлено в ходе предварительного следствия. Согласно процедуре, закрепленной в УПК РФ, сначала будет оглашено экспертное заключение, а затем стороны будут иметь возможность задавать вопросы.

Допрос эксперта в суде имеет существенные различия от ситуации, когда эксперт допрашивается на этапе предварительного расследования (далее – ПР) без участия защитника. «После получения обвинительного заключения и возможности тщательно изучить материалы УД защита заполняет пробел в информации о доказательствах, которые

ранее были известны лишь следователю» [3]. Адвокату в любом случае надлежит обратить внимание на результаты проведенной СЭ и использовать их в своей работе, изучить все документы, связанные проведением экспертизы, и выявить возможные нарушения.

В ходе допроса эксперта с применением фактора неожиданности при постановке вопросов защитник вправе использовать вопросы, подготовленные специалистом с целью подвергнуть сомнению обоснованность заключения эксперта (далее – ЗЭ). Как отмечал А. В. Гришин: «Было бы наивно думать, что стороны стремятся допросить эксперта для установления объективной правды» [3].

Согласно ст. 53 УПК РФ при принятии решения о проведении экспертизы адвокат имеет право обратиться за помощью к специалисту. Участие специалиста позволяет адвокату правильно сформулировать вопросы, разъяснить сложные аспекты, рекомендовать определенные методики исследования. Кроме того, защитник может обратиться в научное учреждение для получения необходимой информации в рамках предоставления юридической помощи.

В ст. 283 УПК РФ установлена процедура проведения СЭ. Однако указанная статья не содержит четких критериев для ее назначения. Кобец П. Н. в своем исследовании отмечает: «При данной регламентации обоснованное ходатайство, указывающее на необходимость проведения исследования на основе специальных познаний, может быть не удовлетворено» [9].

Каждая из сторон, заявляя о необходимости проведения СЭ по УД, руководствуется своими мотивами и целями. Принимая в особое внимание то, что государственный обвинитель стремиться укрепить уже имеющееся в УД ЗЭ, отдав предпочтение дополнению пробелов, допущенных при проведении СЭ на досудебной стадии, он заинтересован в проведении дополнительной экспертизы. При этом сторона защиты нацелена на выявление ошибок в ЗЭ и нарушений процедуры проведения СЭ для заявления ходатайства о необходимости исключить подобное доказательство из перечня доказательств по рассматриваемому УД и назначить повторную СЭ.

При назначении СЭ адвокату стоит анализировать и предметы, передаваемые эксперту, а помимо этого оценивать их допустимость. Так, заключение эксперта не может быть рассмотрено в качестве допустимого доказательства, если записи голоса, которые выступали объектом проведения судебно-криминалистической экспертизы, были получены представителями правоохранительных органов во время опроса обвиняемого в условиях изоляции без предоставления ему необходимой информации о его процессуальных правах и без присутствия защитника. Названная ситуация стала предметом разбирательства КС РФ, который отметил, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий в ходе ПР по УД ни в коем случае не может заменять процессуальные действия, для осуществления которых в УПК РФ предусмотрена соответствующая процедура» [12].

Анализ судебной практики показал, что допрос эксперта с одновременным оглашением его заключения не относится к числу обязательных аспектов [7]. При допросе эксперта адвокат вправе использовать различные вопросы наводящего характера, постановка которых перед экспертом УПК РФ не запрещена. При формировании вопросов для СЭ защитник обладает правом обратиться к специалисту.

Если адвокат придет к выводу, что ЗЭ не отражает полностью все поставленные вопросы, он может запросить проведение дополнительной экспертизы. При получении необоснованного отказа в удовлетворении ходатайства защиты о проведении дополнительной СЭ суд вышестоящей инстанции отменит ранее вынесенный приговор суда. Например, Кассационный суд отменил приговор Кировского районного суда Ставропольского края, указав, что в ходе судебного следствия суд необоснованно отклонил ходатайство защитника о проведении дополнительной судебно-медицинской экспертизы по вопросам, не нашедшим отражение в первоначальном ЗЭ [5].

Если в рамках подготовки к судебному следствию защитник обнаруживает, что ЗЭ противоречит фактам УД, носит предположительный характер, не учитывает новые данные или при проведении СЭ были допущены нарушения положений закона на стадии ПР, то он обладает правом на то, чтобы ходатайствовать о проведении повторной СЭ. Например, при рассмотрении УД в Ленинском районном суде Тульской области защитником заявлено ходатайство о назначении повторной СЭ по УД ввиду того, что в ЗЭ указана следующая формулировка: «результаты исследования будут носить предположительный характер». Суд первой инстанции отказал в удовлетворении данного ходатайства. Как следствие, это привело к тому, что приговор был отменен, и УД было направлено на совершенно новое рассмотрение [2].

В ст. 58 УПК РФ определено, что защите не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его непосредственную профессиональную область. Помимо этого, по причине того, что обвинение может представить ЗЭ, защита также имеет право представить заключение специалиста (далее – ЗС).

Специалист выражает собственное мнение по ряду вопросов либо в устной форме (фиксация осуществляется в протоколе заседания), либо в письменной форме (приобщается к УД). Но особо подчеркивается, что ЗС ни в коем случае не должно заменять ЗЭ, если оно необходимо по УД.

Некоторые ученые, например: Шейфер С.А., Божьев В.П., Темираев О.П., выражают сомнение относительно самостоятельности ЗС как вида доказательства, поскольку, во-первых, порядок его получения является не процессуальным, а договорным для адвоката-защитника, во-вторых, в УПК РФ отсутствует специальная процедура получения ЗС [10, с. 167-168].

Маркова Т. Ю., напротив, считает, что ЗС имеет идентичное (равнозначное) значение в уголовном

судопроизводстве, как и ЗЭ [11]. Следует особо подчеркнуть, что ЗС вполне может быть приобщено к материалам УД. Это обуславливается тем аспектом, что УПК предусматривает подобную возможность в рамках доказывания.

В ст. 4 ст. 271 УПК РФ определено, что суд не может отказать в допросе специалиста, который явился в суд по инициативе сторон рассматриваемого УД. Но в УПК отсутствует регламентированная процедура его допроса в судебном следствии (далее – СС). Но в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении УД в суде первой инстанции» закреплено, что допрос специалиста проводится по правилам допроса свидетеля, установленных ст. 58 УПК РФ.

Если из устных объяснений или ЗС вытекает необходимость проведения дополнительного или повторного экспертного исследования, суду необходимо обсудить имеющуюся возможность назначения подобной СЭ по ходатайству стороны или по собственной инициативе [13].

Стоит отметить, если на стадии ПР был допрошен специалист, то эти показания представляется возможным огласить в суде, но исключительно при наличии оснований, закрепленных в ст. 281 УПК РФ. Это обуславливается тем, что допрос специалиста в суде осуществляется по правилам допроса свидетеля. Допустимость использования в доказывании оглашенных в суде показаний специалиста подтверждается судебной практикой ВС РФ [8].

Подчеркивается, что УПК не устанавливает правил для оглашения на СС показаний эксперта, которые были им даны на стадии ПР. В практике нет однозначного подхода к тому, можно ли оглашать показания эксперта, данных в ходе ПР или нет.

Суд Ивановской области отменил приговор, мотивировав свое решение тем, что в УД суд первой инстанции нарушил УПК и использовал в приговоре доказательство, полученное с нарушением (исследовал в суде показания эксперта, данные в ходе допроса на стадии ПР). Однако, как отметил суд апелляционной инстанции, проведение такого судебного действия УПК РФ не предусмотрено, а значит, использование указанных показаний эксперта в приговоре суда незаконно [4].

Верховный суд Республики Дагестан при рассмотрении апелляционной жалобы защитника, подтверждая законность приговора суда в части квалификации, отметил, что оглашение в судебном заседании показаний эксперта, допрошенного в ходе ПР по УД, произведено судом с «соблюдением требований УПК РФ» [1].

С учетом неоднозначности правоприменительной практики при разрешении вопроса о возможности оглашения показаний эксперта, которые были им даны на досудебной стадии, представляется возможным распространить на оглашение показаний эксперта правил оглашения показаний потерпевшего и свидетеля с закреплением данного положения в ст. 282 УПК РФ.

При исследовании ЗЭ защитник должен уделить внимание следующим аспектам: соблюдение процедурного порядка назначения и проведения СЭ, уровень компетентности эксперта, качество и достоверность использованных материалов и образцов, теоретическую основу экспертизы и ее соответствие методикам исследования, анализ выводов эксперта для выявления возможных расхождений. Также адвокат-защитник имеет право обратиться к специалисту для подготовки последним соответствующего заключения в письменной форме и представить его суду.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 02.06.2020 по делу № 22-680/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тульского областного суда от 04.08.2022 по делу № 22-1997 // Официальный сайт Тульского областного суда URL: https://obsud--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=55390756&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 21.03.2024).
3. Гришин А. В. Особенности допроса эксперта в суде // Журнал Евразийская адвокатура – Выпуск № 1 (14) – 2015 – С.26-30.
4. Кассационное определение Ивановского областного суда от 19.09.2012 по делу № 22-2215 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу № 77-642/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2022 по делу № 83-УД22-5-А1; Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2022 по делу № 223-УД22-12-А6; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2023 по делу № 8-УД23-12-А1 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 по делу № 3-УД22-9-К3, Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2022 по делу № 77-2174/2022, Кассационное определение Новосибирского областного суда от 02.04.2012 по делу № 22-1749/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2023 по делу № 77-УД23-3-А1 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Кобец П. Н. Особенности допроса эксперта и специалиста в суде и производство судебной экспертизы // Международный научный журнал «Инновационная наука» – № 4 – 2016. – С. 153-154.
10. Леонтьев А. В. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам / А. В. Леонтьев. – М., 2014. – 240 с.

11. Маркова Т. Ю. Некоторые проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста. // Уголовное судопроизводство. – 2010. – №1. – С. 23-27.

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.2008 № 104-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.02.2015 № 235-О // СПС «КонсультантПлюс».

Participation of a defense attorney during a judicial investigation in the study of evidence obtained using special knowledge

Golovko M.N.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The scientific article considers topical issues related to the participation of defense counsel at the judicial investigation in the study of evidence obtained with the use of special knowledge. The author emphasizes that in some cases the work of the defense counsel at the judicial investigation is reduced to challenging the forensic expertise, including an attempt to exclude it from the list of evidence. In this regard, the article analyzes the judicial practice on the issues of investigation of expert opinion, interrogation of expert and specialist. As a result, the problem of disclosure in the court hearing of the expert's testimony, which was given at the pre-trial stage, is revealed and a variant of solving this problem by introducing appropriate amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is proposed. In conclusion, the author comes to the conclusion that in the study of the expert's opinion the defense counsel should pay attention to a number of basic aspects (e.g., compliance with the procedural order of appointment and conduct of the examination, the level of competence of the expert, analysis of the expert's conclusions to identify possible discrepancies, etc.), and in addition, the defense counsel has the right to appeal to the specialist for the preparation of the relevant conclusion in writing by the latter and submit it to the court.

Keywords: expert opinion, special knowledge, expert, specialist, defense attorney, study of evidence, judicial investigation.

References

1. Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated 02.06.2020 in case No. 22-680/2020 // SPS "ConsultantPlus".
2. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Tula Regional Court dated 04.08.2022 in case No. 22-1997 // Official website of the Tula Regional Court URL: https://oblsud--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=55390756&delo_id=4&new=4&ext_number=1 (date of access: 21.03.2024).
3. Grishin A. V. Features of interrogation of an expert in court // Journal of Eurasian Advocacy - Issue No. 1 (14) - 2015 - P. 26-30.
4. Cassation ruling of the Ivanovo Regional Court dated 09/19/2012 in case No. 22-2215 // SPS "ConsultantPlus".
5. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 05/27/2021 in case No. 77-642 / 2021 // SPS "ConsultantPlus".
6. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/10/2022 in case No. 83-UD22-5-A1; Cassation ruling of the Judicial Collegium for Military Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.07.2022 in case No. 223-UD22-12-A6; Cassation ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.12.2023 in case No. 8-UD23-12-A1 // SPS "ConsultantPlus"
7. Cassation ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.10.2022 in case No. 3-UD22-9-K3, Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 18.05.2022 in case No. 77-2174/2022, Cassation ruling of the Novosibirsk Regional Court dated 02.04.2012 in case No. 22-1749/2012 // SPS "ConsultantPlus".
8. Cassation ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 23, 2023 in case No. 77-UD23-3-A1 // SPS "ConsultantPlus".
9. Kobets P. N. Features of interrogation of an expert and specialist in court and the production of a forensic examination // International scientific journal "Innovative Science" - No. 4 - 2016. - P. 153-154.
10. Leontyev A. V. Participation of a defense attorney in proving in criminal cases / A. V. Leontyev. - M., 2014. - 240 p.
11. Markova T. Yu. Some problems of using an expert opinion in criminal proceedings. // Criminal proceedings. - 2010. - No. 1. - P. 23-27.
12. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.01.2008 No. 104-О-О // SPS "ConsultantPlus".
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2010 No. 28 "On forensic examination in criminal cases" // SPS "ConsultantPlus".
14. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.02.2015 No. 235-О // SPS "ConsultantPlus".

Исторический путь становления и развития отечественной службы судебных приставов

Карева Алла Викторовна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и административно-правовых дисциплин, Юридический институт, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина; NadegdaAVK@yandex.ru

В статье рассматривается процесс возникновения, становления и развития института ответственности за неисполнение судебных решений, службы судебных приставов в истории отечественной государственности. Цель исследования – анализ организации и особенностей деятельности судебных приставов в разные периоды истории российского государства для определения их значения в укреплении судебной власти, повышении авторитета правосудия. Используя историко-сравнительный и сравнительно-правовой методы, обосновывается необходимость в последовательном развитии исполнительного производства, совершенствовании службы судебных приставов, раскрывается отношение государственной власти к данной сфере, осознающей потребность в наличии особого органа, обеспечивающего исполнение решений суда. Выявляется исторический опыт становления и развития института судебных приставов, необходимый для определения его роли и функций в современном российском обществе, обозначения лучших практик предыдущих этапов для их использования в целях оптимизации исполнительного производства, совершенствования работы органов принудительного исполнения. Статья может быть использована в преподавании дисциплины «История государства и права России», рассчитана на всех интересующихся Отечественной историей и институтом судебных приставов в современной России, принципы организации и деятельности которого основаны на традициях, достижениях и опыте предыдущих эпох.

Ключевые слова: Древняя Русь, Российское государство, правосудие, институт исполнения судебных решений, исполнительное производство, органы принудительного исполнения, институт судебных приставов, правовой статус судебного пристава.

Совершенствование судебной системы в Российской Федерации направлено на укрепление независимого и эффективного правосудия, повышение его качества и доступности. А это предполагает неукоснительное и надлежащее исполнение судебных решений, что обеспечивает процесс реализации прав человека и выступает неотъемлемой частью правосудия, которое можно считать свершенным только при выполнении решения суда. В связи с этим определение дальнейшего пути развития системы правосудия неразрывно связано с необходимостью ретроспективного анализа службы судебных приставов, позволяющего выявить не только тенденции, преемственность, различные аспекты в процессе возникновения и развития исполнительного производства, но и обнаружить конструктивный опыт, являющийся важным фактором совершенствования современного института исполнения судебных решений. Исследование достижений предшествующих эпох в данной сфере развития отечественной государственности будет способствовать формированию реального и действенного механизма защиты прав человека.

Зарождение отечественной службы судебных приставов произошло на этапе образования Древнерусского государства. Ее возникновению предшествовало осуществление мер, направленных на восстановление пострадавшей стороной своего нарушенного права собственными силами или с помощью семьи: самозащита, саморасправа. Была возможна потеря личной свободы из-за долгов, работа на своего кредитора в форме отработки долга⁸⁷. Но усиление подобной тенденции грозило возрастанием конфликтных ситуаций.

В условиях формирования отечественной государственности, слабости органов власти и управления или их отсутствия, на первых порах была распространена кровная месть, которая впоследствии была запрещена, как проявление самоуправства. Но вместе с тем получило развитие другое средство защиты нарушенного права - самосуд⁸⁸.

В Древней Руси большое значение придавалось сбору дани, осуществляемой великим князем с дружиной, которая, с одной стороны, демонстрировала способность власти управлять и контролировать территорию страны, а с другой - позволяла обеспечивать пополнение княжеской казны. Учитывая важность финансовых поступлений для государства, Русская Правда предусматривала четкий порядок взыскания долгов с несостоятельного должника.

⁸⁷ Абдуллаев А. К. Институт становления судебных приставов // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 141.

⁸⁸ Дмитриевская Е. В. Особенности становления и развития правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 40

(278). С. 100-102. URL: <https://moluch.ru/archive/278/62773/> (дата обращения: 03.07.2024).

Древнейшим правовым источником, закрепляющим нормы исполнительного производства, являлся договор Олега с Византией, где определялось, что с виновной стороны следует взыскать иск в полном объеме, в случае невозможности оплатить все по долгу, он должен отдать все, что имеет, присягнув, что помочь ему некому⁸⁹.

По мере становления Древнерусского государства, складывания судов и укрепления их роли самоосуществление права стало снижаться. Правосудие отправлял единолично князь или совместно с боярами, что подчеркивало его особую роль, высший и безусловный авторитет и личное достоинство. Н.Л. Дювернуа считает, что князь олицетворял правосудие, ассоциируясь с исключительным чувством правды, имея при этом надлежащий уровень знания закона, необходимую силу и решительность для отстаивания одинаковой меры и одинаковой правды и в отношении сильных, и в отношении слабых⁹⁰. Отправление правосудия князь воспринимал в качестве важнейшего и обязательного назначения, ведь именно суд позволял населению обрести право и правду, а также приносил доход в княжескую казну. Значительная загруженность князя или его отсутствие требовало делегирования некоторых княжеских обязанностей, включая обязанность держать суд в городах наместникам. Суд на Руси вершили посадники, волостели. В связи с последовательным утверждением княжеского правосудия Русская Правда предусматривала ответственность за самовольное применение наказания без суда для лиц, подпадающих под княжескую юрисдикцию⁹¹.

Становление правосудия, начало деятельности судей потребовало создания вспомогательного аппарата, способствовало появлению особых должностных лиц, в обязанности которых входило обеспечение работы суда, исполнения его решений, содействие осуществлению судебного процесса. В тексте Русской Правды упоминаются ябетники, мечники, метельники, рядовичи, детские и отроки⁹². Указанные должностные лица имели широкий круг обязанностей: обеспечивали явку в суд истцов и ответчиков, безопасность судей, отвечали за должный порядок во время рассмотрения дел, сбора налогов и штрафов, а также принимали участие в ходе проведения ордалий (испытание железом)⁹³. Мечники представляли собой вооруженных мечами слуг

князя, обязанных обеспечивать исполнение виновным штрафов по судебным решениям. Ябетник выступал в качестве доводчика, то есть судебного исполнителя, обладающего разнообразными полномочиями, которые позволяли осуществлять судебное следствие по распоряжению судьи, задерживать похитителей, допрашивать, производить арест и даже подвергать пытке при допросах⁹⁴. При этом можно допустить, что каждое должностное лицо имело свою специализацию, но все они, безусловно, занимаясь крайне ответственным делом, обладали некоторыми привилегиями.

Все это указывало на отсутствие специальной должности, сосредоточенной исключительно на исполнительном производстве, тем не менее привлечение представителей разного ранга из дружины уже свидетельствовало о наличии исполнительного производства и реализации принудительного решения⁹⁵.

Поскольку в Древней Руси судебное решение считалось окончательным, его следовало исполнить сразу после оглашения. Именно это предусматривала Русская Правда (пространная редакция), текст которой закреплял положение о том, что должника надлежало доставить на торги и продать, после чего полученные деньги следовало распределить между взыскателями и князем. Остальные деньги шли семье. Сопровождать данный процесс был призван один из отроков⁹⁶.

Примечательно, что по мнению М.Ю. Павлова, «удовлетворение иска» подразумевало в то время обращение к должнику в целях исполнения, способом которого являлись продажа движимого и недвижимого имущества⁹⁷.

Важной вехой в становлении исполнительного производства стал 1261 г., когда на законодательном уровне был закреплен порядок исполнения судебных решений в виде «отдачи головою». Для несостоятельного должника и его семьи это означало потерю свободы и продажу их в рабство с торгов. Допускалось право взыскателя взять должника к себе в качестве раба. В дальнейшем рабское состояние трансформировалось во временную работу. Должник отрабатывал долг самостоятельно или его могли выкупить другие лица. В процессе осуществления данных преобразований начали

⁸⁹ Русско-византийский договор (911 г.) // Хронос. URL: <http://www.hrono.info/dokum/0900dok/0911dog.php> (дата обращения: 03.07.2024).

⁹⁰ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 170.

⁹¹ Загалаева Ж. А. История исполнительного производства в России // Евразийский научный журнал. 2016. № 7. С. 87.

⁹² Голубев В. М. Институт судебных исполнителей в России: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008. С. 10.

⁹³ Маринкина Л. В. История становления и развития исполнительного производства в России. 2017 // Электронный архив открытого доступа НИУ «БелГУ». URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

⁹⁴ Павлов М. Ю. История становления и развития исполнительного производства в России // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. М.: Спарк, 2014. № 2. С. 59.

⁹⁵ Михайлов Ф. Н., Шишарин И. А. Историко-правовой анализ института исполнительного производства и органов принудительного исполнения в России до судебной реформы 1864 года // Научно-издательский центр Аспект. URL: <https://na-journal.ru/2024-pravo/9390-istoriko-pravovoj-analiz-instituta-ispolnitelnogo-proizvodstva-i-organov-prinuditelnogo-ispolneniya-v-rossii-do-sudebnoj-reformy-1864-goda?ysclid=lyc12kq56b931836149> (дата обращения: 03.07.2024).

⁹⁶ Маринкина Л. В. История становления и развития исполнительного производства в России. 2017 // Электронный архив открытого доступа НИУ «БелГУ». URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

⁹⁷ Павлов М. Ю. История становления и развития исполнительного производства в России // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2014. № 2. С. 62

действовать праветчики - должностные лица, занимающиеся исполнением судебных решений о взыскании денежных сумм, передаваемых в виде имущества или денежных средств должника, который, тем не менее, сохранял свободу. Данная процедура принудительного взыскания получила название правож («доправить иск»)⁹⁸.

С конце XIII в. приставы фигурируют в разных правовых источниках, среди которых, заметное место занимают договорные и судные грамоты северо-запада Руси - Пскова и Новгорода, созданные в XIII–XV вв. Пристав того периода – это должностное лицо, прикрепленное к судебно-административным органам, которыми являлись вече, а также важные должностные лица - посадник, тысяцкий, архиепископ. Приставы имели широкие полномочия в сфере судебной и следственной деятельности: они вызывали ответчиков на княжеский суд, проводили досудебное исследование обстоятельств дела, собирали доказательства в пользу истца; разыскивали и принудительно доставляли в суд ответчика; следили за обеспечением установленного порядка ведения дел в суде, контролировали своевременную уплату судебных пошлин⁹⁹.

Существенное влияние на данную сферу оказал процесс формирования единого Русского централизованного государства, правители которого стремились создать единообразную судебную систему на территории всей страны. А это можно было достичь только за счет унификации процессуального законодательства и обеспечения ответственности судей, исключая их произвол.

Организационно-правовые формы исполнения судебных решений были сформированы в результате появления Судебников 1497, 1550 гг., благодаря чему институт исполнения постепенно складывался как публично-правовой, а данную функцию возложили на судебных чиновников – приставов, которые также занимались охраной должников и спорных земель¹⁰⁰. Исполнение судебных решений постепенно перешло с личности должника на его имущество. Существенный долг в случае отсутствия имущества вызывал продолжительное закабаление должника. Особый вклад в укрепление статуса приставов внес Судебник 1550 г., нормы которого предоставили данным должностным лицам дополнительные возможности на стадии досудебного исследования обстоятельств совершенного противоправного деяния, сбора доказательств, содержания обвиняемых до судебного разбирательства и после него. Это указывало на укрепление государственного принуждения в вопросах исполнения решений

суда, что, в свою очередь, свидетельствовало об усилении тенденций розыскного процесса.

Именно в этот период утверждались принципы ответственности приставов за противоправные действия.

Примечательно, что приставы назывались недельщиками, поскольку осуществление функций происходило по неделям, то есть они чередовались между собой по неделям, в рамках которых выполняли свои функции исключительно в пределах города. Если требовалось вызвать в суд ответчика из уезда, недельщик для этого привлекал ездоков, которых снабжал приставными грамотами¹⁰¹.

Утверждение в стране приказной системы управления привело к распределению судебных приставов по приказам, что способствовало упорядочению их деятельности. Недельщики оказывали содействие судебным приставам, которые должны были отчитываться за свои действия. Тем самым, Судебник 1550 г. содействовал созданию системы надзора за деятельностью недельщиков, которую обеспечивали судебные и исполнительные органы местной власти. Это повышало эффективность данной службы и ограничивало произвол со стороны ее представителей.

Соборное уложение 1649 г. значительно расширило полномочия пристава: в случае оказания должником сопротивления пристав имел право взять себе в помощь у воеводы военнотружущих для ареста ответчика. Но вместе с тем повысилась и степень его ответственности за неисполнение своих обязанностей. Ненадлежащее их исполнение грозило приставу дисциплинарной ответственностью в виде увольнения со службы, уголовной - битье батогами и материальной - возмещение убытков¹⁰². На этом этапе, в соответствии с нормами Соборного уложения, широкое распространение получил «правож», который позволял возвращать недоимки крестьян и бедных горожан.

Примечательно, что в это время серьезным авторитетом пользовалась церковь, претендующая на общегосударственное влияние, ее управление было подобно княжескому, в связи с чем в составе церковных чинов состояли Митрополичьи приставы, отправляемые в разные места государства с поручением собирать доходы¹⁰³.

Перемены в общественных отношениях требовали новых законодательных актов, которые позволяли дополнять или изменять нормы Соборного уложения 1649 г. К началу правления Петра I количество «новоуказных статей» значительно воз-

⁹⁸ Маринкина Л. В. История становления и развития исполнительного производства в России. 2017 // Электронный архив открытого доступа НИУ «БелГУ». URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

⁹⁹ Кравцов Д. И., Бусыгина О. С. Становление и развитие института судебных приставов в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 86.

¹⁰⁰ Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России: 1864–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юр. наук Владимир, 2006. С. 13.

¹⁰¹ Русакова О. Г. К вопросу о формировании и развитии законодательства об исполнительном производстве // Право и практика. 2016. № 1 (15). С. 186.

¹⁰² Семагина О. С. Становление института принудительного исполнения // Правопорядок: история, теория, практика, 2015. № 3 (6). С. 124.

¹⁰³ Русакова О. Г. К вопросу о формировании и развитии законодательства об исполнительном производстве // Право и практика. 2016. № 1 (15). С. 186.

росло, в том числе их нормы расширяли законодательство, регулировавшее исполнение судебных решений¹.

Важный этап развития исполнительного производства был связан с преобразовательной деятельностью Петра I, который был намерен реформировать судебную сферу, стремясь отделить суд от администрации. Нормативные правовые акты царя значительно изменили систему исполнения судебных решений, что привело к упразднению должности судебного пристава и уменьшению роли исполнительного производства в целом. Осуществление исполнения судебных решений и обеспечение надлежащего судебного порядка выполняли специальные сотрудники, находящиеся при судах или органах управления: мелкие судебные чины, полицейские и другие государственные служащие².

Петр I, осуществляя масштабные преобразования, был заинтересован в достижении государственных задач и реализации концепции «общей пользы», а это предполагало высокий уровень ответственности всех должностных лиц, не допуская с их стороны никаких злоупотреблений. Именно это побудило царя внедрить систему государственного жалования, однако это не принесло желаемых результатов. Если в предыдущие периоды недельщики за добросовестную службу, за обеспечение явки в суд вызываемых лиц получали вознаграждение именно с данных, приглашенных лиц, то у новых должностных лиц отсутствовала материальная заинтересованность. Это провоцировало нарушение установленного порядка ведения судебных дел, несвоевременный вызов в суд участников процесса, приводило к его продолжительному затягиванию, исполнение решения суда нередко осуществлялось через несколько лет³.

Последующие изменения института исполнения судебных решений произошли в царствовании Екатерины II, в результате проведения очередной судебной реформы на основе «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. Нормы данного документа были направлены на повышение эффективности контроля государства над производством дел в суде, что потребовало изменить процессуальные нормы, которые предусматривали выполнение функции исполнения судебных решений судом и полицией. Продолжением реформ стал «Устав благочиния» от 8 апреля 1782 г., внесший правовое единообразие в вопросы регулирования исполнения судебных решений на территории страны. Отныне исполнение судебных решений было закреплено за полицией.

Подразумевалась специальная должность приставов, которые должны были выполнять и другие функции (поддержание общественного порядка), что отрывало их от основной служебной деятельности и способствовало затягиванию процесса исполнения⁴. Тем самым преобразования Екатерины привели к возрождению института приставов. Но приставы стали принадлежать к другому ведомству⁵.

Сформированная Екатериной II судебная система сохранилась до реформы Александра II и характеризовалась излишней громоздкостью, бюрократизацией, иерархичностью, множественностью и разветвленностью судебных инстанций, волокитой, путаницей с подсудностью, взяточничеством, несовершенством исполнения судебных решений. Все это потребовало серьезного реформирования судебной системы и восстановления института судебных приставов, который был призван обеспечить реализацию функции исполнения судебных решений.

Важным событием в развитии исполнительного производства стала подготовка и издание Свода законов Российской империи, один из разделов которого был посвящен законам гражданским и межевым. Данный раздел включал нормы о гражданском судопроизводстве и о мерах гражданских взысканий. Все это свидетельствовало о выделении гражданского права в качестве самостоятельной отрасли права, хотя материальное право в тот период еще не было отделено от процессуального⁶.

Но только в процессе реализации судебной реформы 1864 г., которая сформировала завершенную систему судебных органов, отличающихся четко обозначенной компетенцией, институт судебных приставов был возрожден как структурное подразделение суда. Судебные уставы, утвержденные императором, установили новые принципы отечественного судоустройства и судопроизводства, которые четко зафиксировали, что при судебных учреждениях должна состоять служба судебных приставов. Это было связано с одной из целей судебной реформы Александра II - отделение суда от администрации. Все это позволило повысить уровень справедливости отечественной системы правосудия и обеспечить доверие населения к судебной власти.

Введение в действие судебных уставов определило правовой статус и компетенцию судебного пристава. Именно с того времени институт судебных приставов был закреплен в качестве ядра «исполнительного» судебного механизма, а законодатель-

¹ Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России: 1864–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2006. С. 14.

² Голубев В. М. Институт судебных исполнителей в России: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008. С. 11.

³ Русакова О. Г. К вопросу о формировании и развитии законодательства об исполнительном производстве // Право и практика. 2016. № 1 (15). С. 186.

⁴ Голубев В. М. Институт судебных исполнителей в России: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008. С. 11.

⁵ Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России: 1864–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2006. С. 14.

⁶ Маринкина Л. В. История становления и развития исполнительного производства в России. 2017 // Электронный архив открытого доступа НИУ «БелГУ». URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

ство о правовом статусе судебных приставов Российской империи представляло собой эталонный текст европейского уровня второй половины XIX в.¹ Судебные уставы предполагалось вводить на территории страны постепенно, но, прежде всего, это предусматривалось сделать в столичных городах.

Судебные приставы различались в зависимости от организации и особенностей деятельности. Выделялись судебные приставы общих судов, которые вводились на обязательной основе в «общих судебных местах» кассационных департаментах Сената, судебных палатах и окружных судах. Однако образование службы судебных приставов при мировых судах было не обязательным².

Надлежащее обеспечение исполнения судебного решения предусматривало закрепление правового статуса судебного пристава, который предполагал жесткий отбор на эту должность по установленным требованиям: не могли занять эту должность лица, не имевшие российского подданства, не достигшие 21 года, занимавшие другую должность на государственной или общественной службе. Значительное внимание уделялось моральным качествам кандидатов на должность, которые составляли суть нравственного ценза. Соискатели должны были иметь безупречную репутацию, незапятнанную правонарушениями и даже подозрением в их совершении, а также не иметь претензий со стороны духовных властей. Все это способствовало повышению статуса и роли судебных приставов. Вместе с тем, от претендентов на эту должность не требовалось профессионального образования в данной сфере, что безусловно могло негативно отражаться на их компетентности и будущей работе в целом. Проверка судебных учреждений, организованная в 1895 г., продемонстрировала преимущественно наличие домашнего или низшего образования, а именно из 1407 судебных приставов его имели 1097, или 78 %. Остальные 310 человек обучались в средних (283 чел.) или высших (27 чел.) учебных заведениях³.

Выполняя свои должностные обязанности, судебные приставы действовали под контролем суда, при котором они находились. Это проявлялось в том, что они докладывали председателю суда об избранном взыскателем способе исполнения, заполняли отдельный журнал, где отражали свои действия по исполнению решений, что позволяло предоставлять по требованию сторон необходимые выписки⁴.

Однако роль суда могла меняться в зависимости от стадии и вида взыскания, что способствовало

определенной бесконтрольности за деятельностью судебных приставов и приводило к злоупотреблениям с их стороны. Это возможно было преодолеть, создав более тесное, непосредственное взаимодействие между судом, вынесшим решение по делу, и исполнением данного решения⁵.

Тем не менее, появление судебных приставов стало результатом закономерного развития процесса общественных преобразований, прежде всего реформы системы судоустройства. Все это привело к формированию института судебных приставов, выступавшего в качестве отдельного структурного подразделения судебной системы Российской империи и представлявшего завершающую стадию судопроизводства, в рамках которой шло восстановление нарушенных прав. Деятельность судебных приставов отличалась и по форме, и по содержанию⁶.

Данные принципы организации исполнительного производства и особенности деятельности службы судебных приставов сохранялись до 1917 г., когда в результате Октябрьского переворота произошла смена общественного и государственного строя, была сформирована новая система власти и управления. Прежняя судебная система была упразднена, а вместе с ней подлежал ликвидации и институт судебных приставов.

Основой становления советской системы судоустройства и судопроизводства стали Декреты «О суде» (№1 и №2). Функции судебных приставов были возложены на судебных исполнителей, состоявших при судах.

Организация принудительного исполнения впервые на данном этапе была закреплена в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 1923 г. Впоследствии законодательная база исполнительного производства включала Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г., Инструкцию Министерства юстиции СССР от 24 апреля 1973 г. «О порядке исполнения судебных решений», Инструкцию от 15 ноября 1985 г. «Об исполнительном производстве». Именно это способствовало формированию системы исполнительного производства, функционирующей в стране до середины 1990-х гг.

Значительные преобразования в политической и экономической сферах Российского государства, развитие рыночных отношений, возникновение частного сектора, подъем предпринимательства вызвали необходимость в серьезных переменах в системе исполнительных правоотношений. Проводившаяся судебная реформа потребовали изменений системы принудительного исполнения. Большое

¹ Кравцов Д. И., Бусыгина О. С. Становление и развитие института судебных приставов в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 87.

² Голубев В. М. Институт судебных исполнителей в России: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008. С. 12.

³ Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России: 1864–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2006. С. 18.

⁴ Лапина А. П. История становления российского института судебных приставов // Правопорядок: история, теория, практика.

2015. № 3 (6). С. 115–119 // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-rossiyskogo-instituta-sudebnyh-pristavov?ysclid=lpzpktdyhg393395105> (дата обращения: 03.07.2024).

⁵ Абдуллаев А. К. Институт становления судебных приставов // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 143.

⁶ Русакова О. Г. К вопросу о формировании и развитии законодательства об исполнительном производстве // Право и практика. 2016. № 1 (15). С. 187.

значение в этой связи имели Федеральные законы 1997 г. «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах», что способствовало выделению исполнительного производства в особый процесс, характеризующийся собственными целями, принципами и процедурами¹. Все это предопределило возрождение традиционной для отечественной правовой системы службы судебных приставов в России, создало законодательную основу для организации самостоятельного института судебных приставов. От судебных исполнителей приставов отличало процессуальная самостоятельность и расширение функций².

Таким образом, исследование зарождения, становления и развития исполнительного производства, службы судебных приставов свидетельствует о том, что долгое время систематизированного законодательства, регулирующего эту сферу, не существовало, функционал судебных приставов не был четко определен, в некоторые периоды развития отечественного государства институт судебных приставов отсутствовал, тем не менее, на каждом последующем этапе власть все более осознавала необходимость в существовании особого органа, обеспечивающего выполнение функции исполнения решений суда. Поскольку полноценная система правосудия предполагает обязательное наличие института судебных приставов, который способен обеспечить выполнение решения суда, что безусловно повысит эффективность российского судопроизводства. А это, в свою очередь, вызывает необходимость в совершенствовании института судебных приставов, что заставляет обратиться к прошлому, проанализировать предыдущие этапы развития данного института, раскрывая сложившиеся традиции, позитивный опыт и достижения в этой сфере.

Литература

1. Абдуллаев А. К. Институт становления судебных приставов // Государственная служба и кадры. - 2021. - № 4. - С. 141-144.
2. Голубев В. М. Институт судебных исполнителей в России: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - Владимир, 2008. - 22 с.
3. Дмитриевская Е. В. Особенности становления и развития правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2019. - № 40 (278). - С. 100-102. - URL: <https://moluch.ru/archive/278/62773/> (дата обращения: 03.07.2024).
4. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 394 с.
5. Жаглина М. Е. Исполнительное производство на современном этапе: состояние и развитие // Вестник Воронежского института МВД России. - 2014. - № 4. - С. 49-56.

6. Загалаева Ж. А. История исполнительного производства в России // Евразийский научный журнал. - 2016. - № 7. - С. 87-89.

7. Зезюлина Т. А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России: 1864–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - Владимир, 2006. - 23 с.

8. Кравцов Д. И., Бусыгина О. С. Становление и развитие института судебных приставов в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. - 2018. - № 2. - С. 84-95.

9. Лапина А. П. История становления российского института судебных приставов // Правопорядок: история, теория, практика. - 2015. - № 3 (6). - С. 115–119 // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-rossiyskogo-instituta-sudebnyh-pristavov?ysclid=lpzpktdyuhg393395105> (дата обращения: 03.07.2024).

10. Маринкина Л. В. История становления и развития исполнительного производства в России. - 2017 // Электронный архив открытого доступа НИУ «БелГУ». - URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

11. Михайлов Ф. Н., Шишарин И. А. Историко-правовой анализ института исполнительного производства и органов принудительного исполнения в России до судебной реформы 1864 года // Научно-издательский центр Аспект. - URL: <https://na-journal.ru/2-2024-pravo/9390-istoriko-pravovoj-analiz-instituta-ispolnitelnogo-proizvodstva-i-organov-prinuditelnogo-ispolneniya-v-rossii-do-sudebnoj-reformy-1864-goda?ysclid=lyc12kq56b931836149> (дата обращения: 03.07.2024).

12. Павлов М. Ю. История становления и развития исполнительного производства в России // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. - М.: Спарк, 2014. - № 2. - С. 57-72.

13. Русакова О. Г. К вопросу о формировании и развитии законодательства об исполнительном производстве // Право и практика. - 2016. - № 1 (15). - С. 185-187.

14. Русско-византийский договор (911 г.) // Хронос. - URL: <http://www.hrono.info/dokum/0900dok/0911dog.php> (дата обращения: 03.07.2024).

15. Семагина О. С. Становление института принудительного исполнения // Правопорядок: история, теория, практика. - 2015. - № 3 (6). - С. 123 - 127.

Historical path of formation and development domestic bailiff service

Kareva A.V.

Ryazan State University named for S.A. Yesenina; Law Institute; candidate of Historical Sciences, assistant professor

¹ Маринкина Л. В. История становления и развития исполнительного производства в России. 2017 // Электронный архив открытого доступа НИУ «БелГУ». URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (дата обращения: 03.07.2024).

² Жаглина М. Е. Исполнительное производство на современном этапе: состояние и развитие // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 50.

The article examines the process of emergence, formation and development of the institution of responsibility for non-execution of court decisions, the bailiff service in the history of national statehood. The purpose of the study is to analyze the organization and characteristics of the activities of bailiffs in different periods of the history of the Russian state to determine their significance in strengthening the judicial power and increasing the authority of justice. Using historical-comparative and comparative-legal methods, the need for the consistent development of enforcement proceedings, improvement of the bailiff service is substantiated, the attitude of state authorities to this area is revealed, recognizing the need for a special body to ensure the execution of court decisions. The historical experience of the formation and development of the institution of bailiffs is revealed, which is necessary to determine its role and functions in modern Russian society, to identify the best practices of previous stages for their use in order to optimize enforcement proceedings and improve the work of enforcement agencies. The article can be used in teaching the discipline "History of State and Law of Russia" and is intended for all those interested in Russian history and the institution of bailiffs in modern Russia, the principles of organization and activity of which are based on traditions, achievements and experience of previous eras.

Keywords: Ancient Rus', Russian state, justice, institution of execution of court decisions, enforcement proceedings, enforcement authorities, institution of bailiffs, legal status of bailiff.

References

1. Abdullaev A.K. Institute of the formation of bailiffs // Civil service and personnel. - 2021. - No. 4. - P. 141-144.
2. Golubev V.M. Institute of bailiffs in Russia: historical and legal research: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. - Vladimir, 2008. - 22 p.
3. Dmitrievskaya E.V. Features of the formation and development of justice in the Russian Federation // Young scientist. - 2019. - No. 40 (278). - P. 100-102. - URL: <https://moluch.ru/archive/278/62773/> (date of access: 03.07.2024).
4. Duvernois N.L. Sources of law and the court in Ancient Russia. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. - 394 p.
5. Zhaglina M. E. Enforcement proceedings at the present stage: state and development // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2014. - No. 4. - P. 49-56.
6. Zagalaeva Zh. A. History of enforcement proceedings in Russia // Eurasian Scientific Journal. - 2016. - No. 7. - P. 87-89.
7. Zezyulina T. A. Organizational and legal foundations for the formation and functioning of the institution of bailiffs in Russia: 1864-1917: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. - Vladimir, 2006. - 23 p.
8. Kravtsov D. I., Busygina O. S. Formation and development of the institution of bailiffs in Russia // Social, economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. - 2018. - No. 2. - P. 84-95.
9. Lapina A. P. History of the formation of the Russian institution of bailiffs // Law and order: history, theory, practice. - 2015. - No. 3 (6). - P. 115-119 // Scientific electronic library CyberLeninka. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-rossiyskogo-instituta-sudebnyh-pristavov?ysclid=izpktdyuhg393395105> (date of access: 03.07.2024).
10. Marinkina L. V. History of the formation and development of enforcement proceedings in Russia. - 2017 // Electronic archive of open access of the National Research University "BelSU". - URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20591/1/Marinkina_History.pdf (date of access: 03.07.2024).
11. Mikhailov F. N., Shisharin I. A. Historical and legal analysis of the institution of enforcement proceedings and enforcement bodies in Russia before the judicial reform of 1864 // Scientific and Publishing Center Aspect. - URL: <https://na-journal.ru/2-2024-pravo/9390-istoriko-pravovoj-analiz-instituta-ispolnitelnogo-proizvodstva-i-organov-prinuditelnogo-ispolneniya-v-rossii-do-sudebnoj-reformy-1864-goda?ysclid=lyc12kq56b931836149> (date of access: 03.07.2024).
12. Pavlov M. Yu. History of the formation and development of enforcement proceedings in Russia // Bulletin of the Federal Bailiff Service. - M.: Spark, 2014. - No. 2. - P. 57-72.
13. Rusakova O. G. On the issue of the formation and development of legislation on enforcement proceedings // Law and Practice. - 2016. - No. 1 (15). - P. 185-187.
14. Russian-Byzantine Treaty (911) // Chronos. - URL: <http://www.hrono.info/dokum/0900dok/0911dog.php> (date of access: 03.07.2024).
15. Semagina O. S. Formation of the Institute of Compulsory Enforcement // Law and Order: History, Theory, Practice. - 2015. - No. 3 (6). - P. 123-127.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания в части международного сотрудничества

Курносова Валерия Михайловна

специалист, Московский Государственный Юридический Университет им. О.Е. Кутафина

Международное сотрудничество в сфере уголовного преследования играет решающую роль в борьбе с преступлениями. В условиях глобализации и увеличения мобильности населения, преступные сети становятся всё более многочисленными и распределенными, зачастую оперируя в международном масштабе. Для эффективного контроля и пресечения преступной деятельности необходимо тесное взаимодействие между государствами, включая обмен информацией, взаимную правовую помощь и экстрадицию преступников.

Ключевые слова: Международное сотрудничество, органы следствия, органы дознания, практика, взаимодействие, преступность, Интерпол, международный договор, конвенция, уголовное преследование.

XXI век характеризуется активным развитием международного сотрудничества и международного права. Такое положение обусловлено стремлением создать единое правовое поле. Главенствующее место занимает задача установление мирового правопорядка и законности. Также все развитые государства мира стремятся укрепить безопасность на международной арене. Именно поэтому сотрудничество в области уголовного права приобретает всё большее практическое значение.

На основании вышеизложенного, представляется целесообразным дать характеристику источникам правового регулирования международного сотрудничества в области уголовного преследования:

1) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.¹, а также принятые в соответствии с ней протоколы (далее – Конвенция о транснациональной преступности). Данный правовой акт регулирует вопросы противодействия организованной преступности на международной арене, а также сотрудничества государств для ее предотвращения.

Условно меры, закрепленные в Конвенции о транснациональной преступности, можно подразделить на две большие группы: меры по борьбе с транснациональной организованной преступностью и меры ее предупреждения. Так, согласно ст. 2 Конвенции о транснациональной преступности «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду.

Важно отметить, что в рамках Конвенции особое внимание уделяется установлению правовых механизмов защиты прав жертв таких преступлений. Особое внимание уделяется их правовому статусу и мерам поддержки. Кроме того, Конвенция о транснациональной преступности устанавливается процессуальные правила осуществления совместной деятельности государства по расследованию таких уголовно-наказуемых преступлений.

Акты предусматривают совместные меры по расследованию и преследованию виновных, а также защите и помощи жертвам. В п. «b» 1 ст. 27 Конвенции о транснациональной преступности достаточно

¹ «Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // «Собрание законодательства РФ», 04.10.2004, N 40, ст. 3882.

четко оговорено, что сотрудничество с другими Государствами-участниками в проведении расследований в связи с преступлениями, охватываемыми настоящей Конвенцией, с целью выявления личности, местонахождения и деятельности лиц, подозреваемых в участии в совершении таких преступлений, или местонахождения других причастных лиц, перемещения доходов от преступлений или имущества, полученного в результате совершения таких преступлений, перемещения имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении таких преступлений.

2) Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1993 г.)², регламентирующая сотрудничество стран СНГ в области уголовного преследования.

Уникальность данного правового акта состоит в том, что он охватывает различные отрасли права и регламентирует как нормы материального права, так и процессуального. Данный акт регламентирует различные правоотношения, в том числе и в области уголовного преследования.

Согласно ст. 72 данной Конвенции каждая договаривающаяся сторона обязуется по поручению другой договаривающейся стороны осуществлять в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против собственных граждан, подозреваемых в том, что они совершили на территории запрашивающей договаривающейся стороны преступление. Именно данная норма реализует принцип неотвратимости уголовного наказания и помогает в достижении целей уголовного преследования как такового.

В частности, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1993 г.) регламентирует создание и функционирование именно «совместных следственно-оперативных групп».

3) Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (2002 г.)³ представляет собой дополнительный международный договор, нацеленный на дальнейшее развитие и улучшение механизмов сотрудничества между государствами в области правосудия. Этот документ продолжает и развивает принципы и положения конвенции 1993 года, расширяя и уточняя некоторые из них.

Важным источникам правового регулирования международного сотрудничества в области расследования уголовного преступления выступают двусторонние договоры, которые заключаются для решения конкретных уголовно-правовых вопросов. Данные договоры основываются на принципе взаимности. Сущность принципа взаимности состоит в

том, что российские суды признают решения международных судов в том случае, если государство, к юрисдикции которого относится суд, признаёт, в свою очередь, решения российских судов. Также данный принцип распространяется и на признание материальных норм права. Особенностью данного источника также является то, что правовые нормы, закрепленные в нем, появляются только на основании волеизъявления двух сторон соглашения. К данным источникам можно отнести:

Договор между Российской Федерацией и Республикой Филиппины о взаимной правовой помощи по уголовным делам; Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой; Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами и многие другие.

Важно также отметить, что структура данных договоров очень похожа, а правовые нормы зачастую дублируют друг друга. Такая особенность объясняется тем, что нормы разрабатываются странами совместно и Российская Федерация предлагает свои формулировки правовых норм.

Как правило, устанавливаются следующие формы правовой помощи: получение доказательств, включая показания или заявления лиц; установление местонахождения и идентификацию лиц; установление местонахождения и идентификацию предметов, а также доходов, полученных в результате преступной деятельности, и средств совершения преступлений, в том числе предназначенных для целей терроризма; уведомление свидетелей, потерпевших и экспертов о поступившем в компетентные органы запрашиваемого Договаривающегося Государства запросе об их добровольной явке в компетентные органы запрашивающего Договаривающегося Государства; временную передачу лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, для дачи показаний или для оказания помощи в расследованиях либо для производства иных процессуальных действий в соответствии с настоящим Договором; обыск и выемку.

Подписание подобных соглашений играет немаловажную роль, поскольку обеспечивает здоровое развитие международного сотрудничества.

Вышеуказанные международные акты свидетельствуют об обширном инструментарии международно-правового сотрудничества в рамках уголовного преследования. Вытекающие из данных международных актов обязанности отражаются в национальном законодательстве, закрепляющем компетенцию органов, осуществляющих предварительное расследование.

Правоохранительные органы в своей работе руководствуются Конституцией и принятыми в соответствии с ней законами. Важно отметить, что частью правовой системы России выступают также

² «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // «Собрание законодательства РФ», 24.04.1995, N 17, ст. 1472.

³ «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // «Собрание законодательства РФ», 24.07.2023, N 30, ст. 5501.

международные договоры и соглашения. Именно поэтому международное сотрудничество в уголовно-правовой сфере имеет важное практическое значение.

Международное сотрудничество в сфере уголовного преследования является важной составляющей работы правоохранительных органов. В рамках исследования будут рассмотрены: Следственный комитет Российской Федерации (далее – Следственный комитет, СК РФ), Министерство Внутренних Дел Российской Федерации (МВД РФ). Важнейшим вопросом исследования является установление полномочий данных органов в области международного сотрудничества по уголовным делам.

Согласно ст. 3 Федерального закона «О следственном Комитете РФ»⁴, Следственный комитет в пределах своих полномочий взаимодействует с компетентными органами иностранных государств, заключает соглашения, сотрудничает с международными организациями в соответствии с международными договорами и участвует в разработке международных договоров Российской Федерации в установленной сфере деятельности.

Данное положение не раскрывает в полной мере компетенцию Следственного комитета РФ, более того, не закрепляет основополагающие принципы такого взаимодействия. Однако, следует справедливо предположить, что фундаментальные положения о международном взаимодействии СК РФ предусмотрены ратифицированными Российской Федерацией международными актами. Следственный комитет РФ обладает широкими полномочиями в сфере уголовного расследования, включая международное сотрудничество. Закон устанавливает, что одной из его задач является координация и взаимодействие с компетентными органами иностранных государств, международными и региональными организациями по вопросам, относящимся к его компетенции. Это может включать в себя обмен информацией, проведение совместных расследований и другие меры правового сотрудничества.⁵

Немаловажное значение будут также иметь локальные нормативные акты. Такие ведомственные акты регламентируют важнейшие процессуальные вопросы сотрудничества и обмена информацией. Так, согласно Приказу СК России от 08.02.2018 № 6 "Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой

помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам"⁶ устанавливается порядок исполнения Следственным комитетом запросов иностранных государств, организация подготовки направления запросов о правовой помощи в компетентные органы иностранных государств и др. Однако сложно не согласиться с тем, что органы прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора не осуществляют проверку исполнения требований ведомственных актов. Такое положение, прежде всего, обусловлено недопустимостью осуществления органами прокуратуры полномочий, возложенных на иные государственные органы. Данный запрет прямо вытекает из действия принципа сдержек и противовесов. Именно поэтому надзорные проверки не должны касаться исполнения подзаконных и ведомственных актов.⁷ Предполагается, что такие проверки являются задачей ведомственного контроля. В этой связи образуется некоторая проблематика, поскольку в таком случае органы прокуратуры не могут в полной мере оценивать качество исполнения требований законодательства о международном сотрудничестве, а равно влиять на принятие тех или иных ненадлежащих решений. Она обусловлена независимой природой Следственного комитета как особого правоохранительного органа⁸.

Другим немаловажным законом выступает Федеральный закон «О полиции»⁹ (далее – Закон о полиции), который также регламентирует вопросы международного сотрудничества. В частности, подобная норма содержится в ст. 9 Закона о полиции. Основным инструментом взаимодействия выступает обмен информацией, а также участие в международных программах, направленных на борьбу с преступностью. Данные давно применяются органами полиции и показали свою эффективность при борьбе с преступностью на международном уровне.

Важное значение имеет структурное подразделение центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, обеспечивающее и осуществляющее в пределах своей компетенции функции по сотрудничеству правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств – членов Международной организации уголовной полиции.

⁴ Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» // «Российская газета», N 296, 30.12.2010.

⁵ Онопченко А.А. «Международно-правовые основания деятельности Следственного комитета Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики» // Юридическая наука. 2019. №2.

⁶ Приказ СК России от 08.02.2018 N 6 «Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам» (вместе с «Порядком организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные ор-

ганы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам») // СПС «КонсультантПлюс» 2024 (дата обращения 28.04.2024).

⁷ Луговик В. Ф. «Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. №3 (9).

⁸ Романовский Г.Б. «Правовой статус Следственного комитета Российской Федерации» // Наука. Общество. Государство. 2013. №1 (1).

⁹ Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) // «Российская газета», N 25, 08.02.2011.

Согласно Положению о Национальном центральном бюро Интерпола МВД России Бюро выполняет функции головного оперативного подразделения МВД России в области взаимодействия с Интерполом и Европоллом, осуществления международного обмена информацией об уголовных преступлениях, обеспечения содействия в выполнении запросов правоохранительных органов иностранных государств об осуществлении розыска, задержании и выдаче лиц, обвиняемых в совершении уголовных преступлений, а также розыска и ареста перемещенных за границу доходов от преступной деятельности, похищенных предметов и документов.

К компетенции НЦБ Интерпола МВД относится: осуществление оперативно-розыскной деятельности в пределах полномочий, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и МВД России, Обеспечение взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств – членов Интерпола, Генеральным секретариатом и иными органами Интерпола, а также с Европоллом, направление запросов и сообщений правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации в Генеральный секретариат Интерпола и национальные центральные бюро Интерпола иностранных государств для осуществления розыска, ареста и выдачи лиц, совершивших уголовные преступления, розыска и ареста перемещенных за границу доходов от преступной деятельности, похищенных предметов и документов, проведения иных оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий по делам, находящимся в производстве этих органов, участие в установленном порядке в осуществлении международного розыска обвиняемых, осужденных и лиц, пропавших без вести.

Вместе, данные акты создают правовую основу для активного и эффективного международного сотрудничества органов предварительного расследования Российской Федерации в борьбе с транснациональной преступностью. Однако, презюмируя, что здоровое развитие правовых отношений невозможно без обеспечения реализации положений законодательства и надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное расследование, необходимо выделить высокую роль органов прокуратуры

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное следствие и дознание, является значимой частью правоохранительной системы Российской Федерации, направленной на обеспечение законности, прав и интересов граждан, охраняемых законом. Особое место в этой системе занимает сфера международного сотрудничества, требующая от прокуратуры РФ не только глубоких знаний внутрен-

него законодательства, но и правил международного права, двусторонних и многосторонних соглашений. Однако ни Законом о прокуратуре, ни ведомственными актами Генерального прокурора Российской Федерации четко не определена компетенция прокуратуры на данном участке. Вместе с тем в научной доктрине нет толкования прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное следствие, дознание в части международного сотрудничества. Вполне вероятно, что компетенция по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания в части предварительного расследования предполагается из сущности положения ст. 29 Закона «О прокуратуре РФ»¹⁰. Согласно указанной статье предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Вместе с тем, согласно ст. 30 Закона «О прокуратуре РФ» полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Таким образом, прокурор осуществляет надзор за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства, в том числе и требований, предусмотренных ст. 453-459 УПК РФ¹¹.

Для регламентации вопросов международного правового сотрудничества в рамках предварительного расследования УПК РФ ряд положений, предусматривающий порядок предоставления международной правовой помощи по уголовным делам.

Так, согласно ст. 453 УПК РФ регламентирована возможность осуществления запроса в иностранное государство в целях осуществления, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом действий (осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы), ст. 457 закрепляет минимальный перечень содержания такого запроса, требования к его форме. Порядок и правила исполнения запроса о правовой помощи устанавливается ст. ст. 457-459 УПК РФ.

Из этого следует, что полномочия прокурора в рамках надзора включают в себя:

1. Обеспечение режима законности при исполнении запросов о правовой помощи. На органы прокуратуры возлагается обязанность по составлению, проверке и направлению соответствующих запросов в соответствии с установленной процедурой. Также органы прокуратуры обеспечивают режим законности при исполнении запросов.

¹⁰ Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Данный вид надзора заключается в проверке соответствия применяемых процедур национальным и международным нормам, регламентирующим статус участников уголовного процесса.

3. Оказание содействия при реализации международных обязательств и мероприятий. Именно органы прокуратуры следят за соблюдением процессуальных и материальных норм, установленных сторонами международного сотрудничества.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, осуществляемый в контексте международного сотрудничества, представляет собой комплекс мер, направленных на контроль за соблюдением норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), международных договоров и соглашений, в которых участвует Российская Федерация.

Прокурорский надзор в части международного сотрудничества имеет ряд особенностей, обусловленных необходимостью соблюдения международных обязательств и обеспечения эффективного взаимодействия с иностранными государствами.

Органы прокуратуры обязаны контролировать процессуальную деятельность органов следствия и дознания на предмет соответствия не только национальному законодательству, но и международным договорами РФ. В случае обнаружения нарушений в процессе международного сотрудничества прокурор вправе требовать устранения допущенных нарушений, а также обжаловать действия и решения следственных и органов дознания.

Наряду с этим, органы прокуратуры осуществляют надзор за ранее упомянутым НЦБ Интерпола МВД России. Согласно приказу Генерального прокурора Российской Федерации «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации» Главное управление по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью, прокуроры субъектов Российской Федерации осуществляют надзор за исполнением законодательства Российской Федерации при осуществлении Национальным центральным бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации и его филиалами оперативно-розыскной деятельности.

Особенности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания в части международного сотрудничества требуют от прокуратуры высокой компетентности в международном праве, знания особенностей правовых систем иностранных государств, а также глубокого понимания целей и задач международного сотрудничества в сфере пресечения преступлений. Такой подход способствует повышению эффективности межгосударственного

взаимодействия в борьбе с преступностью, укреплению правопорядка и защите прав и интересов граждан.

Современный этап развития международного сотрудничества органов предварительного следствия и дознания характеризуется рядом вызовов, включая необходимость адаптации правовых систем к меняющимся условиям международной обстановки, борьбу с новыми формами преступности (например, киберпреступностью), а также укрепление доверия и эффективности механизмов сотрудничества. В этой связи роль прокурорского надзора неуклонно возрастает, требуя от прокуратуры глубоких знаний международного права, гибкости и инновационного подхода к решению возникающих задач.¹

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что именно органы прокуратуры обеспечивают соблюдение режима законности при осуществлении мероприятий по международному сотрудничеству в области уголовного преследования.

Важность этой роли обусловлена как сложностью и ответственностью выполняемых задач, так и необходимостью адаптации к динамично меняющейся международной обстановке в целях обеспечения мира и безопасности на международном и национальном уровнях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета», 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля;

2. Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // «Собрание законодательства РФ», 04.10.2004, N 40, ст. 3882.

3. «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // «Собрание законодательства РФ», 24.04.1995, N 17, ст. 1472.

4. «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // «Собрание законодательства РФ», 24.07.2023, N 30, ст. 5501.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996;

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от

¹ Силкин В.П. Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-правовой деятельностью органов предварительного

расследования // Проблемы в российском законодательстве. 2017. N 5. С. 165.

22.04.2024) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921;

7. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» // «Российская газета», N 296, 30.12.2010.

8. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

9. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) // «Российская газета», N 25, 08.02.2011.

10. Приказ СК России от 08.02.2018 N 6 «Об организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам» (вместе с «Порядком организации в Следственном комитете Российской Федерации направления запросов о правовой помощи по уголовным делам в компетентные органы иностранных государств, а также исполнения запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи по уголовным делам») // СПС «КонсультантПлюс» 2024 (дата обращения 28.04.2024).

11. Клевцов К.К. «Правовая природа оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам» // Законность. 2023. N 6. С. 67 - 70.

12. Луговик В. Ф. «Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. №3 (9).

13. Онопченко А.А. «Международно-правовые основания деятельности Следственного комитета Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики» // Юридическая наука. 2019. №2.

14. Романовский Г.Б. «Правовой статус Следственного комитета Российской Федерации» // Наука. Общество. Государство. 2013. №1 (1).

Prosecutor's supervision of the procedural activities of the preliminary investigation and inquiry bodies in terms of international cooperation

Kurnosova Valeria Mikhailovna

O.E. Kutafin Moscow State Law University

International cooperation in the field of criminal prosecution plays a crucial role in the fight against crimes. In the context of globalization and increasing mobility of the population, criminal networks are becoming more numerous and distributed, often operating on an international scale. For effective control and suppression of criminal activity, close cooperation between States is necessary, including information exchange, mutual legal assistance and extradition of criminals.

Keywords: International cooperation, investigative bodies, bodies of inquiry, practice, interaction, crime, Interpol, international treaty, convention, criminal prosecution.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta, 1993. December 25; 2020. July 4; 2. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on 15.11.2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (as amended on 15.11.2000) // Collected Legislation of the Russian Federation, 04.10.2004, N 40, Art. 3882.
3. "Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters" (Concluded in Minsk on 22.01.1993) (as amended on 28.03.1997) (came into force on 19.05.1994, for the Russian Federation on 10.12.1994) // Collected Legislation of the Russian Federation, 24.04.1995, N 17, Art. 1472.
4. "Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters" (Concluded in Chisinau on 07.10.2002) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 24.07.2023, N 30, Art. 5501.
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 06.04.2024) // "Rossiyskaya Gazeta", N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996;
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 22.04.2024) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 24.12.2001, No. 52 (Part I), Art. 4921;
7. Federal Law of 28.12.2010 No. 403-FZ (as amended on 12.12.2023) "On the Investigative Committee of the Russian Federation" // "Rossiyskaya Gazeta", No. 296, 30.12.2010.
8. Federal Law of 17.01.1992 N 2202-1 (as amended on 29.05.2024) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 20.11.1995, N 47, Art. 4472.
9. Federal Law of 07.02.2011 N 3-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the Police" (as amended and supplemented, entered into force on 19.08.2024) // "Rossiyskaya Gazeta", N 25, 08.02.2011.
10. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation dated 08.02.2018 N 6 "On the organization in the Investigative Committee of the Russian Federation of sending requests for legal assistance in criminal cases to the competent authorities of foreign states, as well as the execution of requests from competent authorities of foreign states for legal assistance in criminal cases" (together with the "Procedure for organizing in the Investigative Committee of the Russian Federation of sending requests for legal assistance in criminal cases to the competent authorities of foreign states, as well as the execution of requests from competent authorities of foreign states for legal assistance in criminal cases") // SPS "ConsultantPlus" 2024 (date of access 28.04.2024).
11. Klevtsov K.K. "Legal nature of the provision of mutual legal assistance in criminal cases" // Legality. 2023. N 6. P. 67 - 70.
12. Lugovik V. F. "Prosecutor's supervision of operational-search activities: total control or supervision of law enforcement" // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 3 (9).
13. Onopchenko A. A. "International legal grounds for the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation on the territory of the Syrian Arab Republic" // Legal science. 2019. No. 2.

14. Romanovsky G. B. "Legal status of the Investigative Committee of the Russian Federation" // Science. Society. State. 2013. No. 1 (1).

Правовые модели защиты прав человека: евразийский подход

Крючков Владимир Владимирович

аспирант, кафедра международного права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, mehanixx196@icloud.com

В статье рассмотрены подходы к дефиниции «правовая модель», а также структурные компоненты реализации правовых моделей. Сделан вывод о том, что права человека представляют собой одну из фундаментальных областей теоретического и прикладного юридического знания. Современный мир развивается в условиях многообразия правовых и общественных форм и структур, что, в свою очередь, предопределяет множественность моделей прав человека. Представления о правах личности накоплены представителями всех существующих цивилизаций, вследствие чего можно говорить о существовании правовых моделей защиты прав человека. Выделяется пять основных цивилизационных моделей прав человека: западная, исламская, конфуцианская, индо-буддийская, африканская. Рассмотрена категория «евразийская концепция (модель) прав человека»: отмечается, что страны, условно входящие в евразийский регион, обладают схожими чертами конструирования национальных стандартов в области прав человека. Данный тезис позволяет рассматривать евразийскую правовую модель в области прав человека в качестве самостоятельного типа. Подчеркнута необходимость выработки Евразийской Декларации прав человека и народов; отмечена роль Евразийского Суда по правам человека и Евразийского Альянса омбудсменов. Рассмотрены перспективы формирования евразийской правовой модели в качестве альтернативы глобальным системам защиты прав человека, не отвечающим локальным реалиям и традиционным установкам государств, входящих в ЕАЭС.

Ключевые слова: евразийская правовая модель, защита прав человека, правовая модель, ЕАЭС, евразийство

Терминологические категории «правовая модель», «модель правопонимания», «модель правового регулирования», «модель юридического процесса», «модельное законодательство» достаточно часто употребляются в научно-теоретическом и официальном дискурсе, но, при этом, единства мнений в отношении понимания их сущности пока не наблюдается. В данной связи весьма *актуальным* представляется проведение дополнительного общеправового анализа данных категорий.

В. С. Плетников определяет модель в юриспруденции следующим образом: «интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития» [10, с. 125]. Правовые модели выполняют различные функции в развитии юриспруденции и законодательства: так, некоторые модели представляют собой обобщенное или даже утопичное видение общих черт национальных законодательных систем, другие же формулируются с целью внесения реальных преобразований в общественные отношения ради достижения конкретного юридически и социально значимого результата.

А. С. Безруков определяет правовую модель как сформированную «в результате абстракции, идеализации (для теоретических и метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей)» форму отражения правовой действительности. Правовая модель, по мнению исследователя, реализуется в законодательстве, посредством нормативного закрепления системы признаков, закономерностей развития правовых принципов и феноменов [1, с. 32].

Д. Г. Тринитка, в свою очередь, говорит о том, что даже самые детализированные и подробные модели являют собой концепцию, идеализированную и обобщенную конструкцию [13, с. 63].

В попытках представить структуру правовой модели большинство исследователей исходят из форм ее выражения (нормативно-правовой фиксации). Так, А. С. Безруков предлагает использовать классификацию форм проявления правовой модели, выделяя: нормативный акт, правовой обычай, юридический прецедент и нормативный договор [1].

Понятие «правовая модель» достаточно часто фигурирует в публикациях, посвященных правам человека. Права человека представляют собой одну из фундаментальных областей теоретического и прикладного юридического знания, что обуславливает необходимость рассмотрения общих черт национальных и наднациональных правовых систем именно в контексте модельного подхода. Не-

смотря на происходящие в обществе трансформационные процессы, пишет А. Д. Крылов, общепризнанные ценности и принципы защиты прав и свобод человека сохраняют за собой ключевую роль в функционировании правовых систем [8, с. 39]. Н. В. Генрих говорит о том, что защита прав человека – это то, ради чего создано и функционирует современное государство. Защита прав человека – ключевая обязанность государства, и ее невыполнение способно делегитимировать его, или, по крайней мере, поставить его под угрозу [4, с. 270]. В данной связи конституции большинства современных стран провозглашают права человека в качестве высшей ценности [7, с. 73].

Д. С. Дмитриевская указывает: права человека – важнейший компонент социокультурной системы, формирующийся под влиянием правовых традиций, моральных установок, религии, представлений о нравственности. Учитывая тот факт, что каждое общество воспитывает в себе собственную, уникальную аксиологию, представления о правах человека также обретают специфические черты [5, с. 108].

Впервые взглянуть на правовую систему в целом (и на защиту прав человека как ее структурную часть) с точки зрения модели попытались представители неоклассического подхода (конец XIX в.). Ю. А. Чернавин указывает, что уже к началу XX в. в понимании сущности прав человека и существующих моделей их реализации сформировалось достаточно четкая позиция. Права человека понимались как неотъемлемые свойства, «гарантируемые и стимулируемые обществом и государством, основывающиеся на принципах человечности, разделения с другими ценностей бытия, достоинства индивида, а также определяющие меру его свободы» [15, с. 9].

Несмотря на то, что научно-теоретические концепции прав человека формировались в большей степени в западной науке, достаточно быстро к исследователям пришло осознание того, что представления о правах личности накоплены представителями всех существующих цивилизаций. Данный тезис позволил продолжить изыскания в контексте т. н. цивилизационного подхода, который «не приемлет унификации путей развития отдельных культур и обществ, <...> отрицает единое восприятие сущности прав и свобод человека» [5, с. 117]. Таким образом, в качестве априорного принимается тот факт, что современный мир развивается в условиях многообразия правовых и общественных форм и структур, что, в свою очередь, предопределяет множественность моделей прав человека.

По мнению Д. И. Луковской, глобализационные процессы приводят, с одной стороны, к унификации правовых моделей и нивелированию культурно-исторических традиций, а с другой – к «столкновению цивилизаций» – возникновению правовых коллизий, противоречий судебной практики международных судов, конфликтных областей взаимопересечения национальных юрисдикций [9, с. 270].

В. Е. Чиркин указывает на потребность принятия «волевых, законодательных, конституционных решений» в целях сближения национальных законодательств. Тем не менее, некоторые различия имеют

принципиальный характер, и привести тот или иной аспект системы защиты прав человека можно лишь в результате принципиального изменения данной системы [16, с. 128].

Таким образом, правовое положение личности в конкретной стране имеет свои особенности. При этом, можно выделить некоторые общие черты правовых подходов соседних стран, схожих по этноконфессиональному составу и имеющий общий исторический бэкграунд.

Модель защиты прав человека реализуется в двух основных измерениях. Во-первых, модель права функционирует и эволюционирует в плоскости идеологического наполнения (так, базисом правовой модели может быть либо естественно-правовое учение о праве, либо позитивистская концепция). Во-вторых, модель воплощается в нормативном содержании – законодательной фиксации прав и свобод, обязанностей и гарантий прав человека. Д. С. Дмитриевская, помимо проч., предлагает выделять пять основных цивилизационных моделей прав человека.

Западная модель прав человека, в некоторых источниках именуемая классической, базируется на естественно-правовой концепции прав человека. В данном контексте права человека воспринимаются в качестве врожденного, неотчуждаемого свойства личности. Подобная правовая модель актуализирует индивидуалистический акцент в защите прав человека, и права отдельной личности обособляются от общественных интересов и даже в какой-то мере противостоят им.

Исламская модель прав человека исходит из религиозной догматики: шариат в исламских государствах выступает воплощением «религиозной совести», коллективных нравственных ценностей мусульман. Обязанности людей в исламской модели преобладают над правами, а коллективные начала – над индивидуальными.

Конфуцианская модель прав человека восходит к древней этико-правовой системе, в фокусе которой локализуются нравственно-воспитательные ценности, тогда как правовые и религиозные аспекты находятся в подчиненном положении. Социальная гармония выступает идеальной конечной целью реализации системы защиты прав человека, что позволяет отнести данную правовую модель к коллективистским [5, с. 109].

Индо-буддийская модель прав человека соответствует ценностным установкам индуизма, где целью развития личности и общества выступает совершенствование природы и духа самого человека посредством акцента на обязанности в ущерб правам.

Африканская традиция прав человека также во главу угла ставит обязательственные ориентиры. Будучи наиболее гетерогенной правовой моделью, африканская концепция воплощает в себе исторические традиции, убеждения и ценности широкого спектра африканских народностей. В целом данная модель также считается коллективистской и отличается доминирование обязательства над правом [5, с. 110].

В. Е. Чиркин, в свою очередь, предлагает три вида правовых моделей: мусульманская, либерально-полусоциальная капиталистическая модель прав человека (европейская) и тоталитарно-социалистическая модель прав человека [16, с. 131].

Отечественная правовая модель защиты прав человека достаточно долгое время классифицировалась как западная. Действительно, многие ее черты коррелируют с установками европейского права – в особенности в плане неотчуждаемости прав и свобод и доминированием прав над обязанностями. Тем не менее, все чаще в научной литературе можно услышать мнение о том, что характерные черты российской правовой модели не позволяют ее включить в состав «европейской» группы. Н. А. Шулепов, в частности, утверждает, что российская правовая модель сохраняет свой относительно самостоятельный характер, что не позволяет включить ее ни в одну из существующих моделей. Исследователь говорит о целесообразности выделения специального типа модели, которая бы отвечала отечественным реалиям – российской правовой модели [17, с. 221]. Кроме того, ведутся дискуссии о целесообразности выделения т. н. славянской правовой модели, так как право в области защиты прав человека, выработанное славянскими странами, представляет собой относительно целостный правовой феномен, имеющий общие национальные, духовные, исторические и специальные юридические основания. С другой стороны, многие славянские страны на текущий момент развивают национальное законодательство следуя различным правовым подходам, и различия между ними становятся все более очевидными, что сокращает возможность выделения общей для них правовой модели.

В данном контексте особую актуальность приобретает т.н. концепция евразийства и входящие в ее состав подходы, гипотезы и учения. Впервые категорию «евразийская концепция (модель) прав человека» ввел в научный оборот Ж. Д. Бусурманов: по мнению автора, все страны, условно входящие в евразийский регион, обладают схожими чертами конструирования национальных стандартов в области прав человека. В данной связи исследователь сделал предположение о возможности, во-первых, рассмотрения евразийской правовой модели в качестве самостоятельного типа, а во-вторых, наднационального регулирования данной модели в рамках Евразийской Декларации прав человека и народов [3, с. 382]. Ж. Д. Бусурманов, помимо подписания Евразийской Декларации прав человека и народов, указывал на необходимость создания Евразийского Суда по правам человека – «показателя жизнестойкости самого Евразийского союза» [2, с. 12]. В последующем многие авторы говорили о важности создания единого правозащитного документа евразийского континента, который бы выразил все специфические черты национальных систем защиты прав человека.

Развитие системы евразийского права происходит, как правило, в рамках деятельности Евразий-

ского экономического союза (ЕАЭС). Страны, вошедшие в ЕАЭС, неоднократно декларировали намерения в области гармонизации национальных законодательных массивов, для чего в последующем были предприняты многие меры. Таким образом постепенно формируются предпосылки для создания «на правовой карте мира нового феноменального образования – евразийской правовой семьи» [17, с. 223], и в ее рамках – правовой модели защиты прав человека.

Как отмечает К. Л. Чайка, немаловажную роль в процессе формирования очертаний правовой модели играет Суд Союза, фиксирующий в судебной практике права человека и основные свободы в качестве доминирующих правовых принципов права [14, с. 2-3]. Совокупность прав человека и основных свобод как составная часть общепризнанных принципов права Евразийского Союза не следует отождествлять с суммой прав и свобод, закрепленных в Конституции каждого государства-члена. Эта совокупность включает в себя исключительно общие для всех государств-членов права и свободы: право на жизнь; право на свободу и личную неприкосновенность; запрет пыток; право на справедливое судебное разбирательство; право на уважение личной и семейной жизни; право на неприкосновенность жилища; свобода передвижения; свобода мысли, совести и религии; свобода выражения мнения; свобода собраний и объединений; право частной собственности; право на труд; право на благополучную окружающую среду; право на семью; право на здоровье; право на образование. К. Л. Чайка считает, что данный перечень потенциально может стать основой для соответствующего акта Союза, закрепляющего объем прав человека и свобод – таким образом можно будет обеспечить защиту прав человека, гарантом которой станет Суд Союза [14, с. 16]. Е. М. Скляр выражает схожий тезис: наделение Суда Союза как наднационального интеграционного судебного органа полномочиями в области защиты прав человека положительно скажется на развитии интеграционного права ЕАЭС и реализации этого права [12, с. 58].

Практики институционализации евразийской модели защиты прав человека продолжают. Так, в частности, отметим инициативу по созданию Евразийского Альянса омбудсменов, в задачи которого входит сотрудничество в сфере защиты прав человека, распространение знаний о способах защиты прав человека, сотрудничество Альянса с Верховным комиссаром ООН по правам человека, Комиссаром по правам человека Совета Европы и другими международными институтами с целью содействия и обеспечения прав человека [6].

Все чаще в масс-медиа и научной периодике появляются статьи о перспективах формирования евразийской правовой модели в качестве альтернативы «утратившим свою актуальность глобальным системам защиты прав человека» [11]. Договор о ЕАЭС, Стратегия-2025 и прочие документы, выработанные в рамках деятельности Союза, постепенно приводят к формированию особого – евразий-

ского – правосознания. Тем не менее, следует учитывать риски, связанные с гетерогенностью самого евразийского пространства. Речь идет о том, что восемь государств, которые уже проявили желание вступить в Альянс, относятся к различным правовым семьям, представляют различные конфессии, существенно различаются по национальным подходам к правам человека. Так, в Иране численное преимущество населения находится у шиитов-мусульман, в Узбекистане – у суннитов, в трех государствах преобладает христианское вероисповедание, которое также существенно различается – православная византийская традиция в России и Молдове, восточная традиция – в Армении; население Монголии, в свою очередь, исповедует буддизм. Мультикультурность евразийского региона, с одной стороны, выступает риском, а с другой – она способна оказать благотворное влияние на правозащитный вопрос в странах Евразии. Кроме того, на сегодняшний день попытки навязать положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г., выражающие европейскую правовую модель, сталкиваются с традиционными, устоявшимися правовыми нормами и ценностями неевропейских стран, что зачастую воспринимается как политическое давление и влечет за собой отказ от следования положениям Декларации в принципе.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Правовую модель можно определить в качестве сформированной в результате абстракции, идеализации формы отражения конкретного сегмента правовой действительности, которая реализуется в законодательстве посредством нормативного закрепления системы признаков, закономерностей развития правовых принципов и феноменов.

2. Права человека – фундаментальная область теоретического и прикладного юридического знания. Представления о правах личности накоплены представителями всех существующих цивилизаций, что позволяет рассматривать права и свободы человека в контексте цивилизационного подхода.

3. Многообразие правовых и общественных форм и структур предопределяет множественность моделей прав человека: западная, исламская, индубуддийская, конфуцианская, африканская.

4. Существует предположение о наличии т.н. евразийской модели прав человека, подкрепляемое тезисом о том, что страны евразийского региона обладают схожими чертами конструирования национальных стандартов в области прав человека. Важную роль в институционализации евразийской правовой модели играют Евразийский Суд по правам человека и Евразийский Альянс омбудсменов. Весьма перспективным в отношении институционализации евразийской правовой модели представляется подписание Евразийской Декларации прав человека и народов.

Литература

1. Безруков, А. С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : диссертация ...

кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. С. Безруков [Место защиты: Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний]. – Владимир, 2008. – 151 с.

2. Бусурманов, Ж. Д. Евразийская концепция прав человека: Монография / Ж. Д. Бусурманов. – Алматы: КазГЮУ, 2012. – С. 12.

3. Бусурманов, Ж. Д. Потенциал Евразийской концепции прав человека: новый взгляд на проблемы демократии и права человека / Ж. Д. Бусурманов // Материалы международной научно-практической конференции «Azjatyckiesystemyochronyupraw czlowieka. Inspiracjauniwersalna-uwarunkowaniakulturowe-barieryrealizacyjne». – Torun, 2016. – С. 381-394.

4. Генрих, Н. В. Права человека и криминализация / Н. В. Генрих // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – №3. – С. 267-281.

5. Дмитриевская, Д. С. Цивилизационный подход к правам человека и конституционно-правовое отражение их основных моделей / Д. С. Дмитриевская // Вопросы российской юстиции. – 2022. – №17. – С. 107-119.

6. Евразийские права человека // Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/incident_publication/20171117/280969976.html. – Дата доступа: 27.08.2024.

7. Кострова, Н. М. Права и свободы человека: российская конституция и европейский суд / Н. М. Кострова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – №4. – С. 73-76.

8. Крылов, А. Д. О конституционно-правовых гарантиях прав и свобод человека в современном российском обществе / А. Д. Крылов // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №3 (159). – С. 39-43.

9. Луковская, Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека / Д. И. Луковская // История государства и права. – 2007. – № 12. – С. 32.

10. Плетников, В. С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование / В. С. Плетников // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук – 2016. – Том 16. Вып. 2. – С. 121-135.

11. Право ЕАЭС могло бы стать альтернативой утратившим свою актуальность глобальным системам защиты прав человека ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/pravo-eaes-moglo-by-stat-alternativoy-utrativshim-svoyu-aktualnost-globalnym-sistemam-zashchity-prav/>. – Дата доступа: 27.08.2024.

12. Скляр, Е. М. Юрисдикция суда ЕАЭС и защита прав человека / Е. М. Скляр // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2021 года. – Пенза: «Наука и Просвещение», 2021. – С. 55-59.

13.Тринитка, Д. Г. Моделирование в праве как способ познания правовых явлений / Д. Г. Тринитка // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – №1. – С. 61-67.

14.Чайка, К. Л. Соотношение прав человека и основных свобод и экономической интеграции / К. Л. Чайка Заслуженный юрист [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/479/9k2jyxhxtksu911bkkjxs3axbph8gjck/Article_Chayka_Human_Rights_and_Integration.pdf. – Дата доступа: 27.08.2024.

15.Чернавин, Ю. А. Права человека и права общества как система: философский взгляд на проблему / Ю. А. Чернавин // Lex Russica. – 2018. – №5 (138). – С. 7-18.

16.Чиркин, В. Е. Современные глобальные модели основных прав человека: новый подход / В. Е. Чиркин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – №5. – С. 127-134.

17.Шулепов, Н. А. Концепция «евразийского» права в современной компаративистике / Н. А. Шулепов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2017. – №5 (782). – С. 220-224.

Concepts of human rights protection: eurasian approach Kryuchkov V.V.

Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin

The article presents several approaches to the definition of legal model (legal concept/ legal paradigm), as well as structural components of the implementation of legal models. It is concluded that human rights are one of the fundamental areas of theoretical and applied knowledge in the field of law. The global community is developing in the conditions of a variety of legal and social forms and structures, which, in turn, predetermines the multiplicity of human rights models. Ideas about individual rights have been accumulated by representatives of all existing civilizations, as a result of which we can talk about the existence of legal models of human rights protection. Five main civilizational models of human rights are presented: Western, Islamic, Confucian, Hindu-Buddhist, African. The category of Eurasian concept (model) of human rights is considered: it is noted that the countries conditionally included in the Eurasian region have similar features of constructing national standards in the field of human rights. This thesis allows us to consider the Eurasian legal model in the field of human rights as an independent type. The need to develop the Eurasian Declaration of Human and Peoples' Rights is emphasized; the role of the Eurasian Court of Human Rights and the Eurasian Alliance of Ombudsmen is underlined. The prospects for the formation of the Eurasian legal model as an alternative to global systems of human rights protection that do not meet local realities and traditional guidelines of the states included in the EAEU are considered.

Keywords: eurasian legal model, human rights protection, legal model, eaeu, eurasianism

References

1. Bezrukov, A. S. Legal model as an instrument of legal science and practice: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.01 / A. S. Bezrukov [Place of protection: Vladimir. legal institute of the Federal service for the execution of punishments]. - Vladimir, 2008. - 151 p.
2. Busurmanov, Zh. D. Eurasian concept of human rights: Monograph / Zh. D. Busurmanov. - Almaty: KazGUU, 2012. - P. 12.

3. Busurmanov, Zh. D. Potential of the Eurasian concept of human rights: a new look at the problems of democracy and human rights / Zh. D. Busurmanov // Materials of the international scientific and practical conference "Azjatyckiesystemyochronypraw czlowieka. Inspiracjauniwersalna-uwarunkowaniakulturowe-barieryrealizacyjne". – Torun, 2016. – P. 381-394.
4. Genrikh, N. V. Human rights and criminalization / N. V. Genrikh // All-Russian criminological journal. – 2021. – No. 3. – P. 267-281.
5. Dmitrievskaya, D. S. Civilizational approach to human rights and constitutional and legal reflection of their main models / D. S. Dmitrievskaya // Issues of Russian justice. – 2022. – No. 17. – P. 107-119.
6. Eurasian human rights // Russian Agency for Legal and Judicial Information [Electronic resource]. – Access mode: https://rapsinews.ru/incident_publication/20171117/
7. Kostrova, N. M. Human rights and freedoms: the Russian constitution and the European court / N. M. Kostrova // Legal Bulletin of the Dagestan State University. - 2017. - No. 4. - P. 73-76.
8. Krylov, A. D. On constitutional and legal guarantees of human rights and freedoms in modern Russian society / A. D. Krylov // Law and state: theory and practice. - 2018. - No. 3 (159). - P. 39-43.
9. Lukovskaya, D. I. The concept of human rights: a variety of approaches. The problem of the universality of human rights / D. I. Lukovskaya // History of the state and law. – 2007. – No. 12. – P. 32.
10. Pletnikov, V. S. The concept and types of models in modern domestic jurisprudence: theoretical and legal research / V. S. Pletnikov // Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences – 2016. – Vol. 16. Issue. 2. – P. 121-135.
11. The law of the EAEU could become an alternative to the global systems of human rights protection of the EAEU that have lost their relevance [Electronic resource]. – Access mode: <https://eec.eaeunion.org/news/pravo-eaes-moglo-by-stat-alternativoy-utrativshim-svoyu-aktualnost-globalnym-sistemam-zashchity-prav/>. – Access date: 08/27/2024.
12. Sklyar, E. M. Jurisdiction of the EAEU Court and the Protection of Human Rights / E. M. Sklyar // Jurisprudence in Theory and Practice: Current Issues and Modern Aspects: Collection of Articles from the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, March 15, 2021. - Penza: "Science and Education", 2021. - Pp. 55-59.
13. Trinitka, D. G. Modeling in Law as a Way of Understanding Legal Phenomena / D. G. Trinitka // Theoretical and Applied Jurisprudence. - 2022. - No. 1. - Pp. 61-67.
14. Chaika, K. L. The Relationship between Human Rights and Fundamental Freedoms and Economic Integration / K. L. Chaika Honored Lawyer [Electronic resource]. – Access mode: https://courteurasian.org/upload/iblock/479/9k2jyxhxtksu911bkkjxs3axbph8gjck/Article_Chayka_Human_Rights_and_Integration.pdf. – Access date: 27.08.2024.
15. Chernavin, Yu. A. Human rights and the rights of society as a system: a philosophical view of the problem / Yu. A. Chernavin // Lex Russica. - 2018. - No. 5 (138). - P. 7-18.
16. Chirkin, V. E. Modern global models of fundamental human rights: a new approach / V. E. Chirkin // Bulletin of the O. E. Kutafin University. - 2015. - No. 5. - P. 127-134.
17. Shulepov, N. A. The concept of "Eurasian" law in modern comparative studies / N. A. Shulepov // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. - 2017. - No. 5 (782). - P. 220-224.

Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны беременных женщин

Волков Артем Алексеевич

аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, volfdit@gmail.com

Автор статьи, в целях совершенствования законодательных трактовок и конструкций, касаемых уголовно-правовой охраны беременных женщин и будущих детей, анализирует доктринальные положения, нормативные акты, а также судебную практику по данному вопросу для выявления спорных, дискуссионных моментов и нахождения путей их решения. В пределах исследуемого объекта, затронуты вопросы о моменте возникновения права на жизнь эмбриона и плода, об учёте иных факторов, оказывающих повреждающее воздействие на будущего ребёнка, о влиянии признаков «многоплодности» и «заведомости» при квалификации преступлений, совершённых в отношении беременной женщины. По итогам проведённого исследования предложены авторские рекомендации по совершенствованию законодательной регламентации отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство; беременность; обстоятельства, отягчающие наказание; квалифицирующие признаки; право на жизнь; человеческий эмбрион и плод.

Махатма Ганди, индийский политический деятель и философ, говорил: «По моему убеждению, жизнь ягнёнка не менее ценна, чем жизнь человеческого существа. Я утверждаю, что чем беспомощнее создание, тем большее право оно имеет на получение защиты против жестокости человека». Слова мудреца будто отпечатаны в лике российского законодательства, ибо защита прав и свобод уязвимых и наименее защищённых членов общества была, есть и будет одной из основных задач, стоящих перед действующей государственной властью, что говорит об актуальности и «вечности» рассматриваемой темы. Деятельность же, направленная на охрану института материнства, занимает при этом особое место.

Культ матери отчётливо проглядывается в культуре русского народа. «Матушка-Русь», «Родина-Мать» и «Матушка-Земля» - самые распространённые формы персонификации нашей великой и необъятной, подчёркивающие особое нравственное отношение жителей России к материнству.

Как гласит статья 38 Конституции РФ: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [3]. Охрана упомянутых ценностей осуществляется в том числе при помощи средств уголовно-правового воздействия, совершенствование которых является целью данного исследования.

По разным причинам законодатель к группе лиц, пользующихся особой защитой, указывает:

- женщин, заведомо для виновного находящихся в состоянии беременности;
- малолетних или несовершеннолетних лиц;
- лиц, находящихся в беспомощном состоянии;
- лиц, находящееся в материальной или иной зависимости от виновного;

Особый охранный уголовно-правовой статус обеспечивается фактом того, что совершение преступления в отношении вышеуказанных лиц учитывается при назначении наказания в качестве отягчающих обстоятельств, согласно ст. 63 УК РФ [18]. Кроме того, признаки беременности, малолетства, беспомощности или нахождения в материальной или иной другой зависимости от виновного часто выступают в качестве квалифицирующих или особо квалифицирующих.

Законодатель, относя факторы беременности потерпевшей, малолетства, беззащитности и беспомощности, нахождения в зависимости от виновного к одной группе и ничего не говоря о мере влияния перечисленных обстоятельств на наказание, определяет их как равнозначные и указывающие на то, что лицо в силу определённых обстоятельств не способно самостоятельно защитить себя и дать отпор преступному посягательству. С подобной позицией трудно не согласиться. Физиолого-психическое состояние женщины на поздних стадиях беременности сильно приближено

к беспомощному о чём говорят различные исследования в сфере медико-социальных аспектов качества жизни беременных женщин [2, с. 10], то же касается и малолетних лиц.

Несмотря на законодательную равнозначность сущностей упомянутых факторов усиления уголовной ответственности, беременность потерпевшей в ряде составов Особенной части УК РФ приобретает самостоятельность и выступает как отдельный от остальных квалифицирующий признак. Рассмотрим данный феномен подробнее.

Законодатель в Особенной части УК РФ в качестве одного из признаков, криминализирующих деяние, беременность потерпевшей упоминает в 3 основных составах:

- Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, ст. 111 УК РФ
- Незаконное проведение искусственного прерывания беременности, ст. 123 УК РФ
- Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, ст. 145 УК РФ

Квалифицирующее значение упомянутому признаку придается в 7 статьях Особенной части УК РФ:

- Убийство, в п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ
- Доведение до самоубийства, в п. «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ
- Истязание, в п. «в» ч. 2 ст. 117 УК РФ
- Похищение человека, в п. «е» ч. 2 ст. 126 УК РФ
- Незаконное лишение свободы, в п. «е» ч. 2 ст. 127 УК РФ
- Торговля людьми, в п. «и» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ
- Захват заложника, в п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ

Особо квалифицирующее значение признаку беременности потерпевшей придается в п. «б» ч. 3 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ.

Как мы видим самостоятельное значение фактор беременности потерпевшей преимущественно приобретает в случае, когда может быть нанесён вред жизни и здоровью будущего ребёнка, в силу насильственного характера действий виновного лица. Таким образом, можно сказать, что наличие норм, устанавливающих повышенную уголовную ответственность за преступное посягательство в отношении беременной женщины обусловлено социальной потребностью в уголовно-правовой охране общественных отношений, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья матери и ещё не родившегося ребёнка. Такова позиция, транслируемая в доктринальных исследованиях [6, с. 65], а также в учебных пособиях [1, с. 38], однако можно ли действительно по степени общественной опасности приравнять преступное посягательство в отношении беременной женщины к тому же деянию совершенному в отношении как минимум 2 лиц, как например это сделано в статьях 105, 110, 117, 126, 127, 127.1 или 206 УК РФ? Логично было бы предположить, что таким образом законодатель придаёт жизни эмбриона, плода и человека равнозначную ценность, однако в действительности основания повышения уголовной ответственности лежат гораздо глубже, чем

может показаться. В науке по данному вопросу сформировано неоднозначное мнение.

Право на жизнь является неотъемлемым правом любого человека и охраняется в том числе мерами уголовно-правового воздействия. Вопрос о моменте начала человеческой жизни всегда был дискуссионным.

Известный юрист и криминолог Н.С. Таганцев считал, что уголовно-правовой охране подлежат в равной степени человек, находящийся на стадии как внутриутробного, так и внеутробного развития [17, с. 26].

Учёный-правовед М.Д. Шаргородский высказывал иную позицию, сейчас больше согласующуюся с позицией законодателя, связывающего возникновение жизни с рождением [21, с. 95].

Современные учёные-эмбриологи говорят о том, что моментом начала человеческой жизни считается момент зачатия, так как именно после него образуется зигота, хранящая в себе уникальную генетическую сущность, отличную в каждой клетке от генетики матери [9]. Таким образом, эмбрион следует считать отдельным от матери живым организмом.

А.Н. Попов, также подмечал, что современная медицинская наука связывает начало возникновения жизни с моментом зачатия [8, с. 78].

Если физиологически началом жизни человека является момент зачатия, то юридически же всё иначе. Часть вторая статьи 17 Конституции РФ, связывает момент возникновения прав человека с его рождением. Моментом же рождения, согласно части первой ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011, является момент отделения плода от организма матери посредством родов [19]. На лицо заметно отставание российского законодательства в части определения момента рождения от медицинской науки. Однако, представим себе, что законодатель признает право эмбриона на жизнь и моментом возникновения прав утвердит момент зачатия, что тогда делать с репродуктивным правом женщины, аборт последует считать в этой связи убийством? Живи светское общество по каноническим правилам Православной Церкви всё так и было бы, ибо в соответствии с Каноническим Кодексом Православной Церкви, аборт приравнен к убийству и считается тяжким грехом.

Напомним, что в соответствии со ст. 56 ранее упомянутого ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве и по своему желанию может решить вопрос об искусственном прерывании беременности:

- по общему правилу на сроке беременности до 12 недель;
- при наличии социальных показаний на сроке беременности до 22 недель.

Жизнь эмбриона исходя из представленных норм, на сроке беременности до 12 недель, лежит в руках матери, которая, изъявив свою волю в специально установленной форме, может отказаться от него, после чего медики-профессионалы при соблюдении всех необходимых процедур, лишают жизни

будущего ребёнка, отделив эмбрион от матери. Получается, уголовной охране на сроке беременности до 12 недель подлежит не столько жизнь будущего ребёнка, сколько именно репродуктивное право женщины. В подтверждение этого А.Н. Красиков считал, что установление повышенной ответственности за убийство беременной женщины представляется справедливым потому, что преступник посягает не только на право женщины на жизнь, но и на её репродуктивное право [4, с. 65].

Учитывая это, можно сказать, что потенциальное признание момента зачатия точкой возникновения первичной правоспособности привело бы к появлению волны юридических коллизий, повлекло бы за собой ряд изменений в законодательстве, в том числе уголовном и породило бы такие сложные вопросы как «право на жизнь зародыша, зачатого в ходе изнасилования». Так ли необходимо в рамках уголовной защиты признание за эмбрионом права на жизнь?

Факт остаётся фактом – эмбрион и плод на раннем этапе развития неразрывно связаны с утробой матери и не могут существовать вне её пределов. Защищая жизнь и здоровье матери, уголовный закон, хоть и не указывая на это прямо, защищает в том числе жизнь и здоровье зародыша. Так будет оставаться до тех пор, пока на повседневной основе медицинской наукой не будет применяться практика создания искусственной материнской утробы, только тогда мы сможем говорить об эмбрионе и плоде как о самостоятельном объекте уголовно-правовой защиты. Отвечая в этой связи на вопрос, можно ли приравнять жизнь эмбриона или плода к жизни человека, находящегося на стадии уже внеутробного развития, нельзя, так как последний может выступать в качестве независимого от материнской среды организма без потери жизнеспособности.

Закрепляя лишь за единичными составами Особой части УК РФ, подразумевающими умышленное проявление действий насильственного характера, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в виде совершения данных деяний в отношении беременной женщины, законодатель не учитывает иных факторов, способных оказать разрушительное воздействие на женщину и её зародыша. К таким факторам можно отнести: вещества, добровольно принимаемые внутрь или вдыхаемые: курение сигарет, алкоголь, наркотики; болезни матери, такие как ВИЧ и венерические заболевания.

В.Е. Лоба опираясь на исследования в сфере акушерства и гинекологии отмечал, что при наркомании значительно повышается риск как перинатальной патологии (задержки развития плода, гипоксии плода, развития абстинентного синдрома), так и осложнений со стороны матери (гестозов, самопроизвольных абортов, преждевременных родов), а внутривенное введение наркотиков повышает риск заражения ВИЧ-инфекцией и гепатитами. Особо же повреждающее воздействие на здоровье будущего ребёнка оказывает приём матерью наркотических средств опиоидного типа. Ежегодно, как отмечает

автор, доля беременных, принимающих наркотические средства, составляет 11%. Различные же виды ЗППП и ВИЧ провоцируют развитие воспалительных осложнений во время беременности, в частности угрозу прерывания беременности, самопроизвольные выкидыши, неразвивающуюся беременность, преждевременные роды [5, с. 26].

В связи с вышеперечисленными негативными последствиями, сопровождающими беременную женщину и её дитя в случае приёма наркотических средств и заражения венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией, считаем, что в целях защиты здоровья матерей и будущих детей необходимо ввести соответствующие дополнения в статьи 121, 122, 228.1 и 230 УК РФ, подразумевающие соответствующие квалифицирующие признаки в случае совершения преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в случае если в процессе заражения венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией женщина забеременела, с учётом умышленного игнорирования средств барьерной защиты.

В практике на данный момент при вменении упомянутых статей совершенно не учитывается вся степень общественной опасности деяния если оно было совершено в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности. Так, например, 25 января 2024 года Калужским районным судом Калужской области, было рассмотрено дело о заражении другого лица ВИЧ-инфекцией, лицом, знавшим о наличии у него этой болезни. Виновный, будучи официально извещенным о том, что является ВИЧ-инфицированным, проигнорировал предупреждения о возможной уголовной ответственности и на протяжении какого-то времени сожительствовал с потерпевшей, с которой регулярно входил в половой контакт без использования средств контрацепции. По итогу потерпевшая забеременела и была ВИЧ-инфицирована. Отягчающих обстоятельств судом учтено не было [11].

Практика показывает, что нередки случаи вовлечения беременных женщин в совершении преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1 и 230 УК РФ, а также они выступают потерпевшими по делам о совершении преступления, предусмотренного статьей 230 УК РФ. Вот примеры из самых показательных дел.

16 марта 2021 года, Центральный районный суд города Тольятти Самарской области рассмотрел дело о совершении склонения к потреблению наркотических средств, а также о незаконном приобретении и хранении без цели сбыта наркотических средств, в крупном размере, женщиной находящейся в состоянии беременности. Виновная приобрела наркотик «мефедрон» через социальную сеть у анонимных поставщиков для собственного употребления, а также для склонения, в том числе, отца своего будущего ребёнка [16].

11 декабря 2019 года, Центральный районный суд г. Оренбурга рассмотрел дело о совершении склонения к потреблению наркотических средств. Исходя из материалов дела следует, что молодой человек беременной девушки уговорил ту покурить

с ним сигарету, содержащую наркотическое средство («соль»). Потерпевшая после этого почувствовала сильное недомогание в области живота. Никакихотягающих обстоятельств при назначении наказания судом учтено не было [15].

Представленная практика подтверждает необходимость изменений, предложенных ранее. Вернёмся к вопросу о недостатках отдельных трактовок в уголовном законодательстве, касаемых беременности потерпевшей.

Уголовно-правовое законодательство воспринимает беременность как состояние устойчивое, в то время как медицинская наука выделяет как минимум 2 стадии протекания беременности сильно отличные по своему содержанию: эмбриональную и плодную (фетальную). В своё время Э.Ф. Побегайло, опираясь на знания учёных-медиков отмечал: «Состояние беременности, особенно в последние месяцы, делает женщину менее подвижной, менее сильной, в ее организме преобладающими являются процессы торможения. Такое положение беременной женщины сравнимо с положением лица, находящегося в беспомощном состоянии. В состоянии беременности женщина менее способна уклониться от нападения, оказать сопротивление нападающему» [7, с. 79].

С одной стороны позиция законодателя представляется достаточно удобной для правоприменителя, но с другой стороны как мы можем одинаково квалифицировать при прочих равных убийство женщины со сроком беременности в несколько недель, при полном отсутствии физиолого-психических черт, отличающих её от необремененных упомянутым состоянием лиц, с женщиной находящейся уже на стадии поздней фетальной беременности?

Может быть данный вопрос и не возник бы если бы законодатель не определил беременность потерпевшей в тот же пункт части 1 статьи 63 УК РФ вместе с признаками малолетства, беззащитности, беспомощности и зависимости от виновного, намекая на то, что усиление наказания связано именно с особенностями способа совершения преступления, обусловленного беспомощным состоянием жертвы. Преступление, совершенное в отношении женщины, находящейся на стадии ранней эмбриональной беременности, будет считаться квалифицированным только по причине особенностей, связанных с объектом и субъектом преступного посягательства. Таким образом, ставить беременность наряду с обстоятельствами малолетства, беззащитности, беспомощности или нахождения в материальной или иной другой зависимости от виновного, неправильно.

Формулировки, предусмотренные УК РФ, также не учитывают, что женщина, в отношении которой может быть совершено преступное посягательство, может быть беременна двойней или тройней. Очевидно, что в этом случае степень общественной опасности возрастает, ведь теперь от жизни и здоровья матери зависят здоровье и жизнеспособность как минимум двух будущих детей. Такие случаи имеют место в практике. Так, например, в деле от 22 марта 2021 года, рассмотренном Нижегородским

областным судом по факту совершения преступлений, предусмотренных п.п. «г», «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 167 УК РФ, номер 2-39/2020 2-8/2021 [14], а также в деле от 11 февраля 2016 года, рассмотренном Канавинским районным судом г. Н. Новгорода по факту совершения преступления, предусмотренного ч.1 ст. 105 УК РФ, номер 1-544/2015 1-62/2016 [12], были убиты женщины, беременные двойней. В подобных случаях, не имея норм, детально регламентирующих конкретные меры по усилению уголовной ответственности, суд руководствуется личным опытом и профессиональными знаниями, что лишает процесс назначения наказания объективности и формальной строгости.

По поводу такого признака как «заведомость» при применении исследуемогоотягающего обстоятельства в научной доктрине на данный момент сказано многое, актуальность дискуссионности вопроса будет сохраняться до тех пор, пока наконец не будет дано официальное толкование термина.

Сама формулировка, несмотря на критику некоторых современных исследователей, таких как В.Б. Хатуев [20, с. 73], представляется весьма удачной. Согласно Словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, заведомый – это хорошо известный, заранее известный и несомненный. Именно приведёнными характеристика обычно руководствуется правоприменитель. Заведомость, таким образом, означает, что преступник до совершения преступного посягательства знал о беременности потерпевшей из источников, не вызывающих никаких сомнений в истинности, содержащейся в них информации.

Источники же, из которых виновный мог узнать о беременности потерпевшей на практике бывают разными:

- со слов потенциальной потерпевшей или третьих лиц, например близких;
- документы, подтверждающие состояние женщины;
- внешний вид женщины, который говорит о явном присутствии признаков беременности.

Как показывает практика по делам о совершении деяний, предусмотренных статьями 116 и 117 УК РФ, потерпевшими часто выступают беременные женщины, пострадавшие от рук своих законных или гражданских мужей, чье знание о факте беременности несомненно, так как то следует в том числе из постоянного сожительства с женщиной. Примерами являются дело от 27 октября 2023 года, рассмотренное Верещагинским районным судом Пермского края, номер 1-229/2023 [10] и дело от 5 декабря 2023 года, рассмотренное Краснокамским городским судом Пермского края, номер 1-369/2023 [13].

В сфере уголовно-правовой науки высказываются сомнения по поводу необходимости существования «заведомости» в качестве необходимого признака совершения преступления в отношении беременной женщины, например ранее упомянутым В.Б. Хатуевым [20, с. 74].

С одной стороны, какая разница, что там думал виновный до совершения им преступного посягательства если вред женщине и будущему ребёнку

уже нанесён, однако таким образом мы будем нарушать одно из основополагающих положений уголовного права – принцип справедливости. Виновного, который умышленно посягнул на жизнь и здоровье беременной женщины, особенно той, кто находится на поздней её стадии, можно охарактеризовать только как крайне маргинального и лишённого моральных принципов. Такой человек намного опаснее того, кто находился в добросовестном неведении и потому преступления, совершённые таким человеком, должны караться строже, так как в данной ситуации очевиден факт повышенной степени общественной опасности.

Институт материнства является уникальным и сложносоставным объектом уголовно-правовой охраны. Защищая права и свободы беременной женщины уголовный закон косвенно также защищает жизнь и здоровье зародыша (эмбриона или плода), который уже на стадии своего зачатия, физиологически является отдельным от матери живым организмом. На сроке беременности до 12 недель, по общему правилу, и до 22 недель, при наличии социальных показаний, уголовно-правовой охране также подлежит репродуктивное право женщины.

В силу своего динамического характера состояние беременности может как обуславливать беспомощность женщины, так и не оказывать никакого воздействия на её физиолого-психические показатели.

В случаях многоплодной беременности от жизни и здоровья одной женщины зависят здоровье и жизнеспособность как минимум двух будущих детей, что соответственно должно выступать в качестве дополнительного фактора усиления уголовной ответственности в силу пропорционального повышения степени общественной опасности потенциального преступного посягательства.

С учётом вышеприведенных выводов, в уголовном законодательстве следует выделить признак беременности в качестве самостоятельного обстоятельства, отягчающего наказание, при этом также указав меру усиления наказания в случае многоплодной беременности. Признак, предусматривающий заведомость виновного лица оставить без изменений, дабы соблюдался принцип справедливости, предусмотренный статьёй 6 УК РФ.

Кроме того, с учётом указанных в работе факторов, оказывающих повреждающее воздействие на эмбрион и плод, ввести дополнительные квалифицирующие признаки в статьи 121, 122, 228.1 и 230 УК РФ, которые усиливали бы уголовную ответственность в случае совершения указанных деяний в отношении беременных женщин.

Литература

1. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 505 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17301-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL:

<https://urait.ru/bcode/536930> (дата обращения: 10.08.2024)

2. Говоров, С. В. Медико-социальные аспекты качества жизни беременных женщин и пути его улучшения : специальность 14.00.33 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Говоров Сергей Васильевич. — Москва, 2008. — 24 с. — EDN NKLVYF

3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

4. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. - 124 с.

5. Лоба, В. Е. Эмбрион человека и плод ребёнка как объекты уголовно-правовой защиты / В. Е. Лоба. — Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2016. — 104 с. — ISBN 978-5-89971-542-6. — EDN XXONDD

6. Плаксина, Т. Основание повышения уголовной ответственности за убийство женщины, находящейся в состоянии беременности / Т. Плаксина // Уголовное право. — 2006. — № 2. — С. 64-68. — EDN KXKPOR.

7. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. - 206 с.

8. Попов, А. Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в Российской Федерации / А. Н. Попов // Криминалистика. — 2013. — № 2(13). — С. 77-84. — EDN VZJLET.

9. Попов Д. В. Эмбриология о начале человеческой жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.noabort.net/node/64>

10. Приговор Верещагинского районного суда Пермского края от 27 октября 2023 г. № 1-229/2023 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/avXk28uorY1N/?regular-txt=®ular-case_doc=1-229%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%29®ular-judge=

11. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 25 января 2024 г. № 1-1102/2023 1-70/2024 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ytV2rjEb1nNE/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%81>

82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+122.+%D0%97%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%92%D0%98%D0%A7-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B5%D0%B9%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=3442#snippet

12. Приговор Канавинского районного суда г. Н. Новгорода от 11 февраля 2016 года № 1-544/2015 1-62/2016 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/7BJStjRq75Zz/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0+%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B5%D0%B9®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=4752#snippet

13. Приговор Краснокамского городского суда Пермского края от 5 декабря 2023 г. № 1-229/2023 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/2gU517jH8FWa/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%®ular-case_doc=1-369%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=01.01.2022®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=8056#snippet

14. Приговор Нижегородского областного суда от 22 марта 2021 г. № 2-39/2020 2-8/2021 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/9EG3hLBoZWry/?regular-txt=%D0%B2+%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8+%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D1%8B%2C+%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=11174#snippet

15. Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 11 декабря 2019 г. № 1-407/2019 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

16. Приговор Центрального районного суда города Тольятти Самарской области от 16 марта 2021 г. № 1-135/2021 1-654/2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/EUsQ2mxbq5bp/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+230.+%D0%A1%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BA+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E+%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%2C+%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2+%D0%B8%D0%BB%D0%B8+%D0%B8%D1%85+%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=3552#snippet

17. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Изд. 2-е, испр. СПб. : Типография И. Мордуховского, 1873. 324 с.

18. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС

«Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

19. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

20. Хатуев, В. Б. Совершение преступления в отношении беременной женщины как отягчающее наказание обстоятельство в российском уголовном законодательстве / В. Б. Хатуев // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2020. – № 3. – С. 67-82. – EDN ВУВНСУ.

21. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. - 511 с.

Current issues of criminal defence of pregnant women Volkov A.A.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN)

The author of the article, in order to improve legislative interpretations and constructions related to criminal defence of pregnant women and future children, analyzes doctrinal approaches, normative acts and judicial practice on this issue in order to identify controversial, debatable points and find ways to solve them. Within the context of the study object, the questions about the origin of the right to live of the embryo and fetus, about taking into account other factors that have a damaging effect on the future child, about the influence of the signs of "multiple pregnancy" and "guilty knowledge" in the qualification of crimes committed against a pregnant woman. Based on the results of the conducted research, the author's recommendations for improving the legislative regulation of aggravating circumstance provided for by article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law; pregnancy; aggravating circumstances; qualifying factors; right to live; human embryo and fetus.

References

1. Borovikov, V. B. Criminal Law. Special Part: textbook for universities / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov; edited by V. B. Borovikov. - 7th ed., revised and enlarged. - Moscow: Publishing House Yurait, 2024. - 505 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-17301-7. - Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. — URL: <https://urait.ru/bcode/536930> (date of access: 10.08.2024)
2. Govorov, S. V. Medical and social aspects of the quality of life of pregnant women and ways to improve it: specialty 14.00.33: abstract of a dissertation for the degree of candidate of medical sciences / Govorov Sergey Vasilievich. - Moscow, 2008. - 24 p. - EDN NKLVYF
3. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "Consultant Plus". [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Krasikov A.N. Responsibility for murder under Russian criminal law. Saratov, 1999. - 124 p.
5. Loba, V. E. Human embryo and fetus as objects of criminal-legal protection / V. E. Loba. - Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2016. - 104 p. - ISBN 978-5-89971-542-6. - EDN XXONDD

6. Plaksina, T. Grounds for increasing criminal liability for the murder of a pregnant woman / T. Plaksina // Criminal law. - 2006. - No. 2. - P. 64-68. - EDN KXKPOR.

7. Pobegaylo E. F. Intentional murders and the fight against them. Voronezh, 1965. - 206 p.

8. Popov, A. N. On the beginning of criminal-legal protection of life in the Russian Federation / A. N. Popov // Criminalist. - 2013. - No. 2 (13). - P. 77-84. - EDN VZJLET.

9. Popov D. V. Embryology on the beginning of human life [Electronic resource]. URL: <http://www.noabort.net/node/64>

10. Sentence of the Vereshchaginsky District Court of Perm Krai dated October 27, 2023 No. 1-229 / 2023 // SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. - Access mode:

https://sudact.ru/regular/doc/avXk28uorY1N/?regular-txt=®ular-case_doc=1-229%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=01/01/2015®ular-date_to=08/23/2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%29®ular-judge=11

11. Sentence of the Kaluga District Court of the Kaluga Region dated January 25, 2024 No. 1-1102/2023 1-70/2024 // CourtAct: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. - Access mode:

https://sudact.ru/regular/doc/ytV2rjEb1nNE/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+122.+%D0%97%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%92%D0%98%D0%A7-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B5%D0%B9%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=08/23/2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=3442#snippet

12. Sentence of the Kanavinsky District Court of Nizhny Novgorod dated February 11, 2016 No. 1-544/2015 1-62/2016 // CourtAct: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. - Access mode:

https://sudact.ru/regular/doc/7BJStjRq75Zz/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0+%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B5%D0%B9®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

13. Sentence of the Krasnokamsk City Court of Perm Krai dated December 5, 2023 No. 1-229/2023 // SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. - Access mode:

https://sudact.ru/regular/doc/2gU517jH8FWa/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%amp;regular-case_doc=1-369%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=01/01/2015®ular-date_to=08/23/2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%29®ular-judge=11

lawchunkinfo=®ular-date_from=01.01.2022®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=8056#snippet

14. Sentence of the Nizhny Novgorod Regional Court of March 22, 2021 No. 2-39/2020 2-8/2021 // CourtAct: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/9EG3hLBoZWY/?regular-txt=%D0%B2+%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8+%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D1%8B%2C+%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+105.+%D0%A3%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01/01/2015®ular-date_to=08/23/2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=11174#snippet
15. Verdict of the Central District Court of Orenburg dated December 11, 2019 No. 1-407/2019 // SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/1ISos8qiXeLt/?page=2®ular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+230.+%D0%A1%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BA+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E+%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%2C+%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2+%D0%B8%D0%BB%D0%B8+%D0%B8%D1%85+%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=3552#snippet

16. Verdict of the Central District Court of Tolyatti, Samara Region dated March 16, 2021 No. 1-135/2021 1-654/2020 // SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. – Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/EUsQ2mxbq5bp/?regular-txt=%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+230.+%D0%A1%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BA+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E+%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%2C+%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2+%D0%B8%D0%BB%D0%B8+%D0%B8%D1%85+%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2015®ular-date_to=23.08.2024®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=3552#snippet
17. Tagantsev N. S. On Crimes against Life under Russian Law. 2nd ed., corrected. St. Petersburg: I. Mordukhovskiy Printing House, 1873. 324 p.
18. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 08.08.2024) // SPS "Consultant Plus". [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
19. Federal Law "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" of 21.11.2011 N 323-FZ (latest revision) // SPS "Consultant Plus". [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
20. Khatuev, VB Commission of a crime against a pregnant woman as an aggravating circumstance in Russian criminal legislation / VB Khatuev // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2020. – No. 3. – P. 67-82. – EDN BYBHSY.
21. Shargorodsky M.D. Crimes against life and health. M., 1948. - 511 p.

Гарантии прав человека при проведении биометрической идентификации в контексте уголовного права

Воронин Иван Сергеевич

магистрант юридического факультета Московского университета
им. С. Ю. Витте, i9505775@gmail.com

В статье рассмотрены категории «биометрика», «биометрия», «дактилоскопия», «дерматоглифика», «биометрическая идентификация». Описана эволюция научных представлений и прикладных методов биометрической идентификации. Дактилоскопия рассматривается с позиции гарантий прав человека. Сделан вывод о том, что многие положения Конституции коррелируют с законодательством, регламентирующим проведение дактилоскопии. Рассмотрены законодательные акты, регламентирующие вопросы проведения дактилоскопии и гарантии прав лиц, которые сдают отпечатки прав. Описаны риски, связанные с цифровизацией криминалистических исследований, экспертиз, уголовно-правовых отношений и процедур в целом. Использование дактилоскопии при расследовании уголовных преступлений требует тщательного баланса между эффективностью уголовного преследования и соблюдением прав человека.

Ключевые слова: Уголовное право, биометрия, дерматоглифика, дактилоскопия, права человека, конституция, криминалистика.

Принято считать, что концепция применения биометрических параметров человека в целях идентификации личности зародилась в научно-популярной литературе (такие идеи описывали, к примеру, Р. Хайнлайн, А. Азимов и др.) [6, с. 389]. На сегодняшний день физические данные человека и потенциал их прикладного применения изучаются уже в рамках научных отраслей, центральное место из которых занимает биометрика.

Изначально биометрику было принято понимать как вспомогательную биологическую дисциплину, в рамках которой на базе математического методологического инструментария проводился количественный анализ естественных фактов и процессов. Позднее семантика данной терминологической категории изменилась; как отмечают А. В. Бутрина и А. П. Багаева, смысл биометрики существенно сузился, и сегодня ее следует понимать как совокупность научных представлений о распознавании личности человека на основании его биологических характеристик. Среди подобных характеристик – папиллярный рисунок пальцев, строение лица, радужная оболочка глаза, особенности голоса, геометрия руки и проч. [6, с. 389]. Сегодня, отмечают В. А. Гаужаева и Л. Г. Лифанова, биометрия включает в себя применение компьютерных технологий и технологий искусственного интеллекта, что позволяет определить ее также как прикладную область, в которой применяются цифровые методы идентификации людей по их физиологическим и поведенческим характеристикам [7, с. 153].

Е. П. Клипка представила следующую дефиницию биометрической идентификации – «автоматизированный метод, с помощью которого регистрируют уникальные анатомо-физиологические особенности и поведенческие характеристики индивидуума для дальнейшей идентификации его личности» [8, с. 772]. Биометрическая идентификация используется во многих сферах деятельности: в пограничном контроле, в наружных системах видеонаблюдения, в деятельности иммиграционных служб, в банковских системах для аутентификации пользователей, в работе криминалистов и правоохранителей в целом.

Дактилоскопия стала одной из самых первых биометрических технологий. Известно, что первые дактилоскопические опыты проводились уже в XIX в. [6, с. 390]. Постепенно дактилоскопия сближалась с дерматоглификой – разделом морфологии человека, изучающим кожный рельеф ладонных и подошвенных поверхностей, папиллярные линии и их комбинации. Как указывает Н. А. Панфиленко, сегодня дерматоглифика широко применяется в криминалистике, медицине, психологии и других обла-

стях, обнаруживая все большее количество взаимосвязей с дактилоскопией [13, с. 200]. Несмотря на то, что обе научные дисциплины возникли практически одновременно, их пути, пишет Н. С. Кудинова, «никогда серьезно не пересекались», несмотря на общность объекта анализа – папиллярные узоры [10, с. 51]. На сегодняшний день дактилоскопия активно заимствует научные методы и инструментарий дерматоглифики, что позволяет существенно улучшить качество и точность криминалистической экспертизы. Как отмечает Т. Ш. Таалайбек с соавт., сегодня можно говорить о существовании полноценного раздела трасологии – криминалистической дерматоглифики (совокупность научных представлений и методов, «разрабатываемых на их основе специальных средств и методов обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения дерматоглифических узоров в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [15, с. 134].

По мере распространения дактилоскопии как метода биометрической идентификации, совершенствования инструментов, применяемых криминалистами, сращения дактилоскопии и дерматоглифики, цифровизации криминалистических процедур все чаще в научной среде возникают дискуссии о нарастающем противоречии между потребностью в обеспечении прав граждан и нуждой в проведении биометрических изысканий в контексте уголовных правовых отношений. Рассмотрим некоторые проблемные аспекты этой тематики более подробно.

Права человека представляют собой совокупность неотчуждаемых прав и свобод, которые признаются и защищаются международными и национальными правовыми актами. Основными документами, регламентирующими права человека, являются Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах и другие. Эти документы гарантируют право на частную жизнь, свободу от произвольных арестов и задержаний, право на справедливое судебное разбирательство и другие важные права. В нашей стране фундаментом правовой фиксации прав человека выступает Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года [1]. В тексте Конституции не только закрепляются основы государственного строя, но и подробно описываются права и свободы человека и гражданина. Права человека в Конституции РФ представлены в широком и всестороннем контексте и охватывают как гражданские, политические, так и социально-экономические права. Специфические аспекты реализации прав человека детализируются в законодательных и подзаконных актах.

Многие положения Конституции коррелируют с законодательством, регламентирующим проведение дактилоскопии. Так, Ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса содержит указание о том, что при получении образцов «не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство» [2], что соот-

носится с декларируемыми в Основном Законе правами на жизнь, на здоровье, на неприкосновенность.

Следует отметить, что тотальная «оцифровка» правоохранительной деятельности во всех ее проявлениях на и на всех уровнях порождает вопрос об обеспечении права на неприкосновенность частной жизни. Согласно Ст. 23 Конституции Российской Федерации, каждому гарантировано **право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени**. Ст. 24, можно сказать, развивает данное положение и указывает на **запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия**.

Сегодня биометрические данные располагаются в цифровых средах, систематизируются в специальных базах данных [11, с. 86]. При этом далеко не все вопросы цифрового оборота биометрических данных сегодня являются регламентированными в уголовно-процессуальном и ином законодательстве.

Цифровизация криминалистической биометрии представляет собой необратимую тенденцию. Во многом «оцифровка» дактилоскопической информации характеризуется исследователями-теоретиками и правоприменителями как позитивное явление. Как отмечают С. В. Серго и Ж. Ю. Снежкова, «разветвленная, многоуровневая система автоматизированных дактилоскопических учетов, содержащая объемные многомиллионные базы данных» выступает «мощным, надежным и точным инструментом в руках правоохранительных органов» [14, с. 124].

Основной формой фиксации дактилоскопической информации о человеке выступает дактилоскопическая карта; ранее дактилокарты составлялись в бумажном виде, а сегодня они все чаще оцифровываются – речь идет как о сканировании и оцифровке существующих «красковых» дактилокарт, так и о результатах дактилоскопических исследований, выполненных «бескрасковым» методом – сканированием. Дактилокарта, таким образом, составляется сразу в электронном формате и передается в базу данных. В целях эффективизации процессов раскрытия уголовных преступлений активно используются базы различных криминалистических учетов, в т.ч. дактилоскопического. Целью существования подобных баз является оперативная проверка следов и объектов, изъятых при осмотре места происшествия на причастность к совершенным или уже раскрытым преступлениям.

При этом зачастую дактилоскопию в рамках расследования уголовных дел проходят и законопослушные граждане, которые, по результатам расследования, не представляют оперативный интерес. Тем не менее, их данные могут остаться в электронных системах в виде особого цифрового следа. Не совсем понятно, не противоречит ли подобная ситуация конституционным положениям о гарантии права на неприкосновенность персональной информации и частной жизни в целом.

В качестве обеспечения гарантии вышеописанных прав Федеральный закон от 25 июля 1998 г.

№128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [5] содержит Ст. 15, где подробно регламентированы процедуры уничтожения дактилоскопической информации. Дактилоскопическая информация, согласно Ст. 15: уничтожается в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти; уничтожается по истечении срока ее хранения или в срок не позднее 30 суток со дня поступления письменного заявления лица; уничтожается по истечении одного года после прекращения уголовного дела или вынесения оправдательного приговора – в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершении преступления либо осужденных за совершение преступления.

Особенно важно отметить ситуации взлома цифровых систем «извне», при которых цифровые данные – включая дактилокарты – попадают в руки киберпреступников. Таким образом, абсолютной гарантии уничтожения дактилоскопических карт законодатель представить не может вследствие нарастающей динамики киберпреступности в отношении цифровых сред, принадлежащих правоохранительным структурам.

Ст. 22 Конституции провозглашает **право на свободу и личную неприкосновенность**. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или задержанию, кроме как по судебному решению. Основной Закон, таким образом, защищает граждан от незаконных действий органов власти.

Совершенствование технологий дактилоскопии, безусловно, повышает качество экспертизы и помогает раскрывать уголовные преступления. При этом наблюдается усложнение данных технологий, углубление научных представлений посредством привлечения знаний из дерматоглифики и прочих областей, привлечение к обработке результатов дактилоскопии компьютерный интеллект – и все это может оказывать и негативный эффект и приводить к ошибкам или дефектам экспертизы. В таких случаях по сомнению ставится гарантия права на неприкосновенность личности.

Известно, что функционирование «бескрасковых» методов дактилоскопии часто осложняется разного рода ошибками. В работе сканеров пальцев рук встречаются два типа ошибок: ошибочное отклонение верификации (False Reject Rate), когда сканер не может распознать пользователя, уже внесенного в базу, и ошибочное принятие верификации (False Accept Rate), которое приводит к ложному признанию – незарегистрированный в базе данных пользователь определяется сканером как зарегистрированный [16, с. 56]. В некоторых случаях ошибочная верификация позволяет констатировать совпадение отпечатков пальцев обследуемого лица и отпечатков, найденных на месте преступления. Человек, при этом, более не участвует в процессах обработки дактилоскопических данных и в большей степени полагается на результаты машинной обработки.

Следует признать, что и ручная, и машинная биометрика идентифицирует личность лишь с определённой вероятностью – так, к примеру, в криминали-

стической практике имеются случаи схожести отпечатков пальцев у однояйцевых близнецов, изменения папиллярных узоров вследствие травматических поражений или кожных заболеваний [8, с. 773]. Гарантию права на неприкосновенность и свободу от необоснованного преследования может гарантировать лишь детальная норма уголовно-процессуального законодательства, регламентирующая роль результатов дактилоскопии в общем массиве собранных доказательств.

Как отмечает Т. Ш. Таалайбек с соавт., особое беспокойство вызывает такое направление научных исследований, как разработка компьютерных программ, анализирующих дактилоскопические карты осужденных и выявляющих генетические предрасположенности к девиантному поведению у лиц с определенными папиллярными узорами [15, с. 134]. По нашему мнению, попытки исследователей установить признаки дерматоглифики, свидетельствующие о предрасположенности лица к девиантному поведению, едва ли могут принести результаты, представляющие интерес для практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, так как являются априорно нарушающими права человека на справедливое, беспристрастное судопроизводство, на свободу от произвольных арестов, на неприкосновенность жизни и на отсутствие дискриминации.

Как отмечено выше, Ст. 22 Конституции провозглашает **право на свободу и личную неприкосновенность**. Проведение дактилоскопии может затрагивать это право, особенно если оно сопровождается физическим или психологическим принуждением. Согласно Конституции, лишение или ограничение свободы может происходить только по судебному решению, а любые меры, ограничивающие личную неприкосновенность, должны быть законными и обоснованными.

В некоторых юрисдикциях закон предусматривает, что дактилоскопия может проводиться только с согласия лица, за исключением случаев, когда есть достаточные основания для применения принудительных мер. Принудительное снятие отпечатков пальцев может рассматриваться как вмешательство в частную жизнь и требовать обоснования необходимости и соразмерности такого вмешательства.

М. А. Михайлов указывает: вскоре после появления автоматизированных дактилоскопических баз данных и цифровых систем снятия отпечатков, а также программного обеспечения, позволяющего делать выборку из объемных массивов, была активизирована деятельность по дактилоскопической регистрации, которая «нередко принимала «повальный» характер», и круг дактилоскопируемых был значительно расширен без оснований на то оснований. Это произошло благодаря размытой процессуальной формулировке о «лицах, представляющих оперативный интерес» [12, с. 313]. В данной связи многие граждане, столкнувшиеся с нарушением прав на неприкосновенности и иных прав, представленных в Ст. 22 и 23 Конституции, подали иски,

оспаривающие внесение дактилоскопических данных в электронные массивы.

В данной связи в рамках Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 №128-ФЗ [5] и Федерального закона от 31.12.2017 №498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части проведения государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [3] были детально регламентированы вопросы, связанные с определением принудительности/добровольности дактилоскопии, а также был зафиксирован круг лиц, которые обязаны сдавать отпечатки пальцев.

В случае, если гражданин не является подозреваемым, обвиняемым, осужденным за совершение преступления, он не обязан проходить обязательную дактилоскопическую регистрацию. Согласно положениям Ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса, подозреваемым является лицо: в отношении которого возбуждено уголовное дело, которое задержано в соответствии со Ст. 91 и Ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса; к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со Ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса; которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном Ст. 223.1 Уголовно-процессуального кодекса [2].

Проблемным аспектом в рассматриваемой нами области выступает также снятие отпечатков у несовершеннолетних и недееспособных лиц. Принудительно снять отпечатки пальцев у несовершеннолетнего/ недееспособного лица можно лишь в следующих случаях: имеется потребность в установлении его личности; в ситуации задержания лица по подозрению в совершении преступления. Данный вопрос регламентируется как двумя вышеотмеченными законами, так и п. 19 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4].

Таким образом, использование дактилоскопии при расследовании уголовных преступлений требует тщательного баланса между эффективностью уголовного преследования и соблюдением прав человека. Государство должно разрабатывать и внедрять правовые нормы, обеспечивающие прозрачность, пропорциональность и защиту прав личности при использовании дактилоскопии. С особой осторожностью нужно подходить к интеллектуальным цифровым системам анализа дактилоскопических данных. Устранение человека-специалиста из процедуры дактилоскопической экспертизы повышает риски ошибочных вердиктов о причастности лиц к совершению уголовных деяний. Только в случае сбалансированного подхода можно достичь гармонии между необходимостью борьбы с преступностью и защитой прав человека.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 31.07.2024.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 «174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // КонсультантПлюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Дата доступа: 01.08.2024.

3. Федеральный закон от 31.12.2017 №498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части проведения государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286760/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ – Дата доступа: 01.08.2024.

4. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ – Дата доступа: 01.08.2024.

5. Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 №128-ФЗ // КонсультантПлюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19562/. – Дата доступа: 01.08.2024.

6. Бутрина, А. В. Биометрическая идентификация личности / А. В. Бутрина, А. П. Багаева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2012. – №8. – С. 389-390.

7. Гаужаева, В. А. Биометрическая идентификация в криминалистике / В. А. Гаужаева, Л. Г. Лифанова // Аграрное и земельное право. – 2023. – №3 (219). – С. 151-154.

8. Клипко, Е. П. Биометрическая идентификация человека / Е. П. Клипко // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – №109. – С. 770-780.

9. Кудинова, Н. С. Актуальные проблемы диагностических исследований при раскрытии и расследовании преступлений / Н. С. Кудинова // Информационная безопасность регионов. – 2017. – №3-4 (28-29). – С. 77-82.

10. Кудинова, Н. С. Роль современных направлений диагностической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений / Н. С. Кудинова // Информационная безопасность регионов. – 2016. – №1 (22). – С. 46-52.

11. Кузнецов, А. А. Правовые основы биометрических методов аутентификации личности / А.А. Кузнецов // ЭПИ. – 2021. – №1. – С. 85-90.

12. Михайлов, М. А. Правовое регулирование оборота дактилоскопической информации / М. А. Михайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2010. – №1. – С. 311-318.

13. Панфиленко, Н. А. дерматоглифика: современные проблемы и история / Н. А. Панфиленко // Вестник магистратуры. – 2016. – №12-2 (63). – С. 200-202.

14. Серго, С. В. К вопросу о реорганизации баз данных дактилоскопических учетов / С. С. Серго, Ж. Ю. Снежкова // ЮП. – 2022. – №1 (100). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-reorganizatsii-baz-dannyh-daktiloskopicheskikh-uchetov>. – Дата доступа: 01.08.2024.

15. Таалайбек, Т. Ш. Проблемные вопросы криминалистической дерматоглифики / Т. Ш. Таалайбек, А. Н. Архипова, В. Н. Туркова // Закон и право. – 2019. – №2. – С. 133-136.

16. Яровенко, В. В. Применение цифровых технологий в дактилоскопии (переход на создание, хранение и исследование материалов в электронном формате) / В. В. Яровенко, О. В. Пяткова, А. В. Чередниченко // Юридические исследования. – 2022. – №2. – С. 51-62.

Guarantees of human rights in biometric identification in the context of criminal law

Voronin I. S.

S.Y. Witte Moscow University

The article considers the categories of «biometrics», «dactyloscopy», «dermatoglyphics», «biometric identification». The evolution of scientific concepts and applied methods of biometric identification is described. Dactyloscopy is considered from the standpoint of human rights guarantees. It is concluded that many provisions of the Constitution correlate with the legislation regulating the conduct of dactyloscopy. The legislative acts regulating the issues of dactyloscopy and guarantees of the rights of persons who give fingerprints are considered. The risks associated with the digitalization of forensic research, examinations, criminal law relations and procedures in general are described. The use of fingerprinting in the investigation of criminal offenses requires a careful balance between the effectiveness of criminal prosecution and the observance of human rights.

Keywords: criminal law, biometrics, dermatoglyphics, dactyloscopy, human rights, constitution, forensic science.

References

1. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.constitution.ru/>. – Access date: 31.07.2024.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 "174-FZ (as amended on 29.05.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2024) // ConsultantPlus. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Access date: 01.08.2024.
3. Federal Law of 31.12.2017 No. 498-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Conducting State Fingerprint Registration in the Russian Federation" // ConsultantPlus. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286

760/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ – Access date: 01.08.2024.

4. Federal Law "On Police" dated 07.02.2011 N 3-FZ (latest revision) // ConsultantPlus. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ – Access date: 01.08.2024.
5. Federal Law "On State Fingerprint Registration in the Russian Federation" dated 25.07.1998 No. 128-FZ // ConsultantPlus. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19562/. – Access date: 01.08.2024.
6. Butrina, A. V. Biometric identification of a person / A. V. Butrina, A. P. Bagaeva // Actual problems of aviation and cosmonautics. – 2012. – No. 8. – P. 389-390.
7. Gauzhaeva, V. A. Biometric identification in forensics / V. A. Gauzhaeva, L. G. Lifanova // Agrarian and land law. – 2023. – No. 3 (219). – P. 151-154.
8. Klipko, E. P. Biometric identification of a person / E. P. Klipko // Scientific journal of KubSAU. – 2015. – No. 109. – P. 770-780.
9. Kudinova, N. S. Actual problems of diagnostic studies in the detection and investigation of crimes / N. S. Kudinova // Information security of regions. – 2017. – No. 3-4 (28-29). – P. 77-82.
10. Kudinova, N. S. The role of modern trends in diagnostic fingerprinting in solving and investigating crimes / N. S. Kudinova // Information security of regions. – 2016. – No. 1 (22). – P. 46-52.
11. Kuznetsov, A. A. Legal basis for biometric methods of personal authentication / A. A. Kuznetsov // EPI. – 2021. – No. 1. – P. 85-90.
12. Mikhailov, M. A. Legal regulation of the circulation of fingerprint information / M. A. Mikhailov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. – 2010. – No. 1. – P. 311-318.
13. Panfilenko, N. A. Dermatoglyphics: modern problems and history / N. A. Panfilenko // Bulletin of the Magistracy. – 2016. – No. 12-2 (63). – P. 200-202.
14. Sergo, S. V. On the issue of reorganization of databases of fingerprint records / S. S. Sergo, Zh. Yu. Snezhkova // YuP. – 2022. – No. 1 (100). [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-reorganizatsii-baz-dannyh-daktiloskopicheskikh-uchetov>. – Access date: 01.08.2024.
15. Taalaibek, T. Sh. Problematic issues of forensic dermatoglyphics / T. Sh. Taalaibek, A. N. Arkhipova, V. N. Turkova // Law and Order. – 2019. – No. 2. – P. 133-136.
16. Yarovenko, V. V. Application of digital technologies in fingerprinting (transition to the creation, storage and study of materials in electronic format) / V. V. Yarovenko, O. V. Pyatkova, A. V. Cherednichenko // Legal research. – 2022. – No. 2. – P. 51-62.

Ужесточение правовой ответственности за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов

Курносова Валерия Михайловна

специалист, Московский Государственный Юридический Университет им. О.Е. Кутафина, lerakurnosova@yandex.ru

Совершенствование контртеррористического законодательства представляет собой реакцию государства на, встающие перед обществом вызовы. При этом правовое регулирование не должно терять своей гибкости или становиться «реакционным». К анализу представляется новелла уголовного законодательства, посвященная правовой ответственности за нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов. Частичное отсутствие сформированной научной оценки положений ст. 217.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) отражает актуальность исследования. Помимо прочего предмет исследования является и проблема отнесения ст. 217.3 к перечню норм, образующих административную преюдицию. Вместе с тем, необходимо провести анализ подзаконных актов, устанавливающих порядок обеспечения антитеррористической защищенности торговых объектов, содержание документации, подлежащей к оформлению. Таким образом, цель научного исследования – определить специфику законодательства, направленного на обеспечение антитеррористической защищенности и провести анализ уголовного законодательства.

Ключевые слова: Антитеррористическая деятельность; квалификация; паспорт безопасности; законодательная техника, содержание террористической деятельности; уголовно-правовая характеристика.

Охрана жизни и здоровья населения, безусловно, является одной из доминант деятельности правового государства. При этом важность обеспечения безопасности жизни и здоровье человека происходит не только лишь из метафизических начал. Согласно ст. 21 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)¹ никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Каждый имеет право на жизнь (ст. 21 Конституции РФ).

Во исполнение вышеуказанных конституционных норм-принципов на территории Российской Федерации функционирует перечень законов и подзаконных актов, направленных на противодействие терроризму, в совокупности составляющих самостоятельную систему контртеррористического законодательства.

Органами государственной власти принимается множество мер, направленных на создание безопасных условий жизни общества: международное сотрудничество в области противодействия терроризму, образование групп быстрого реагирования, совершенствование тактик их действия, а также разработка повышенных требований к антитеррористической защищенности объектов скопления людей.

Ввиду небезызвестного трагического случая, развернувшегося на территории одного из столичных торговых центров, особый интерес представляют нововведения, направленные на криминализацию нарушений требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий).

В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2023 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»² Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) пополнен статьей 217.3³.

Согласно диспозиции данной статьи к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, ответственное за обеспечение требований к антитеррористической защищенности объектов, в случае неоднократного привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние, если это нарушение повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или крупный имуще-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета». 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

2 Федеральный закон от 31.07.2023 N 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2023, N 32 (Часть I), ст. 6130.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

ственный ущерб. При анализе ст. 217.3 УК РФ возможно определить квалифицированный и особо квалифицированный состав преступления. Так, за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. В случае, если это же деяние повлекло за собой смерть двух и более лиц наказание увеличивается на срок до семи лет лишения свободы.

Требования к антитеррористической защищенности торговых объектов установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.10.2017 № 1273 (ред. от 05.03.2022) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)»⁴. Вышеуказанный акт закрепляет порядок составления паспорта безопасности торгового объекта, меры по обеспечению антитеррористической защищенности торговых объектов, включая перечень необходимого оборудования и профилактических мероприятий.

В целях дифференциации торговых объектов подзаконный акт устанавливает порядок их категорирования. Такой подход позволяет установить самостоятельные требования для каждого вида торгового объекта. Основанием разграничения является прогнозируемое количество людей, которые могут погибнуть или получить вред здоровью.

Решение о присвоении торговому объекту той или иной категории принимает комиссия по обследованию и категорированию торгового объекта по инициативе правообладателя торгового помещения. При принятии решения в объектив оценки комиссии входят помимо прочего конструктивные и технические характеристики объекта недвижимости, его опасные участки и критические элементы, последствия совершения террористического акта.

Так, в ПП «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов» установлены 3 категории торговых объектов в зависимости от числа лиц, в перспективе подверженных опасности в результате совершения террористического акта. Первая категория - 1000 человек и более; вторая категория - от 201 до 1000 человек третья категория - от 51 до 200 человек.

Торговые объекты первой категории должны быть оснащены кнопкой экстренного вызова подразделения вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации и (или) подразделения физической охраны.

Важнейшим требованием является составление паспорта объекта. Под паспортом понимается информационный документ, который отражает состо-

яние антитеррористической защищенности объекта. В паспорте указываются адрес места расположения торгового объекта, категория, функциональное назначение, дата и реквизиты решения об отнесении к торговому объекту, площадь в квадратных метрах, организации, обеспечивающие охрану и правопорядок на торговом объекте, виды транспортных коммуникаций, прилегающих к территории торгового объекта, возможные противоправные действия на территории объекта недвижимости.

Вся вышеперечисленная информация о торговом объекте является конфиденциальной и составляет коммерческую тайну

Анализ будет неполным без освещения ст. 20.35 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ)⁵. Как было указано ранее, уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 217.3 наступает в случае неоднократного привлечения к административной ответственности за деяние, предусмотренное ст. 20.35 КоАП РФ, однако в данном случае не приходится в полной мере говорить об административной преюдиции, как о мере превентивной, поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 217.3 УК РФ осложнен общественно опасными последствиями, поименованными в диспозиции нормы (причинение тяжкого вреда здоровью, смерти и др.). Это значит, что только лишь неоднократное привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние состав 217.3 УК РФ не образует.

Сходной по смыслу является ст. 217.1 УК РФ, согласно которой уголовно наказуемым является нарушение требований обеспечения антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса. Также как и ст. 217.3, состав преступления - материальный. То есть, деяние является уголовно-наказуемым только в случае наличия общественно опасных последствий, выраженных в виде неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью человека, смерть или крупный ущерб. Санкции ст. 217.1 и 217.3 идентичны. Единственное отличие составляет объект, на котором согласно императиву закона должны быть обеспечены требования к антитеррористической защищенности. Следует учесть, что ст. 217.1 вошла в состав Уголовного кодекса Российской Федерации в 2011 году. Таким образом, возможно сделать логичный вывод о применении законодателем аналогичной техники при разработке ст. 217.3 УК РФ.

Таким образом, подобный механизм законодательной техники устанавливает наказание для наиболее халатных лиц, в должностные обязанности которых входит обязанность по исполнению требований к антитеррористической защищенности объектов.

4 Постановление Правительства РФ от 19.10.2017 N 1273 (ред. от 05.03.2022) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)» // «Собрание законодательства РФ», 30.10.2017, N 44, ст. 6509.

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

О.В. Брежнев относит, поименованные в ст. 217.3 УК РФ, противоправные действия к «содействию террористической деятельности». С этой позицией трудно согласиться. Представляется, что подобные преступления стоит относить к допущению террористической деятельности. Такое категорирование имеет смысл, ведь из сущности «содействия терроризму» мы понимаем умышленные действия, направленные на создание благоприятных условий для осуществления террористической деятельности. То есть, злоумышленник предвидел преступные последствия (выраженные в виде совершения террористического акта) и желало их наступления. В случае же с действиями, установленными в ст. 217.3 УК РФ, лицо, осуществляющее исполнение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) не выполнило, установленные должностные обязанности, что повлекло по неосторожности возникновение общественно-опасных последствий. В данном случае не приходится говорить, о целенаправленном создании условий для осуществления конкретного террористического акта, а равно содействие терроризму. Уверены, что законодатель закладывал в нормы ст. 217.3 УК РФ именно такой смысл. Это подтверждается достаточно «щадящей» санкцией ст. 217.3 УК РФ относительно других террористических составов.

Описываемая статья введена в уголовный кодекс Российской Федерации 12.06.2024 года Федеральным законом от 31.07.2023 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁶. На сегодняшний день судебная практика по ст. 217.3 УК РФ отсутствует. Очевидно, что применение данной нормы уголовного кодекса будет непопулярным по ряду причин, однако выбранный законодателем способ уголовно-правового регулирования в перспективе является эффективным средством стимулирования должностных лиц к исполнению требований к антитеррористической защищенности объектов и территорий.

Литература

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета», 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля;

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996;

17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-

ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1;

18. Федеральный закон от 31.07.2023 N 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 171, 03.08.2023.

19. Постановление Правительства РФ от 19.10.2017 N 1273 (ред. от 05.03.2022) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности торговых объектов (территорий) и формы паспорта безопасности торгового объекта (территории)» // «Собрание законодательства РФ», 30.10.2017, N 44, ст. 6509.

20. Брежнев О.В. Проблемы противодействия терроризму в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 6. С. 11 - 20.

21. Немченко С.Б., Корчуков А.А. Проблемы осуществления контрольно-надзорной деятельности МЧС России за соблюдением требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. N 5. С. 39 - 46.

22. Красинский В.В. Практика привлечения к административной и дисциплинарной ответственности за неисполнение решения Антитеррористической комиссии // Современное право. 2019. N 10. С. 37 - 43.

Tightening of legal liability for violation of the requirements for anti-terrorist protection of facilities Kurnosova V.M.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

The improvement of counter-terrorism legislation represents the State's response to the challenges facing society. At the same time, legal regulation should not lose its flexibility or become "reactionary". A novel of criminal legislation devoted to legal liability for violation of the requirements for anti-terrorist protection of facilities is submitted for analysis. The subject of the study was the issue of categorization of section 217.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and the problem of attributing Article 217.3 to the list of norms related to administrative prejudice. At the same time, it is necessary to analyze by-laws establishing the procedure for ensuring the anti-terrorist protection of commercial facilities, the content of documentation to be processed. Thus, the purpose of the scientific research is to determine the specifics of legislation aimed at ensuring anti-terrorist protection and to analyze criminal legislation.

Keywords: Anti-terrorist activities; qualifications; safety data sheet; legislative technique, assistance to terrorist activities; criminal law characteristics.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of

⁶ Федеральный закон от 31.07.2023 N 398-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // «Российская газета», N 171, 03.08.2023.

- 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta, 1993. December 25; 2020. July 4; 2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 06.04.2024) // Rossiyskaya Gazeta, No. 113, 18.06.1996, No. 114, 19.06.1996, No. 115, 20.06.1996, No. 118, 25.06.1996;
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (Part 1), Art. 1;
4. Federal Law of 31.07.2023 N 398-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // "Rossiyskaya Gazeta", N 171, 03.08.2023.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.10.2017 N 1273 (as amended on 05.03.2022) "On Approval of Requirements for Anti-Terrorist Protection of Trade Facilities (Territories) and the Form of the Security Passport of a Trade Facility (Territory)" // "Collected Legislation of the Russian Federation", 30.10.2017, N 44, Art. 6509.
6. Brezhnev O.V. Problems of Counteracting Terrorism in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Actual Problems of Russian Law. 2024. N 6. P. 11 - 20.
7. Nemchenko S.B., Korchukov A.A. Problems of implementing control and supervisory activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia for compliance with the requirements for anti-terrorist protection of facilities (territories) // State power and local self-government. 2021. N 5. P. 39 - 46.
8. Krasinsky V.V. Practice of bringing to administrative and disciplinary responsibility for failure to comply with the decision of the Anti-Terrorist Commission // Modern Law. 2019. N 10. P. 37 - 43.

Уголовно-правовой анализ треш-стримов как разновидности агрессии в сети Интернет

Леонова Екатерина Владимировна

магистр права, Санкт-Петербургский государственный университет, kateleona0305@yandex.ru

В статье рассматривается такое явление как треш-стрим. Охарактеризованы основные черты треш-стримов, а также проведен уголовно-правовой анализ. В статье особое внимание акцентируется на недостаточной изученности данного вида сетевой агрессии, а также подчеркивается значимость систематизации и модернизации существующего опыта по противодействию данному опасному явлению в обществе.

Ключевые слова: трешстрим, интернет, преступность, анонимность, насилие.

В настоящее время активно развиваются различные IT технологии, которые призваны делать нашу жизнь более комфортной и безопасной. Тем не менее, появление новых технологий повлияло на привычный социальный уклад, появились различные агрессивные формы поведения в Интернете. В последнее время одной из форм такого агрессивного поведения является опасно явление, именуемое как "треш-стрим".

Стоит отметить, что на сегодняшний день практически не существует научных работ, посвященных уголовно-правовому анализу данного явления. При этом, ряд ученых в области уголовного права и криминологии постепенно начинают уделять данному явлению пристальное внимание, что свидетельствует о том, что тематика треш-стримов заслуживает пристальное внимание и изучен е своей специфики.

Также, со стороны правительства был разработан законопроект об установлении уголовной ответственности за данное деяние.

Треш-стрим можно охарактеризовать как некое потоковое видео либо аудио, транслируемое в сети Интернет.

При этом, в подобном прямом эфире его создатели и участники намеренно нарушают закон (совершают насилие, унижают других людей, превышают допустимую скорость на ТС и пр.)

Стоит отметить, что треш-стримы появились с момента появления сети Интернет и в настоящий момент набрали популярность, в особенности среди молодежи и подростков.

При этом, создавая новые треш стримы, дети стараются на этом заработать, поэтому в ход идут различные способы привлечь внимание: употребление и демонстрация в сети спиртных напитков и наркотических веществ, физическое и психическое насилие.

При этом, данное опасное влияние не могло не насторожить Совет федерации и в 2021 г. во время заседания временной комиссии по информационной политике и взаимодействию со СМИ был представлен законопроект, в котором предлагалось расширить существующую статью 282 УК РФ и добавить в нее ч. 3, что установит самостоятельную ответственность за треш-стриминг.

При этом предлагалось за данное деяние наказание в виде штрафа от 300 до 600 т.р., а также принудительных работ от 2 до 5 лет, либо лишение свободы на срок от 3 до 6 лет.

Стоит отметить, что безусловно треш-стрим является общественно опасным деянием, при этом лишенным нравственно-моральных черт и заслуживающих уголовную ответственность.

В России на сегодняшний день растет число каналов, предлагающих к просмотру различный контент треш-стримов. При этом, данные каналы имеют большое количество подписчиков. Кроме того, к данному контенту могут подключиться в т.ч. несовершеннолетние, что деструктивно влияет на их психоэмоциональный фон и способствует формированию девиантного поведения.

По данным ВЦИОМ 87 граждан проголосовали за то, чтобы подобные каналы были заблокированы. При этом 74 высказались за введение уголовной ответственности за данное деяние.

Для проведения уголовно-правового анализа данного явления, необходимо установить объективную и субъективную сторону данного деяния, а также мотивы, побуждающие к осуществлению треш-стриминга.

Обратим внимание, что общественная опасность треш стримов заключается в том, что участниками данных постановок, а также зрителями являются несовершеннолетние и молодежь. При этом, треш стриминг оказывает негативное влияние на морально нравственную основу ребенка, подрывает воспитание и формирует деструктивную личность. Под влиянием данного явления молодые люди могут оказаться вовлечены в различные преступные схемы, у них может формироваться деструктивное общественно-опасное поведение, появляться акцентуации характера, а также нарушения психической сферы.

Необходимо проводить разграничения между треш стримом и экстремистской деятельностью. В частности, место совершения преступления для треш стриминга является только публичная сеть Интернет [3]. Это позволяет охватить широкий круг заинтересованных пользователей, сохраняя при необходимости анонимность. Также необходимо отметить о добровольном и согласованном участии участников при проведении треш стримов. Третий признак - насилие, издевательства, унижение и оскорбление человека.

Альтернативным признаком объективной стороны преступления является совершение данных деяний исходя из хулиганских побуждений.

В заключении отметим, что в настоящее время все действия, которые совершают стримеры, имеют самостоятельную уголовно-правовую оценку. В частности, в действиях организаторов или участников треш стримов могут усматриваться признаки преступлений согласно ст 11-118 УК РФ, ст 105, 109 УК РФ.

При этом зритель могут быть привлечены в качестве соучастников преступления.

Вышеприведенный анализ показывает существующую значимость законодательное регулирования такого явления как треш стримы, а также разработка и внедрение профилактических мер, направленных на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в подобные деяния.

Считаем необходимым подчеркнуть, что введение уголовной ответственности за любое деяние должно основываться в первую очередь на теории криминализации [1].

При этом, эффективность уголовного кодекса зависит от того, насколько адекватно он отражает характер и степень общественной опасности, а также насколько он может выступить нормативным средством к минимизации рисков общественно опасных явлений.

При этом, основанием криминализации того или иного деяния является общественная опасность деяния, которая заключается в данном случае в посягательстве на общественную нравственность. При этом уголовно- правовое обеспечение общественной нравственности имеет важное значение, поскольку общественная нравственность представляет собой значимость для социума в целом, влияет на гармоничное развитие общества и индивидов в нем.

Говоря о характерных чертах треш стримы, можно выделить следующее:

Наличие прямого эфира с большим количеством людей, нося в основном анонимный характер. Психологи отмечают, что анонимность сподвигает людей просматривать треш стримы, удовлетворяя при этом желание смотреть как унижают другого человека, при этом ни как себя не идентифицируя.

Второе - стример выполняет определенные задания, которые поступают ему от зрителей. Это формирует лояльность целевой аудитории и увеличивает число подписчиков, формируя устойчивый интерес к данному каналу [2].

Третья характерная особенность - это существующее насилие, унижение, аморальное поведение.

Четвертая характерная черта - это цель треш стримов. Либо популяризация канала либо получение материального вознаграждения. Стоит отметить, что опасность данного деяния заключается не только в причинении психического и /или физического насилия, но также в пропаганде девиантного поведения среди несовершеннолетних, формирование деструктивных установок.

В заключении обратим внимание, что на сегодняшний день уже предприняты попытки как ученых, так и практикующих профильных специалистов разработать комплекс мер, позволяющих нивелировать негативное влияния треш-стриминга. Однако, сегодня данный вид сетевой агрессии не до конца изучен, а следовательно и не существует эффективного уголовно-правового механизма по противодействию данному деянию. При этом, треш стриминг пагубно сказывается на психическом и ментальном здоровье несовершеннолетних и молодежи, которые ищут простые способы заработка либо уникального контента.

Литература

1. Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 16 (6). – С. 202–210.
2. Богатырев К. М. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде // Юрислингвистика. – 2022. – № 24 (35). – С. 38–43.

3. Фильченко А. П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 4 (60). – С. 90–100.

Criminal-legal analysis of trash streams as a type of aggression on the Internet

Leonova E.V.

St. Petersburg State University

The article examines such a phenomenon as trash stream.

The main features of trash streams are characterized, and a criminal-legal analysis is carried out. The article focuses on the insufficient study of this type of network aggression, and emphasizes the importance of systematization and modernization of existing experience in counteracting this dangerous phenomenon in society.

Keywords: trash stream, Internet, crime, anonymity, violence.

References

1. Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Trash stream: social determination of criminalization // Actual problems of Russian law. - 2021. - No. 16 (6). - P. 202-210.
2. Bogatyrev K. M. Trash content as a form of information threats to media security in the digital environment // Jurislinguistics. - 2022. - No. 24 (35). - P. 38-43.
3. Filchenko A. P. Protection of public morality from encroachments in the form of live broadcasts of unlawful behavior (trash streams) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 4 (60). - P. 90-100.

Применение инновационных технологий при охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий

Тарута Артем Геннадьевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России, taruta81@mail.ru

В нынешних условиях актуальность обращения к исследованию особенностей использования инновационных технологических разработок при охране общественного порядка обусловлена ростом числа и масштабов массовых мероприятий, увеличением угроз безопасности, а также необходимостью повышения эффективности и оперативности действий правоохранительных органов. Внедрение передовых решений (в частности, подразумеваются БПЛА, нейросети, современные информационные системы и т. д.) позволяет более результативно наблюдать, отслеживать, управлять, реагировать на потенциальные угрозы, обеспечивая надёжную и бесперебойную защиту граждан и сам правопорядок. В данной статье автором выделены группы инноваций (по функциональному критерию), применяемых при охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Затем дана характеристика ключевым разновидностям технологических разработок из каждой категории. Сделан вывод о том, что их разнообразие отражает значительный прогресс в обеспечении безопасности. Разработки в сфере наблюдения и мониторинга, средства связи и координации, системы управления толпой, решения по реагированию на чрезвычайные ситуации в комплексе повышают способность эффективно управлять большими собраниями людей.

Новизна исследования заключается в том, что на основе описания видов технологий автором систематизированы их преимущества и недостатки, что может стать «отправной точкой» для последующих научных работ, в которых будет сделан акцент на критический взгляд касательно использования конкретных новаций.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, инновационная технология, контроль, массовое мероприятие, общественная безопасность, общественный порядок, управление

Введение. В массовых мероприятиях (концерты, спортивные матчи, политические митинги, публичные фестивали и прочие разновидности), собирается большое количество людей, при этом создаётся, как правило, динамичная среда; в данной связи требуются надёжные стратегии управления общественным порядком. Обеспечение безопасности в рассматриваемых условиях сопровождается многочисленными и, вместе с тем, уникальными проблемами из-за высокой плотности участников, разнообразных видов деятельности, возможности как запланированных, так и спонтанных инцидентов.

В увязке с отмеченным выше, целесообразно подчеркнуть, что появление инновационных технологических решений произвело существенную трансформацию (в положительном ключе) в подходах к поддержанию порядка, повысив как само качество, так и результативность предпринимаемых мер безопасности.

Методы и материалы. В процессе написания статьи использовались методы сравнения, обобщения, анализа научных публикаций. Литература, посвященная применению инновационных технологий

при охране общественного порядка во время массовых мероприятий, демонстрирует разнообразие подходов к проблематике.

Так, В.В. Антонов в своей работе акцентирует внимание на традиционных методах охраны и их адаптации к современным условиям, рассматривая вопросы прав и свобод граждан в контексте обеспечения безопасности [1]. С.А. Бабичев и В.К. Тюпина исследуют специфику использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), подчёркивая их эффективность и необходимость внедрения в практику органов внутренних дел [2]. А.Ю. Бордачев развивает эту тему, уделяя внимание тактическим аспектам применения БПЛА сотрудниками полиции, что позволяет детально изучить их оперативные возможности [4]. А.В. Балашов, М.В. Крысин и А.А. Обухов обсуждают организационные меры, направленные на поддержание общественного порядка и безопасности, уделяя пристальное внимание координации действий различных служб и подразделений [3]. В то же время, Д.А. Давлетгареева и С.И. Пойда сосредотачиваются на проблемах, предлагая конкретные решения для их преодоления [5]. Ю.И. Ильин и В.В. Силантьев рассматривают применение специальных средств полицией, анализируя их правовые и практические аспекты [6]. М.В. Сергеев акцентирует внимание на вопросах планирования охраны общественного порядка, высвечивая значимость предварительной подготовки и стратегии действий [7]. Е.Е. Тебякина предлагает философско-антропологический анализ применения нейросетей, обсуждая их потенциал и риски в контексте цифрового общества, что добавляет глубину к обсуждению инновационных технологий [8]. Д.Б. Умбиталиева и Т.А. Прекина исследуют тактические особенности охраны порядка, фокусируясь на практических рекомендациях и сценариях [9]. М.Ш. Шайдаев анализирует информационные технологии в обеспечении общественной безопасности, подчёркивая их особую роль и преимущества в современных условиях [10].

Представленные исследования охватывают весьма обширный перечень вопросов, связанных с охраной общественного порядка в периоды проведения массовых мероприятий — от традиционных методов до использования передовых разработок (БПЛА и нейросети). В результате уместно говорить о многообразии и комплексности подходов к анализируемой проблематике.

Результаты и обсуждение. Современными учёными анализируются разносторонние технологиче-

ские достижения, их нюансы и спецификации, которые были интегрированы на случаи организации и реализации массовых мероприятий; активно изучаются аспекты их применения, преимущества, потенциальные «проблемные зоны».

Необходимо отметить, что технологические разработки, применяемые в характеризуемой сфере, дифференцируются на ряд групп. В функциональном плане отчётливо обозначаются четыре варианта (выделены на базе изучения публикаций [1, 3, 4, 9]):

- технологии наблюдения, мониторинга;
- инновационные решения в области связи, координации;
- механизмы управления толпой;
- варианты экстренного реагирования, медицинской поддержки.

Так, первая группа представлена (в контексте функций) наблюдением и мониторингом. Ключевые технологии представлены на рисунке 1.

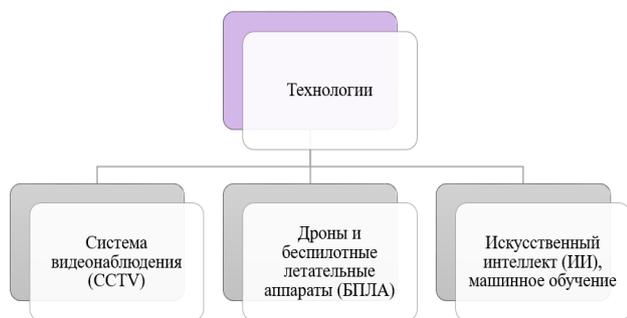

Рис. 1. Технологические решения для наблюдения и осуществления мониторинга (составлено автором на основе [1, 3, 4])

Так, CCTV на протяжении относительно продолжительного периода времени была базовым элементом, обеспечивая наблюдение в реальном времени, а также возможности записи. Современные достижения значительно расширили его функциональность. Камеры высокой четкости, в комплекте с сетевыми системами, теперь предлагают более отчетливые изображения, весьма обширные зоны покрытия, что позволяет осуществлять детализированный мониторинг. Помимо этого, интеграция функций панорамирования-наклона-зума (PTZ) предоставляет возможность динамически отслеживать людей и действия, а технологии инфракрасного и тепловизионного изображения облегчают наблюдение в условиях низкой освещенности.

В свою очередь, дроны стали универсальными инструментами для воздушного мониторинга. Они обеспечивают вид с высоты птичьего полета на большие толпы, что бесценно для оценки её динамики в режиме «здесь и сейчас» и обнаружения потенциальных проблем. Оснащенные камерами высокого разрешения и тепловыми датчиками — эти устройства помогают следить за процессами с безопасного расстояния, предлагая возможности как дневного, так и ночного наблюдения. Мобильность дронов позволяет достаточно оперативно разворачивать и менять положение, обеспечивая непрерывное покрытие критических зон.

Применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) при охране общественного порядка в период проведения массовых мероприятий представлено рядом ключевых элементов (этапов), что продемонстрировано на рисунке 2:

Рис. 2. Этапы использования БПЛА (составлено автором на основе [2, 4])

Эта схема позволяет обеспечить эффективное наблюдение и координацию, повышая уровень безопасности и оперативности реагирования на возможные угрозы.

Технологии ИИ, а также инструментальный машинного обучения значительно масштабировали функциональность систем наблюдения. Как отмечает Е.Е. Тебякина, видеоаналитика на основе искусственного интеллекта позволяет автоматически обнаруживать и предупреждать операторов о необычном поведении (к примеру, имеются в виду внезапное движение толпы, брошенные предметы, несанкционированный доступ в зоны ограничения и т. п.) [8]. Системы распознавания лиц, поддерживаемые ИИ, дают возможность идентифицировать интересующих лиц в больших скоплениях людей, облегчая управление известными угрозами. Соответствующие технологические новации не только повышают точность обнаружения опасностей, но и снижают когнитивную нагрузку на операторов (человеческий ресурс).

Что касается следующей группы — технологиях связи и координации — то уместна следующая дифференциация (рис. 3):

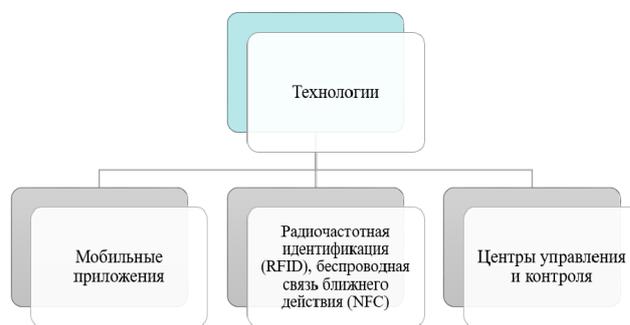

Рис. 3. Технологические решения в области связи, координации (составлено автором на основе [1, 3, 9, 10])

Так, мобильные приложения, разработанные в целях управления мероприятиями и укрепления общественной безопасности, стали важнейшими инструментами. К примеру, речь идёт о предоставлении участникам информации в режиме реального времени: обновления расписания мероприятий,

оповещения о чрезвычайных ситуациях, инструкции и прочее. Вдобавок, они весомо облегчают коммуникацию между организаторами мероприятий, сотрудниками службы безопасности, аварийно-спасательными службами, обеспечивая скоординированный ответ на инциденты.

Относительно технологий RFID и NFC важно подчеркнуть, что они позволяют реализовывать действенное управление толпой и контроль доступа. Метки RFID, встроенные в билеты, браслеты, обеспечивают быстрые процессы входа и выхода, сокращая так называемые «узкие места» — достигается плавный поток участников. Устройства с поддержкой NFC в функциональном плане базируются на бесконтактном взаимодействии (в первую очередь, подразумеваются платежи, обмен информацией), улучшая общее впечатление от мероприятия, сохраняя при этом высокий уровень безопасности.

Централизованные командно-диспетчерские центры, оснащенные передовыми коммуникационными технологиями, играют фундаментальную роль в управлении общественным порядком во время массовых мероприятий. При этом интегрируются данные из различных источников:

- каналы видеонаблюдения;
- кадры с дронов;
- мобильные приложения.

В результате обеспечивается всесторонний обзор события.

Возможности анализа данных в реальном времени и принятия решений позволяют оперативно и своевременно реагировать на возникающие ситуации, обеспечивая эффективную координацию между различными службами.

В свою очередь, технологии управления толпой представлены следующими вариантами (рис. 4):

Рис. 4. Технологические решения в области управления толпой (составлено автором на основе [1, 3, 7, 9])

Комментируя представленную схему, следует отметить, что прогнозная аналитика, базирующаяся на больших данных и машинном обучении, обеспечивает специалистов ценными сведениями касательно поведения толпы. Анализируя ретроспективные данные, активность в социальных сетях, информацию в реальном времени, модели помогают прогнозировать движения и потенциальные очаги возгорания. Это даёт возможность предпринимать упреждающие и грамотно подготовленные меры (корректировка развертывания персонала службы

безопасности, перенаправление пешеходного движения и т. д.), чтобы предотвращать инциденты до их возникновения.

Технологии виртуальной реальности и моделирования всё чаще задействуются в целях обучения персонала служб. VR-среды воссоздают различные сценарии, позволяя обучаемым практиковать реагирование на определённые и переменные ситуации — наплыв людей, эвакуации либо столкновения. Подобное иммерсивное обучение улучшает навыки принятия решений, а также готовит кадры к действительным вызовам, обеспечивая высокий уровень готовности и результативности деятельности по охране общественного порядка.

Инновационные устройства контроля толпы (в качестве примера целесообразно привести интеллектуальные барьеры, автоматические ворота) оптимизируют и налаживают управление пешеходным движением. Ими можно управлять дистанционно и настраивать для адаптации к изменяющимся условиям: колебания плотности толпы или чрезвычайные ситуации. Благодаря «умным» барьерам, оснащенным датчиками и камерами, предоставляются сведения о движении толпы, что позволяет динамически корректировать предпринимаемые шаги из соображений поддержания порядка, безопасности.

В арсенале технологий экстренного реагирования и медицинской поддержки необходимо выделить следующие ключевые варианты (рис. 5):

Так, новации в сфере ГИС играют определяющую роль в планировании и реализации мер реагирования на чрезвычайные ситуации. С помощью соответствующих систем предоставляются подробные карты и пространственные данные, что позволяет спасателям быстро определять место происшествия, ориентироваться в густых толпах. Эти технологии дают возможность эффективно развертывать медицинские бригады, пожарные службы, правоохранительные органы, обеспечивая своевременное содействие нуждающимся.

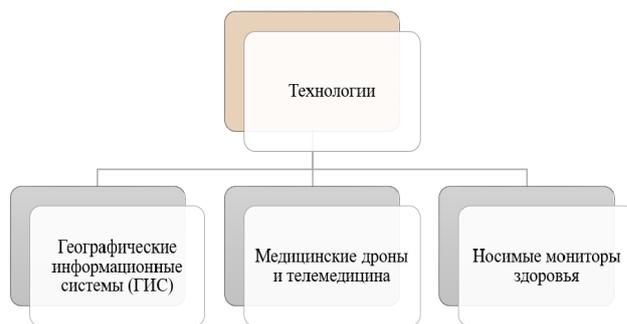

Рис. 5. Технологические решения в области экстренного реагирования, медицинской поддержки (составлено автором на основе [1, 6, 9])

Медицинские дроны, которые оснащены средствами первой помощи и автоматическими внешними дефибрилляторами (AED), могут быть быстро отправлены в требуемые места — при большом скоплении людей. Так можно достигать пациентов быстрее, чем делают это традиционные спасатели,

обеспечивая интенсивную терапию до прибытия медицинского персонала. В дополнение к отмеченному, разработки в сфере телемедицины позволяют проводить удаленные консультации: специалисты направляют спасателей на месте (в оказании надлежащей помощи).

Носимые мониторы (смарт-часы, трекары и т. п.) предоставляют сведения о состоянии здоровья участников мероприятия в режиме реального времени. В случае неотложных ситуаций эти устройства способны оповещать медицинские бригады о таких проблемах, как сердечные приступы, тепловые удары. Интеграция характеризуемых данных с системами реагирования на чрезвычайные ситуации обеспечивает оперативное вмешательство, повышая общую безопасность и благополучие участников.

Ниже представлена таблица 1, в которой систематизированы преимущества и недостатки различных инновационных технологий.

Таблица 1
Преимущества и недостатки различных инновационных технологий, применяемых при охране общественного порядка во время массовых мероприятий (составлено автором)

Технологии	Преимущества	Недостатки
Система видеонаблюдения (CCTV)	Обеспечивает мониторинг и запись в реальном времени. Функции высокой четкости и PTZ для детального наблюдения. Инфракрасное и тепловое изображение для условий низкой освещенности.	Проблемы с конфиденциальностью из-за постоянного наблюдения. Высокие затраты на установку и обслуживание. Возможность утечки данных.
Дроны и беспилотные летательные аппараты (БПЛА)	Обеспечивает воздушное наблюдение и широкий охват. Возможности быстрого развертывания и смены позиции. Дневной и ночной мониторинг с помощью тепловых датчиков.	Проблемы с нарушением конфиденциальности. Ограниченное время и дальность полета. Нормативные ограничения на использование.
Искусственный интеллект и машинное обучение	Автоматическое обнаружение необычного поведения. Распознавание лиц. Снижение когнитивной нагрузки на операторов.	Этические и конфиденциальные вопросы, связанные с распознаванием лиц. Высокие затраты на реализацию. Возможные предубеждения в алгоритмах ИИ.
Мобильные приложения	Распространение информации среди участников в режиме реального времени. Улучшает связь между организаторами, службой безопасности и спасателями.	Зависимость от наличия у участников смартфонов. Потенциальные уязвимости кибербезопасности.
Радиочастотная идентификация и беспроводная связь ближнего действия	Эффективное управление толпой и контроль доступа. Улучшает поток, бесконтактное взаимодействие.	Проблемы конфиденциальности, связанные с отслеживанием. Расходы, связанные с инфраструктурой RFID/NFC.
Центры управления и контроля	Централизованная интеграция данных из нескольких источников. Анализ данных и принятие решений в реальном времени.	Высокие затраты на установку и эксплуатацию. Для эффективной работы требуется квалифицированный персонал.

	ном времени. Улучшенная координация между службами.	
Прогностическая аналитика	Прогнозирует движение толпы и потенциальные очаги возгорания. Позволяет принимать упреждающие меры для предотвращения инцидентов.	Опирается на точные и полные данные. Может не учитывать непредвиденные переменные.
Виртуальная реальность и симуляционное обучение	Погружение в обучение для сотрудников службы безопасности. Повышение готовности и навыков принятия решений.	Высокие затраты на VR-оборудование и программное обеспечение. Требует постоянных обновлений и обслуживания.
«Умные» барьеры и устройства для контроля толпы	Динамическая адаптация к изменяющимся условиям. Данные о перемещениях толпы в режиме реального времени для принятия обоснованных решений.	Высокие первоначальные затраты и обслуживание. Возможные технические неисправности в критические моменты.
Географические информационные системы (ГИС)	Предоставляет подробные карты и пространственные данные для планирования действий в чрезвычайных ситуациях. Помогает эффективному развертыванию спасателей.	Высокие затраты на ГИС-технологии и обучение. Требует постоянного обновления данных для обеспечения точности.
Медицинские дроны и телемедицина	Быстрая отправка медицинских принадлежностей. Удаленные медицинские консультации повышают качество лечения.	Ограниченная грузоподъемность медицинских дронов. Нормативные и воздушно-космические ограничения.
Носимые мониторы здоровья	Мониторинг данных о состоянии здоровья в режиме реального времени. Оповещение медицинских бригад о чрезвычайных ситуациях для оперативного вмешательства.	Проблемы конфиденциальности данных о состоянии здоровья. Зависимость от ношения участниками устройств.

Далее следует кратко остановиться на рассмотрении этических соображений и проблематики конфиденциальности в увязке с анализируемой темой. При использовании систем наблюдения, особенно тех, которые опираются на распознавание лиц и ИИ, важно сбалансировать потребности безопасности с правами людей на конфиденциальность. Прозрачные политики, четкие правила, надежные меры защиты данных необходимы для обеспечения ответственного применения этих инноваций. Общественная осведомленность и согласие имеют большое значение — в контексте поддержания доверия и легитимности при использовании передовых мер.

Выводы. На современном этапе использование инновационных технологий в защите общественного порядка во время массовых мероприятий отражает значительный прогресс в обеспечении безопасности. Разработки в сфере наблюдения и мониторинга, средства связи и координации, системы управления толпой, решения по реагированию на чрезвычайные ситуации в совокупности повышают способность эффективно управлять большими собраниями людей.

Как было подчёркнуто в статье, интеграция инноваций в защиту общественного порядка во время

массовых мероприятий опирается на преобразующий подход к обеспечению безопасности. Технологии приносят многочисленные преимущества (улучшенный мониторинг в реальном времени, налаженное управление толпой, эффективное реагирование на чрезвычайные ситуации). Такие инструменты наблюдения, как CCTV, дроны и системы на базе искусственного интеллекта, обеспечивают детальный надзор и автоматическое обнаружение угроз; коммуникационные разработки и централизованные командные центры — бесперебойную координацию между различными заинтересованными сторонами. Прогнозная аналитика, обучение с использованием виртуальной реальности, интеллектуальные барьеры дополнительно содействуют упреждающему и оперативному контролю толпы. Хотя преимущества существенны, крайне важно тщательно ориентироваться в связанных с ними недостатках. Балансирование потребностей безопасности с правами на конфиденциальность, управление расходами, обеспечение бесперебойной работы являются важнейшими шагами в использовании всего потенциала новаций. Ответственное и этическое развертывание в сочетании с постоянной оценкой и совершенствованием — первоочередные условия к соблюдению (для максимизации преимуществ и минимизации недостатков).

Итак, интеграция охарактеризованных групп и разновидностей технологий должна тщательно контролироваться — для успешного разрешения этических проблем и дилемм, сопряжённых с вопросами конфиденциальности. Ответственно используя достижения, власти имеют полную возможность формировать и укреплять безопасную и качественно защищенную среду для массовых мероприятий.

Литература

1. Антонов В.В. Охрана общественного порядка при проведении массовых мероприятий / В.В. Антонов // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2019. – № 1. – С. 381-385.
2. Бабичев С.А. БПЛА – специальные средства 21 века на страже органов внутренних дел Российской Федерации / С.А. Бабичев, В.К. Тюпина // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2023. – № 9-2. – С. 167-171.
3. Балашов А.В. Организация общественного порядка и общественной безопасности при проведении публичных и массовых мероприятий / А.В. Балашов, М.В. Крысин, А.А. Обухов // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 9А. – С. 317-325.
4. Бордачев А.Ю. Тактические особенности применения БПЛА сотрудниками полиции / А.Ю. Бордачев // Закон и власть. – 2023. – № 4. – С. 51-57.
5. Давлетгареева Д.А. Проблемы обеспечения общественного порядка во время проведения массовых мероприятий / Д.А. Давлетгареева, С.И. Пойда // Интернаука. – 2021. – № 20-5 (196). – С. 76-78.
6. Ильин Ю.И. Вопросы применения сотрудниками полиции спецсредств при обеспечении общественного порядка в ходе массовых мероприятий / Ю.И. Ильин, В.В. Силантьев // Modern Science. – 2019. – № 10-3. – С. 114-120.
7. Сергеев М.В. Планирование охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий / М.В. Сергеев // Преемственность и новации в юридической науке. Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. – Омск: 2019. – С. 20-22.
8. Тебякина Е.Е. Нейросети – путь к свободе или поворот в никуда? Философско-антропологический анализ / Е.Е. Тебякина // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы конференции. – Ярославль: 2024. – С. 352-363.
9. Умбиталиева Д.Б. Тактические особенности охраны общественного порядка во время проведения массовых мероприятий / Д.Б. Умбиталиева, Т.А. Прекина // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности. Материалы межвузовского научно-практического семинара. – Иркутск: 2019. – С. 60-64.
10. Шайдаев М.Ш. Информационные технологии в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при проведении публичных и иных массовых мероприятий / М.Ш. Шайдаев // Академическая мысль. – 2024. – № 2 (27). – С. 16-20.

The use of innovative technologies in the protection of public order during mass events

Taruta A.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the current conditions, the relevance of addressing the study of the features of the use of innovative technological developments in the protection of public order is due to the increasing number and scale of mass events, increasing security threats, as well as the need to increase the effectiveness and efficiency of law enforcement agencies. The introduction of advanced solutions (in particular, UAVs, neural networks, modern information systems, etc. are meant. It allows you to more effectively monitor, manage, and respond to potential threats, ensuring reliable and uninterrupted protection of citizens and the rule of law itself.

In this article, the author identifies groups of innovations (according to the functional criterion) used in the protection of public order during mass events. Then the key varieties of technological developments from each category are characterized. It is concluded that their diversity reflects significant progress in ensuring security. Developments in the field of surveillance and monitoring, means of communication and coordination, crowd management systems, emergency response solutions in a complex increase the ability to effectively manage large gatherings of people.

The novelty of the research lies in the fact that, based on the description of the types of technologies, the author systematizes their advantages and disadvantages, which can become a "starting point" for subsequent scientific papers, which will focus on a critical view regarding the use of specific innovations.

Keywords: unmanned aerial vehicle, innovative technology, control, mass event, public safety, public order, management

References

1. Antonov V.V. Protection of public order during mass events / V.V. Antonov // Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms. – 2019. – No. 1. – pp. 381-385.
2. Babichev S.A. UAVs – special means of the 21st century on guard of the internal affairs bodies of the Russian Federation / S.A. Babichev, V.K. Tyupina // Public safety, legality and law and order in the III millennium. – 2023. – No. 9-2. – pp. 167-171.
3. Balashov A.V. Organization of public order and public safety during public and mass events / A.V. Balashov, M.V. Krysin, A.A. Obukhov // Issues of Russian and international law. – 2021. – Vol. 11. – No. 9A. – pp. 317-325.
4. Bordachev A.Yu. Tactical features of the use of UAVs by police officers / A.Yu. Bordachev // Law and power. – 2023. – No. 4. – pp. 51-57.
5. Davletgareeva D.A. Problems of ensuring public order during mass events / D.A. Davletgareeva, S.I. Poida // Internauka. – 2021. – No. 20-5 (196). – Pp. 76-78.
6. Ilyin Yu.I. Questions of the use of special means by police officers in ensuring public order during mass events / Yu.I. Ilyin, V.V. Silantsev // Modern Science. – 2019. – No. 10-3. – pp. 114-120.
7. Sergeev M.V. Planning the protection of public order during mass events / M.V. Sergeev // Continuity and innovations in legal science. Materials of the All-Russian Scientific Conference of adjuncts, postgraduates and applicants. Omsk: 2019. – pp. 20-22.
8. Tebyakina E.E. Neural networks – the path to freedom or a turn to nowhere? Philosophical and anthropological analysis / E.E. Tebyakina // Opportunities and threats of the digital society. Conference materials. – Yaroslavl: 2024. – pp. 352-363.
9. Umbitalieva D.B. Tactical features of public order protection during mass events / D.B. Umbitalieva, T.A. Prekina // Topical issues of tactics for the protection of public order and public safety. Materials of the interuniversity scientific and practical seminar. – Irkutsk: 2019. – pp. 60-64.
10. Shaidaev M.S. Information technologies in the protection of public order and ensuring public safety during public and other mass events / M.S. Shaidaev // Academic thought. – 2024. – No. 2 (27). – pp. 16-20.

Нормативные ограничения при реализации технологического суверенитета в органах исполнительной власти

Балакишиева Алина Алязовна

заведующий канцелярией в судебном участке №420 Департамента по обеспечению деятельности мировых судей города Москвы, alinka8762@mail.ru

Бабаян Левон Каренович

ассистент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Цель исследования данной работы – выявить, какие препятствия и ограничения в нормативно-правовых актах встречаются на пути органов исполнительной власти при достижении технологического суверенитета Российской Федерации. В статье рассмотрены уже существующие нормативно-правовые акты в области обеспечения технологического суверенитета страны, особенности достижения технологического суверенитета и ограничения, возникающие при его обеспечении. В статье раскрываются процессы реализации органами исполнительной власти в обеспечении технологической независимости. Научная новизна заключается в том, что правовое поле технологической независимости является еще не до конца исследованным, более того, с учетом наложенных на отечественную экономику санкций, осуществление стратегических целей в представленной области становится труднодостижимым. В результате, было проведено сравнение российской нормативной базы и зарубежных стран, в результате которого были выявлены разные подходы государств к обеспечению технологического суверенитета и разные методики его достижения.

Ключевые слова: технологический суверенитет, научно-технологическое развитие, технологические инициативы, концепция технологического суверенитета, правовое регулирование технологического суверенитета.

В пункте 1.2 Постановлении Правительства №2478 от 28.12.2022 года представлен термин «технологического суверенитета», который описывается как устойчивая возможность РФ реализовывать государственные цели и задачи в сферах на основе разработки, внедрения и использования технологий и стимулирования технологических инноваций в соответствующих сферах государства. В данном определении можно проследить некий упор на связь технологий с наукой и инновациями, значит, чтобы в полной мере реализовать технологическую суверенность России, надо развивать также и научную сторону.

Также необходимо рассмотреть труды других исследователей по данному направлению. К примеру, небольшим дополнением к понятию станет изучение статьи «Вопросы инновационной экономики» Афанасьева Александра Анатольевича (МИРЭА)¹³⁶. В этой публикации технологический суверенитет представляется как «устойчивое состояние экономической системы страны, при котором в контексте существующих и перспективных угроз обеспечивается возможность беспрепятственного использования в критически важных сферах ее жизнеобеспечения необходимых современных технологий, а также существует ресурсообеспеченная способность их воспроизводства». Таким образом, технологический суверенитет любой страны – это не просто состояние государства, при котором оно может самостоятельно обеспечивать себя необходимыми техническими элементами, а также целый ряд составляющих, в число которых входит:

- знания – то есть, обеспечение научной базой рынок кадров;
- активное развитие нематериальной сферы, в том числе предоставление услуг;
- увеличение числа сотрудников научных и смежных с этой сферой профессий;
- развитие информационных технологий;
- защита информации, персональных данных и иных сведений о гражданах, проводимых исследованиях и т.д.

Таким образом, о развитии государства можно судить в полной мере, по степени достижения независимости от иностранных разработок в технологической области, а помимо непосредственных технологических разработок, необходимо также активно развивать, как минимум, представленные выше элементы и области, которые включают в себя сферу образования, науки, кадров и инноваций.

¹³⁶ Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России: Афанасьев А.А. URL// <https://1economic.ru/lib/116150>

Технологическая независимость государства представляет собой, в первую очередь, процесс, длительный, занимающий определенное время и ресурсы, а также развитие и укрепление интеллектуального права и обеспечения национальной безопасности в информационной области.

Следовательно, можно сказать, что сущность понятия технологический суверенитет включает в себя множество иных различных понятий, таких как национальная безопасность, инновации, базы данных и пр. А значит, что так или иначе, каждая из этих сфер будет являться смежной для понятия «технологический суверенитет» и будет тесно переплетаться с ним.

Достижение технологического суверенитета для развития России имеет немало преимуществ. Во-первых, это позволит стране укрепить свою экономику. Рост отечественных технологий способствует развитию отраслей высоких технологий и повышению производительности, что в свою очередь создает новые рабочие места и стимулирует экономический рост. Например, развитие отечественной инструментов и механизмов кибербезопасности и разработка высокотехнологичных компьютерных систем помогают защитить российские компании и государственные органы от киберугроз, а также способствуют созданию новых рынков и инноваций. Также самостоятельность страны в технологическом развитии снижает зависимость России от импорта зарубежных товаров. Однако нельзя говорить о полной изоляции от иностранных разработок. Здесь речь идет больше о партнерстве стран, к примеру, исследователи Дальневосточного федерального университета (ДФУ) совместно с коллегами из Шанхайского института керамики Китайской академии наук (Shanghai Institute of Ceramics, Chinese Academy of Sciences, SICCAS) создают монокристаллы для повышения детектируемой точности рентгеновских КТ-томографов. Эта разработка позволит более точно определять границы поражения тканей при онкологических заболеваниях.¹³⁷

Во-вторых, достижение технологического суверенитета способствует развитию науки и образования в России. Предоставив возможность для самостоятельного исследования и разработки, страна становится активным участником мирового научного сообщества, что помогает привлекать талантливых ученых, создавать новые образовательные программы и увеличивать качество знаний и навыков в IT-сфере. Одним из довольно ярких проектов, на который сейчас власти возлагают большие надежды, можно назвать «Национальную технологическую инициативу», которая представляет собой платформу, где совмещают свои усилия, разработки и ресурсы государственные органы, исследователи – причем как группами, так и по одиночке, - и различные отечественные предприятия. Данный проект предоставляет действительно уникальную

возможность узнать, что будет, если совместить основные движущие силы прогресса в экономике – бизнес, науку и государство.

В-третьих, при достижении технологического суверенитета происходит как бы «перезагрузка» ориентиров страны, что влечет за собой смену когнитивного суверенитета у населения.¹³⁸ Когнитивный суверенитет – это некая концепция, которая подразумевает под собой наличие контроля у людей над своими собственными данными, информацией, которой они владеют, и знаниями, которые получают. Цель повышения когнитивного суверенитета заключается в создании равных возможностей для доступа к информации и в защите личных данных в цифровой эпохе. При увеличении доли самостоятельности в технологической сфере повышается и процент доверия населения страны в отечественных разработках и производимых благах. Так, согласно отчету руководителя АНО «Российская система качества» Максима Протасова на встрече с Михаилом Мишустиним, уровень доверия россиян к отечественным продуктам достиг рекордных значений в 91%.¹³⁹

Однако, несмотря на все преимущества, достижение технологического суверенитета может быть соизмеримо с возникновением рядом вызовов. Во-первых, разработка собственных технологий требует значительных финансовых вложений и временных ресурсов. Некоторые технологические решения могут оказаться неэффективными или устаревшими. Данные факторы могут замедлить развитие отраслей и повлечь за собой потерю конкурентоспособности на мировом рынке. Поэтому важно стратегически продумать и запланировать процесс разработки и внедрения технологий.

Во-вторых, достижение технологического суверенитета может привести к изоляционизму, когда государство ограничивает доступ к внешним технологиям. Это может стать преградой для обмена научными знаниями и технологическими разработками. Поэтому важно найти баланс между использованием отечественных технологий и сотрудничеством с зарубежными компаниями и научными организациями.

Несмотря на подобные вызовы от интенсивного развития технологической самостоятельности страны, в реалиях настоящего времени подобная независимость государства может не просто помочь развить сразу несколько сфер экономики – как было сказано про национальную безопасность, про работу над защитой национальных данных и поддержку отечественных разработок - но и в целом изменить способ взаимодействия и выстраивания отношений между странами.

Однако помимо практической реализации развития технологических разработок в России, данная область регулируется также и нормативными актами. Несколько выше говорилось о Постановлении

¹³⁷ Научное сотрудничество России и Китая. URL// <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51505/>

¹³⁸ «Остров Россия». Спецпредставитель президента о новой цифровой стратегии URL// <https://>

<https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207>

¹³⁹ Встреча Михаила Мишустина с руководителем АНО «Российская система качества» Максимом Протасовым URL// <http://government.ru/news/49440/>

Правительства РФ №2478, в котором утверждаются положения о работе Национальной технологической инициативы (НТИ). Также 29 марта 2019 года было опубликовано Постановление Правительства РФ №377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», которое напрямую регулирует основные сферы рассматриваемой проблемы. На данный момент, это основной перечень нормативно-правовых актов, регулирующих сферу технологического развития России. Однако в период весенней сессии текущего года в Государственную Думу был внесен ряд законопроектов, которые расширяют и дополняют действия органов власти в области обеспечения технологического суверенитета¹⁴⁰. К таковым проектам относятся № 285562–8 «О внесении изменений в статьи 14 и 151 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» и статьи 7 и 12 Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части регулирования отношений, связанных с проведением научной (научно-технической) экспертизы), № 203207–8 «О внесении изменения в главу II Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» (в части государственной поддержки молодых ученых) и № 134176–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (в части совершенствования законодательного регулирования развития и использования генетических технологий). Как видно, эти изменения носят взаимосвязанный и последовательный характер – от совершенствования научной сферы и поддержки ученых до применения результатов этих самых научных исследований уже на практике.

Стоит также упомянуть Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам ...», где утверждается перечень проектов по развитию технологического суверенитета и то, как российская экономика будет к происходящим изменениям адаптироваться.

Другим нормативным актом, который, скорее, определяет путь, по которому Россия будет достигать технологический суверенитет, является Концепция технологического развития страны до 2030 года, утвержденная Правительством РФ. В ней, по большей части, изложены цели, которых страна должна стремиться достичь к 2030 году¹⁴¹. Они во многом совпадают с Постановлением Совета Федерации, которое было рассмотрено ранее. В данной концепции, однако, не представлен термин «технологический суверенитет», вместо него есть определения «проектов технологического суверенитета» и «технологическая политика». Первое определение обозначено в нормативном документе как проекты полного инновационного цикла по производству высокотехнологичной продукции на основе собственных линий разработки с использованием критических и сквозных технологий, охватывающие все стадии инновационного цикла и включающие в том числе кадровые и регуляторные аспекты. В то время как технологическая политика подразумевает под собой комплекс регуляторных, экономических, организационных и иных мер, направленных на достижение конкретных целей в области технологического развития, разработки и внедрения новых производственных и технологических процессов. Стоит заметить, что данное определение несколько отличается от определения понятия «технологический суверенитет», которое было выведено в настоящей работе. В Концепции речь идет о трех ключевых целях, которые должны быть достигнуты к 2030-ому году:

- «Первая цель - обеспечение национального контроля над воспроизводством критических и сквозных технологий»;
- «Вторая цель - переход к инновационно-ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы»;
- «Третья цель - технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем».

И здесь снова прослеживается акцент на взаимосвязь производственных сил и научных разработок.

Дополнительно рассмотрим ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Суть данного закона заключается в том, что правообладатель информации (физическое или юридическое лицо, сама Российская Федерация, ее субъекты), таким образом, несет на себе ответственность за предоставление, использование и защите информации. К общественной информации относятся общеизвестные данные, однако если общественная информация каким-либо образом относится или затрагивает сведения, составляющие государственную тайну, размещение такой информации должно быть прекращено по тре-

¹⁴⁰ Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета URL// <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/>

¹⁴¹ Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-п Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 URL// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/>

бованию государственного органа. Также Федеральный закон устанавливает права на доступ к информации, ограничение доступа, обмен информации, в том числе при выполнении органами государственной и муниципальной власти своих должностных полномочий. В целом, данный нормативно-правовой акт помогает научным сотрудникам, исследователям и ученым защищать результаты своих разработок и исследований от несанкционированного пользования или их утечки.

Исходя из изученных выше нормативных документов, обеспечивающих реализацию развития наукоемких областей экономики, технологическое развитие в России и информационную безопасность, можно сделать вывод о том, что настоящая законодательная база носит своевременный характер. Опираясь на рассмотренную Концепцию, можно вывести заключение о всестороннем анализе органов власти имеющихся на данный момент России препятствий на пути достижения технологической независимости. К примеру, одним из таких препятствий является недостаточная способность национальной экономики адаптироваться к глобальным трендам, имеющим системный характер, что приводит к структурным деформациям экономики и повышает социальную напряженность. На данный момент такая неповоротливость экономики, согласно той же Концепции, объясняется ее переходом к использованию искусственного интеллекта и повсеместного внедрения сквозных технологий.

Отдельно стоит рассмотреть и своевременность изменений, которые были внесены в Государственную Думу. В частности, законопроект № 285562–8, который был предложен Правительством исправляет недочеты в области проведения научно-технологической экспертизы – в частности, вносятся более точные определения, утверждается неприменимость проведения экспертизы для предпринимательских и иных целей. В другом законопроекте №134176-8, внесенным уже сенаторами Совета Федерации, прослеживается трансформация научного подхода в ФЗ №86 – появляются более широкие понятия (такие как «продукты генно-инженерной деятельности» вместо «генно-инженерномодифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы»), подлежат регистрации продукты генно-инженерной деятельности, предназначенные для выпуска в окружающую среду.

Подводя промежуточный итог, рассмотренные изменения и принимаемые законопроекты в настоящий момент, далеки от завершения и лишь готовят почву для иных нормативных актов, которые будут регулировать технологическое развитие России.

Угроза для достижения независимости заключается в отсутствии у бизнеса заинтересованности в

развитии технологий, поскольку у предпринимателей нет широких возможностей для активной инвестиционной политики, на которую государство возлагает большие надежды.

Дополнительно надо упомянуть Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 N 1236 "Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд" и Приказ Минцифры России от 18.01.2023 N 21 "Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации", которые являются завершающим этапом в системе обеспечения технологического суверенитета России. В полной мере действие данных нормативных актов видно по доле использования отечественных разработок: «С 2015 года доля отечественного программного обеспечения при осуществлении госзакупок органами государственной власти увеличилась в среднем с 20 до 65%»¹⁴². Для осуществления поставленной задачи Минкомсвязь ведет с 2016 года Реестр отечественного ПО. Благодаря таким методам, российское ПО впервые обогнало зарубежный софт на госзакупках - на долю российского ПО в 2022 г. впервые пришлось более половины объема госзакупок в денежном выражении. На отечественный софт госструктуры потратили 102,46 млрд руб. против 52,51 млрд руб., которые пришлось на иностранные решения¹⁴³.

Также можно обратиться к данным за первый квартал 2023 года, которые вывела Высшая школа экономики¹⁴⁴. К примеру, действия Правительства привели к тому, что в секторе информационно-коммуникационных технологий наблюдается положительная динамика реализации товаров, работ и услуг, среднесписочная численность работников организаций сектора ИКТ продолжает расти два квартала подряд - в течение первых трех месяцев она увеличилась на 3,7%, а объем инвестиций в основной капитал вырос по сравнению с I кварталом 2022 г. на 10,7%.

Однако почему же развитие технологической самостоятельности с такими выдающимися результатами идет так медленно? Во-первых, разработка законодательства не имело под собой научную ориентацию. Основными приоритетами Федерального Собрания были социальная защищенность населения, экономическая стабильность государства, повышение качества жизни и иные сферы. Упор на инновации и компьютерные технологии прослеживается лишь с недавнего времени, до этого предприятия,

¹⁴² Доля отечественного ПО в госзакупках органов власти с 2015 года выросла с 20 до 65% URL// https://digital.gov.ru/ru/events/39014/?utm_referrer=https%3a%2f%2findex.ru%2f

¹⁴³ Российское ПО впервые обогнало зарубежный софт на госзакупках URL// https://www.cnews.ru/news/top/2023-04-27_rossijskoe_po_vpervye_obognalo

¹⁴⁴ Российский сектор ИКТ в I квартале 2023 года URL// <https://issek.hse.ru/news/849023579.html>

государственные органы и инвесторы не так часто использовали отечественные технологии, если сравнивать с иностранными.

Следующим ограничением, которое является основным, так как в него упираются остальные проблемы, – это отсутствие законодательства в данной сфере. Правительство Российской Федерации может само принимать различные постановления, однако они все равно будут носить более узкий, специализированный или вовсе локальный характер, что не является достаточным фактором для покрытия всего спектра в рассматриваемой области.

Помимо перечисленного, доля импортозамещения в России начала возрастать только лишь с 2021 года – на 2022 год она поднялась с 80% до 100%¹⁴⁵, тогда как с 2010 по 2021 она уменьшилась всего на 10%. Но и здесь речь идет преимущественно о продовольственных товарах – техника, электроника, ткани, одежда – все это по-прежнему является товаром с высокой долей импорта.

Прежде чем подвести итоги, следует также провести сравнительный анализ нормативно-правовых актов, принятых для реализации технологического суверенитета на территории России и других государств.

Для сравнения были взяты такие законы как «Закон о чипах и науке» США («CHIPS and Science Act») и Стратегия цифровизации Германии. Из российских нормативно-правовых актов, основой для анализа стал Приказ Минцифры от 18.01.2023 N 21 "Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации". Сравнение строится по четырем пунктам, представленным в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение нормативной правовой базы в сфере технологического суверенитета.

Страна	Нормативно-правовой акт	Ключевые моменты	Цели и задачи принятого нормативно-правового акта
Российская Федерация	Приказ Минцифры России от 18.01.2023 N 21 "Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры	<ul style="list-style-type: none"> • Планы перехода на преимущественное использование российского ПО рекомендуется формировать на период до 2024 года и до 2030 года для разных категорий организаций. • Под российским ПО понимаются программы для электронных вычислительных машин и базы данных, включенные в 	Цель - обеспечение ускоренного перехода органов государственной власти и организаций на использование отечественного программного обеспечения. Этот переход направлен на повышение независимости и безопасности информационной инфраструктуры России, а также на стимулирование

¹⁴⁵ Чернышенко заявил, что уровень импортозамещения составляет от 80% до 100% URL:// https://sfr.gov.ru/press_center/z_news~2022/03/26/234773

	Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование программного обеспечения в Российской Федерации"	единый реестр российского ПО. • Переход на использование российского ПО рекомендуется осуществлять в отношении иностранного ПО и ПО, сведения о котором не включены в реестр российского ПО. • Для перехода на использование российского ПО рекомендуется использовать подход, основанный на использовании ПО, сведения о котором включены в единый реестр российского ПО и соответствующего дополнительным требованиям к ПО.	российской IT-индустрии и снижение зависимости от иностранных продуктов.
Соединенные Штаты Америки	Закон о чипах и науке («CHIPS and Science Act»)	<ul style="list-style-type: none"> • Предоставление 52,7 млрд долларов США на внутреннее исследование и стимулирование производства полупроводников в США; • Предоставление субсидий и налоговых льгот производителям микросхем, работающим в Соединённых Штатах; • Право Министерства торговли выделять средства в зависимости от готовности компаний поддерживать исследование, строить объекты и обучать новых работников; • Запрет на поставку в Китай и Россию передовых чипов, если компании получают субсидии в соответствии с законом. 	<ul style="list-style-type: none"> • Укрепление и упор на фундаментальные исследования; • Увеличение инвестиций в STEM-образование (модель образования, которая интегрирует естественные и инженерные предметы); • Укрепления фонда квантовой информатики (раздел науки, посвященный использованию квантовых объектов для обработки и передачи информации).
Федеративная Республика Германия	Стратегия цифровизации Германии	<ul style="list-style-type: none"> • Индустрия 4.0. Внедрение цифровых технологий в производственные процессы, автоматизация, использование интернета вещей и искусственного интеллекта для повышения эффективности производства и создания «умных» заводов; • Цифровая инфраструктура. Развитие высокоскоростных интернет-соединений для обеспечения более широкого доступа к цифровым сервисам и улучшения коммуникаций; • Инновации и стартапы. Берлин, 	<ul style="list-style-type: none"> • Переход на полностью цифровую медицинскую карту пациента; • Подготовка общедоступных баз данных с анонимизированной информацией о гражданах; • Перевод в онлайн-режим целого ряда этапов взаимоотношений граждан с государственными структурами; • Обеспечение к 2025 году половины домохозяйств Германии высокоскоростным подключением к

		<p>Гамбург и Мюнхен стали крупными центрами для стартапов и инноваций;</p> <ul style="list-style-type: none"> • Множество немецких компаний вкладывают средства в технологические стартапы и исследования; • Образование и обучение. Программы обучения включают в себя курсы по цифровым навыкам, программированию и ИИ; • Здравоохранение. Технологии, такие как электронные медицинские записи и телемедицина, содействуют совершенствованию системы здравоохранения и улучшению доступности медицинских услуг. 	<p>интернету с помощью оптоволоконного кабеля;</p> <ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение бесперебойной телефонной связи и мобильного интернета в 2026 году; • Создание правительственного агентства для поддержки инноваций SPRIND в сфере исследований и науки; • Распространение современных стандартов защиты персональных данных трудящихся, в том числе при удаленной работе.
--	--	---	--

Источник: составлено автором по данным стратегии цифрового развития Германии,

Исходя из данных таблицы, можно проследить достаточно интересную особенность. В первую очередь, стоит отметить, что во всех трех законах есть одна общая черта – стремление властей к ограничению иностранных оборудований и разработок и максимальное поощрение на использование отечественного ПО. Однако в России прослеживается протекционистский подход – основная цель Приказа состоит в том, что отечественные компании и потребители в том числе, чувствовали себя комфортно на рынке и не ощущали на себе тяжесть от иностранных конкурентов. США, тем временем, больше направлены на увеличение финансирования технологических или информационных проектов, то есть, упор на бюджетную составляющую. В то время как в Германии, преобладает социально направленная составляющая – информационные технологии направлены на улучшение образования, усовершенствование системы здравоохранения и подбора персонала в различные учреждения и органы.

Таким образом, органы исполнительной власти вынуждены действовать «вслепую» - под санкционным давлением, без хорошо продуманной нормативной базы, Правительство стремится мотивировать всех участников рынка. В рассмотренных в статье примерах видно, что органы власти подталкивают подведомственные учреждения и иные органы власти переходить на отечественное оборудование, проводить как можно больше научных мероприятий, а частный сектор – как крупные предприятия, так и индивидуальные предприниматели – сподвигают на инвестирование в разработки ученых и научные исследования.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. N 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»;

2. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. N 2478 «Об утверждении Правил управления реализацией мероприятий программ и проектов Национальной технологической инициативы, результаты которых направлены на решение задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»;

3. Приказ Минцифры России от 18.01.2023 N 21 «Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации»;

4. Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России: монография – М.: Первое экономическое издательство, 2022. – 108 с.; ил.; табл. – Библиогр. в тексте;

5. Научное сотрудничество России и Китая: технологии для лечения онкозаболеваний, микроэлектроника будущего и перспективные топливные системы // Международное сотрудничество – 2022 – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51505/>

6. Мара Якобсоне. Германия – цифровая стратегия 2025 / Национальные стратегии - 2022 - URL: <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/actions/national-initiatives/national-strategies/germany-digital-strateg>

7. Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва – 2023 // Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета // <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/> ;

8. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. – Москва // Правительство России утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года // <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novostiministerstva/68378/> ;

9. Нормативное регулирование на федеральном уровне. – Москва // Переход на отечественные информационные системы в органах государственной власти Новосибирской области // https://coiruk.nso.ru/sites/coiruk.nso.ru/wodby_files/files/document/2023/04/documents/1_2.pdf ;

10. Реестр программного обеспечения. Официальный сайт // Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных // <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/> ;

11. Извлечения из законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность по предоставлению государственной услуги // Извлечения из законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность по предоставлению государственной услуги.

Regulatory restrictions in the implementation of technological sovereignty in executive authorities

Balakishieva A.A., Babayan L.K.

office in the judicial precinct No. 420 of the Department for Ensuring the Activities of Magistrates of the city of Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

The purpose of the study of this work is to identify what obstacles and restrictions in regulatory legal acts are encountered on the way of executive authorities in achieving technological sovereignty of the Russian Federation. The article examines the already existing normative legal acts in the field of ensuring the technological sovereignty of the country, the peculiarities of achieving technological sovereignty and the limitations that arise when ensuring it. The article reveals the processes of implementation by executive authorities in ensuring technological independence. The scientific novelty lies in the fact that the legal field of technological independence has not yet been fully explored, moreover, taking into account the sanctions imposed on the domestic economy, the implementation of strategic goals in the presented area becomes difficult to achieve. As a result, a comparison of the Russian regulatory framework and foreign countries was carried out, as a result of which different approaches of states to ensuring technological sovereignty and different methods of achieving it were revealed.

Keywords: technological sovereignty, scientific and technological development, technological initiatives, the concept of technological sovereignty, legal regulation of technological sovereignty.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019 N 377 "On approval of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation";
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 28, 2022 N 2478 "On approval of the Rules for managing the implementation of activities of programs and projects of the National Technology Initiative, the results of which are aimed at solving the problems of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation, on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and on recognizing as invalid certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation";
3. Order of the Ministry of Digital Development of Russia dated January 18, 2023 N 21 "On approval of Methodological recommendations for the transition to the use of Russian software, including at significant facilities of the critical information infrastructure of the Russian Federation, and on the implementation of measures aimed at accelerating the transition of government bodies and organizations to the use of Russian software in the Russian Federation";
4. Formation of a limited open economy of a sovereign type in modern Russia: monograph - M.: First Economic Publishing House, 2022. - 108 p.; ill.; table. - Bibliography in the text;
5. Scientific cooperation between Russia and China: technologies for the treatment of cancer, microelectronics of the future and promising fuel systems // International cooperation - 2022 - URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51505/> ;
6. Mara Jacobsone. Germany - Digital Strategy 2025 / National Strategies - 2022 - URL: <https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/actions/national-initiatives/national-strategies/germany-digital-strategy-2025> ;
7. Government of the Russian Federation: official website. – Moscow – 2023 // On ensuring scientific and technological development of the Russian Federation in order to achieve technological sovereignty // <http://council.gov.ru/activity/documents/143029/> ;
8. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: official website. – Moscow // The Government of Russia approved the Concept of Technological Development until 2030 // <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68378/> ;
9. Normative regulation at the federal level. – Moscow // Transition to domestic information systems in government bodies of the Novosibirsk Region // https://coiruk.nso.ru/sites/coiruk.nso.ru/wodby_files/files/document/2023/04/documents/1_2.pdf ;
10. Software registry. Official website // Unified register of Russian programs for electronic computers and databases // <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/> ;
11. Extracts from legislative and other regulatory legal acts governing the activities of providing public services // Extracts from legislative and other regulatory legal acts governing the activities of providing public services.

Правовая идентификация причин банкротства организаций жилищно-коммунального хозяйства

Васильева Ирина Викторовна

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», durova_irina.blg@mail.ru

В определении границ применения субсидиарной ответственности к руководителям профессиональных участников рынка жилищно-коммунальных услуг, а именно ресурсоснабжающих организаций, обслуживающих организаций и управляющих организаций в результате банкротства, указанных организаций, исследователи и правоприменители невольно сталкиваются с отсутствием формализации (упорядочивания) методик определения факта и даты, с которой начинается объективное банкротство. Отсутствие четких критериев определения неплатежеспособности должника, особенно с учетом особенностей хозяйственной деятельности должника затрудняет осуществление правоприменительной деятельности.

Автор изучает процесс правовой идентификации причин банкротства организаций в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее для удобства именуемые ПУР).

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, ресурсоснабжающая организация, управляющая компания, жилищное хозяйство, многоквартирный дом, регулирование, баланс, бухгалтерия.

Согласно данным, предоставляемым Правительством РФ, оборот рынка управления жилой недвижимостью в России ежегодно растет, указанному фактору способствует постоянное увеличение объемов ввода в эксплуатацию нового жилья.

Следует отметить особое социальное значение отрасли жилищно-коммунального хозяйства, усиливающую необходимость государственного регулирования и контроля. Качество отрасли создает соответствующее качество жизни населения, определяет социально-экономический потенциал территорий. Несмотря на многоотраслевой состав отрасль ЖКХ представляет собой неделимую систему, которая обеспечивает безопасную и качественную жизнедеятельность потребителя, функционирование социальной и жилищной инфраструктуры территорий.

При этом при анализе банкротных дел, возбуждаемых в отношении должников организаций, следует отметить достаточно большое количество организаций, задействованных в сфере жилищно-коммунального хозяйства в отношении которых подаются заявления о признании должника банкротом.

При проведении анализа факторов, влияющих на несостоятельность (банкротство) профессиональных участников рынка жилищно-коммунального хозяйства в России, где количество квадратных метров жилой недвижимости постоянно растет, так в только в 2023 году ввод жилья в эксплуатацию составил 110,44 миллионов кв. м, происходит достаточно активное переосмысление частноправовых аспектов определения даты объективного банкротства, а также роли и пределов вмешательства государства в эти отношения. ПУР в своей деятельности связаны с двусторонней связью его участников: первая связка обусловлена взаимодействием ПУР с потребителями услуг, которые зачастую не всегда являются благонадежными и своевременными плательщиками, что приводит к формированию и росту задолженности за коммунальные услуги. Вторая связка обусловлена требованиями по расчетам между Управляющими компаниями и поставщиками услуг, с которыми заключены договора, а также с собственниками сетей, а потому наличие дебиторской задолженности за коммунальные услуги время от времени приводит к проблемам с ликвидностью, создает значительный дисбаланс между дебиторской и кредиторской задолженностью.

Оценивая прежде всего удельный вес и значение разных факторов, которые влияют на весь процесс функционирования ПУР, следует отметить, что кредиторская задолженность ПУР обычно сочетается с наличием дебиторской задолженности за коммунальные и жилищные услуги, указанный фактор по-

стоянно приводит к временным сложностям с денежной ликвидностью ПУР. В связи с указанным фактором при формальном подходе к определению признаков несостоятельности ПРУ оказывается в состоянии неспособности удовлетворения требований кредиторов.

Очевидно, что неоплата коммунальных услуг со стороны потребителей может привести к серьезным последствиям, как для потребителей, так и для ПУР.

С одной из основных проблем, с которой сталкиваются ПУР, связана с нехваткой средств на покрытие себестоимости услуг, и, если потребители услуг не оплачивают счета в срок, это приводит к нехватке средств на текущие расходы и обслуживание. Здесь важно понимать продолжительность такого положения дел, от того, как долго ПУР не сможет покрывать текущие расходы зависит возможность начала процедуры банкротства, и как следствие, коммунальные службы будут вынуждены прекратить свою деятельность, а это может привести к проблемам с поставкой электроэнергии, газа и других ресурсов для жителей. При этом следует отметить, что действующие нормативно правовые акты, регулирующие рынок поставки коммунальных услуг, не допускают одностороннего отказа от поставки коммунальных услуг на социально значимые объекты, а по некоторым видам услуг таким как теплоснабжение недопустимо приостановление подачи коммунальных услуг в отопительный период.

Понимая сложность нестабильной работы ПУР ввиду внешних объективно-субъективных аспектов, которые нельзя не учитывать, стоит обратить внимание на момент, когда бесперебойная работа коммунальной инфраструктуры находится под угрозой и в этот момент действия отдельных лиц приобретают особую направленность и социально-ценностную значимость (добросовестность, разумность руководителя, оценка специалиста, оценивающего предпринимательские риски и т.д.), но не менее важной и необходимой, в период быстрого развития рынка управления жилой недвижимостью, является развитие законодательного регулирования. В сфере законодательства о несостоятельности (банкротстве) остро стоит вопрос о правовой определенности понятия "объективное банкротство".

Согласно статистике, всего руководители 15% организаций, осуществляющих деятельность в сфере жилищно-коммунального хозяйства, привлекаются судами к субсидиарной ответственности. Весь вопрос в том, что суды зачастую не усматривают признаков, по которым руководитель мог бы быть привлечен к ответственности, в частности не совершал неоправданных и рискованных сделок, соответственно, суды ссылаются на низкую платёжеспособность населения или другие смежные причины. Вопрос наступления момента объективного банкротства обсуждается не только в научном сообществе, но и является темой исследования судов. В частности, по делу N А23-6235/2015 Верховный суд РФ [3] поставил вопрос о проведении экспертизы, считая, что суды обладают эксклюзивным правом на решение правовых вопросов по делам о банкрот-

стве, а именно, в определении момента наступления объективного банкротства. В другом судебном решении (N А41-43465/2016 [7]) суд уточнил, что вопросы, которые ставятся перед экспертом для установления момента наступления объективного банкротства связаны не с правовой стороной вопроса, а с фактическими обстоятельствами, которые может проанализировать только эксперт, так как имеются некоторые экономические составляющие, требующие глубокого профессионального погружения, а потому недоступны для исследований юриста без экономических знаний.

Необходимость внесения изменений в Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве) в этом направлении обусловлена частыми случаями судебных ошибок и неопределенностей в арбитражной практике, особенно в отношении организаций, функционирующих в системе ЖКХ. "Объективное банкротство" – это состояние предприятия, при котором оно уже не способно выполнять свои финансовые обязательства перед кредиторами. Признаки объективного банкротства могут быть различными, например, несоответствие активов долгам, неспособность генерировать достаточный денежный поток, отсутствие возможности погасить задолженность даже при реализации имущества и т.д. Ключевой проблемой является отсутствие четких критериев, определяющих момент наступления объективного банкротства. В настоящее время законодательство не дает однозначного ответа на вопрос, когда именно организация считается объективно банкротом. Это приводит к различным интерпретациям со стороны судов, что, в свою очередь, порождает правовую неопределенность и увеличивает риск судебных ошибок. Особую актуальность вопрос правовой определенности "объективного банкротства" приобретает для организаций ЖКХ. Данные предприятия играют важную социальную роль, обеспечивая население водой, электроэнергией, теплом и другими коммунальными услугами. В случае банкротства таких организаций возникает угроза для устойчивого функционирования всей системы ЖКХ, что может привести к серьезным социальным последствиям. В этой связи законодатель должен уделить пристальное внимание конкретизации порядка определения даты объективного банкротства, особенно в отношении организаций ЖКХ. Необходимо разработать четкие критерии, позволяющие однозначно установить момент наступления объективного банкротства. Это может быть достигнуто путем установления предельного размера задолженности, превышение которого свидетельствует о банкротстве, или путем введения обязательного аудита финансового состояния предприятий ЖКХ с целью ранней диагностики и предупреждения банкротства. Внедрение таких мер позволит повысить правовую определенность понятия "объективное банкротство", исключить возможность субъективных оценок со стороны судов, обеспечить стабильность и предсказуемость в правоприменительной практике, а также минимизировать риск социальных потрясений в случае банкротства предприятий ЖКХ. Кроме того, необходимо разработать механизмы, позволяющие

обеспечить более раннее вмешательство в деятельность организаций ЖКХ, находящихся на грани банкротства. В этом контексте стоит рассмотреть возможность внедрения системы раннего предупреждения банкротства, которая позволит выявить признаки финансовых проблем на ранней стадии и принять своевременные меры для их устранения. Это позволит предотвратить развитие кризисной ситуации и сохранить жизнеспособность предприятий ЖКХ. В целом, повышение правовой определенности понятия "объективное банкротство", особенно в отношении организаций ЖКХ, является важнейшей задачей законодателя. Только четкие и однозначные критерии, а также своевременные меры по предупреждению банкротства позволят обеспечить стабильное функционирование системы ЖКХ и избежать негативных последствий для населения.

Понимая, что ряд исследуемых организаций являются субъектами естественной монополии, в данном случае это крупные ресурсоснабжающие организации, поставщики тепла, электроэнергии, воды и т.д. следует обратить внимание на основные факторы объективного банкротства именно организаций, обладающих естественной монополией, выделив критерии для четкого понимания их платежеспособности или ее отсутствия. Справедливо заметить, что данная сфера является социально значимой и требует внимательного рассмотрения для защиты общественных интересов на правовом уровне.

Процесс банкротства организаций, относящихся к естественным монополиям, включая большинство поставщиков ресурсов, подчиняется общим правилам Закона о несостоятельности и банкротстве, однако с определенными особенностями для субъектов естественной монополии, которые прописаны в Законе о естественных монополиях. К таким видам деятельности отнесены передача электроэнергии и тепла, водоснабжение и водоотведение с использованием централизованных сетей и коммунальной инфраструктуры.

Сегодня государство должно активное внимание обращать на банкротство ресурсоснабжающих организаций, ввиду их социальной значимости, в качестве субъектов естественных монополий, и это является важным фактором, в том числе при определении особенностей хозяйственной деятельности указанных организаций, а также дачи оценки понятию разумности действий контролирующих лиц должника.

На сайте ФАС России размещены реестры субъектов естественных монополий, что означает, что РСО, размещенная в перечне, имеет статус субъекта естественной монополии. Тем не менее, весь законодательный массив, касающийся субъектов естественных монополий: ни нормативный акт о естественных монополиях, ни законы о банкротстве не придают статусу субъекта естественной монополии значение только исходя того перечня субъектов, который прописан в Реестре. Все дело в том, что данный Реестр был первоначально создан с целью обеспечения государственных интересов, по-

этому он не может служить основанием для отнесения организации к субъекту естественной монополии.

Предпосылками, обуславливающими ситуацию, когда субъект естественных монополий не может исполнять свои обязательства перед кредиторами считается факт задолженности более одного миллиона рублей при просрочке более шести месяцев.

Учитывая, что человеческие ресурсы имеют приоритетное значение в любых отношениях, Арбитражный суд при задолженности по выходным пособиям, а также по заработной плате работников организаций ЖКХ, может сам инициировать процедуру банкротства, при условии, что сумма задолженности перед работниками составляет не менее 3 млн. руб.

При этом, важно, в качестве юридического факта иметь доказательства, отражаемые в исполнительных документах в отношении должника, которые подтверждают невозможность взыскания на имущество должника.

Данные правила отличаются от общих норм, регулирующих признаки банкротства юридического лица, не имеющего статуса субъекта естественной монополии, по общим правилам организация неспособна удовлетворить требований кредитора при наличии задолженности свыше 300 000 рублей и просрочке исполнения обязательства 3 месяцев, при этом отсутствует необходимость возбуждения исполнительного производства.

Процедура банкротства может быть заявлена как самим руководителем ПУР, так и кредитором, в первом и втором случае различаются правила подачи заявления о банкротстве. В случае, если инициатором является сам руководитель - рассматриваются мотивы, заставляющие должника обратиться за банкротством (в соответствии со статьей 9 Закона о банкротстве), а предварительное исполнительное производство, как в иных случаях, не требуется.

В ходе проведения процедуры банкротства важная роль отводится кредиторам, которыми в общем порядке может быть принято решение о прекращении хозяйственной деятельности должника, если, по их оценке, риск дополнительных расходов из конкурсной массы на текущие затраты может возрасти. Ранее, при решении вопроса распределения среди кредиторов конкурсной массы стояла задача пропорционального распределения [9]. А в целях достижения баланса интересов всех лиц в ходе банкротства после принятия судебных решений Конституционным судом РФ, было разъяснено, как должны быть оплачены и какие платежи должны быть в первую очередь перед прочими долгами, включая текущие платежи [9].

Учитывая специфику деятельности субъектов естественной монополии, а именно, область, в которой задействованы социально значимые интересы, а также вопросы безопасности жизнедеятельности, существуют определенные требования в случае продажи активов ресурсоснабжающих организаций – имущество должника выставляется на аукцион как

один лот, тем самым, защищая интересы потребителей коммунальных услуг и общественные интересы.

Государство, в лице своих органов, имеет приоритетное право покупки такого объекта (п.4 ст. 201 Закона о банкротстве) однако в случае, если все-таки покупателем является не государственный орган, покупатель должен быть осведомлен, что договор купли-продажи включает в себя не только активы, но и долги по тем договорам поставки, которые были заключены ресурсоснабжающей организацией ранее, до начала процедуры банкротства.

Если взглянуть на вопрос банкротства ресурсоснабжающих организация с позиций эффективно выбранных антикризисных стратегий управления, которые должны быть направлены на защиту интересов потребителей с возможностью принятия мер по адаптации организации, следует заострить внимание на требованиях, предъявляемых к арбитражному управляющему именно в сфере снабжения и обслуживания, ведь специфичность деятельности накладывает необходимость понимания содержательной сути всех происходящих процессов, которые могут быть получены исключительно в рамках дополнительного образования.

Таким образом, важно уделить внимание вопросу квалификации и опыта арбитражных управляющих, работающих с делами о банкротстве ПУР, чтобы обеспечить эффективное антикризисное управление и защиту интересов потребителей в переходный период времени. Возможность введения дополнительных требований к арбитражному управляющему, учитывая специфику отрасли и социальную значимость данного процесса возможно внесло бы некоторые изменения в вопросах эффективности ведения дел о банкротстве профессиональных участников рынка ЖКХ.

Формируя представление о дате наступления объективного банкротства, следует обратиться к реальным процессам и явлениям, предшествующим данному факту, с целью конструирования моментов, которые можно назвать ключевыми для предприятия ЖКХ, после которого руководитель должника обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве. Эффективное законодательство складывается из системы правовых норм, регулирующих правообразующие банкротство факторы. В исследуемой тематике таким фактом является неспособность организации в полном объеме удовлетворить требования кредиторов из-за снижения стоимости активов.

Следует отметить, что само понятие объективного банкротства, а также четко сформулированной в законодательстве методики определения момента его наступления, на сегодняшний день не имеется. Признание факта снижения стоимости активов организации является условием для того, чтобы понимать - превышает ли совокупный размер обязательств над реальной, то есть рыночной стоимостью активов, или нет.

Тем самым, можно считать, что сам момент наступления объективного банкротства законода-

тельно не сформулирован, а потому сложно моделировать какие-либо факты, основываясь исключительно на правоприменительной практике, учитывая, что каждое рассматриваемое дело уникально и имеет свои особенности, все это вынужденно приводит к проведению комиссионной экспертизы, цель которой исключить разногласия между спорящими сторонами. Результаты экспертного исследования зачастую определяют возможность привлечения руководителя организации к субсидиарной ответственности.

В деле о признании должника банкротом, находящееся в производстве Арбитражного суда Амурской области (Дело № 3097/2017) в отношении «Райчихинская управляющая компания» согласно Определению суда от 15.10.2020 возникло разногласие по результатам экспертизы, в результате чего производство экспертизы было поручено аудитором ЗАО «Амурский дом аудита» [5].

В результате рассмотрения было установлено, что применение только арифметических подсчетов чистых активов без учета фактического, действительного экономического смысла хозяйственной деятельности должника не позволяет учесть (ответить) на вопрос о моменте наступления объективного банкротства.

Процесс наступления фактически момента, когда неминуемо приближается банкротство это сфера динамического взаимодействия многочисленных сфер, в данном случае это экономическая и правовая сфера.

В ходе этого взаимодействия в экономическом разрезе для определения факта объективного банкротства применяется Методика [5] расчета стоимости чистых активов (определяется разность между величиной принимаемых к расчету активов организации ЖКХ и величиной принимаемых к расчету обязательств той же организации), с юридической стороны возникает такое состояние организации – объективного банкротства, описанное в пункте 4 Постановления Пленума № 53 [10], когда требования кредиторов не могут быть выполнены в полном объеме, так как в описанном выше состоянии организации сумма ее обязательств превышает реальную (рыночную) стоимость его активов.

Итак, правовое рассмотрение дел о банкротстве неминуемо приводит к необходимости определения момента наступления объективных обстоятельств, свидетельствующих о банкротстве, является ли данное банкротство объективным или же нет.

Правовое регулирование, стремящееся к повышению эффективности в делах об установлении даты объективного банкротства, должно базироваться на прозрачных обстоятельствах и условиях, которые приводят к объективному банкротству. Такие обстоятельства вряд ли может анализировать простой обыватель, а потому, наше предложение заключается в создании централизованного реестра специалистов с необходимыми навыками. Закрепление данного положения на законодательном уровне наделит экспертов полномочиями для про-

ведения подобных исследований в контексте разбирательств, связанных с привлечением к субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Государство могло бы через поручение Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии в ведении этого реестра, воплотить в закон сложившуюся практику, который бы выступил в роли контрольного (надзорного) органа в делах о банкротстве.

Дифференцированные критерии, которые лягут в основу решения экспертов о наличии или отсутствии наступления объективного банкротства, помогут выявить истинные причины и установить четко факт и время возникновения объективного банкротства в каждом конкретном случае

Основная часть законодательного массива в области вопросов банкротства отличается формализмом, что свидетельствует об общем порядке банкротства, а это недопустимо в случаях, когда речь идет о банкротстве ПУР. Ведь в случае принятия решения о банкротстве должна учитываться специфика хозяйственной деятельности, в рассматриваемом случае, речь идет о специфике как субъектов естественных монополий, так и специфики деятельности управляющих компаний, которые фактически выступают в роли посредника между потребителем и ресурсоснабжающими организациями, при этом наращивание задолженности населения происходит именно перед управляющей компанией, которая в свою очередь связана действующими нормативно-правовыми актами, и обязана обеспечивать непрерывную подачу коммунальных и жилищных услуг населению.

Важно учитывать, что деятельность ПУР нельзя рассматривать автономно от социальных и экономических процессов, происходящих в обществе, следует учитывать государственную политику, проводимую властями: при установлении цен, при введении запрета на самовольное закрытие или прекращение работы, при особом контроле за совершением крупных сделок. Поэтому анализ деятельности ПУР должен быть полным, всесторонним и исчерпывающим. Вместе с тем в тех случаях, когда деятельность должника направлена, помимо прочего, на решение социально значимых задач, связанных с организацией снабжения потребителей коммунальными ресурсами, фактически имеет место смешение частных и публичных отношений, имеющих принципиально разную правовую природу: коммерческая организация, чье правовое положение определяется нормами гражданского (частного) права, которая подчинена генеральной цели, направленной на извлечение прибыли, имеющая органы с самостоятельной компетенцией и обладающие широкой дискрецией при принятии управленческих решений, подчиненных упомянутой генеральной цели, и наличие в то же время у общества публичной цели, социального результата - обеспечения потребителей коммунальными ресурсами.

В отношении управляющих компаний, с момента заключения такой организацией договора на управление многоквартирным жилым домом, у нее появляется обязательство по заключению договоров на

поставку ресурсов с ресурсоснабжающими компаниями, в указанных отношениях деятельность управляющей компании носит посреднический характер, денежные средства получаемые от потребителей за потребление ресурсы являются целевыми и не являются собственностью управляющей компании. Управляющая компания не может производить какие-либо наценки, увеличения тарифов при сборе денежных средств с населения за коммунальный ресурс. Но при этом в силу заключенных договоров с поставщиком ресурса, управляющая компания принимает на себя обязательства по оплате в рамках принятых на себя обязательств. Задолженность по исполнению указанных обязательств зачастую приводит к возникновению признаков несостоятельности управляющей компании. При этом с точки зрения правовой принадлежности денежные средства, поступающие за ресурсы, не являются собственностью управляющей компании. Но несмотря на указанные обстоятельства при проведении процедуры банкротства суды рассматривают задолженность населения за ресурс как актив должника, такая задолженность может быть реализована в рамках конкурсного производства, за счет нее удовлетворяются требования конкурсных кредиторов и текущие расходы. Таким образом отсутствие специального нормативно-правового регулирования при формировании конкурсной массы управляющих компаний, затрагивает интересы поставщиков ресурсов и собственников сетей. При определении даты объективного банкротства суды также учитывают размер кредиторской задолженности перед поставщиками ресурса, хотя как указано выше управляющая компания в данных правоотношениях имеет только посредническую функцию, а деятельность управляющей компании в данной части лежит скорее в плоскости публичных правоотношений.

Ввиду этих обстоятельств Законодательным собранием Санкт-Петербурга в 2023 году был внесен законопроект № 395351-8 [2], в котором предполагалось ужесточить критерии для возбуждения дел о банкротстве управляющих МКД и РСО, а руководителей этих предприятий освободить от риска привлечения к субсидиарной ответственности за несвоевременное инициирование дела о несостоятельности. Данный законопроект не нашел поддержки и был отклонен в Госдуме РФ.

Выражение "объективное банкротство" не имеет законодательного закрепления и стало популярным при привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника после принятия Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 N 309-ЭС17-1801 по делу N А50-5458/2015 [4].

В настоящее время суды связывают момент наступления объективного банкротства с критическим моментом, в который должник **«из-за снижения стоимости чистых активов будет неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей»**, то есть продолжение хозяй-

ственной деятельности организации должника безусловно приведет к причинению убытков кредиторам, а план руководителя по выходу из кризиса, не соответствует экономически обоснованным действиям.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве", отмечается значимость реальной стоимости активов организации, за счет которых в полной мере невозможно удовлетворить требования кредиторов организации, а также произвести оплату обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера кредиторской задолженности организации над реальной стоимостью его активов предприятия.

Для наглядности рассматриваемые основания – привязки в делах о банкротстве, рассмотренные судами, представлены в таблице ниже.

Таблица 1
Основания привязки в делах о банкротстве, рассмотренные судами. [составлено автором]

Название документа	Привязка при рассмотрении дел о банкротстве
Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июля 2017 года N 309-ЭС17-1801 по делу N А50-5458/2015	снижение стоимости чистых активов – привязка к бухгалтерской стоимости активов.
Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве"	превышение совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов – привязка к реальной стоимости активов

Проводя оценку бухгалтерского баланса ПУР стоит учитывать, что его можно анализировать как с позиции качества на текущем этапе, так и в динамике. В первом случае в расчет берутся 1) чистые активы, 2) коэффициент автономии (норма: 0,5 и более), 3) коэффициент текущей ликвидности (норма: 1,5-2 и выше), так как сложно добиться реальной картины стоимости активов организации при рассмотрении дел о банкротстве ПУР (показатели могут существенно отличаться от реальных как в сторону превышения, так и наоборот).

Во втором случае, если судить об изменении финансовых результатов РСО за несколько последних лет в динамике (положительной или отрицательной) можно по следующим показателям: 1) EBIT - прибыль до вычета налога на прибыль и начисленных процентов по кредитам. То есть этот показатель не учитывает амортизацию по основным средствам и нематериальным активам, 2) рентабельность продаж (прибыли от продаж в каждом рубле выручки); 3) рентабельность собственного капитала (ROE); 4) рентабельность активов (ROA).

Изучая вопросы объективного банкротства ПУР с позиции генетического подхода, необходимо произвести поиск его частно-правовых аспектов, социальных оснований при определении даты объективного

банкротства, исходя из того, что следует брать за основу функциональной системы интеракции (взаимодействия) субъектов, определяя предмет взаимных претензий и дату (некая отправная точка), начиная с которой начинается ухудшение финансовых показателей деятельности организации.

При отсутствии четких правовых критериев для определения даты объективного банкротства Арбитражные суды сталкиваются со сложностями в рассмотрении подобных категорий дел, проводят судебно-бухгалтерские экспертизы (порой в сопровождении с уголовными делами).

Согласно мнению ряда исследователей, рассматриваемая тема пересекает области права и экономики. Как верно замечает А.З. Бобылева в своих исследованиях, что предполагаемая цель, а также взаимные действия субъектов на стыке экономики и права предполагает использование финансово-экономических инструментов, направленных на создание концепции и методического подхода для определения объективного банкротства.

Следует согласиться с мнением А.А.Прокофьева, что при отсутствии четких границ в определении понятия «объективное банкротство» Верховный Суд РФ ставит перед арбитражными судами задачу не только рассмотрения юридической стороны дела, но и осмысления управленческих и финансовых аспектов деятельности компаний ("честный и здравомыслящий руководитель", "стандартные управленческие практики", "разумный период" и "максимальные усилия для преодоления временных финансовых затруднений", "экономически обоснованный план" и т.д.), что изначально неверно, так как судья не может иметь узкоспециализированные знания [12, с.83].

Исходя из анализа практики (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 января 2021 года по делу № А04-6843/2015) суд может установить дату объективного банкротства не только исходя из результатов судебных экспертиз, но и на основании анализа финансового положения должника, проведенного конкурсным управляющим, а также изучения бухгалтерской документации должника [1].

Судом первой инстанции по рассмотренному выше делу (Определение Арбитражного суда Амурской области от 31 июля 2023 (Дело №А04-3097/2017)) руководитель должника привлечен к субсидиарной ответственности. Судом неверно определен момент объективного банкротства организации и не учтены особенности хозяйственной деятельности должника. В последующем указанное определение отменено Арбитражным судом кассационной инстанции, дело направлено на новое рассмотрение.

В данном определении судом не было учтено, что для решения вопроса о привлечении бывшего директора к ответственности за неподачу заявления о банкротстве имеет важное значение определение момента, когда у него возникла обязанность подать такое заявление, то есть социально-правовой механизм обратной связи работает без четкой установки,

так как момент возникновения этой обязанности ставится от субъективной оценки самого руководителя, а именно, когда руководитель осознал серьезность ситуации, явно указывающей на невозможность осуществления нормальной хозяйственной деятельности без негативных последствий для должника и его кредиторов.

Принято считать, что руководитель организации, осуществляющий хозяйственную деятельность, должен стратегически продумать действия, для минимизации рисков, которые могут привести к банкротству. В организациях, осуществляющих деятельность в сфере жилищного хозяйствования сложно применить данный конструкт, как нам кажется, по причине того, что платёжеспособность населения, как причина, мало зависит от руководителя. Безусловно, что кроме этой причины есть и другие критические моменты, которые руководитель жилищно-коммунальной организации должен предусмотреть и предпринять все действия для выведения организации от негативных последствий для обеих сторон, то есть как для должника и для кредитора.

В данном случае идея ответственности руководителя напрямую связана с моментом, когда руководитель обязан подать заявление и субъективной оценкой руководителя о критичности момента касательно долговых обязательств.

Учитывая, что деятельность организаций разной направленности нельзя обобщать, ввиду их индивидуальных особенностей, при рассмотрении такого рода заявлений следует обращать внимание на специфику деятельности, ведь в каких-то случаях финансовые трудности явно критичные, в других могут представлять всего лишь временные трудности, ввиду некоторых обстоятельств, складывающихся в определенной сфере хозяйствования.

В результате исследования можно резюмировать, что вопрос наступления момента объективного банкротства нельзя во всех случаях однозначно считать сопряженной с датой возникновения долговых обязательств, ведь в некоторых случаях можно говорить о временных финансовых затруднениях должника, когда стоимость активов компании превышает задолженность. Однако, не всегда данный факт свидетельствует о необходимости начала процедуры банкротства. В подобных ситуациях важно учитывать специфику компании и предпринимать шаги для улучшения финансового состояния.

Дату объективного банкротства недопустимо приравнивать к дате, когда размер обязательств формально или на короткое время превысил объем активов. Факт разового и даже неоднократного превышения обязательств над активами может говорить о сезонности, временных сложностях в деятельности должника. Данные обстоятельства позволяют принять необходимые меры по улучшению его финансового состояния, указанная позиция выражена в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 ноября 2021 года по делу № А19-25993/2018.

При этом объективное банкротство подразумевает именно стабильную неспособность должника

удовлетворить требования кредиторов в будущем, а не на отдельно взятом этапе или отрезке времени.

Для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица следует установить наличие причинно-следственной связи между его действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством организации, при этом такие действия должны явиться непосредственной и необходимой причиной банкротства, а ухудшение финансового положения организации в результате таких действий должно являться существенным.

Более того, Верховным Судом РФ сформулирована четкая правовая позиция в определении от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837 о том, что неплатежеспособность организации, с точки зрения законодательства о банкротстве, является именно юридической категорией, определение наличия которой относится к исключительной прерогативе и компетенции судов, равно как и иные значимые юридические категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и пр. При этом суды часто разрешают вопрос определения даты объективного банкротства исходя исключительно из результатов судебной бухгалтерской экспертизы.

Исходя из положений арбитражного процессуального законодательства при проведении судебной экспертизы перед экспертом может быть поставлен только вопрос установления факта (в данном случае например, оценка финансового состояния должника), в то время как установление в ходе судебного процесса признаков неплатежеспособности относится исключительно к вопросам права, соответственно подход к определению неплатежеспособности должника (объективного банкротства) исключительно на основании заключения судебной экспертизы является неверным: данный вопрос относится к правовой оценке обстоятельств дела и не может быть передан на разрешение эксперта, поскольку оценка указанных обстоятельств относится к исключительной прерогативе суда.

Большинство судебных решений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности связаны с отрицательными показателями в финансовой отчетности должника в определенные периоды. Судами не всегда учитывается, что периоды снижения ликвидности в бухгалтерском балансе могут быть связаны именно со спецификой самой деятельности организации, судами зачастую не исследуются и не оцениваются причины возникновения временных трудностей с ликвидностью, не принимается во внимание особенности посреднического положения управляющих компаний в отношении поставки коммунальных ресурсов. Более того в таких судебных актах не проводится анализ действий руководителя, его усилий по преодолению финансовых затруднений и соответствия стандартам управленческой практики. Да и сложно провести подобный анализ в отсутствии попросту методики проведения анализа объективного банкротства и стандартов управленческой деятельности, которые бы свидетельствовали о недобросовестности и неразумности руководителя ПУР.

Литература

1. Дело № А04-6843/2015 между ООО "Электрик" и ООО "Городская управляющая компания"(303-ЭС21-12895 |Ф03-5316/2020 |Ф03-4766/2020 |Ф03-3960/2020 |Ф03-1983/2017 |06АП-4822/2020 |06АП-291/2017 |06АП-4595/2016 |06АП-1295/2016 |А04-6843/2015 |о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан) // <https://kad.arbitr.ru/PrintCard/b313e4a5-2b02-4856-a641-c83acedf2888> (дата обращения 01.09.2024)

2. Законопроект № 395351-8 О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" // https://sozd.duma.gov.ru/bill/395351-8#bh_note (Дата обращения: 26.08.2024)

3. Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 № 310-ЭС20-7837 по делу № А23-6235/2015 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082020-n-310-es20-7837-po-delu-n-a23-62352015/> (Дата обращения: 26.08.2024)

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 N 309-ЭС17-1801 по делу N А50-5458/2015 // СПС Консультант Плюс : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506988&dst=100002#0qAeTNUpb11vFEE5> (дата обращения 03.09.2024)

5. Определению Арбитражного суда Амурской области от 15.10.2020 по делу А 04-3097/2017 // СПС Консультант Плюс (дата обращения 29.08.2024)

6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 января 2021 года по делу № А04-6843/2015 // СПС Консультант Плюс

7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2018 года по делу № А41-43465/2016 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/k5TKf4admJ5a/> (Дата обращения: 26.08.2024)

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 N 4-П "По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой публичного акционерного общества "Т Плюс" // Российская газета. – 2022. - N 30.

9. Постановление от 12 марта 2001 г. № 4-П, Определение от 28 февраля 2017 г. № 364-О // СПС Консультант Плюс

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" // Российская газета. – 2017. - N 297.

11. Приказ Минфина России от 28.08.2014 N 84н (ред. от 24.05.2023) "Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов" (Зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2014 N 34299) // Российская газета. – 2014. - N 24

12. Прокофьев, А. А. Граница компетенции судьи при разрешении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц / А. А. Прокофьев // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 1. – С. 83-89

Legal identification of the causes of bankruptcy of housing and communal services organizations Vasilyeva I.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

In determining the boundaries of the application of subsidiary liability to the heads of professional participants in the housing and communal services market, namely resource-supplying organizations, service organizations and management organizations as a result of bankruptcy of these organizations, researchers and law enforcement officers involuntarily face the lack of formalization (ordering) of methods for determining the fact and date from which objective bankruptcy begins. The lack of clear criteria for determining the debtor's insolvency, especially taking into account the specifics of the debtor's business activities, makes it difficult to carry out law enforcement activities.

The author studies the process of legal identification of the causes of bankruptcy of organizations in the field of housing and communal services (hereinafter referred to as RMP for convenience).

Keywords: bankruptcy, insolvency, resource supplying, organization, management company, housing, economy, multi-apartment, house, regulation, balance sheet, accounting.

References

1. Case No. А04-6843/2015 between ООО Elektrik and ООО Gorodskaya Upravlyayushchaya Kompaniya (303-ES21-12895 | F03-5316/2020 | F03-4766/2020 | F03-3960/2020 | F03-1983/2017 | 06AP-4822/2020 | 06AP-291/2017 | 06AP-4595/2016 | 06AP-1295/2016 | А04-6843/2015 | on insolvency (bankruptcy) of organizations and individuals) // <https://kad.arbitr.ru/PrintCard/b313e4a5-2b02-4856-a641-c83acedf2888> (date of access 09/01/2024)
2. Bill No. 395351-8 On Amendments to the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // https://sozd.duma.gov.ru/bill/395351-8#bh_note (date of access: 08/26/2024)
3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/03/2020 No. 310-ES20-7837 in case No. А23-6235/2015 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082020-n-310-es20-7837-po-delu-n-a23-62352015/> (date of access: 26.08.2024)
4. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.07.2017 N 309-ES17-1801 in case N А50-5458/2015 // СПС Консультант Плюс: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506988&dst=100002#0qAeTNUpb11vFEE5> (date of access 03.09.2024)
5. Determination of the Arbitration Court of the Amur Region dated 15.10.2020 in case А 04-3097/2017 // СПС Консультант Плюс (date of access 29.08.2024)
6. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 11, 2021 in case No. А04-6843/2015 // СПС Консультант Плюс
7. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated January 25, 2018 in case No. А41-43465/2016 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/k5TKf4admJ5a/> (Accessed: 08/26/2024)
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/01/2022 N 4-П "On the case of verifying the constitutionality of the second paragraph of clause 1 of Article 134 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with the complaint of public joint-stock company "Т Плюс" // Rossiyskaya Gazeta. – 2022. - N 30.
9. Resolution of March 12, 2001 N 4-П, Definition of February 28, 2017 N 364-О // СПС Консультант Плюс

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 N 53 "On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy" // Rossiyskaya Gazeta. – 2017. - N 297.
11. Order of the Ministry of Finance of Russia dated August 28, 2014 N 84n (as amended on May 24, 2023) "On approval of the Procedure for determining the value of net assets" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on October 14, 2014 N 34299) // Rossiyskaya Gazeta. – 2014. - N 24
12. Prokofiev, A. A. The Limit of the Judge's Competence in Resolving the Issue of Bringing to Subsidiary Liability Persons Controlling the Debtor / A. A. Prokofiev // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2020. – No. 1. – P. 83-89

Зеленая сделка ЕС: содержание и проблемы реализации в современных условиях

Меджидов Мурат Манатович

аспирант, МГИМО (У) МИД России, medzidov1999@gmail.com

В данной статье рассматривается содержание и проблемы реализации «Зеленой сделки» Европейского Союза, направленной на достижение климатической нейтральности и устойчивого развития экономики. Особое внимание уделяется анализу основных инициатив, таких как сокращение выбросов парниковых газов, переход на возобновляемые источники энергии, внедрение циркулярной экономики и защита экосистем. Также обсуждаются возникающие сложности, связанные с санкционной политикой, пандемией и конкурентным давлением со стороны США и Китая. В статье анализируются финансовые, технические и социальные барьеры, препятствующие успешной реализации «Зеленой сделки», а также предлагаются возможные пути их преодоления. **Ключевые слова:** «Зеленая сделка», климатическая нейтральность, возобновляемые источники энергии, циркулярная экономика, углеродные выбросы, экологическая безопасность, международное сотрудничество, санкции, пандемия, конкурентоспособность, финансирование.

В декабре 2019 года Европейская комиссия представила программу «Зеленая сделка» — масштабную инициативу, направленную на кардинальное изменение подхода к экономическому развитию Европейского союза с акцентом на экологическую устойчивость. Основная цель этой стратегии заключается в достижении климатической нейтральности к 2050 году, подразумевая под собой значительное сокращение выбросов парниковых газов и активное продвижение экологически чистых технологий. При этом, переход к новой модели экономики рассматривается как возможность для стимулирования промышленного роста и привлечения инвестиций в научные исследования в области экологии.

«Зеленая сделка» является не просто экологической инициативой, а скорее широкомасштабную трансформацию всей экономической и энергетической структуры Европы. Основная задача данного плана заключается в создании новой парадигмы потребления и производства, ориентированной на устойчивое развитие, что подразумевает полную реформу энергетического сектора, делая Зеленую сделку одним из основополагающих элементов политической повестки дня Европейского союза. Важность этого проекта выходит за рамки внутренней политики ЕС и оказывает влияние на его отношения с соседними странами, что, в свою очередь, способно изменить глобальные политические приоритеты и может повлечь за собой ряд проблем, вызывая опасения уже сейчас [1]. Сложности связаны с тем, что влияние «Зеленой сделки» затронет изменение энергетического баланса внутри ЕС, а на глобальных рынках, коснется стран-соседей, занимающихся добычей нефти и газа, что отразится на энергетической безопасности Европы. Вместе с тем, реализация механизма трансграничных углеродных корректировок может изменить глобальные торговые отношения, что потенциально негативно скажется на экономике стран-партнеров.

Переходя к анализу содержания «Зеленой сделки», выделим ряд основных инициатив в рамках принятого пакета, а также изучим возникающие в связи с ними проблемы.

Первая анализируемая инициатива касается сокращения выбросов парниковых газов. Цель состоит в том, чтобы снизить выбросы парниковых газов в ЕС на 55% к 2030 году (по сравнению с уровнями 1990 года) и достичь нулевого уровня выбросов к 2050 году. Для реализации этих целей каждое государство ЕС обязано разработать и придерживаться национальных энергетических и климатических планов на период 2021–2030 годов (National Energy and Climate Plans — NECPs). Данные планы подразумевают детализированные меры, в частности сокращение зависимости от ископаемых видов

топлива и улучшение энергоэффективности национальных экономик на 36–41% [2].

Текущие реформы, находящиеся в процессе разработки, предполагают значительное влияние на действующую систему контроля и регулирования выбросов парниковых газов в ЕС (EU ETS), которая охватывает около 40% выбросов парниковых газов (GHG) в экономике. Планируется ужесточение квот на выбросы для предприятий, увеличение стоимости единицы выбросов (European Union Allowances, EUA) и возможное введение минимальных цен, которые будут независимы от колебаний рынка. Кроме того, предусматривается значительное сокращение доли бесплатных квот (free allowances), предоставляемых предприятиям, что направлено на повышение их конкурентоспособности и предотвращение переноса производства в регионы с менее строгими экологическими нормами, а также на предотвращение замещения европейских товаров более дешевым и менее экологичным импортом — явление, известное как «углеродная утечка» (carbon leakage).

Европейская комиссия также намерена расширить действие системы EU ETS на новые сектора экономики, в том числе морские и воздушные перевозки, наземный транспорт и строительную технику [3]. Подобные изменения, несомненно, окажут значительное влияние на внутренний рынок ЕС, а также на его внешнеэкономические связи, вызывая трансграничные последствия за пределами союза.

Среди прочего, важной задачей отмечается снижение выбросов в транспортном секторе, затрагивая развитие электрического транспорта, улучшение инфраструктуры для общественного транспорта и стимулирование использования низкоуглеродных видов топлива [4]. ЕС поддерживает переход промышленности к более экологичным технологиям, поощряя инновации и исследовательские проекты в области чистых технологий.

Тем не менее в планируемой мере представлен ряд рисков. Очевидно, что внедрение новых правил по регулированию выбросов парниковых газов (GHG) создаст значительные финансовые нагрузки для бизнеса. Подобные затраты будут выражаться и в увеличении расходов на оплату квот за выбросы, и в снижении доступности финансовых ресурсов для энергоемких предприятий. Указанная проблема затруднит их способность инвестировать в разработку и внедрение новых технологий, которые либо еще не существуют, либо требуют значительных капитальных вложений на данном этапе. В частности, ирландские фермеры выражают обеспокоенность, что для достижения поставленных целей может потребоваться значительное сокращение численности скота, что нанесет вред бизнесу. В свою очередь, рабочие в Чехии выражают тревогу по поводу того, что зеленый переход может потребовать от них необходимости осваивать новые навыки применительно к измененным производственным процессам, что может оказаться нелегким и дорогостоящим. Однако, в зеленой стратегии указывается, что переход к зеленой экономике должен быть справедливым и инклюзивным. Под этим подразумевается

защита рабочих мест, создание новых возможностей для занятости и обеспечение социального равенства. Однако конкретных мер по охране прав рабочих и защите бизнеса не предусмотрено.

Кроме того, по собственным оценкам, Европа уже сейчас не укладывается в установленные сроки, касающиеся сокращения выбросов вредных веществ на 55% к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года. Однако Брюссель не намерен отступать от поставленной задачи и даже предложил новую промежуточную цель — добиться сокращения выбросов на 90% к 2040 году [5].

Таким образом, на практике достижение полной декарбонизации экономики ЕС не подразумевает абсолютного сокращения всех выбросов до нуля, так как это фактически невозможно. Вместо этого ЕС стремится к значительному уменьшению выбросов парниковых газов, особенно в энергетическом секторе и тяжелой промышленности, где планируется снижение выбросов на 80–95%. Для достижения этих целей используется технология улавливания, хранения и переработки углекислого газа (CCUS — carbon capture, utilisation, and storage). Оставшиеся неизбежные выбросы компенсируются посредством других мер, таких как озеленение, инвестиции в возобновляемые источники энергии и другие экологические инициативы, о чем пойдет речь далее, ведь в совокупности приведенные меры позволят достичь так называемых «нулевых чистых выбросов углекислого газа» (net-zero carbon dioxide emissions).

Второй инициативой выступает переход к возобновляемым источникам энергии. Согласно Европейской стратегии по развитию водородных технологий (EU Hydrogen Strategy), основное внимание уделяется продвижению производства и использования «зеленого водорода» — водорода, который генерируется путем электролиза воды с использованием электроэнергии из возобновляемых источников. В рамках этого плана, ЕС намерен создать до 40 ГВт мощностей для электролиза и обеспечить производство до 10 миллиона тонн к 2030 году [6]. Перечисленные усилия нацелены на внедрение водородных технологий в энергоемкие отрасли, такие как производство стали и транспортный сектор. К 2050 году планируется достичь такого уровня развития «зеленого водорода», который позволит его масштабное использование в секторах экономики с наиболее высоким уровнем выбросов углерода. Таким образом, планируется значительное повышение доли возобновляемых источников энергии до 38–40%, что превышает как минимум на 6% текущие показатели.

Проблемами ввиду обозначенной цели могут стать технические и экономические трудности, связанные с быстрым переходом значительных частей экономики на водородное топливо. В связи с этим, в период с 2024 по 2030 годы, значительная роль отводится «низкоуглеродному водороду», который будет производиться из ископаемых ресурсов, таких как природный газ и уголь, с применением технологий улавливания, переработки и хранения углекис-

лого газа (CCUS). Данный тип водорода рассматривается как временное решение, необходимое для постепенного внедрения водородной экономики в Европейском союзе.

Третьей инициативой стало внедрение циркулярной экономики. ЕС стремится внедрить модель циркулярной экономики, которая предполагает повторное использование ресурсов и минимизацию отходов. Особое внимание уделяется переработке отходов, уменьшению использования пластика и других неэкологичных материалов.

Стоит отметить, что до введения санкций Россия была одним из крупнейших поставщиков нефти и газа для Европы. Переход на циркулярную экономику, затрагивающий уменьшение использования пластика и других нефтехимических продуктов, может стать сложнее в условиях ограниченного доступа к этим ресурсам. Замена российских энергоносителей и материалов на альтернативные источники требует времени и значительных усилий. В этой связи можно установить, что санкционная политика в отношении России приводит к сбоям в глобальных цепочках поставок. Многим предприятиям стало сложнее получать необходимые материалы и компоненты, что усложняет переход на циркулярную экономику, требующую устойчивого и непрерывного снабжения переработанными материалами. Кроме того, ограничение на поставки некоторых ресурсов из России, таких как металлы или нефть, может привести к дефициту и повышению цен на альтернативные материалы. Из указанного вытекает следующая проблема связанная с ростом цен на сырье. В условиях ограниченного бюджета предприятия могут откладывать инвестиции в переработку и переход на более экологичные материалы, сосредотачиваясь на поддержании основного производства. К тому же, пандемия 2019 года привела к экономической нестабильности, что снизило доступность финансовых ресурсов для многих компаний. Инвесторы стали осторожнее относиться к финансированию проектов с высокими рисками, а именно инновационные решения в рамках циркулярной экономики. Санкции также могут усугубить эту ситуацию, затрудняя доступ к международным рынкам капитала для европейских компаний.

Таким образом, в условиях кризиса, вызванного пандемией и санкциями, правительства и компании могут придавать первостепенное значение восстановлению экономики и решению насущных проблем, таких как обеспечение энергетической безопасности, что может привести к временной задержке или снижению приоритета экологических инициатив, таких как введение циркулярной экономики.

Четвертое предложение заключалось в защите и восстановлении экосистем. Важным элементом сделки является сохранение биоразнообразия и восстановление экосистем, включая леса, моря и пресные водоемы. ЕС планирует создать новые охраняемые природные территории и внедрить более строгие нормы по охране окружающей среды. В

настоящее время договор предполагает восстановление не менее 30% ареалов к 2030 году, 60% — к 2040 году и 90% — к 2050 году.

Пятой мерой выступает зеленое финансирование и инвестиции, поскольку все выдвинутые идеи необходимо финансово обеспечить. ЕС планирует использовать различные финансовые инструменты, такие как Фонд справедливого перехода, который поможет регионам и отраслям, наиболее затронутым переходом к зеленой экономике. Также в рамках данного направления была разработана инвестиционная программа InvestEU на период 2021–2027 годов предусматривает привлечение не менее 650 миллиардов евро для долгосрочных публичных и частных инвестиций, направленных на устойчивое восстановление европейской экономики. Из этой суммы 30% будет специально выделено на реализацию климатических целей [7].

Однако, и здесь уже на данном этапе возникает ряд проблем. Финансирование требуется в огромных масштабах, однако на данный момент ресурсов катастрофически не хватает. В Брюсселе подсчитали, что для достижения цели по сокращению вредных выбросов к 2040 году потребуется около полутора триллионов евро ежегодно, начиная с 2031 года. Неудивительно, что Европейская комиссия сейчас активно ищет новые источники средств для реализации «Зеленой сделки».

Последнее, выделенное нами, одно из главных направлений «зеленого пакета» сводится к международному сотрудничеству. В третьем разделе соглашения о «Зеленой сделке» Европейский Союз акцентирует свою роль в качестве ведущего мирового игрока в реализации климатических инициатив [8]. ЕС стремится поддерживать Парижское соглашение и активно использовать все доступные дипломатические каналы для продвижения своих климатических целей, включая участие в многосторонних форумах, таких как ООН, «Группа семи» и «Группа двадцати». Важное место отводится поддержке экологического перехода в соседних с ЕС странах, таких как Западные Балканы, государства «Южного соседства» и «Восточного партнерства». Одной из ключевых мер, предложенных в рамках сделки, является использование торговой политики ЕС для содействия экологическому переходу, что предполагает включение обязательств по устойчивому развитию в торговые соглашения с международными партнерами. В частности, выполнение положений Парижского соглашения должно стать обязательной частью всех будущих комплексных торговых договоров [9].

Хотя данный фактор не указан напрямую в «Зеленой сделке», успех глобальных климатических усилий во многом будет зависеть от согласованных действий трех крупнейших источников выбросов парниковых газов — Китая, США и ЕС [10].

Как мы знаем, Дональд Трамп, тогдашний президент США, вышел из Парижского соглашения по климату в 2017 году, создав значительные трудности для международного сотрудничества в этой сфере. Однако, после выборов в ноябре 2020 года,

новоизбранный президент Джо Байден принял решение вернуть США в Парижское соглашение, что восстановило возможность для более тесной координации глобальных климатических усилий. Тем не менее сейчас существует риск, что США снова расторгнет указанное Парижское соглашение, поскольку не за горами выборы на пост президента страны, а Д. Трамп участвует в гонке в отличие от Д. Байдена.

Сотрудничество с третьими странами будет играть основополагающую роль в разработке и реализации мер, направленных на успешное выполнение задач «Зеленой сделки» в рамках ЕС. Одним из наиболее значимых инструментов, который ЕС планирует использовать для достижения этих целей, является механизм трансграничной углеродной корректировки. После подписания Парижского соглашения климатическая политика на глобальном уровне стала основываться на национальных обязательствах, сформулированных снизу вверх, что привело к разным уровням амбициозности среди стран. В то время как ЕС взял на себя одни из самых жестких обязательств по сокращению выбросов, другие крупные экономики могут следовать более мягким графикам.

Для предотвращения так называемой «углеродной утечки» — переноса производств с высоким уровнем выбросов парниковых газов в страны с менее строгими экологическими нормами — ЕС предложил ввести механизм трансграничной углеродной корректировки (МТУК). Данный механизм предусматривает налогообложение выбросов иностранных производителей на том же уровне, что и европейских, с целью обеспечения равных условий конкуренции. Таким образом, европейские компании не будут находиться в невыгодном положении из-за более строгих стандартов внутри ЕС.

Однако внедрение углеродного налога на границе сталкивается с рядом сложностей и вызывает критику. Одной из основных проблем является потенциальное негативное воздействие на развивающиеся страны, где промышленные процессы часто менее результативны. Налог может быть воспринят как форма «зеленого протекционизма» и вызвать обвинения в нарушении правил ВТО. Дополнительные сложности связаны с расчетом и проверкой выбросов иностранных производителей, что делает применение МТУК весьма трудоемким и спорным [11]. Некоторые эксперты высказывают сомнения в целесообразности внедрения МТУК, указывая на множество юридических, политических и логистических препятствий, и предлагают вместо этого сосредоточиться на развитии конкурентоспособной низкоуглеродной промышленности в Европе.

Подытоживая обозначенные проблемы, следует помнить, что, несмотря на глобальный характер недавнего энергетического кризиса, Европа оказалась в более уязвимом положении по сравнению с другими регионами и странами по ряду причин. Энергетическая проблема, возможно, является одной из наиболее сложных для Европы. Исторически сложилось так, что стоимость энергии в Европе всегда

была выше, чем в США и Китае. Конфликт на Украине лишь усилил преимущества конкурентов в этой области. Стоимость энергии играет основополагающую роль, так как она является одним из главных факторов, определяющих конкурентоспособность экономики.

Сложившуюся ситуацию активно используют конкуренты из США и Китая. Особенно ярким примером является принятый в США Закон о снижении инфляции (IPA, 2022), который предоставляет значительные налоговые льготы и финансовую поддержку компаниям, участвующим в «Зеленой сделке». Перечисленные меры создают стимулы для европейских предприятий перенести свои производственные мощности в США и вкладывать капиталы в американскую экономику, а не в европейскую. А, между тем, уже сейчас всюду идут протесты фермеров в Европе, которые настаивают на отсрочке выполнения требований «зеленой сделки», особенно в части сокращения использования пестицидов на 50% к 2030 году. Кроме того, они требуют четких правил торговли с государствами, не входящими в ЕС, указывая на переполненность рынка зерном из Украины ввиду упраздненных для этой страны квот с 2022 года. Также фермеры призывают пересмотреть сроки восстановления природных зон, заложенные в договоре ЕС, или вовсе отказаться от этих обязательств.

Литература

1. Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. (2021). Гео- политика «Зеленой сделки» Европейского союза // Вестник международных организаций. Т. 16. № 2. С. 204–235 (на русском и английском языках).
2. Карпович, О. Г. "Зеленая сделка" Европейского союза: риски и возможности для России / О. Г. Карпович, А. С. Вильчинский // Дипломатическая служба. – 2021. – № 5. – С. 410-425.
3. Белов, В. Б. Европейская зеленая сделка / В. Б. Белов // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2020. – № 99. – С. 33-39.
4. Леви, Д. А. "Зеленая сделка" в отношениях России и Европейского союза / Д. А. Леви // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. – 2021. – № 3(35). – С. 86-91.
5. Рейн, В. В. Последствия «зеленой сделки» и санкционной политики для экономики ЕС: падение эффективности и массовые протесты аграриев / В. В. Рейн // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 100-116.
6. Геополитика "Зеленой сделки" Европейского союза / М. Леонард, Ж. Пизани-Ферри, Д. Шапиро [и др.] // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 204-235.
7. Стрежнева, М. В. Финансовые аспекты «Европейской зеленой сделки» / М. В. Стрежнева // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 4. – С. 13-23.

8. Экономика Европейского союза и ее стимулирование в рамках "Зеленой сделки" / Р. М. Амирханова, С. З. Магомедова, М. Х. Ханахмедова, М. К. Нурмагомедова // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 12(125). – С. 650-652.

9. Зачем Европе нужна "Зеленая сделка" // Водоочистка. – 2021. – № 2. – С. 44-45.

10. Буркова, Е. И. Европейская "зеленая сделка" и климатическая политика новых независимых государств / Е. И. Буркова // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 4(53). – С. 164-182.

11. Попова, И. М. Анализ законодательных изменений и мер поддержки достижения целей "Зеленой сделки" / И. М. Попова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 30-56.

The EU Green Deal: Content and Implementation Problems in Modern Conditions

Medzhidov M.M.

MGIMO (U) MFA of Russia

This article examines the content and implementation problems of the European Union's Green Deal, aimed at achieving climate neutrality and sustainable economic development. Particular attention is paid to the analysis of key initiatives, such as reducing greenhouse gas emissions, switching to renewable energy sources, introducing a circular economy and protecting ecosystems. The emerging difficulties associated with sanctions policy, the pandemic and competitive pressure from the United States and China are also discussed. The article analyzes the financial, technical and social barriers that impede the successful implementation of the Green Deal, and suggests possible ways to overcome them.

Keywords: Green Deal, climate neutrality, renewable energy sources, circular economy, carbon emissions, environmental safety, international cooperation, sanctions, pandemic, competitiveness, financing.

References

1. Leonard M., Pisani-Ferri J., Shapiro D., Tagliapietra S., Wolf G. (2021). The Geopolitics of the European Union's "Green Deal" // Bulletin of International Organizations. Vol. 16. No. 2. Pp. 204-235 (in Russian and English).
2. Karpovich, O. G. The European Union's "Green Deal": Risks and Opportunities for Russia / O. G. Karpovich, A. S. Vilchinsky // Diplomatic Service. - 2021. - No. 5. - Pp. 410-425.
3. Belov, V. B. European Green Deal / V. B. Belov // European Union: Facts and Comments. - 2020. - No. 99. - Pp. 33-39.
4. Levy, D. A. "Green Deal" in relations between Russia and the European Union / D. A. Levy // Current problems and prospects for economic development: Russian and foreign experience. - 2021. - No. 3 (35). - P. 86-91.
5. Rein, V. V. Consequences of the "Green Deal" and sanctions policy for the EU economy: a drop in efficiency and mass protests of farmers / V. V. Rein // Marketing MBA. Marketing management of the enterprise. - 2024. - V. 15, No. 1. - P. 100-116.
6. Geopolitics of the "Green Deal" of the European Union / M. Leonard, J. Pisani-Ferry, D. Shapiro [et al.] // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. – 2021. – Vol. 16, No. 2. – P. 204-235.
7. Strezhneva, M. V. Financial aspects of the "European Green Deal" / M. V. Strezhneva // Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS. – 2021. – No. 4. – P. 13-23.
8. Economy of the European Union and its stimulation within the framework of the "Green Deal" / R. M. Amirkhanova, S. Z. Magomedova, M. Kh. Khanakhmedova, M. K. Nurmagomedova // Economy and entrepreneurship. – 2020. – No. 12 (125). – P. 650-652.
9. Why does Europe need a "Green Deal" // Water treatment. – 2021. – No. 2. – P. 44-45.
10. Burkova, E. I. The European "Green Deal" and the climate policy of the newly independent states / E. I. Burkova // Russia and the new states of Eurasia. - 2021. - No. 4 (53). - P. 164-182.
11. Popova, I. M. Analysis of legislative changes and measures to support the achievement of the goals of the "Green Deal" / I. M. Popova // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. - 2021. - Vol. 16, No. 4. - P. 30-56.

Отвлечение внимания как метод манипуляции общественным сознанием в политическом процессе современной России

Мишук Александр Юрьевич

аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, mishchuk.aleksandr98@mail.ru

В статье автор раскрывает теоретические стороны манипуляции, основываясь на социологических и психологических подходах, и представляет классификацию методов, выделяя среди них отвлечение внимания как один из основных, особое внимание уделяется информационному полю России, характеризующемуся контролем над СМИ, цензурой, самоцензурой и влиянием интернета, которые создают условия для политической манипуляции в условиях информационного перенасыщения.

На основе анализа конкретных примеров, таких как кризис на Украине и пенсионная реформа, статья демонстрирует, как в российских политических процессах используется отвлечение внимания для перенаправления общественного интереса и минимизации недовольства. Рассматривается роль СМИ в создании информационных кампаний, влияющих на общественное мнение и политические решения, и, в заключении автор оценивает последствия применения данного метода, указывая на его влияние на политическую стабильность и поддержку власти в условиях информационного контроля.

Ключевые слова: манипуляция общественным сознанием, отвлечение внимания, политический процесс, информационное поле, контроль над СМИ, цензура, информационная перегрузка, дезинформация, общественное мнение, политическая стабильность.

Теоретические основы манипуляции общественным сознанием

Манипуляция общественным сознанием — это феномен, который рассматривается как с позиций социологии, так и сквозь призму психологии, он подразумевает целенаправленное скрытое влияние на восприятие, убеждения и поведение широкой аудитории для достижения результатов, выгодных манипулятору, манипуляция зачастую остается незамеченной объектом воздействия.

В условиях социально-политической системы манипуляция — форма управления массовым сознанием с целью формирования определённой политической повестки или поддержки определённых решений. Американский критик Г. Шиллер выделяет, что продуктивная манипуляция требует создания искусственной реальности, в рамках которой аудитория воспринимает происходящее как естественное и неизбежное [1], далее внимания требует ведущая функция средств массовой информации в создании фильтров и распространении «авторитетных» мнений, которые в конечном итоге принимаются обществом за свои собственные убеждения.

С точки зрения социологии, манипулирование массовым сознанием рассматривается как элемент социального взаимодействия, так, исследователи, такие как П.У. Робинсон и Г. Шиллер, в своих работах выделяют, что манипуляция нередко выступает в роли инструмента власти, который содействует структурированию общественного мнения и поведения [10]. Данный процесс характеризуется скрытым характером и требует от манипулятора знаний социальной психологии и информационных потоков особенно в условиях современного общества, когда информация распространяется в огромных объёмах и с высокой скоростью, манипуляция становится главным инструментом контроля за общественным сознанием, в частности, в политике и медийной сфере.

С научной точки зрения психологии, манипуляция основана на воздействии на восприятие и психику индивидов, например, как подчёркивает Е. Доценко, манипуляция подразумевает элементы психологического давления и эксплуатации [2], то есть манипулятор создаёт у человека определённые эмоции, убеждения и реакции, прибегая к обману и скрытым формам влияния, эти методы особенно опасны, так как объект манипуляции их не осознаёт.

Манипулирование основывается на использовании слабых сторон, предрассудков и когнитивных искажений аудитории для формирования желаемого поведения, воздействие проявляется как на уровне индивидуального восприятия, так и на уровне массового сознания — в последнем случае

возникает эффект «социальной реальности», когда общественное мнение и убеждения большинства начинают преобладать, тем самым подавляют индивидуальные оценки и суждения [4].

Методы воздействия на общественное сознание – основополагающий принцип социального управления, так как манипуляция восприятием людей осуществляется сквозь призму скрытого влияния на восприятие данных, с целью изменения поведения в интересах манипулятора.

Одним из основных принципов манипуляции является многократное повторение одного и того же сообщения, который позволяет закрепить его в сознании, так, постоянное повторение содействует формированию у индивида ощущения правдивости и объективности информации, этот подход часто используется в политике и рекламе. Хорошо известна фраза Йозефа Геббельса: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой».

Другой способ – фрагментирование информации, который характеризуется представлением данных в виде отдельных фрагментов без целостной картины, в результате у человека создаётся искажённое представление о ситуации, и это приводит к ложным выводам (данный принцип используется в СМИ, где новости представляются в виде разрозненных фактов, лишённых взаимосвязи) [9].

Третьим методом является создание ложных событий (мистификация), в этом случае манипуляторы часто преувеличивают важность незначительных событий или создают их искусственно, отвлекают внимание общества от существенных вопросов – такой приём снижает уровень беспокойства по поводу реальных проблем. Примером является фокус на скандалах или происшествиях, которые не имеют весомого значения, но обсуждаются в средствах массовой информации.

Еще один эффективный приём манипуляции заключается в воздействии на эмоциональные стороны человеческого восприятия, а не на рациональное осмысление, то есть информация может быть подана таким образом, чтобы вызывать у аудитории страх, тревогу, гнев (эмоциональная реакция блокирует критическое мышление, делает человека более уязвимым для манипуляций).

И, наконец, замалчивание и акцентирование фактов, суть которого заключается в том, чтобы скрывать весомые события, одновременно делая упор на незначительные детали – это позволяет отвлечь внимание общественности от проблем, создавать ложное впечатление о происходящем. Часто данный подход используется в политике и пропаганде, когда негативные стороны замалчиваются, а фокус переключается на позитивных моменты.

Так, в политической практике принцип отвлечения внимания применяется для того, чтобы скрыть неудачи или непопулярные решения правительства и влиятельных групп, например, важные социальные проблемы, такие как экономические кризисы или политические скандалы, отодвигаются на второй план под наплывом сенсационных новостей о знаменитостях или катастрофах.

По мнению исследователей (Н. Хомский), отвлечение внимания — один из наиболее действенных способов управления массовым сознанием, ученый указывал, что правительство и СМИ используют этот принцип для поддержания общества в состоянии информационного вакуума.

Современные политические условия в России: особенности информационного поля

Информационная среда современной России характеризуется контролем государства над традиционными средствами массовой информации, это выражается через прямое владение крупнейшими медиакорпорациями и использование законов для регулирования контента. Основные федеральные телеканалы, такие как Первый канал и ВГТРК, находятся под контролем государства и используются для продвижения официальных нарративов, независимые СМИ занимают ограниченное пространство и зачастую подвергаются давлению со стороны властей, особенно во время выборов или по вопросам, затрагивающим остро социальные и политические темы. Исследователи, говорят о том, что государство стремится к диалогу с медиасообществом, однако этот диалог часто носит односторонний характер, который направлен на сохранение власти за государственными структурами [8].

Интернет и социальные сети приобрели весомую альтернативную роль традиционным СМИ, так как интернет предоставляет площадку для дискуссий и альтернативных мнений, особенно через такие платформы, как ВКонтакте, Telegram и YouTube, но интернет в России также подвергается контролю со стороны государства. Начиная с 2012 года, правительство продвигает законодательные инициативы, связанные с ограничением интернет-свободы: законы о "суверенном интернете" и требования к социальным сетям хранить данные пользователей на территории России позволяют властям регулировать цифровую инфраструктуру и блокировать нежелательный контент.

Цензура в интернете становится всё более заметной, так, в последние годы наблюдается очевидное увеличение блокировки сайтов, закрытия независимых медиа и применения фильтров для контроля над информацией, доступной пользователям, в частности, Роскомнадзор блокирует ресурсы, контент которых не совпадает с официальной позицией по политическим и социальным вопросам, международные организации, такие как Human Rights Watch пишут, что данные меры представляют серьёзную угрозу для свободы выражения [5].

Под воздействием таких законов, как закон об "иностранных агентах" и штрафы за распространение "ложной информации", многие журналисты и редакторы предпочитают не поднимать темы, которые могут привести к санкциям или закрытию их изданий, это вынуждает даже независимые СМИ избегать освещения определённых вопросов.

С другой стороны, политическая манипуляция в условиях избытка информации становится явлением, которое сказывается на способности обще-

ства критически осмысливать происходящие события, особенно в условиях современного информационного пространства, характеризующегося обилием новостей, сообщений и данных, индивид сталкивается с проблемой когнитивной перегрузки. Исследования показывают, что избыток данных приводит к так называемому "информационному параличу", при котором возможность индивида обрабатывать и осмысливать поступающие сведения резко снижается [6]. Такое состояние зачастую сопровождается повышенным доверием к простым, а нередко и манипулятивным интерпретациям событий, которые предлагают эмоционально окрашенные, ясные и упрощённые объяснения сложных вопросов.

Перенасыщенность информацией, как утверждает К.А. Крайнова, снижает порог восприятия сложных данных и приводит к доминированию коротких, ярких сообщений, которые ориентированы на эмоциональное воздействие – в данных обстоятельствах главную функцию выполняют социальные сети, которые как распространяют информацию, так и усиливают её через алгоритмы, настроенные на максимизацию вовлечённости пользователей, а не на качество контента [3].

Одним из центральных инструментов политической манипуляции в условиях перенасыщенности информацией является стратегия отвлечения внимания. На практике это выражается через распространение второстепенной, но эмоционально насыщенной информации, такая тактика оказывается особенно действенной в условиях непрерывного новостного потока, при котором каждое новое сообщение быстро вытесняет предыдущее, не давая аудитории возможности осмыслить происходящее; как выделяет В.Б. Строганов, подобные стратегии создают псевдодискуссии, отвлекают общественность от проблем, фокусируют её на менее важных темах, и в результате создаётся иллюзия осведомлённости [6].

Что касается социальных сетей, то алгоритмы, регулирующие распространение контента в сетях, часто подстраиваются под интересы пользователей, и это усиливает эффект "информационных пузырей". То есть, это приводит к тому, что пользователи получают данные, соответствующие их уже устоявшимся взглядам, в результате, люди становятся уязвимыми для манипуляций, поскольку алгоритмы целенаправленно усиливают их эмоциональные реакции.

В условиях ризоморфного (нелинейного) распространения информации в интернете политическая манипуляция становится особенно сложной, хотя невозможно точно предсказать вектор воздействия, манипулятивные стратегии нацелены на конкретные группы пользователей, чьё внимание можно легко сместить на нужные темы.

Примеры применения метода отвлечения внимания в политическом процессе России

В политической практике Российской Федерации использование тактики отвлечения внимания для манипулирования общественным сознанием стало особо заметным на фоне множества социальных и

политических кризисов, при этом отвлечение внимания применяют наряду с такими методами, как дезинформация, чтобы содействовать созданию общественного мнения, затруднить критическое восприятие и усилить доверие к определённым нарративам, через призму которых рассматривались события. В связи с этим рассмотрим несколько конкретных примеров того, как отвлечение внимания использовалось в политических процессах России.

1) Кризис на Украине (2014-2024). Конфликт в Украине стал одним из самых ярких примеров, где Россия прибегала к дезинформации и отвлечению внимания, при этом основная цель дезинформационных кампаний заключалась в том, чтобы скрыть собственные действия в регионе и минимизировать общественное противодействие внутри страны. В ходе информационных кампаний продемонстрированы несколько нарративов: НАТО и Запад пытались окружить и изолировать Россию, а украинские власти охарактеризованы как радикальные националисты, это отвлекало внимание от реальных военных действий и создавало ложное ощущение внешней угрозы, и такие стратегии дезинформации серьёзно укрепили поддержку российских властей и снизили общественное осуждение [7].

2) Пенсионная реформа (2018). Во время обсуждения пенсионной реформы в 2018 году, которая вызвала недовольство среди населения, российские власти прибегали к отвлечению внимания, чтобы снизить уровень общественного протеста, при этом политическая повестка сместилась в сторону международных событий и проблем безопасности, в том числе усиливались акценты на тему конфликтов с западными государствами. В этот период обсуждение таких вопросов, как сирийский конфликт, санкции и международные угрозы, доминировали в медиа, в то время как внутренняя повестка, в том числе пенсионные реформы, отступила на второй план.

3) Протесты против арестов оппозиции (2019-2021). Протестные акции, связанные с арестами оппозиционных лидеров, в частности, Алексея Навального, сопровождались масштабными кампаниями по отвлечению внимания, и российские государственные СМИ переключали внимание общественности на внешнеполитические темы, такие как конфликты с США и Европейскими государствами, в то время как параллельно происходило распространение обвинений в адрес оппозиционных лидеров, в результате чего общественное внимание переносилось на предполагаемые угрозы извне, а не на внутренние политические проблемы.

Отвлечение внимания и дезинформация имеют тесную связь, и в случае с конфликтом в Украине дезинформационные кампании сопровождались отвлечением внимания от конкретных действий России на поле боя, это усложняло возможность объективного восприятия событий, и если дезинформация нацелена на создание ложных нарративов, отвлечение внимания смещает акценты на внешние угрозы или менее значимые события, чтобы снизить остроту негативных реакций на внутренние проблемы.

Медийные кампании занимают доминирующие позиции в отвлечении общественного внимания от весомых политических событий современной России, которое достигается посредством целенаправленного управления информационной повесткой через средства массовой информации, так, одной из центральных функций российских медиа является умение выстраивать информационное пространство таким образом, чтобы уводить внимание аудитории от неудобных или спорных вопросов, при этом это происходит через насыщение эфирного времени и новостных каналов второстепенными либо отвлекающими сюжетами. Например, телевидение, являющееся одним из наиболее значимых СМИ в России, способно фокусироваться на "мягких" новостях, таких как спортивные и культурные мероприятия, в то время как политические события излагаются кратко либо в искажённом виде.

Примером подобного явления является освещение крупных протестных акций, таких как "Марш несогласных", когда государственные СМИ стремились минимизировать освещение, подавая информацию односторонне либо вовсе её игнорируя. В это же время социальные сети, как, например, Живой Журнал, предоставляли альтернативные каналы для распространения более объективной информации, однако в последние годы, как уже было упомянуто ранее, интернет-ресурсы в России столкнулись с жёстким государственным контролем.

Одной из ведущих задач медийных кампаний в политике остаётся создание стереотипов, и, как указывает Липпман, стереотипы через медиа формируются под влиянием коллективной переработки информации, индивидуально-социокультурных факторов, при этом эти стереотипы закрепляют в сознании упрощённые представления о политике, такие как "необходимость сильной руки" или страх перед внешними угрозами [9]. В частности, в России используется стереотип защиты от внешней агрессии, который неоднократно транслируется через медиа и усиливает поддержку действующей власти.

Так, мы определяем, что влияние отвлечения внимания на общественное мнение и политические решения в политическом процессе России выражается через механизмы информационного воздействия, где доминирующее значение имеют средства массовой информации и интернет-платформы, при этом в условиях современной российской информационной среды медиа часто применяются как инструмент управления общественным восприятием, влияя на понимание гражданами текущих политических событий. Этот процесс отвлечения внимания проявляется особенно отчетливо в политических кампаниях и кризисных ситуациях, когда посредством медийных каналов распространяется огромное количество новостей с целью перемещения фокуса общественности с одних вопросов на другие, менее весомые или более удобные для властных структур.

Средства массовой информации в России выступают в роли инструмента формирования общественного восприятия, при этом они не только распространяют информацию, но и образуют рамки для

понимания политической действительности. В частности, часть политических телепередач, таких как "60 минут" и "Вечер с Владимиром Соловьевым", преимущественно освещает внешнеполитические проблемы вместо актуальных внутренних вопросов (таких как социальные и экономические сложности), что отвлекает внимание от проблем внутреннего характера, требующих решений, при этом это создает ложное восприятие приоритетности внешних угроз над реальными внутренними проблемами, влияя на политические предпочтения граждан в угоду властям.

Эффект отвлечения внимания наиболее заметен в условиях информационной перегрузки, когда большое количество новостей и событий уменьшает способность общественности к критическому осмыслению и рефлексии, и как отмечают исследователи, поток информации, умело контролируемый через медиа, приводит к тому, что значимые политические решения принимаются без должного внимания и осмысления со стороны общества – данное явление связано с концепцией "психологии толпы", изложенной в работах Ортега-и-Гассета и Арендт, где массовое сознание становится легко управляемым через методы копирования и приспособления под предлагаемую информационную повестку.

Последствия отвлечения внимания в политическом процессе заключаются в дезориентации граждан, снижении уровня политической информированности и гражданской активности, в увеличении апатии к важным политическим вопросам, при этом в условиях российской политической системы это также укрепляет позиции власти, позволяя осуществлять политические решения, направленные на сохранение своего влияния, при минимальном уровне общественного контроля; в результате общественное мнение становится манипулируемым инструментом в руках властных структур, и это приводит к поддержанию политической стабильности через искусственный информационный контроль.

Литература

1. Ворошилова А. А. Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования // Сибирский аэрокосмический журнал. – 2006. – № 6 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-kak-obekt-sotsialno-politicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита / Е. Л. Доценко. – М.: ТОО «ЧеРо», 1997. – 343 с.
3. Крайнова К. А. Интернет как средство политической манипуляции в современном политическом управлении // PolitBook. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sredstvo-politicheskoy-manipulyatsii-v-sovremennom-politicheskom-upravlenii> (дата обращения: 04.09.2024).
4. Новиков О. Г., Филиппов А. Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // Власть. – 2024. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy>

manipulyatsii-obschestvennym-soznaniem (дата обращения: 03.09.2024).

5. Онлайн и по всем фронтам. Наступление на свободу выражения мнений в России // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2017/07/18/306656> (дата обращения: 04.09.2024).

6. Строганов В. Б. Технологии политической манипуляции в интернете : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В. Б. Строганов. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. – 209 с. – Библиогр.: с. 149-163.

7. Царик В. С. Борьба с "российской дезинформацией" в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского союза // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-rossiyskoy-dezinformatsiyey-v-publichnom-pozitsionirovanii-zapadnyh-institutov-analiz-ofitsialnyh-saytov-nato-i-evropeyskogo> (дата обращения: 05.09.2024).

8. Чернышева Ю. А. Роль СМИ в современной России: приоритетные задачи в рамках диалога с государством / Ю. А. Чернышева // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 755-757. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/25699/> (дата обращения: 06.09.2024).

9. Чурсова Н. Механизмы воздействия политической информации в СМИ на общественное сознание // URL: <https://psycho.ru/library/209> (дата обращения: 05.09.2024).

10. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М.: Прогресс, 1980. – 326 с.

Distraction as a method of manipulation of public consciousness in the political process of modern Russia

Mishchuk A.Yu.

Baikal State University

In the article, the author reveals the theoretical aspects of manipulation, based on sociological and psychological approaches, and presents a classification of methods, highlighting distraction as one of the main ones, with special attention paid to the information field of Russia, characterized by control over the media, censorship, self-censorship and the influence of the Internet, which create conditions for political manipulation in the context of information overload.

Based on the analysis of specific examples, such as the crisis in Ukraine and pension reform, the article demonstrates how distraction is used in Russian political processes to redirect public interest and minimize discontent. The role of the media in creating information campaigns that influence public opinion and political decisions is considered, and in conclusion the author assesses the

consequences of using this method, pointing out its impact on political stability and support for the authorities in the conditions of information control.

Keywords: manipulation of public consciousness, distraction, political process, information field, control over the media, censorship, information overload, disinformation, public opinion, political stability.

References

1. Voroshilova A. A. Manipulation of consciousness as an object of socio-political research // Siberian aerospace journal. - 2006. - No. 6 (13). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-kak-obekt-sotsialno-politicheskogo-issledovaniya> (date of access: 09/01/2024).
2. Dotsenko E. L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms, protection / E. L. Dotsenko. - M.: TOO "CheRo", 1997. - 343 p.
3. Kraynova K. A. The Internet as a means of political manipulation in modern political management // PolitBook. – 2013. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-sredstvo-politicheskoy-manipulyatsii-v-sovremennom-politicheskom-upravlenii> (date of access: 09/04/2024).
4. Novikov O. G., Filippov A. R. Mechanisms of manipulation of public consciousness // Power. – 2024. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-manipulyatsii-obschestvennym-soznaniem> (date of access: 09/03/2024).
5. Online and on all fronts. An attack on freedom of expression in Russia // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2017/07/18/306656> (date accessed: 09/04/2024).
6. Stroganov V. B. Technologies of political manipulation on the Internet: dis. ... cand. political sciences: 23.00.02 / V. B. Stroganov. – Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2019. – 209 p. – Bibliography: pp. 149-163.
7. Tsarik V. S. The fight against "Russian disinformation" in the public positioning of Western institutions: analysis of the official websites of NATO and the European Union // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2019. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-rossiyskoy-dezinformatsiyey-v-publichnom-pozitsionirovanii-zapadnyh-institutov-analiz-ofitsialnyh-saytov-nato-i-evropeyskogo> (date of access: 09/05/2024).
8. Chernysheva Yu. A. The role of the media in modern Russia: priority tasks in the framework of dialogue with the state / Yu. A. Chernysheva // Young scientist. – 2016. – No. 3 (107). – P. 755-757. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/25699/> (date of access: 09/06/2024).
9. Chursova N. Mechanisms of influence of political information in the media on public consciousness // URL: <https://psycho.ru/library/209> (date of access: 09/05/2024).
10. Schiller G. Manipulators of consciousness / G. Schiller. - M.: Progress, 1980. - 326 p.

Концепция «обратного снятия корпоративной вуали»: происхождение, правовая природа и применимость в российском праве

Панюшкин Михаил Алексеевич

магистр права, Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
mikhail.panyushkin@yandex.ru

Концепция «снятия корпоративной вуали» не является однородной и имеет свои разновидности и нестандартные проявления. Наиболее распространено «прямое снятие», при котором кредитор юридического лица может удовлетворить свои требования за счет имущества участников (акционеров) компании-должника. Данный подход имеет в разных странах свою историю развития и подходы к применению. При этом существуют нестандартные проявления данной концепции, в частности, так называемое «обратное снятие корпоративной вуали», которой и посвящена настоящая статья. Из самого названия становится понятно, что «обратное» является противопоставлением классическому подходу, т.е. это те случаи, когда к ответственности привлекается корпорация по долгам ее участников (акционеров). Соответственно, статья рассматривает доктринальное значение, опыт применения «обратного проникновения» в США, а также целесообразность внедрения данной концепции в России.

Предметом настоящей работы являются зарубежная и российская судебная практика и доктринальные источники, в которых применялась или рассматривалась концепция «обратного снятия корпоративной вуали», а также действующее российское корпоративное законодательство.

Цель настоящей работы состоит в исследовании подходов к пониманию концепции «обратного снятия корпоративной вуали» в США, как в юрисдикции, где была разработана и впервые применена данная доктрина, а также анализе действующего российского законодательства и судебной практики на предмет возможности обоснования использования данной концепции в нашей стране.

Среди методов, используемых в настоящей работе, можно выделить общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, а также частно-научные: системный анализ, сравнительно-правовой метод и функциональный анализ.

По результатам исследования было установлено, что современное российское законодательство и доктрина не признают правовую обоснованность концепции «обратного снятия корпоративной вуали». Однако это и является проблемой, поскольку практика показывает, что существует явная целесообразность и политико-правовое обоснование для внедрения данной концепции на законодательном уровне, в первую очередь, для пресечения недобросовестного использования «корпоративных покровов» в целях уклонения от персональной ответственности.

Ключевые слова: корпоративная вуаль, доктрина «alter ego», снятие корпоративной вуали, обратное снятие корпоративной вуали, проникающая ответственность.

Прежде чем перейти к рассмотрению центральной категории данной работы – «Обратное снятие корпоративной вуали», необходимо понимать истоки ее происхождения, и в чем заключается суть более общего понятия «снятие корпоративной вуали». Доктрина «снятия корпоративной вуали» или «проникающей ответственности» впервые появляется в странах общего права. Суть указанной концепции заключается в отказе от принципа отдельной имущественной ответственности юридического лица и его участников. Этот правовой феномен тесно связан с доктриной «alter ego», согласно которой при разрешении корпоративных споров суд может установить отсутствие у корпорации юридической самостоятельности, то есть, когда фактически компания и ее участник, акционер или бенефициар совпадают в одном лице. Такой механизм защиты прав кредиторов возник в связи с тем, что правовая конструкция юридического лица, основанная, в том числе, на принципе отделения имущества компании от имущества ее учредителей, стала использоваться в недобросовестных целях, как фикция, позволяющая контролируемому его лицу безнаказанно нарушать обязательства, скрываясь «за маской корпорации», и использовать эту возможность для достижения своих собственных неправомерных целей.

В настоящей работе речь пойдет об особой разновидности «проникающей ответственности» – «обратное снятие корпоративной вуали» («reverse piercing of the of the corporate veil»), которая берёт своё начало в 20 веке в странах общего права, главным образом в США. Актуальность данной темы обусловлена, во-первых, возросшим в последние 10 лет интересом к доктрине «реверсивного прокалывания» со стороны отечественной правовой науки, а во-вторых, тем, что отсутствие правовых основ для использования данной концепции в отечественном праве негативно влияет на стабильность гражданского оборота и деловой климат.

Американский учёный Николас Аллен раскрывает суть данной доктрины следующим образом: «Обратное прокалывание корпоративных покровов позволяет привлечь корпорацию к ответственности по долгам и обязательствам отдельного учредителя или возложить ответственность на дочернюю организацию за долги и обязательства материнской компании» [1, с. 1553]. По его мнению, применение данной доктрины распространяется только на организации с ограниченной ответственностью закрытого типа. Аллен различает два вида «реверсивного прокалывания»: внешнее и внутреннее или добровольное («Voluntary piercing»). В первом случае речь идёт о персональном кредиторе учредителя корпорации, который пытается привлечь юридическое

лицо к ответственности по его обязательствам. Второй случай проявляется в стремлении самих участников корпорации или бенефициаров, игнорируя самостоятельный правовой статус организации, получить прямой доступ к активам корпорации. В рамках настоящей статьи будет исследоваться именно внешнее реверсивное «снятие корпоративной вуали».

Впервые данная доктрина упоминается в деле *Kingston Dry Dock Co. v. Lake Champlain Transportation Co* [2]. Истец и ответчик заключили договор на ремонт судна, находившееся в собственности дочерней компании последнего. После того как истец исполнил свои обязательства по выполнению ремонтных работ, у ответчика появились признаки неплатежеспособности. В связи с этим истец обратился с иском об обращении взыскания на указанное судно, обосновывая свои требования тем, что дочерняя компания имеет исключительно номинальную самостоятельность, поскольку состав ее совета директоров полностью совпадает с правлением материнской компании. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако, судья окружного апелляционного суда Хэнд отменил решение, указав на то, что применение «reverse piercing» может иметь место только в исключительных случаях.

Несмотря на то, что в указанном деле истец потерпел неудачу, спустя 30 лет американские суды все же подтвердили возможность применения доктрины «реверсивного проникновения». Такой поворот связан с двумя делами: *Platts, Inc. v. Platts and Shamrock Oil and Gas Co. v. Ethridge* [3]. В первом деле истцу удалось обратить взыскание на имущество компании своего бывшего мужа для получения своей доли в общем имуществе после развода. В другом деле истец просудил дебиторскую задолженность физического лица-владельца компании и предъявил новый иск, но уже к компании должника об обращении взыскания на основной актив корпорации – буровую установку. Требования истца были удовлетворены в полном объеме.

Интересно отметить, что американские суды проявляли наибольшую гибкость в вопросе применения доктрины при рассмотрении аналогичных дел по искам налоговой службы [4]. В таких делах суды, как правило, выносят решения в пользу государства.

Анализируя практику использования рассматриваемого института, можно прийти к выводу, что среди судов США все же нет консенсуса относительно правомерности доктрины «reverse piercing» и предмета доказывания по таким делам.

Так, Николас Аллен отмечает, что существует три основные позиции на этот счет: 1) так называемый «inverse method» (обратный метод) - доктрина преследует справедливые цели, и не взирая на интересы иных лиц, её следует применять для защиты прав кредиторов, оценивая при этом элементы, характерные для традиционной концепции *veil piercing*; 2) «Equitable Results Approach» (подход, достигающий справедливых результатов), который подразумевает одинаковую защиту кредитора должника, иных участников корпорации, не причастных к недобросовестному поведению должника, и

кредиторов самой корпорации; 3) неприменение доктрины в связи с ее явным противоречием «принципу отделения» и нарушением интересов заинтересованных лиц [5, с. 1156-1166].

В российском правовом порядке вопрос применения рассматриваемой доктрины является неоднозначным. Отечественное законодательство признает в качестве общего правила «принцип отделения». Причем исключения из этого принципа могут устанавливаться только законом. Так, примеры прямого «снятия корпоративной вуали» можно найти в главе III.2. Закона о банкротстве [6] и в Законе об обществах с ограниченной ответственностью [7].

С «обратным прокалыванием» вопрос осложняется тем, что правовое регулирование не содержит норм, позволяющих исполнять требования кредиторов за счет имущества подконтрольной должнику организации. В российской доктрине преобладает мнение о недопустимости использования «обратного снятия корпоративной вуали». Так, Суханов Е.А., указывая на «принцип отделения», приходит к выводу о том, что «обратное», или «перевернутое проникновение» не основан на нормах действующего российского законодательства [8, с. 197-199]. Аналогичного подхода придерживается и Егоров А.В. [9, с. 82-88]

Поэтому применение данной концепции хотя и встречается в судебной практике, но крайне редко.

Первым ярким примером обращения взыскания на имущество компании по долгам её бенефициарного владельца является достаточно известное дело «Сенаторова» [10]. В этом деле суд обратил взыскание на имущество юридических лиц, над которыми ответчик-поручитель имел корпоративный контроль. Из логики, которая отражена в судебных актах прослеживаются явные сходства с доктриной «reverse piercing»: «С. через цепочку корпоративного (акционерного) контроля, в которой ответчики: ..., - представляют собой заключительные звенья, является собственником недвижимого имущества». В деле «Сенаторова» суд апелляционной инстанции недвусмысленно намекает на то, что, разрешая требование об обращении взыскания на недвижимость юридических лиц, было установлено наличие у их бенефициарного владельца фактического права собственности на это имущество. То есть суд прибегает к концепции бенефициарной собственности, характерной для английского права.

В 2015 году суды, рассматривая спор между двумя организациями о взыскании неосновательного обогащения, критически отнеслись к возможности обращения взыскания на имущество юридического лица по личным долгам его учредителя [11]. Иные примеры использования доктрины в гражданских делах отсутствуют.

Интересно отметить, что применение доктрины «обратного снятия корпоративной вуали» встречается в судебной практике по уголовным делам. Так, в небезызвестном уголовном деле «Тольяттиазот» суд, удовлетворив заявленный гражданский иск, обратил взыскание на имущество компаний, контролируемых обвиняемыми. В приговоре суд указал на этот счет следующее: «иностранное юридическое

лица и ООО «Томет» подконтрольны подсудимым и фактически являются частью их имущества, которое подлежит взысканию в счет возмещения причиненного ущерба» [12].

Действующее законодательство даёт кредиторам должника-участника ООО только право на обращение взыскания на его долю в уставном капитале [13]. Данный механизм фактически не работает, поскольку такие доли не являются ликвидными и, как правило, остаются за самими кредиторами. Банкротные инструменты также малоэффективны для решения этой проблемы. Даже законодательство о контроле за расходами госслужащих не позволяет государству обратить взыскание на имущество, оформленное на подконтрольные организации [14].

Таким образом, концепция «reverse piercing» до настоящего времени не получила широкого распространения в отечественной правоприменительной практике. К сожалению, на фоне неплохо развивающегося института прямой субсидиарной ответственности, доктрина «обратного прокалывания», которая возникла по тем же причинам, не получила должного внимания со стороны законодателя и судов. Неразрешённость данного вопроса создаёт для добросовестных кредиторов дополнительные риски, поскольку, извечная проблема низких входных требования для ведения бизнеса в России даёт возможность создавать «фирмы-однодневки» с одним учредителем, формально наделяя их правом собственности на имущество, фактически принадлежащее конечному бенефициару. При этом кажется непонятной позиция, полностью отвергающая данную доктрину со ссылкой на ее неприменение в странах континентального права. Ведь существующие в российском праве либеральные условия для создания ООО похожи именно на подход стран общего права, где в противовес этому активно применяются все виды «проникающей ответственности». В связи с этим, представляется целесообразным с учетом американского опыта предоставить кредиторам возможность защищать свои интересы путём «обратного снятия корпоративной вуали» с тех лиц, которые явно злоупотребляют правовой конструкцией подконтрольных им организаций («alter ego»).

Литература

1. Nicholas B. Allen Reverse Piercing of the of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice, St. John's Law Review, Volume 85 Number 3, Summer 2011, Article 6 p.1153.
2. Kingston Dry Dock Co. v. Lake Champlain Transp, 31 F.2d 265 (2d Cir. 1929) <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/31/265/1496663/>.
3. W.G. Platts v Platts, 49 Wn 2d 203 (1956); Shamrock Oil and Gas Co. v. Ethridge, 159 F.Supp. 693, (D.Colo.1958).
4. G. M. Leasing Corp. v. United States, 429 U.S. 338 (1977) Valley Finance, Inc. v. United States, 629 F.2d 162 (D.C. Cir. 1980). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/429/338/>.

5. Nicholas B. Allen Reverse Piercing of the of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice, St. John's Law Review, Volume 85 Number 3, Summer 2011, Article 6, p. 1156-1166.

6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43.

7. Пункт 3.1. статьи 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1998. № 7 № 7. С.785; СЗ РФ. 2021. № 7 (ч. 1).

8. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.

9. Егоров А.В., Усачева К.А. Нетипичные проявления доктрины снятия корпоративного покрова. Решение проблемы // Арбитражная практика. - 2014. - № 3.

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2012 по делу № 11-16173.

11. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27.03.2015 по делу № А33-3867/2014.

12. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 5 июля 2019 г. по делу № 22-2307/2019.

13. Статья 25 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 08.08.2024).

14. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50.

The concept of “reverse piercing of the corporate veil”: origin, legal nature and its applicability in russian law Panyushkin M.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The concept of “piercing the corporate veil” is not uniform and has its own variations and non-standard appearances. The most common is “direct piercing”, whereby a creditor of a legal entity can satisfy its claims from the assets of the participants (shareholders) of the company-debtor. This approach has its own history of development and approaches to application in different countries. At the same time, there are unconventional manifestations of this concept, in particular, the so-called “reverse piercing of the corporate veil”, which is the subject of this article. The name itself makes it clear that the “reverse” is a contrast to the classical approach, i.e. these are those cases when a corporation is held liable for the debts of its participants (shareholders). Accordingly, this article considers the doctrinal significance, the experience of applying “reverse piercing” in the United States, and the appropriateness of introducing this concept in Russia.

The purpose of this paper is to explore approaches to understanding the concept of “reverse piercing of the corporate veil” in the United States, as the jurisdiction where this doctrine was developed and first applied, as well as to analyse the current Russian legislation and case law for the possibility of justifying the use of this concept in our country.

The methods used in this paper include general scientific methods, such as analysis, synthesis, induction, as well as private-scientific methods: system analysis, a comparative legal method and functional analysis.

Based on the results of the research, it was found that modern Russian legislation and doctrine do not recognise the legal rationale for the concept of “reverse piercing of the corporate veil”. However, this is a problem, since practice shows that there is a clear appropriateness and political and legal justification for the introduction of this concept in legislation, primarily to prevent the unfair use of “corporate veil” in order to evade personal liability.

Keywords: corporate veil, alter ego doctrine, piercing the corporate veil, reverse piercing of the corporate veil, penetrating responsibility.

References

1. Nicholas B. Allen Reverse Piercing of the of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice, St. John's Law Review, Volume 85 Number 3, Summer 2011, Article 6 p.1153.
2. Kingston Dry Dock Co. v. Lake Champlain Transp, 31 F.2d 265 (2d Cir. 1929) <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/31/265/1496663/>.
3. W.G. Platts v Platts, 49 Wn 2d 203 (1956); Shamrock Oil and Gas Co. v. Ethridge, 159 F.Supp. 693, (D.Colo.1958).
4. G. M. Leasing Corp. v. United States, 429 U.S. 338 (1977) Valley Finance, Inc. v. United States, 629 F.2d 162 (D.C. Cir. 1980). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/429/338/>.
5. Nicholas B. Allen Reverse Piercing of the of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice, St. John's Law Review, Volume 85 Number 3, Summer 2011, Article 6, p. 1156-1166.
6. Federal Law dated 26 October 2002 No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy)” (ed. of 8 August 2024) // SZ RF. 2002. No. 43.
7. Paragraph 3.1. of Article 3 of the Federal Law dated 8 February 1998 No. 14-FZ “On Limited Liability Companies” (ed. of 8 August 2024) // SZ RF. 1998. № 7 № 7. P.785; SZ RF. 2021. No. 7 (part 1).
8. Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. Moscow: Statut, 2014.
9. Egorov A.V., Usacheva K.A. Non-typical manifestations of the doctrine of piercing of the corporate veil. Solution of the problem // Arbitrazh practice. - 2014. - № 3.
10. Appeal decision of the Moscow City Court from dated 8 August 2012 in case No. 11-16173.
11. Resolution of the Third Arbitrazh Court of Appeal dated 27 March 2015 in case No. A33-3867/2014.
12. Verdict of the Komsomolsky District Court of Togliatti, Samara Region, dated 5 July 2019 in case No. 22-2307/2019.
13. Article 25 of the Federal Law dated 8 February 1998 No. 14-FZ “On Limited Liability Companies” (ed. 8 August 2024).
14. Federal Law dated 3 December 2012 No. 230-FZ (ed. of 10 July 2023) “On control of consistency of expenditures of the persons holding public positions and of other persons with their incomes” // SZ RF. 2012. № 50.

Контроль за прямыми иностранными инвестициями в ЕС: перспектива для евразийского внутреннего рынка

Тарба Арзамет

аспирант, Московский Государственный Институт Международных Отношений Министерства иностранных дел России

В ЕС с 2020 г. после вступления в силу Регламент №2019/452 действует единое регулирование, касающееся проверки («скрининга») прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на территории Союза. В данном Регламенте установлены общие механизмы, по которым государства-члены во взаимодействии с институтами ЕС должны оценивать риски от инвестиционного капитала из третьих стран и в случае наличия серьезных угроз для общественного порядка и безопасности отклонять ПИИ. Подобное регулирование является инновационным для всех интеграционных объединений, поэтому опыт ЕС в данном случае может быть частично применен и в условиях евразийской интеграции. В настоящей статье исследуются особенности допуска ПИИ на рынки государств-членов ЕАЭС согласно их действующему национальному законодательству, а также оцениваются возможные перспективы принятия в ЕАЭС международного соглашения по типу Регламента №2019/452 со схожими целями и механизмами контроля ПИИ из третьих стран.

Ключевые слова: Европейский союз, Евразийский экономический союз, прямые иностранные инвестиции, инвестиционное законодательство, скрининг, Регламент №2019/452, общественный порядок, безопасность.

Несмотря на то, что в экономической литературе прямые иностранные инвестиции рассматриваются как значимый фактор обеспечения экономического роста, и в целом в условиях глобализации трансграничное перемещение капитала оценивается как позитивный процесс, в отдельных случаях чрезмерное присутствие иностранного капитала на том или ином внутреннем рынке может нести угрозу публичным интересам и ценностям (в том числе, экономической безопасности, общественному порядку и т.п.) [1, с. 36]. Поэтому как государства, так и интеграционные объединения заинтересованы в том, чтобы иметь надежные механизмы оценки и контроля за инвестиционными потоками, позволяющие в случае выявления угроз ограничивать данные потоки.

Несмотря на то, что исторически такие механизмы разрабатывались на уровне национального законодательства, в последние десятилетия в силу формирования «единого инвестиционного пространства» на внутреннем рынке интеграционных объединений исследователи все чаще стали указывать на необходимость гармонизации или даже унификации соответствующих правил, которые действовали бы на территории всего интеграционного объединения под контролем наднациональных институтов, отвечающих за функционирование внутреннего рынка.

Так, 11 октября 2020 года в ЕС вступил в силу Регламент (ЕС) №2019/452 (далее – Регламент о скрининге)¹⁴⁶, который впервые в истории правовой системы ЕС установил наиболее общие стандарты для проверки («скрининга») прямых иностранных инвестиций из третьих стран. Несмотря на то, что данный акт не направлен на полную гармонизацию механизмов контроля ПИИ в ЕС и не заменяет национальные механизмы проверки ПИИ наднациональным регулированием, он, тем не менее, способствует сотрудничеству, обмену информацией и обеспечению минимального уровня прозрачности в отношении контроля ПИИ между Европейской комиссией и государствами-членами.

Так, ст. 3(1) Регламента о скрининге прямо предусматривает, что «государства-члены могут поддерживать, изменять или принимать механизмы проверки прямых иностранных инвестиций на своей территории по соображениям безопасности или общественного порядка». Однако Регламент требует от государств-членов прозрачности в отношении об-

¹⁴⁶ Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // OJ L 791, 21.3.2019, p. 1–14.

стоятельств, при которых конкретные инвестиционные проекты будут проходить проверку, а также в отношении тех процедур, которые будут применяться в этом случае. В частности, государства-члены в силу положений Регламента о скрининге обязаны установить такие сроки проверки, которые будут обеспечивать возможность получения и учета комментариев от других государств-членов, а также мнения Еврокомиссии [2, с. 152].

Регламент о скрининге также требует, чтобы национальные механизмы проверки ПИИ не допускали дискриминации по отношению к третьим странам, защищали конфиденциальную (включая коммерчески важную) информацию и предоставляли иностранным инвесторам право обжаловать «негативные», т.е. принятые не в их пользу решения о допуске инвестиций.

Регламент устанавливает обязанность государств-членов сообщать Комиссии о действующих в рамках их законодательства механизмах проверки ПИИ (и любых изменениях в них). Комиссия ведет общедоступный список этой информации. Государства-члены также обязаны ежегодно отчитываться о применении национальных механизмов проверки ПИИ (а именно – сообщать информацию о всех ПИИ, имевших место на их территории, сведения о транзакциях, наложенных запретах и ограничениях, сумме инвестиционных проектах, источниках происхождения ПИИ и т.п.). Отдельный блок норм Регламента о скрининге посвящен различным механизмам сотрудничества принимающего государства – как с другими государствами-членами ЕС, так и с Еврокомиссией.

Разумеется, в условиях евразийской интеграции модель допуска ПИИ в экономику государств-членов отличается от той, которая действует в Евросоюзе: здесь национальное законодательство пока не гармонизировано, а на уровне учредительных документов сама сфера инвестиционного регулирования не отнесена к компетенции наднациональных институтов (как это с 2009 г. происходит в ЕС). Вопросы свободы учреждения в отношениях с третьими государствами полностью находятся в компетенции самих государств-членов. Однако, поскольку в ЕАЭС действует единый внутренний рынок со свободой перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, где участники интеграции договорились о перманентном сокращении барьеров, изъятий и ограничений для торговли и инвестиций, право ЕАЭС, безусловно, не может не влиять на инвестиционную деятельность.

Сама актуальность ограничений ПИИ обострилась в 2020-м г., когда экономический кризис, вызванный негативными последствиями пандемии COVID-19, вызвал к жизни такое явление, как «экономический патриотизм», в рамках которого практически каждое государство, в более или менее серьезной степени пострадавшее от кризисных явлений,

озаботилось вопросами защиты от поглощения своих компаний платежеспособными иностранными инвесторами (например, из стран, которых пандемия затронула в меньшей степени) [3, с. 44]. Однако и до 2020 г. в рамках общей политики экономического протекционизма многие страны принимали законодательство для защиты своего рынка от иностранного капитала в «чувствительных» секторах (оборона и безопасность, общественный порядок, общественное здоровье, приоритетные отрасли экономики и т.п.). Иностранная экспансия здесь вполне понятным причинам рассматривается как негативное явление, в силу чего тем или иным образом в странах-членах ЕАЭС предусматриваются различные ограничения для допуска на рынок – и, как следствие, изъятия из свободы учреждения.

Наиболее последовательную и детальную регламентацию такие вопросы получили в законодательстве Российской Федерации, где еще с 2008 г. действует специальный федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁴⁷. Уже на уровне наименования данного акта виден предмет его регулирования – это ограничение иностранных инвестиций в уставный капитал определенных юридических лиц (причем исключительно в форме хозяйственных обществ), которые заняты в отраслях, имеющих ключевое («стратегическое») значение для обороны и безопасности государства [4, с. 55]. Это ограничение носит следующий характер: специальная правительственная комиссия должна одобрить заявки иностранного инвестора на приобретение доли в уставном капитале стратегически значимых компаний (перечень которых установлен Правительством РФ), а также в отдельных случаях на приобретение их имущества, если такие сделки влекут за собой установление корпоративного контроля (основной критерий – приобретение более 25% уставного капитала или получение возможности блокирования решений органов корпоративного управления).

Отметим, что определенные ограничения установлены и в ст. 6 Закона РФ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹⁴⁸, где для обеспечения публичных интересов (оборона и безопасности страны) указанная выше правительственная комиссия «уполномочена давать предварительное согласие в отношении любых сделок иностранных инвесторов в российских хозяйственных обществах, вне зависимости от того, функционируют ли они в стратегически значимых отраслях экономики».

Предварительному согласованию в том же порядке подлежат также сделки, которые совершаются иностранными государствами, международными организациями или находящимися под их контролем российскими юридическими лицами, в результате которых приобретает право прямо или

¹⁴⁷ Федеральный закон от 29.04.2008 №57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Собрание законодательства РФ, 05.05.2008, N 18, ст. 1940.

¹⁴⁸ Федеральный закон от 09.07.1999 N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.07.1999, №28, ст. 3493.

косвенно распоряжаться более чем 25% общего количества голосующих акций, либо же иная возможность блокировать решения органов корпоративного управления [3, с. 46].

В другом государстве-члене ЕАЭС, Казахстане, тоже существуют определенные ограничения для капиталовложений иностранных инвесторов. Эти вопросы урегулированы в Законе «О национальной безопасности»¹⁴⁹. В ст. 22 данного нормативно-правового акта указывается, что для укрепления промышленного потенциала страны и обеспечения ее безопасности государство в лице уполномоченных органов организует контроль за тем, как используются объекты хозяйственной жизни, находящиеся в собственности или в управлении иностранных субъектов (равно как и местных юридических лиц с иностранным участием).

В частности, правовой формой такого контроля, как и в России, является предварительное согласование сделок иностранного инвестора или компании, находящейся под его контролем, «если такие сделки влекут за собой распоряжение стратегическими ресурсами или приобретение стратегических объектов, в результате чего осуществляется концентрация прав у одного лица или группы лиц из одной страны».

Дополнительные ограничения также содержатся в законе Республики Казахстан «О рынке ценных бумаг»¹⁵⁰. Здесь указывается, что эмитенты ценных бумаг, которые контролируются национальным управляющим холдингом (особая организационно-правовая форма юридического лица в казахстанском правовом порядке, где единственным учредителем и акционером является государство), по специальному решению Правительства Казахстана должны ограничивать продажу своих акций на фондовых биржах иностранцам (физическим и юридическим лицам). Тем самым реализуется право государства ограничивать приобретение иностранными инвесторами компаний с преобладающим государственным участием (притом не по решению данных компаний, а по специальному распоряжению правительственных органов).

Также казахстанское законодательство устанавливает различные секторальные ограничения для иностранных инвесторов, которые тоже косвенно имеют отношение к обеспечению безопасности и обороны. В частности, иностранцы не могут владеть или управлять более чем 20% акций или долей в уставном капитале юридических лиц, которые являются собственниками СМИ. Это своего рода мера по обеспечению информационной безопасности ввиду того, что посредством участия иностранного капи-

тала в структуре казахстанских СМИ может обеспечиваться проведение информационной политики в интересах иностранных государств.

Также казахстанское законодательство ограничивает порогом в 49% предельное количество акций (долей) иностранных инвесторов в компаниях, функционирующих в сфере телекоммуникаций и связи, а также инфраструктуры Интернета. Для того, чтобы данный порог был превышен (например, как это сегодня реализуется в отношении китайских проектов по внедрению вышек стандарта связи 5G) требуется специальное разрешение от правительства Республики Казахстан, которое, в свою очередь, проводит консультации по данному вопросу с профильным органом в области связи и информации, а также с органом обеспечения национальной безопасности. Подобные ограничения являются нормой для большинства государств, поскольку компании-операторы услуг связи работают в стратегически значимой для обороны государства сфере.

В Кыргызстане для зарубежных инвесторов также действует ряд изъятий и ограничений. В частности, в целях обеспечения национальной безопасности Законом Кыргызской Республики «О стратегических объектах»¹⁵¹ установлены специальные условия в отношении прав собственности на стратегические объекты и ресурсы, а именно предусмотрено ограничение на их возникновение и переход. Так, собственник (юридическое лицо) должен получить от уполномоченного государственного органа разрешение «на совершение сделок по использованию стратегических ресурсов и (или) использованию, приобретению стратегических объектов». Согласно п. 2 ст. 2 данного Закона, установленный в настоящей статье перечень стратегических объектов может быть дополнен.

В рассматриваемом контексте представляет интерес опыт Беларуси, использующей специфическую правовую модель ограничений в отношении допуска ПИИ. Так, в Законе «Об инвестициях»¹⁵² закреплён принцип равенства инвесторов. Иными словами, принадлежность инвестиций к категории национальных или иностранных не определяет дифференциацию правового регулирования инвестиционных отношений на территории РБ. Данный принцип в полной мере распространяется и на ограничения допуска ПИИ.

В этой связи обратимся к ст. 6 данного Закона. В ней установлены следующие условия ограничений при осуществлении инвестиций:

1. Без согласия государственного антимонопольного органа запрещено инвестирование в имущество реципиента-юридического лица;

¹⁴⁹ Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527/info> (дата обращения: 14.06.2024)

¹⁵⁰ Закон Республики Казахстан от 2 июля 2003 года № 461-II «О рынке ценных бумаг» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1041258 (дата обращения: 12.06.2024)

¹⁵¹ Закон Кыргызской республики от 23 мая 2008 года № 94 «О стратегических объектах Кыргызской Республики» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202305/edition/4486/ru> (дата обращения: 15.06.2024)

¹⁵² Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» от 12 июля 2013 г. № 53-3 [Электронный ресурс]. URL: [https://zakony-by.com/zakon_rb_ob_investitsiyah.htm](https://zakony.by.com/zakon_rb_ob_investitsiyah.htm) (дата обращения: 14.06.2024)

2. Не допускается осуществление инвестиций в запрещенные на территории РБ виды деятельности;

3. В целях обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, здоровья населения, прав и свобод граждан могут устанавливаться соответствующие ограничения на основании специализированных законов.

В Армении, в отличие от рассмотренных национальных правовых актов, не установлены ограничения доступа ПИИ. Закон РА «Об иностранных инвестициях»¹⁵³ в целом направлен на организационно-правовое и экономическое стимулирование зарубежных инвесторов путем создания предпосылок для привлечения ПИИ.

Таким образом, вопросы допуска ПИИ в ЕАЭС сегодня регулируются именно на уровне национального законодательства. В Договоре о ЕАЭС и Приложениях к нему содержатся нормы, посвященные лишь снятию барьеров для «внутренних» ПИИ, т.е. если инвестирование происходит на территории одного государства-члена инвестором из другого государства-члена. Как и в учредительных договорах ЕС, здесь установлены критерии, по которым государства-члены могут вводить ограничения даже на взаимные ПИИ. Представляется, что полная отмена барьеров для взаимных инвестиций, которые сегодня установлены в рамках законодательства, призванного защитить публичные интересы (в первую очередь – в области обороны и безопасности государств-членов ЕАЭС) в ближайшее время невозможна, да и нецелесообразна – тем более, что соответствующие ограничения, как показывает опыт ЕС, могут сохраняться даже при гораздо более серьезной глубине интеграции.

Однако, признавая приоритет суверенитета государств в интеграционных процессах, крайне важно не допустить ситуации, при которой государства-члены ЕАЭС с протекционистскими целями будут использовать свое законодательство об ограничении иностранных инвестиций в отношении своих партнеров по Союзу. В наибольшей степени в этом заинтересована Российская Федерация как наиболее развитое в экономическом плане государство, чья экспансия на рынки других государств-членов ЕАЭС может быть негативно воспринята их правительствами и затормозиться за счет принятия различных ограничительных мер, принимаемых, якобы, в целях защиты обороны, безопасности и других публичных интересов.

Решение данной проблемы видится в усилении роли ЕЭК и Суда ЕАЭС в рассмотрении вопросов о соответствии вводимых мер и законодательства государств-членов ЕАЭС, на основании которого такие меры принимаются, базовым принципам инвестиционного права ЕАЭС. В частности, необходимо рассматривать любые новые ограничения, которые вводятся государством, как возможные препятствия

на пути к свободе учреждения – и оценивать их правомерность уже на уровне соотношения национальных норм и права ЕАЭС.

Впрочем, минимизация барьеров на пути к перемещению капитала «внутренних» иностранных инвесторов в рамках ЕАЭС и установление схожего правового режима, на основе которого ограничения все-таки могут быть введены – это лишь одна из приоритетных задач [5, с. 78]. Вторая – это защита внутреннего рынка ЕАЭС от негативных эффектов притока ПИИ со стороны третьих стран. Иными словами, параллельно с тем, как внутри Союза должно формироваться единое инвестиционное пространство, в отношениях с третьими странами должен вводиться единообразный режим, который будет решать те же задачи, что и Регламент ЕС о скрининге.

Указанное направление реформ в инвестиционном праве ЕАЭС особенно актуально с точки зрения обеспечения национальных интересов России на евразийском пространстве. Как справедливо подчеркивается в экономической литературе, сегодня агрессивная политика более платежеспособных инвесторов (происходящих, как правило, из Китая и контролируемых со стороны правительства КНР, либо же из стран-членов ЕС) может угрожать позициям России как ключевого инвестора на рынках других государств-членов ЕАЭС¹⁵⁴. В частности, как Китай, так и отдельные страны Европы сегодня проявляют все больший интерес к поощрению экономической деятельности своих инвесторов на постсоветском пространстве. Темпы роста ПИИ из этих регионов в последние годы превышают темпы роста российских инвестиций, а где-то конкуренцию с российскими показателями составляют уже и ежегодные объемы сумм инвестиционных проектов из третьих стран. Это может негативно сказаться не только на российских интересах, но и в целом на состоянии внутреннего рынка ЕАЭС.

Как указывают Л.Л. Разумнова и Т.Е. Мигалева, как и в странах Евросоюза, «Китай использует в отношении стран-партнеров России по ЕАЭС стратегию выстраивания независимых двусторонних отношений, игнорируя тот факт, что каждое из этих государств должно учитывать также общие интересы Союза» [6, с. 16]. В ближайшем будущем, по мнению данных авторов, это может привести к столкновению интересов российских и китайских инвесторов, а также ослабить экономическое влияние России на всем евразийском пространстве.

Как следствие, в перспективе, когда уровень интеграции стран-членов ЕАЭС будет еще глубже, необходимо единообразное регулирование оценки объемов ПИИ из третьих стран, которое может быть принято только на наднациональном уровне. В основу такого регулирования должны быть положены нормы действующего национального законодательства государств-членов, поскольку рассмотренные

¹⁵³ Закон Республики Армения от 31 июля 1994 года № ЗР-115 «Об иностранных инвестициях» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mineconomy.am/ru/page/2488> (дата обращения: 14.06.2024)

¹⁵⁴ Башкатова А. Китай инвестировал в страны СНГ в полтора раза больше России [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-12-21/4_8621_china.html (дата обращения: 25.04.2024)

выше ограничения по большей части схожи друг с другом и в своей основе имеют общую цель – обеспечение стратегически значимых публичных интересов, включая оборону и безопасность.

Таким образом, предлагается начать разработку международного соглашения между государствами-членами ЕАЭС о проверке ПИИ из третьих стран для выявления, оценки и минимизации потенциальных рисков для безопасности или общественного порядка, а также интересов внутреннего рынка ЕАЭС. В основу такого соглашения должны быть положены нормы действующего национального законодательства государств-членов, поскольку ограничения для ПИИ здесь схожи друг с другом и в своей основе имеют общую цель – обеспечение стратегически значимых публичных интересов. Также важно учитывать и позитивный опыт ЕС в части механизмов, разработанных в рамках Регламента №2019/452. ЕЭК должно быть предоставлено право выносить заключения о рисках конкретных инвестиционных сделок, которые в обязательном порядке должны учитываться национальными регуляторами. В противном случае по мере углубления интеграции могут обостриться риски, что ПИИ в одном государстве-члене могут представлять угрозу безопасности или общественному порядку в другом государстве-члене или же во всем ЕАЭС.

Литература

1. Павлов К.В., Носова О.В., Митрофанова И.В., Корсакова И.В. Прямые иностранные инвестиции как фактор экономического роста: общее и особенное // Экономика и экологический менеджмент. 2017. №1. С. 47.
2. Кулинич А.Д. Регулирование прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. №1.
3. Царева Л.В. Ограничение прямых иностранных инвестиций: правовые аспекты в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №1.
4. Квашнина И.А. Иностранные инвестиции в Россию: возможности и ограничения // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №12.
5. Чугуевская Е.В. Развитие международного инвестиционного права в рамках Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №3 (37).
6. Разумнова Л.Л., Мигалева Т.Е. Новое регулирование скрининга прямых иностранных инвестиций в европейском союзе и интересы России // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2020. №3 (111).

Foreign Direct Investment Controls in the EU: Prospects for the Eurasian Internal Market

Tarba A.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

In the EU, a common regulation concerning the screening of foreign direct investment (FDI) within the Union has been in force since 2020 following the entry into force of Regulation No. 2019/452. This Regulation establishes common mechanisms for Member States, in cooperation with EU institutions, to assess the risks from investment capital from third countries and to reject FDI if there are serious threats to public order and security. Such regulation is innovative for all integration associations, so the EU experience in this case can be partially applied in the conditions of Eurasian integration. This article examines the specifics of FDI admission to the markets of the EAEU member states under their current national legislation and assesses the possible prospects for the EAEU to adopt an international agreement along the lines of Regulation No. 2019/452 with similar objectives and mechanisms for controlling FDI from third countries.

Keywords: European Union, Eurasian Economic Union, foreign direct investment, investment legislation, screening, Regulation No. 2019/452, public order, security.

References

1. Pavlov K.V., Nosova O.V., Mitrofanova I.V., Korsakova I.V. Foreign direct investment as a factor of economic growth: general and specific // Economy and environmental management. 2017. No. 1. P. 47.
2. Kulinich A.D. Regulation of foreign direct investment in the European Union // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 1.
3. Tsareva L.V. Restriction of foreign direct investment: legal aspects in the context of Eurasian integration // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 1.
4. Kvashnina I.A. Foreign investment in Russia: opportunities and limitations // Russian Foreign Economic Bulletin. 2014. No. 12.
5. Chuguevskaya E.V. Development of International Investment Law within the Framework of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. No. 3 (37).
6. Razumnova L.L., Migaleva T.E. New Regulation of Screening of Foreign Direct Investments in the European Union and the Interests of Russia // Bulletin of the Plekhanov Russian Economic University. 2020. No. 3 (111).

Правовое регулирование и перспективы развития интеллектуальной собственности

Колдаева Татьяна Николаевна

к.э.н., магистрант направления «Юриспруденция» (гражданско-правовой профиль) Университета «Синергия»

В статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования объектов интеллектуальной собственности в условиях глобальной цифровой экономики. Проанализированы основные международные и национальные законодательные акты, регулирующие данную область, а также проблемы, с которыми сталкиваются правообладатели в процессе защиты своих прав. Особое внимание уделяется транснациональному характеру интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, актуализирует потребность в гармонизации национальных законодательств и разработки эффективных механизмов международного сотрудничества. В статье обсуждаются перспективы развития правовых норм с учетом стремительного прогресса технологий, включая искусственный интеллект, метавселенные, блокчейн и NFT-токенизацию, которые меняют традиционные подходы к защите интеллектуальной собственности. Автор подчеркивает необходимость модернизации правовых институтов и формирования единой глобальной инфраструктуры для повышения уровня защиты прав интеллектуальной собственности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, токен, NFT, цифровизация, метавселенная, искусственный интеллект

Первые попытки законодательной фиксации прав на создаваемые человеком нематериальные ценности были предприняты около 6 столетий назад [15, с. 44]. За этот период институт интеллектуальной собственности получил статус одного из самых сложных, многокомпонентных и важных сегментов национальных и наднациональных правовых систем. При этом, во все исторические периоды реальная практика в области создания образцов нематериальной культуры существенно опережала букву Закона. Современный этап не является исключением – глобализация, цифровизация, технологизация современного общества приводят к тому, что законодательные массивы, регулирующие интеллектуальную собственность, устаревают как никогда быстро. В условиях интенсивного развития информационных технологий и глобальных сетей обмена информацией интеллектуальная собственность становится стратегическим ресурсом, который не только обуславливает динамику инновационного развития государства, но и является важным элементом конкурентоспособности предпринимательских структур на национальном и международном уровнях.

Несмотря на некоторые достижения российского законодателя в разработке механизмов правовой защиты интеллектуальной собственности, существует значительное количество пробелов – правовая система не успевает адаптироваться к стремительным изменениям технологической среды. В данной связи весьма актуальным и важным нам представляется анализ правовых и методологических «пробелов» в регулировании института интеллектуальной собственности в целях дальнейшей акселерации отечественного законодательного процесса.

В российской науке и науке стран ближнего зарубежья уже накоплено немало исследований, посвященных вопросам защиты прав на интеллектуальную собственность. Исследователи активно изучают вопросы, связанные с уточнением понятия «интеллектуальная собственность» ввиду появления новых ее разновидностей [26], [22], [19] и др.; вопросы, связанные со внедрением искусственного интеллекта в массовую практику и соответствующих изменений правовых систем [23], [25], [24], [17], вопросов модернизации российского законодательства в связи с цифровизацией гражданско-правовых отношений [7], [2], [14], [28] и др., вопросов «оцифрованных» результатов научных трудов [5], [10], ситуаций неправомерного использования географического наименования продукта [27], [6], контрафакта [14], произведений, созданных пользователями Сети [8] и др. Тем не менее, тематика, рассматриваемая нами, весьма обширна и изменчива – поэтому

крайне важно систематически и планомерно углублять научно-теоретические представления о будущих векторах развития института интеллектуальной собственности.

Анализ существующих недостатков законов возможен лишь при следовании междисциплинарному подходу – с позиции юриспруденции и судебной практики, экономики, социологии, политологии, программирования, этики и экономики [15, с. 44].

Следует также сказать, что актуальность данной проблематики обусловлена также и тем, что многие нормы российского законодательства функционируют недостаточно эффективно в текущих условиях; во многом это сдерживает макроэкономический рост и темпы наращивания интеллектуального капитала страны. По мнению Н. Д. Дмитриева, эффективная защита интеллектуальной собственности позволяет достигнуть существенных общестрановых экономических успехов за счет оперативного «воспроизводства интеллектуального капитала посредством превращения результатов интеллектуальной деятельности в объекты интеллектуальной собственности» [4, с. 336].

Терминологическая категория «интеллектуальная собственность» впервые была введена в научно-теоретический и законодательный оборот французскими цивилистами XVIII в. В рамках французской юридической (правовой) парадигмы интеллектуальная собственность рассматривалась в качестве естественного права. Творческий человек, будучи от природы одаренным, создает произведения естественным образом проистекает из природного характера интеллекта и экспрессивных способностей автора данного произведения. В европейской науке данные умозаключения получили развитие на последующих этапах развития юридической науки и практики; постулат о том, что созданная ценность – материальная или духовная – принадлежит исключительно ее создателю на основании естественного права владения стал фундаментальным для последующей эволюции института права интеллектуальной собственности.

Д. С. Милинчук определяет понятие «интеллектуальная собственность» посредством перечисления нематериальных ценностей, входящих в данное понятие: результаты научного творчества, произведения литературы, изобразительного искусства и иных творческих форм, компьютерные программы и базы данных, исполнения, фонограммы, сообщения, транслируемые в эфире или по радио, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные разработки, топологии интегральных микросхем, ноу-хау, фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения [18, с. 72]. Схожий подход применяется и российским законодателем (см. п. 1 ст. 1225 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Представляя схожий перечень, С. В. Исаева и С. В. Старцева также указывают на то, что интеллектуальная собственность являет собой

один из элементов национальной экономической системы, а также системы права и культурного наследия страны [9, с. 75].

А. Ягшимурадова и Д. Дурдыева предлагают следующую дефиницию интеллектуальной собственности: «результаты творческой, интеллектуальной деятельности, а также приравненные к ним по правовому режиму средства индивидуализации юридических лиц, продукции, работ и услуг», а также соответствующие вышеперечисленным ценностям исключительные права гражданина или юридического лица на них [29, с. 112].

Безусловно, само по себе наличие нематериальной ценности предполагает наличие ее владельца, а тот факт, что нематериальные ценности могут быть переданы, ретранслированы, копированы гораздо легче и проще, чем ценности материальные, подразумевает, что именно нематериальные ценности нуждаются в особой защите – со стороны владельца, общества, государства и Закона. Данный тезис, собственно, объясняет необходимость в создании и поддержании эффективности системы защиты прав на интеллектуальную собственность посредством соответствующего института и отрасли права.

На официальном уровне характерные черты института правовой системы защиты прав на интеллектуальную собственность были впервые зафиксированы гораздо позднее – в 1967 г. в тексте Стокгольмской конвенции. Всемирная организация интеллектуальной собственности, созданная на данном этапе, впервые озвучила правовую дефиницию интеллектуальной собственности: «право на конкретные результаты, достигнутые в сферах производства, научной литературы и искусства» [26, с. 148].

В современных источниках и актах законодательства институт интеллектуальной собственности определяется в качестве совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных «норм, правил, отношений, механизмов и процессов формирования, воспроизводства и практического использования продуктов интеллектуального труда» [4, с. 336].

О. А. Чарыева определяет право интеллектуальной собственности в качестве подотрасли гражданского права, в рамках которой происходит фиксация и модернизация правовых норм и институтов, регулирующих отношения в сфере возникновения, использования и защиты объектов интеллектуальной собственности [26, с. 150].

Как указывает А. Р. Рябоконь, институт интеллектуальной собственности создан исключительно в целях защиты от посягательств на нематериальные ценности – но только на те из них, которые «прямо указаны в законе в качестве охраноспособных» [27, с. 149]. Из этого следует, что защитить можно не все виды интеллектуальной собственности: так, к интеллектуальной собственности, которая не подлежит защите, относятся идеи и теории. На основании видов интеллектуальной собственности, подлежащих защите, можно выделить основные направления защиты прав (Таблица 1):

Таблица 1

Направления мер по защите прав по критерию видов интеллектуальной собственности

Направление	Содержание мер	Примеры законодательных положений
Авторские права	Авторское право формируется в результате создания и использования научных трудов и исследований, произведений литературы и искусства, существующие в объективной форме (аудиовизуальной, письменной, устной) Правообладатель имеет исключительное право на (1) использование объекта интеллектуальной собственности, (2) получение дохода от его пользования другими лицами. Срок действия исключительных прав для объектов данной категории исчисляется следующим образом: в течение жизни автора и 70 лет после его смерти.	ч. 1 ст. 1259 ГК РФ, гл. 70 ГК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 1281 ГК РФ.
Патентные права	Патентное право представляет собой право на процессы и методы промышленного производства. Подобные права действуют в течение определенного срока с возможностью пролонгации при подаче заявления; по окончании действия права объект попадает в общественное использование.	ч. 1 ст. 1263 ГК РФ.
Права на средства индивидуализации	Средства индивидуализации – фирменное наименование, товарный знак, наименование локации происхождения товара, коммерческие обозначения). Права на средства индивидуализации могут действовать бессрочно, если знак находится в использовании.	ч. 1 ст. 1225 ГК РФ, ч. 1 ст. 1475 ГК РФ.
Права на нетрадиционные объекты	Нетрадиционные объекты – секреты производства и селекционные достижения, посредством которых субъект хозяйствования обретает конкурентное преимущество на рынке.	Гл. 75 ГК РФ, гл. 73 ГК РФ.
Права, смежные с авторскими	Право на фонограмму, право организаций эфирного и кабельного вещания, изготовителя базы данных и публикатора на произведение. Смежные права функционируют вне зависимости от наличия авторского права.	Гл. 71 ГК РФ, ч. 3 ст. 1303 ГК РФ.

Примечание: собственная разработка с использованием материалов [26, с. 150], [9, с. 76] и др.

Несмотря на то, что национальные законодательные массивы, как правило, дают весьма исчерпывающее представление об объектах интеллектуальной собственности, мерах и способах их защиты, динамика роста объемов оборота результатов интеллектуальной деятельности и возникновение новых видов интеллектуальной продукции обуславливают необходимость в постоянном редактировании положений закона. Так, Г. В. Княгинина с соавт. отмечает: в российском законодательстве уже накопилось немало противоречий и пробелов в регулировании отношений интеллектуальной собственности, что приводит к нарастанию масштаба нелегального оборота объектов интеллектуальной собственности [13, с. 36]. Рассмотрим некоторые актуальные проблемные аспекты более подробно.

Необходимость международной интеграции национальных систем защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Транснациональная циркуляция и диффузия объектов интеллектуальной собственности, обеспечиваемая цифровыми средами, требует скоординированных усилий на глобальном уровне [12, с. 36]. В условиях глобализации и активного международного обмена товарами, услугами, информацией и технологиями, изолированные национальные правовые системы зачастую оказываются неэффективными в борьбе с нарушениями интеллектуальных прав.

Во-первых, международная консолидация необходима в плане гармонизации национальных законодательств. Неоднородность правовых режимов, распространяющихся на нематериальные ценности, создает правовые коллизии и затрудняет защиту прав интеллектуальной собственности в транснациональном контексте. К примеру, патент, выданный в одной стране, может не быть признан в другой, что приводит к правовой неопределенности и росту рисков для владельцев интеллектуальных активов. Страны должны стремиться к унификации норм и стандартов, а также к созданию международной документации обязывающего (не рекомендательного) характера. А. И. Ахсанова указывает: ужесточение норм, усиление правоприменения не только в пределах государства, но и на международном уровне позволит «защитить права новаторов и творцов и внести свой вклад в создание более здоровой и справедливой бизнес-среды» [1, с. 222].

Во-вторых, налицо потребность в создании общей международной инфраструктуры для защиты интеллектуальной собственности, которая включала бы единые базы данных, механизмы быстрого обмена информацией о нарушениях, институты для разрешения трансграничных споров. Подобные инициативы будут способствовать упрощению процедур регистрации и защиты прав интеллектуальной собственности, снижению правовой и административной нагрузки на бизнес-единицы, повышению транспарентности и степени контролируемости транснациональной диффузии интеллектуальной собственности.

Некоторые шаги в данной области уже были предприняты: так, Россия активно участвует в ряде международных соглашений и конвенций, направленных на унификацию правовых режимов и содействие эффективной охране прав интеллектуальной собственности. Среди наиболее значимых международных актов можно выделить следующие: Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.), Патентная кооперационная система (1970 г.), Конвенция Всемирной организации интеллектуальной собственности (1967 г.). Соглашение ТРИПС (Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, 1994 г.), Марракешский договор (2013 г.), Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям (2012 г.). Кроме того, потребность в координации наднациональных усилий декларируется во множества уставных документов и соглашений международных организаций, членом которых выступает Россия. Охрана прав на объекты интеллектуальной собственности, к при-

меру, обозначена среди приоритетных задач в тексте Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [30, с. 87].

Цифровое пиратство как феномен современной эпохи. Экономисты, политологи, философы, праведы и специалисты многих других областей обращаются к различным аспектам киберпреступности. Киберпреступность, согласно Х. Кулиеву, представляет собой «деятельность преступников в информационном пространстве», направленная на электронный контент или цифровую инфраструктуру [11, с. 910].

Цифровая экономика стала возможной лишь потому, что информация как таковая приобрела ценность [16, с. 201]. Электронные среды, отмечает А. В. Гаврилюк, позволяют осуществлять мгновенный обмен электронными книгами, программным обеспечением, текстами, графической, музыкальной, аудиовизуальной информацией [3, с. 22]. Данное обстоятельство естественным образом обусловило всплеск количества случаев незаконного копирования, незаконного распространения чужих результатов интеллектуальной деятельности – как в пределах «белого» Интернета, так и в Deep Web и Dark Web [21, с. 120].

Помимо диффузии новых произведений, обострилась также проблема определения прав на результат при оцифровке старых произведений – тех, для которых отмеченный в Таблице 1 срок давности еще не истек.

Законодатель, кроме того, еще не выработал точной позиции в отношении ситуаций, где современные фоторедакторы, работающие на основе нейросетей и машинного обучения, создают подделки произведений искусства. И. В. Понкин и А. И. Лаптева указывают, помимо прочих, на проблему нечеткой правовой классификации для объектов, являющих собой превращенную 2D-картину в виртуально достроенный 3D-объект, в полноценную цифровую 3D-модель-двойник. Не до конца ясно, будет ли в таком случае иметь место глубинная переработка с созданием производного произведения (пп. 1 п. 2 ст. 1259 и п. 1 ст. 1260 ГК РФ, ст. 220 ГК РФ), либо же создание нового произведения [21, с. 120].

Искусственный интеллект как автор и правообладатель. Тема авторства и правообладания в контексте создания произведений искусственным интеллектом вызывает серьезные правовые дискуссии: существующие правовые системы, регулирующие вопросы интеллектуальной собственности, ориентированы на защиту произведений, созданных людьми. По мере развития технологий машинного обучения и генеративных моделей возникает необходимость законодательной фиксации участников оборота объектов интеллектуальной собственности. Так, в частности, в рамках традиционных представлений автором выступает лицо, создавшее оригинальное произведение. Искусственный интеллект, в свою очередь, действует на основе данных и алгоритмов, что технически и юридически не позво-

ляет наделить его правосубъектностью и, следовательно, автором объекта интеллектуальной собственности.

Все чаще в научном массиве можно встретить позицию о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью – подобно юридическому лицу [23, с. 54]. Базисом данной позиции выступает тот факт, что права на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом, должны сохраняться за его создателем – самим искусственным интеллектом. Тем не менее, права на программу, в рамках которой используется искусственный интеллект, сохраняются за разработчиками или передаются ими владельцам-юридическим лицам. Таким образом, возникает противоречие двойного правообладания.

Метавселенная как новый тип правового пространства. Следует согласиться с И. В. Понкиным в том, что мы наблюдаем беспрецедентный феномен миграции «различных частей человеческого опыта из физического мира во всё более захватывающий виртуальный мир» [20, с. 118]. Одним из индикаторов «размытия» границ между цифровыми пространством и реальным миром выступает метавселенная.

На периферии законотворческого процесса остаётся множество вопросов, связанных с правовой охраной и защитой прав интеллектуальной собственности на объекты, созданные внутри метавселенной. Пользователи, оказывающиеся внутри метавселенных, способны создавать собственные произведения посредством персональных аватаров и встроенных в них элементов искусственного интеллекта. Подобные произведения на данный момент не подлежат защите посредством конвенциональных механизмов, хотя за рубежом (в большинстве случаев – в системе англосаксонского права) уже накоплена массивная судебная практика в данной области [20, с. 123].

Можно также отметить проблему неурегулирования практики коммерциализации объектов интеллектуальной собственности посредством NFT-токенов, хранящих всю информацию о цифровом объекте, включая сведения об авторском праве и тех транзакциях, которые претерпевал данный объект [10, с. 8]. Токены являются продуктом цифровой среды и не могут быть представлены в реальном мире, получить свое «ощутимое» воплощение, но тем не менее, колоссальный объем рынка NFT не позволяет игнорировать данную новацию в гражданско-правовых отношениях.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

- Интеллектуальная собственность нуждается в особой защите, что подчеркивает необходимость постоянного развития и совершенствования правовой системы. Институт интеллектуальной собственности представляет собой один из наиболее сложных и многосоставных сегментов правовых систем.
- Практика в области создания нематериальных объектов всегда опережала законодательное

регулирование, что сохраняется и в текущих условиях глобализации и цифровизации. Быстрое развитие технологий приводит к устареванию правовых норм, тогда как интеллектуальная собственность становится стратегическим ресурсом, влияющим на инновации и конкурентоспособность целого государства.

– Налицо потребность в международной интеграции национальных систем защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

– Среди актуальных, но малоизученных феноменов в области интеллектуальной собственности – цифровое пиратство, искусственный интеллект, метавселенные.

Литература

1. Ахсанова, А. И. Недобросовестная конкуренция с использованием результатов интеллектуальной собственности / А. И. Ахсанова. непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 45 (492). – С. 220-222.
2. Баттахов, П. П. Правовые проблемы в сфере интеллектуальной собственности в законодательстве Российской Федерации / П. П. Баттахов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 7 (199). – С. 9-12.
3. Гаврилюк, А. В. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: теоретические и практические аспекты / А. В. Гаврилюк // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 20-33.
4. Дмитриев, Н. Д. Институт интеллектуальной собственности в комплексной социальной системе: экономико-правовой аспект / Н. Д. Дмитриев // E-Scio. – 2021. – № 9 (60). – С. 333-349.
5. Евсюкова, М. А. Интеллектуальная собственность в научно-образовательной среде / М. А. Евсюкова // International scientific review. – 2021. – № LXXXIII. – С. 28-31.
6. Жумажанова, Ж. А. Защита интеллектуальной собственности в Казахстане: проблемы и перспективы / Ж. А. Жумажанова // Вестник науки. – 2021. – № 12 (45). – С. 71-79.
7. Захарова, Н. В. Рынок интеллектуальной собственности в РФ: необходимость модернизации и перспективы / Н. В. Захарова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – № 15-1. – С. 274-278.
8. Иванова, А. П. Загадки цифровой собственности: новые формы выражения результатов интеллектуальной деятельности в цифровую эпоху / А. П. Иванова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2021. – № 4. – С. 195-203.
9. Исаева, С. В. Защита прав интеллектуальной собственности / С. В. Исаева, С. В. Старцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – №10-3 (85). – С. 75-79.
10. Ипполитов, С. С. Интеллектуальная собственность и точки роста творческой индустрии в российской экономике: блокчейн, крипто-арт, NFT-токенизация / С. С. Ипполитов // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2021. – № 2 (42). – С. 5-18.
11. Кулиев, Х. Интеллектуальная собственность и киберпреступность / Х. Кулиев // Вестник науки. – 2023. – № 6 (63). – С. 909-911.
12. Курбатов, М. Д. Проблемы защиты интеллектуальной собственности / М. Д. Курбатов, Р. Р. Ахмедзянов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 10-2 (104). – С. 42-47.
13. Княгинина, Г. В. Институт интеллектуальной собственности: анализ и перспективы развития в условиях цифровой экономики / Г. В. Княгинина, А. Ф. Гарифуллина, Т. Р. Ханнанова // Вестник РУК. – 2021. – № 2 (44). – С. 35-38.
14. Ларин, А. Ю. Тенденции развития сферы интеллектуальной собственности на евразийском пространстве и перспективы кодификации ее нормативной основы / А. Ю. Ларин // Образование и право. – 2021. – № 10. – С. 424-427.
15. Леонтьев, Б. Б. Управление правами интеллектуальной собственности / Б. Б. Леонтьев // Мониторинг правоприменения. – 2022. – №3 (44). – С. 44-58.
16. Лопатина, А. Е. Цифровое пиратство и проблемные аспекты защиты объектов авторских прав / А. Е. Лопатина, С. В. Братчикова, С. П. Зорина // Скиф. – 2023. – № 7 (83). – С. 198-202.
17. Мачанов, Д. Н. Искусственный интеллект и правовые проблемы авторства / Д. Н. Мачанов // Образование и право. – 2019. – № 12. – С. 272-275.
18. Милинчук, Д. С. Искусственный интеллект в праве: тенденции, угрозы и перспективы права на современном этапе развития общества / Д. С. Милинчук // Имущественные отношения в РФ. – 2021. – № 7 (238). – С. 70-76.
19. Морозов, Е. А. Интеллектуальная собственность как объект имущественных отношений / Е. А. Морозов, О. В. Фирулев, Ю. В. Вилков // Имущественные отношения в РФ. – 2021. – № 9 (240). – С. 15-20.
20. Понкин, И. В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд / И. В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – №1. – С. 118-127.
21. Понкин, И. В. Проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории / И. В. Понкин, А. И. Лаптева // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2022. – № 1. – С. 117-125.
22. Рябоконе, А. Р. Интеллектуальная собственность в законодательстве / А. Р. Рябоконе // Инновационная наука. – 2023. – №12-2. – С. 148-149.
23. Сергеев, А. В. Проблемы охраны искусственного интеллекта с точки зрения гражданского законодательства / А. В. Сергеев // Юридическая наука. – 2022. – №7. – С. 52-56.
24. Соменков, С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С. А. Соменков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 2 (54). – С. 75-85.

25. Хасанов, Э. Р. Перспективы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации как новый объект защиты интеллектуальной собственности / Э. Р. Хасанов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – №5 (197). – С. 97-99.

26. Чарыева, О. А. Понятие интеллектуальной собственности и ее содержание / О. А. Чарыева // IN SITU. – 2022. – №12. – С. 148-150.

27. Шереметьева, Н. В. Особенности защиты интеллектуальной собственности в Китае / Н. В. Шереметьева // Право и практика. – 2020. – №3. – С. 159-164.

28. Шпинев, Ю. С. Инвестирование в интеллектуальную собственность: особенности реализации / Ю. С. Шпинев // Colloquium-journal. – 2020. – № 3 (55). – С. 156-158.

29. Ягшимурадова, А. Права интеллектуальной собственности / А. Ягшимурадова, Д. Дурдыева // Символ науки. – 2023. – №5-1. – С. 112-114.

30. Янчук, А. Л. Сравнительный анализ развития сферы интеллектуальной собственности в Беларуси и других странах ЕАЭС / А. Л. Янчук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 14. – С. 85-90.

Legal regulation and promising fields for the development of intellectual property law

Koldaeva T.N.

Synergy University

The present article contains an analysis on the key aspects of legal regulation of intellectual property objects within the global digital economy. The main international and national legislative acts regulating this area, as well as the problems faced by copyright holders in the process of protecting their rights, are analyzed. Particular attention is paid to the transnational nature of intellectual property, which requires harmonization of legislation and the development of effective mechanisms for international cooperation. The article also presents the vectors for the development of legal norms, taking into account the rapid progress of technologies, including artificial intelligence, meta-verses, blockchain and NFT tokenization, which are changing traditional approaches to the protection of intellectual property. The author emphasizes the need to modernize legal institutions and form a unified global infrastructure to improve the level of protection of intellectual property rights in the context of digitalization.

Keywords: intellectual property, token, NFT, digitalization, metaverse, artificial intelligence

References

1. Akhsanova, A. I. Unfair competition using the results of intellectual property / A. I. Akhsanova. direct // Young scientist. - 2023. - No. 45 (492). - P. 220-222.
2. Battakhov, P. P. Legal problems in the field of intellectual property in the legislation of the Russian Federation / P. P. Battakhov // Law and state: theory and practice. - 2021. - No. 7 (199). - P. 9-12.
3. Gavriluk, A. V. Intellectual property in the digital economy: theoretical and practical aspects / A. V. Gavriluk // Intelligence. Innovations. Investments. - 2021. - No. 2. - P. 20-33.
4. Dmitriev, N. D. Institute of Intellectual Property in a Complex Social System: Economic and Legal Aspect / N. D. Dmitriev // E-Scio. - 2021. - No. 9 (60). - P. 333-349.

5. Evsyukova, M. A. Intellectual Property in the Scientific and Educational Environment / M. A. Evsyukova // International Scientific Review. - 2021. - No. LXXXIII. - P. 28-31.
6. Zhumazhanova, Zh. A. Intellectual Property Protection in Kazakhstan: Problems and Prospects / Zh. A. Zhumazhanova // Science Bulletin. - 2021. - No. 12 (45). - P. 71-79.
7. Zakharova, N. V. Intellectual Property Market in the Russian Federation: Need for Modernization and Prospects / N. V. Zakharova // Russia: Development Trends and Prospects. - 2020. - No. 15-1. - P. 274-278.
8. Ivanova, A. P. Mysteries of digital property: new forms of expressing the results of intellectual activity in the digital age / A. P. Ivanova // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Abstract journal. - 2021. - No. 4. - P. 195-203.
9. Isaeva, S. V. Protection of intellectual property rights / S. V. Isaeva, S. V. Startseva // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2023. - No. 10-3 (85). - P. 75-79.
10. Ippolitov, S. S. Intellectual property and growth points of the creative industry in the Russian economy: blockchain, crypto-art, NFT tokenization / S. S. Ippolitov // Culture and education: scientific and information journal of universities of culture and arts. - 2021. - No. 2 (42). - P. 5-18.
11. Kuliev, H. Intellectual property and cybercrime / H. Kuliev // Bulletin of science. - 2023. - No. 6 (63). - P. 909-911.
12. Kurbatov, M. D. Problems of intellectual property protection / M. D. Kurbatov, R. R. Akhmedzyanov // Economy and business: theory and practice. - 2023. - No. 10-2 (104). - P. 42-47.
13. Knyaginina, G. V. Institute of Intellectual Property: Analysis and Development Prospects in the Context of the Digital Economy / G. V. Knyaginina, A. F. Garifullina, T. R. Khannanova // Bulletin of the RUK. - 2021. - No. 2 (44). - P. 35-38.
14. Larin, A. Yu. Development Trends in the Sphere of Intellectual Property in the Eurasian Space and Prospects for Codifying Its Regulatory Framework / A. Yu. Larin // Education and Law. - 2021. - No. 10. - P. 424-427.
15. Leontiev, B. B. Intellectual Property Rights Management / B. B. Leontiev // Monitoring Law Enforcement. - 2022. - No. 3 (44). - P. 44-58.
16. Lopatina, A. E. Digital piracy and problematic aspects of copyright protection / A. E. Lopatina, S. V. Bratchikova, S. P. Zorina // Skif. - 2023. - No. 7 (83). - P. 198-202.
17. Machanov, D. N. Artificial intelligence and legal problems of authorship / D. N. Machanov // Education and Law. - 2019. - No. 12. - P. 272-275.
18. Milinchuk, D. S. Artificial intelligence in law: trends, threats and prospects of law at the present stage of development of society / D. S. Milinchuk // Property relations in the Russian Federation. - 2021. - No. 7 (238). - P. 70-76.
19. Morozov, E. A. Intellectual property as an object of property relations / E. A. Morozov, O. V. Firulev, Yu. V. Vilkov // Property relations in the Russian Federation. - 2021. - No. 9 (240). - P. 15-20.
20. Ponkin, I. V. Cyber-meta-universe: legal view / I. V. Ponkin // International Journal of Open Information Technologies. - 2023. - No. 1. - P. 118-127.
21. Ponkin, I. V. Problems in intellectual property law, prospectively determined by digitalization processes: general issues of theory / I. V. Ponkin, A. I. Lapteva // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. - 2022. - No. 1. - P. 117-125.
22. Ryabokon, A. R. Intellectual property in legislation / A. R. Ryabokon // Innovative science. - 2023. - No. 12-2. - P. 148-149.
23. Sergeev, A. V. Problems of protection of artificial intelligence from the point of view of civil legislation / A. V. Sergeev // Legal science. - 2022. - No. 7. - P. 52-56.

24. Somenkov, S. A. Artificial intelligence: from object to subject? / S. A. Somenkov // Bulletin of the O. E. Kutafin University. – 2019. – No. 2 (54). – P. 75-85.
25. Khasanov, E. R. Prospects for Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Russian Federation as a New Object of Intellectual Property Protection / E. R. Khasanov // Law and State: Theory and Practice. - 2021. - No. 5 (197). - P. 97-99.
26. Charyeva, O. A. The Concept of Intellectual Property and Its Content / O. A. Charyeva // IN SITU. - 2022. - No. 12. - P. 148-150.
27. Sheremetyeva, N. V. Features protection of intellectual property in China / N. V. Sheremetyeva // Law and Practice. - 2020. - No. 3. - P. 159-164.
28. Shpinev, Yu. S. Investing in intellectual property: implementation features / Yu. S. Shpinev // Colloquium-journal. - 2020. - No. 3 (55). - P. 156-158.
29. Yagshimuradova, A. Intellectual property rights / A. Yagshimuradova, D. Durdyeva // Symbol of science. - 2023. - No. 5-1. - P. 112-114.
30. Yanchuk, A. L. Comparative analysis of the development of the intellectual property sphere in Belarus and other EAEU countries / A. L. Yanchuk // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. – 2021. – No. 14. – P. 85-90.